

9
НОВИЙ МИР

НОВИЙ
МИР

9

1937

1937

И О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Д Е В Я Т А Я

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 7

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ, ПОЭМЫ, СТИХИ

	Стр.
1. ВАСИЛИЙ ГРОССМАН. — Кухарка, рассказ	5
2. ВС. ИВАНОВ. — Голуби видят уходящие крейсера, пьеса	28
3. ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ. — Ушедшие в камень, поэма	71
4. С. КУПЕР. — Перед закатом, роман, продолжение	83
5. ИГОРЬ СТРОГАНОВ. — Легенда, стихотворение	136
6. А. ГОЛЬДБЕРГ. — Родина, стихотворение	138
7. А. МАЛЫШКО. — Песня о соколах, стихотворение	139
8. Г. ЛИТВАК. — Сказка о красном воине и волке, стихотворение	141
9. В. ПОЛТОРАЦКИЙ. — Маляр, стихотворение	142
10. Н. КОСТАРЕВ. — Партизанские рассказы	143

ЛЮДИ И ФАКТЫ

11. И. ЭКСЛЕР. — СССР — Северный полюс — Америка	166
12. ВАДИМ ОХРЕМЕНКО. — Преданность	175

ЗА РУБЕЖОМ

13. Р. ПЕРЕСВЕТОВ. — Он пал под Мадридом	179
14. ОГЮСТЕН АМОН. — Французская пресса	191

НАУКА И ТЕХНИКА

15. Проф. А. В. ШЕСТАКОВ. — Как создавался учебник истории СССР	201
16. Проф. Н. ЗУБОВ. — Большевики — завоеватели Северного полюса	207

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

17. Е. СИКАР. — Шота Руставели и его творчество	219
18. С. ЛЕЛИН. — Неудачная биография для детей	232
19. В. В. и Е. А. ЖУРАВЛЕВЫ. — Николай Алексеевич Касаткин	239
20. КНИЖНЫЕ НОВИНКИ.	255

Статформат Б/5 176 × 250.

Уполн. Главлита Б—30152. Объем 16 печ. лист. по 64.000 знак. Техн. ред. С. Кривцов.

Сдано в набор 17/IX—37 г. Подписано к печати 28/IX—37 г. Тир. 70.000. Зак. 2290.

Набрано в тип. им. тов. И. И. Скворцова-Степанова «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», Москва.
Отпечатано в тип. газ. «Правда» имени Сталина, ул. «Правды», 24. Заказ 1997.

Кухарка

Рассказ

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН

I

Анна Сергеевна, как многие хозяйки не любила заниматься кухонными делами, и, когда Андрей Вениаминович говорил:

— Прямо-таки жалко есть этот шедевр, его бы на всемирную выставку кулинарии, —

она морщила лоб и хмурилась.

Приготавливая обед, она даже сердилась, что все получается так вкусно и хорошо, что восхищенные соседки приходят из нижней итеэровской квартиры за советом: сколько лить водки в печеночный паштет и каков рецепт рубленой селедки с сырым яблоком?

Вечером она жаловалась мужу:

— Все очень печально. В девятнадцать лет я дежамировала Верлена, в двадцать училась и мечтала сделаться Роденом, а сегодня я — кухарка, домашняя хозяйка. Почему это, Андрюша?

Андрей Вениаминович, зевая, отвечал:

— Сознаюсь, Анютка, лично я эти произведения из муки и масла ценю выше тех глиняных страшилищ.

Тогда она, волнуясь, говорила, что дальше так жить невозможно.

И, когда она начинала ходить по комнате, где отдергивая скатерть, то перекладывая книги на столе, Андрей Вениаминович переставал зевать — он знал: после перекладывания книг Анна Серге-

евна заплачет, трогательно взмахнет руками и вдруг скажет очень тихо:

— Андрюша, я уйду от тебя, так будет лучше.

От этих слов ему делалось душно, ночью, несмотря на усталость, он почти не спал и вглядываясь в лицо жены, спрашивал:

— Ты не уйдешь от меня, ведь я погибну, понимаешь ты, погибну, брошусь под молот в кузнечном цеху. Скажи, ты все еще думаешь об этом? Пойми, ведь, кроме тебя, я никого не имею. А? Ведь это любовь, понимаешь, Аня, большая, страшная любовь, а ты говоришь о кухарке, Аня? Что ты молчишь, Аня?

Утром он успокаивался, смеялся над своим ночным страхом, целовал ей руки и убежденно говорил:

— Ты не знаешь жизни, Аня. Работа — это служба, понимаешь ты. Это однообразно, это десятки неприятностей, страх не справиться. В чем радость? Э, да о чем я говорю? С каким наслаждением я сегодня не пошел бы на работу, а побродил бы с тобой по городу, пошел в музей... Ты не знаешь жизни, Аня.

Он уходил, и Анна Сергеевна через окно смотрела, как Андрюша переходит улицу. Если в отдалении появлялся трамвай или автомобиль, она притопывала ногой и тихонько говорила мужу: «Скорей, скорей, скорей». С чувством нежности, любви и почему-то жалости

она отходила от окна, убирала комнату, шла в распределитель, готовила обед, с этим чувством встречала его вечером, держала полотенце, пока он тер над умывальником пухлые от мыльной пены ладони. Через неделю или две, случайно посмотрев в журнале фотографии молодых женщин в кожаных куртках и прочитав, что эти широкоплечие женщины совершают смелые, далекие полеты на планерах, прыгают с парашютом с громадных заоблачных высот, Анна Сергеевна снова начинала тосковать. И опять она трогательно и беспомощно взмахивала руками, тихо говорила:

— Андрюша, я уйду от тебя, так будет лучше.

Однажды ранней весной, когда ветер бежал по городу грохоча жестью крыш и вывесок, Анна Сергеевна принесла из чулана свои книги и, вздыхая, рассматривала подчеркнутые красным и синим карандашом строки. Она долго не могла найти своего диплома, он лежал в нижнем, «тарелочном», отделении буфета.

Кто был причиной плохой жизни? Муж? Она? Сейчас Анне Сергеевне это было безразлично. Она чувствовала, что пришло время совершить нечто важное и что это важное совершится сегодня. Но, как совершится это нечто, она не знала...

Тяжелый мартовский снег залетал в открытые двери магазинов, парикмахерских, ложился на каменные ступени лестницы. Лбы трамваев белели, спина милиционера, стоявшего на углу, покрывалась снежной корой, а через несколько минут облака таяли, разрывались, и прохожие глядели на теплое весеннее небо; мрачные краски кирпичных стен теплеи, сияющие водяные капли бежали по проводам. А затем облака снова затягивали голубую прорубь, и милиционер на углу поднимал капюшон.

Много раз Анна Сергеевна подходила к окну. Ее настроение не подчинялось радостям и печалю природы. Когда пошел снег и нельзя было прочесть вывесок на противоположной стороне улицы, ей вдруг сделалось весело. Она напевала, укладывая вещи. Когда выглянуло солнце и граненные флаконы на ночном столике вспыхнули зелеными и синими

огоньками. Анна Сергеевна расплакалась, глядя на раскрытый чемодан, на холмик чулок и белья.

Андрей Вениаминович пришел с работы, как обычно, в шесть часов. Вероятно, сто раз она повторила вслух фразу, приготовленную к приходу мужа:

— Андрей, я сегодня уезжаю.

Однако Анна Сергеевна ничего не сказала. Андрей Вениаминович сразу увидел все — и ее заплаканное лицо, и чемодан, и беспорядок в неподметенной комнате.

— Аня, что ты наделала! — хрипло крикнул он.

Вечером они сидели обнявшись, за окном попрежнему выл ветер, снег лип к стеклам.

— Нужно принимать большие решения, завтра же нет, сегодня, — говорил Андрей Вениаминович, искоса поглядывая на темневший в углу чемодан.

И они решили снять с Анны Сергеевны ярмо кухонных забот, проще говоря, нанять кухарку.

Произошло странное совпадение, оно засмешило Андрея Вениаминовича и обрадовало Анну Сергеевну. Ей показалось, что это служит добрым предзнаменованием.

Утром они получили письмо от тетки Андрея Вениаминовича. Тетка писала, что теперь, когда Вера закончила медицинский и уезжает на село, а Коля женился, ей незачем дальше жить в Киеве, она продает мебель и переезжает к Соне в Ленинград. И вот тетя спрашивает, не купит ли у нее Андрюша шкаф, отделанный редким деревом «птичий глаз». Кроме того, тетя сообщила, что рассчитывает кухарку — женщину кристалльной честности. «Очень жалко отпускать из нашей семьи такого человека», — писала она.

— Ну вот, — сказал Андрей Вениаминович, — эту женщину нужно выписать. Пятьдесят рублей на дорогу окупятся в первые два-три месяца. Не нужно только ее развращать бесконтрольностью.

Андрей Вениаминович составил телеграмму тете и уехал на завод. Анна Сер-

геевна, убрав комнату, отправилась за покупками, ей хотелось в эти последние дни особенно вкусно кормить мужа.

Анна Сергеевна прежде всего пошла на почту. Ей было хорошо: весна, новая жизнь, молодость — все улыбалось ей, и она тоже улыбалась жизни и весне.

Анна Сергеевна должна была перейти улицу и выбирала, озираясь, удобное место.

— Разрешите, я помогу переправе, — сказал молодой военный.

Она хотела рассердиться, но военный сделал смешное лицо и взял ее за руку.

— Клянусь вам, я не нахал, я рыцарь.

Придя на почту, Анна Сергеевна перечитала телеграмму и там, где было написано «Привет Андрей», вписала «Крепко целуем Аня Андрей».

— Четыре сорок, — сердито сказала девица.

Анна Сергеевна потянулась к сумочке и обмерла: сумочка исчезла, — сумочка с деньгами, с красивой нудреницей, на которой палехский мастер нарисовал извлечение русалки из воды. Сумочки не было ни на левой, ни на правой руке, ее не было подмышкой.

Анна Сергеевна поняла — ее обокрали. Она взмахнула в отчаянии руками, и в плетеной кошелке что-то прыгнуло, как живая рыба. Да, переправляясь через ручей, она положила сумку в кошелку. И ей снова стало весело и легко.

II

В купе, кроме Марьи Шевчук, ехали две старушки и толстая женщина с ярко накрашенным ртом, а из мужчин — моряк и небритый молодой человек в серых брюках. Этот небритый был подозрителен Марье, и каждый раз, глядя на его потрепанные летние брюки, она трогала ногой стоявший под лавкой сундучок.

Когда поезд тронулся, женщина с накрашенными губами раскрыла фанерную коробку и разложила на столике

еду. Небритый сердито покашлял и вытащил из кармана книгу.

Старухи заговорили о докторах.

— Он гремит по всей Одессе, — рассказывала одна про одесского доктора-чародея.

— Травой лечит? — спросил небритый.

— Да, травой. Он этой травой все частки вылечивает, а отдышку в момент прямо.

— А от ослабления главной жилы он не лечит? — спросил небритый.

— Вот вы смеетесь, гражданин, — обиделась старушка, — а я вам говорю, к нему из военных санаториев ходят.

— Закатить бы его на пятерку для перековки медицинских знаний, — сказал небритый, перелистывая книгу.

Старушка вздохнула и, поглядев на моряка, сказала:

— Спит матросик, спит родимый, надо за его вещами присмотреть.

После этого старухи заговорили о том, как опасно спать в поезде. Услышав разговор о кражах, нахлынул народ с боковых мест и из соседних купе, все принялись рассказывать страшные случаи — как однажды крючком, заброшенным в открытое окно, воры вытащили вместо чемодана старика-бухгалтера, как парень перед сном защелкнулся на железную цепь, прикрепленную к его корзине, а утром пассажиры увидели, что парень с цепью лежал на полке нетронутыми, а корзины нет. Рассказывали про воров на костылях и про мазуриков-«интеллигентов», носящих круглые очки. Все приняли участие в разговоре, одна только Марья сидела молча. Руки Марьи лежали на коленях, и она чувствовала тяжесть этих больших кистей с кривыми коричневыми пальцами; она не могла отмыть их перед отъездом ни мылом, ни керосином, ни крепким щелоком. На скуластом лице Марьи выступили бледнорозовые пятна, глаза блестели; никто бы не сказал, что этой широкоплечей, крепкогрудой женщине сорок лет.

«Добра паразитка», — думала она о красноротой женщине. Что бы та ни го-

ворила, Марья насмешливо повторяла про себя:

«Все врешет, паразитка».

А поезд шел вперед. Вдоль полотна железной дороги стояли голые рощи, черные тонкие деревья устало шевелили худыми ветвями, в уже оттаявших мутных болотцах покачивался коричневый умерший камыш и дальше до самого горизонта лежала ничем не прикрытая тяжесть земли.

Пассажиры уже принялись устраиваться на ночь, разговоры затихли. Толстая женщина постелила на нижней полке клетчатое одеяло, взбила большую жидкую подушку.

— Ах, боже, зачем я согласилась поехать бесплэкартным, — бормотала она и толкнула Марью ногой, — мне предстоит ужасная ночь.

Она снова застонала, выпрямила ноги, и Марье пришлось отодвинуться на край скамейки. Через несколько минут лежавшая затихла, а затем спокойно и негромко захрапела. Страшная злоба охватила Марью, она пошла в коридор и стала у окна.

Марью волновала громадность этих вечерних полей, темные избы, ветряки, овражки, рощицы... Вот пробирается старичок с пустой торбой за плечами, такой равнодушный, что даже не повернул головы в сторону поезда. Глядя на эти быстро мелькавшие сквозь дым картины, легко, почти мгновенно исчезающие, Марья перестала сердиться на толстую женщину, перестала тревожно думать о Москве.

Марье вспомнился муж. Он был худой, кашлял, а она большая, сильная. На вечерах на один парень не мог ущипнуть ее, пальцы скользили точно тело ее было из чугуна. И этот, вызывавший в ней тошноту человек, лентяй и хвастун, был хозяином ее жизни.

Однажды он замахнулся на нее кулаком. Марья схватила за топориче и, мельком взглянув на лицо мужа, увидела его растерянные глаза; и чувство покорности рухнуло. Она ударила его по лицу, он упал, пополз, увертываясь от ударов. Прибежавшая соседка закричала:

— Марийко, скаженна, ты ж его убьешь!

Несколько дней он все молчал, смотрел на жену, «як змей», а потом ночью привел каких-то военных, — она не помнит, при гетмане это было или при банде, — и они ее высекали шомполами, она долго после этого могла спать только на животе. А через четыре месяца она родила глухонемого Михайку. Муж ушел с бандой. Через год земляк, бывший в Виннице кучером, приехал в село и рассказал, что Мыкыта умер от чахотки. Родственники мужа решили, что в чахотку его вогнала Марья, и ей не стало житья в деревне, — все называли ее паскудой и злодячкой.

Она ожесточилась, стала злой и вспыльчивой; бабы боялись ее; у колодца, на мельнице, ей всегда уступали дорогу, этой широкоплечей женщине, умевшей одинаково ловко и быстро орудовать иголкой, лопатой и топором. У нее остался Михайка. Он был лучше всех детей, худенький хлопчик с веселыми глазами. Он не слышал, когда она говорила: «Дытына ты моя ридна, горенько ты мое». Но он все понимал и плакал вместе с нею, когда она пела старинную грустную песню:

Ой, верба, верба, где ты зрела —
Що твоє лыстячко вода знесла.

Она повезла сына в город, и доктор взялся его лечить. Марья, оставив мальчика в больнице, вернулась в село. Через несколько дней она заболела сыпняком. Лежала она одна, разговаривая с печкой и отбиваясь от бандитов, они день и ночь ломали ей кости, вязали руки...

Когда Марья, пошатываясь от слабости, пришла в городскую больницу, ей сказали, что сына отослали в детский дом; там подтвердили, — действительно, был глухонемой мальчик, но его направили на эвакуационный пункт.

Марья ходила в совнархоз, земотдел, милицию, но следов сына не отыскала. Она вернулась в деревню, продала соседям горшки, ухваты, чедра и уехала в Киев, ваялась в кухарки.

Старуха-хозяйка была довольна работой — Марья не ходила в клуб, отказывалась посещать собрания, не брала выходных дней. По вечерам она сидела перед остывшей, покрытой газетой, плитой и дремала.

Что ждало ее в Москве?

Она думала, имеет ли хозяйка маленьких детей, дадут ли складную кровать или придется спать на полу...

Марья вернулась в вагон — все происходило по закону ее жизни, — люди сладко спали, только она должна была сидеть на краешке скамьи, вставать, смотреть в окно, снова садиться, — для нее нехватило места.

Долго тянулась бессонная ночь в жестком, переполненном людьми вагоне.

III

Вокруг большого стола по вечерам собирались жильцы — жены, матери и дети.

Здесь, в этой огромной кухне коммунальной квартиры, обсуждалась жизнь. Здесь обсуждали постановления правительства о борьбе с прогулами. Здесь спорили о закрытых распределителях и выпивали по случаю отмены хлебных карточек.

Вот в эту кухню втащила Марья свой деревянный сундук.

— Здравствуйте вам, — сказала она и поклонилась.

— Здравствуйте, — ответили три молодых.

— Здравствуй, голубушка, — пропела одна старуха.

— Здорово, здорово, — сказала басом вторая старуха.

Все пять женщин, молодые и старые, переглянулись, усмехнулись, враз заговорили между собой, точно Марья не было рядом с ними и точно им не хотелось узнать, замужняя ли, вдова; со стиркой ли белья, есть ли дети, какое жалованье, где будет жить, имеет ли московский паспорт, каковы ее взгляды на жизнь, отношение к мужчинам, можно ли с ней ладить в общем хозяйстве.

Но самым интересным было поглядеть на отношения домашней работни-

цы с Анной Сергеевной. Да, на эти комичные и дикие отношения, сохранившиеся только на одном крошечном участке жизни огромной страны.

Пока Марья распутывала платок, связанный узлом на спине, в кухню вошла Анна Сергеевна, смущенная и приветливая.

— Идемте в комнату, голубушка, вам нужно помыться, выпить чаю, отдохнуть, — сказала она и увела Марью.

Оставшиеся на кухне женщины снова переглянулись, захохотали и в один голос спросили у говорившей басом старухи:

— А, Ильинишна, чего скажешь?

Ильинишна оглядела их веселыми серыми глазами, тряхнула головой и сказала уж не басом, а совершенно обычным женским голосом:

— Чего я скажу? Ничего я не скажу.

Анна Сергеевна усадила Марью за стол, налила ей чаю, и Марья, прикрывая рот рукой, покашливала, оглядывая комнату.

— Как вы ехали? — спросила Анна Сергеевна. — Спали в дороге?

— Ничего доехала, спасибо, — ответила Марья и, вдруг спохватившись, принялась развязывать узелок платка, передала Анне Сергеевне столбик монеток, завернутый в мягкую рублевую бумажку.

— Це сдача ст билета, — сказала она.

Анна Сергеевна машинально начала пересчитывать монеты, — ведь Андрей Вениаминович вечером объяснял ей, как нужно вести себя с работницей.

— Главное, сверяй ежедневно счета, — говорил он. — Меня тоже на работе проверяют, — и я проверяю других. И еще имей в виду, — если недостает нескольких копеек, это не так страшно, она могла забыть какую-нибудь петрушку, но если окажется хоть копейка лишняя, значит, дело плохо, ворует!

— Четыре рубля тридцать, — сказала Марья.

— Да, да, знаю, это я просто так, — сказала Анна Сергеевна и рассыпала монеты по столу, показывая свое равнодушие к деньгам.

И действительно, она не любила денег.

— Тебе бы быть женой писателя или танцора из мюзик-холла; говорят, они зарабатывают по три тысячи в месяц, — сердился Андрей Вениаминович, рассматривая какой-нибудь пестрый горшочек для цветов или каменного пеликана, купленного женой на Петровке.

Потом Анна Сергеевна читала сопроводительное письмо, привезенное Марьей. Тетушка называла Марью золотым человеком, требующим, однако, умелого обращения. Иногда на нее находит какой-то «бзик», она молчит. Тетушка рекомендовала в такие периоды ее не трогать.

Читая это место письма, Анна Сергеевна испуганно поглядывала на Марью, — тетушка словно давала советы, как обращаться с аллигатором или свирепым медведем.

А Марья пила чай и ела хлеб с маслом, стараясь бесшумно глотать, отчего глотала особенно громко.

Когда поезд в'ехал в громадный, остекленный туннель Киевского вокзала и в полутьме мимо окон забегали носильщики и гулко кричащие, размахивающие руками люди, Москва показалась Марье враждебной, насмешливой. Акающий выговор москвичей резал слух. Ей хотелось поскорей уйти от треска трамваев, спрятаться в какой-нибудь темный чуланчик возле кухни и смотреть оттуда на мир с привычным чувством обиды и недоброй насмешки. Ведь жила она в Киеве, ни разу не побывав на Крещатике и на Фундуклеевской, не зная даже, что Киев стоит на Днепре; она лишь ходила на базар, где у знакомых баб покупала продукты. Эти бабы да молочница, приходившая через день, были ее связью с миром.

— Ну вот, — деловито сказала Анна Сергеевна, — вам тетя, вероятно, говорила — семья у нас небольшая: муж и я. Мы оба служим, то-есть я на днях начинаю. Готовить вы, конечно,

умеете. — И она изложила свою хозяйственную программу: не сильно крахмалить белье, хозяин не любит лука, но склонен к баранине с чесноком, духовка вполне хороша, в ней можно печь не только ватрушки, но и хлеб. В закрытый распределитель нужно ездить трамваем, но в последнее время к нему приходится прибегать все реже, с хлебом теперь легко, нет карточек, никаких очередей.

Анна Сергеевна рассказывала обо всем Марье и переживала разные чувства. Вот она снимала с себя груз кухонных работ. Но все эти дела она сваливала на плечи женщины с мрачными черными глазами. АLINE Сергеевне казалось, что Марья рассмеется и скажет: «Ну, нет, милая моя, это вы бросьте».

И еще одно чувство было у Анны Сергеевны: ей делалось грустно при расставании с миром, в котором она прожила последние годы. Ведь это были годы любви и радости. А теперь все эти опостылевшие ей и все же милые занятия перейдут к чужой женщине.

— Вы устали с дороги, отдохните немного, а я пойду позвоню по телефону, — сказала Анна Сергеевна.

Вернувшись, Анна Сергеевна застала Марью за уборкой комнаты. Посуда уже была вымыта, стулья стояли на своих местах, пепел и табачная пыль сметоты с письменного стола.

Марья подмела комнату и, собрав сор на фанерную дощечку, вопросительно посмотрела на хозяйку.

— Мусорное ведро на кухне, возле отлива, — сказала Анна Сергеевна.

Пока Марья ходила на кухню, Анна Сергеевна, вдруг охваченная радостью, запела:

Мы, молодая гвардия рабочих и крестьян...

Потом она подошла к обеденному столу, увидела сдачу, отданную Марьей, и, оглядываясь на дверь, быстро, точно делая нечто запретное и нехорошее, пересчитала деньги. Оказалось попрежнему 4 р. 30 к.

IV

Дмитриевна, старуха хитрая и неискренняя, говорила с Марьей каким-то особенно нежным голосом, улыбаясь, но на второй же день заявила, всем соседям, что Марья «темный мужик». Крюков, молодой мастер, холостяк и франт, входя на кухню, страшно пялил на Марью глаза и начинал так оглушительно кашлять, хватаясь руками за грудь, что женщины смеялись и гордо говорили:

— Наш Алеша ни одной не пропустит.

Верочка, невестка Дмитриевны, не любившая своей свекрови, сказала мужу:

— Привязалась к этой кухарке. Я уже вижу, так ее и сверлит. Вот увидишь, доведет до скандала.

И тихий Гриша, желтоглазый парень, — о нем почти каждый день писали в заводской газете и портрет его висел в главной конторе, — с тоской поглядывая на жену, сказал:

— Ну вас всех к монаху, не мешай ты мне.

Он учился на первом курсе вечернего втуза и постоянно сидел за книгой.

Хорошо отнеслись к Марье Ильинишна и ее старик. Его, несмотря на сорокалетний слесарский стаж, все называли Саша Платонов.

Ильинишна пользовалась в квартире большим уважением. Насмешливая и умная, она обладала удивительными способностями, была талантливым делателем всевозможных работ. Она работала наладчицей на фабрике и была большим знатоком в сложных и запутанных делах наладки многообразных станков.

Ильинишна чувствовала себя хозяйкой на фабрике, дома, в магазине, в трамвае, уверенной в своей силе и полезности. Саша Платонов, женившись на ней, удивился и не поверил себе, что есть на свете такие люди, как его жена, и жил с ней, вот уже 35 лет, все продолжая удивляться, недоверчиво и восхищенно покачивая головой.

— Трудящаяся женщина, — сказала Ильинишна о Марье.

— Да, — сказал Платонов, — видеть, приличная женщина.

В квартире жила еще семья Александры Петровны, работавшей в заводском парткоме. У Александры Петровны были две дочери, рослые молчаливые комсомолки, а от второго мужа она имела худенького пятилетнего мальчика Вову. Муж Александры Петровны, всегда небритый, курчавый молодой человек, из-за ночной редакционной работы часто возвращался домой под утро, и все знали, что она не спит и мучается ревностью.

— Да, — отсталый слой, — сказала Александра Петровна о Марье. А муж ее, Иосиф Абрамович, выйдя утром мыться в кухню, удивленно спросил у Марьи:

— Откуда ты, прелестное дитя?

Марья, стараясь ни на кого не глядеть, односложно отвечала на все вопросы и работала так усердно, что Анна Сергеевна сказала мужу:

— Ты знаешь, за те несколько дней, что она здесь, соседки изменили ко мне отношение. Я для них раньше была как бы своей, а теперь они глядят на меня как на эксплуататора.

— Да, неприятно, — согласился Андрей Вениаминович, — я уже просил, чтобы нас перевели в другой корпус — обменяли с кем-нибудь.

— Это все пройдет, когда я начну работать, — сказала Анна Сергеевна, — их злит, что я не работаю, детей нет, а держу прислугу.

— Вот поэтому я хочу перебраться в другой дом, — сказал Андрей Вениаминович.

А Марья исступленно чистила и терла все, начиная от сапог хозяина и кончая ручками дверей и ступеньками парадной лестницы.

Марья думала, что кацапы, жившие в квартире, по большей части люди вредные. Она довольно точно определила их отношение к себе. «Хай вона згорит стара зараза», — подумала Марья про Дмитриевну; ее невестку Веру, строившую из себя королеву, Марья называла очень обидным словом, его

даже написать неудобно. Александру Петровну Марья назвала про себя «якась дрынза»; слово «дрынза» происходило от брынзы, ненавистного Марье сыра, которым ее часто кормила киевская хозяйка. Кашляющего франта Крюкова Марья определила, как «лядачего журваля» и даже к черноокому Во-ве она отнеслась неодобрительно и прозвала его «малпеня»¹.

Но больше всего Марье не нравилась Ильинишна. Ильинишна не строила из себя барыни, не скрывала своих темных, с исковерканными пальцами, рук, но Марья видела, как хозяин стукнул каблуками желтых ботинок, здороваясь с Ильинишной, и та сказала ему: «А здоров, здоров!». Марья видела ее спокойствие, властность, уверенность и не могла понять, почему такая «стара затрухана ведьма» чувствует себя хозяйкой.

Марья сердилась, встречая людей бесспорного добродушия. Такие люди вызывали беспокойство, наводили тоску. Вот таким человеком был продавец из мясной лавки. Его розовые щеки поросли рыжим пухом, и казалось, что кто-то по ошибке прикрепил эту ребячью голову к громадному туловищу с могучими, ловкими ручищами.

На второй день после приезда Марья пошла в мясную.

— Цю костью я не возьму, — сказала Марья и бросила мясо на прилавок; она всегда сурово блюла хозяйский интерес.

— А какого вам? — грозно спросил парень и занес топор, точно собираясь отрубить Марье голову.

— Без костки, — ответила Марья, мужественно глядя на топор.

— Гриб, гражданочка, бывает без костей, — сказал парень, и женщины у прилавка хихикнули.

И парень гоготнул таким веселым смехом, что Марья почувствовала: вот-вот — и она улыбнется.

Потом он дал Марье отличный кусок мяса и, отвечая уже другой покупательнице, смеясь, сказал:

— Это не жилы, мамаша, это мускулы.

Он показал, как телята занимаются физкультурой, и все, даже старухи, засмеялись.

Когда Марья возвращалась домой, сидевший на углу чистильщик ботинок, с головой, обмотанной бабьим платком, зашевелился, издал воркующий звук, протянул к ней руки.

— Давай я тебе ботиночки почищу.

Марья плюнула в его сторону и сказала:

— Штоб тоби повылазило, турецкая морда.

Она сразу решила, что продавец мяса и чистильщик стоят друг друга: оба они бабники.

V

Анна Сергеевна отправилась в нижнюю квартиру звонить по телефону. Наднях она звонила своей гимназической подруге Шуре Храбрецовой, и та сказала, что встретила на Петровке — «всю жизнь не угадаешь кэго» — их старого приятеля Петю Кондрашова.

— Какого Петю, неужели саратовского? — обрадовалась Анна Сергеевна.

— Ну да, господи, а какого же? Изменился ужасно, но я сразу же узнала, и если бы ты видела его лицо, когда я сказала, что ты уже пятый год замужем. Он теперь занимает крупный пост, очень крупный! Я записала, конечно, номер его телефона..

Анна Сергеевна сразу поняла, что Петя Кондрашов и есть нужный ей человек. В тот же день она позвонила ему, и женский голос ответил, что товарищ Кондрашов уехал на два дня в Ленинград. Через три дня тот же голос сказал: товарища Кондрашова вызвали в Наркомтяж. После третьего звонка секретарша узнала голос Анны Сергеевны и ответила насмешливо: товарищ Кондрашов сейчас на правлении.

«Эта дура, очевидно, предполагает, что у нас роман, — подумала Анна Сергеевна и решила: «Позвоню еще

¹ Обезьяна.

раз, нет, два раза и, если не дозвонюсь, буду устраиваться через Ваню Харитонову или Бобку Орлова».

Наконец, Анне Сергеевне повезло. Она позвонила Кондрашову, номер телефона она уже помнила и звонила, держа перед собой бумажку, но не глядя на нее. Анна Сергеевна ожидала услышать скверный голос секретарши и растерялась, когда вдруг раздалось низкое, мужское:

— Да-а?

— Могу ли я товарища Кондрашова? — запинаясь, спросила она.

— Я вас слушаю, — сказал голос.

— Это говорит Бородаева, Анна Сергеевна.

— Кто? — сердито спросил голос.

Анна Сергеевна растерялась и, чувствуя, что не может сказать двух слов, что сейчас повесит трубку, поняв вдруг, как она одичала за годы сладкого жития с Андрюшей, плачущим голосом крикнула:

— Ну, господи, гимназистка Аня Оболенская.

И тотчас ей ответил голос, который она сразу же узнала:

— Аничка, вы? Неужели вы? — И после короткой паузы: — Если бы вы только знали, как я рад.

Потом вдруг послышался первый, раздраженный голос:

— Я занят. Двери, пожалуйста, закройте.

И второй голос сказал: — Извините, Аня. Это тут случайно, секретарша заболела, но, знаете, сознаюсь, я немного растерялся. Скажите ваш адрес, я приеду.

Он по несколько раз переспрашивал название улицы, номер дома, квартиры, и она терпеливо повторяла:

— Квартира сто семьдесят четыре, семьдесят четыре, четыре, четыре, ну вот так, — и у нее уже создалось чувство превосходства над ним, точно он был непонятливый ребенок.

Кондрашов сказал:

— Я боюсь что-нибудь перепутать и не найти вас, вы себе не представляете даже, как я хочу вас видеть.

— Жду вас, — сказала Анна Сергеевна, повесила трубку, рассмеялась, по-

благодарила соседку и побежала наверх, быстро перебирая ногами и глядя на блестящие носки своих новых торгсиновских туфель.

Все складывалось как нельзя лучше, все шло отлично...

Да, этот мрачный юноша ходил к ее покойному брату, а на нее не обращал внимания, папа относился к нему неодобрительно. Неожиданно он озадачил Анну Сергеевну, сказав, что ходит к ним не ради разговоров с братом.

— Вы влюблены в меня? — спросила она, улыбаясь.

— Да, — ответил он.

Вскоре он ушел в Красную армию. Анна Сергеевна рассказывала Андрюше про гимназиста, пошедшего из-за несчастной любви на войну и погибшего в сражении. Ей нравилось вспоминать о Кондрашове. Это было романтично, немножко грустно.

Кондрашов должен был приехать, и Анна Сергеевна, ожидая его, спрятала в шкаф галстуки Андрюши, задвинула под кровать мягкие мужские туфли-шлепанцы.

«Господи, — успокоила она себя, — я просто привожу в порядок комнату, никакой тут измены Андрюше нет».

Анна Сергеевна приводила в порядок комнату, а когда раздался звонок, она вдруг почувствовала, как у нее горят щеки и уши.

Они поздоровались, и, пока говорили про то, сразу ли удалось найти Кондрашову квартиру, не попал ли он в соседний подъезд, глаза их смотрели взволнованно и напряженно.

Потом они заговорили про воду, которая утекла, и стали считать, сколько этой воды утекло. Кондрашов спросил, где работает муж Анны Сергеевны. и, рассказывая, она следила за его глазами и, казалось, понимала все, что он думал. Вот он соображал, спит ли кто-нибудь из них на диване, потом он пересчитал подушки на кровати, их было три, потом он рассматривал вышивку на стене—беседа волка с Красной Шапочкой, и соображал, для кого Анна Сергеевна вышивала ее. Затем он посмотрел на коврик возле кровати и на платье Анны Сергеевны, очевидно, пред-

ставив себе, как ее ноги нащупывают ночные туфли. Он рассматривал корешки книг и усмехнулся, увидев, что муж высоко не залетает — это были по большей части элементарные пособия по экономическим и статистическим наукам. Он рассказывал спокойным и неторопливым голосом, добродушно улыбнулся, сказав, что теперь, когда он послан на хозяйственную работу, к нему беспрерывно звонят откуда-то узнающие его телефон знакомые и родственники. Он говорил, а она слушала и следила за тем, как он решал вопрос о ее жизни и отношениях с мужем. Он покашлял и сказал:

— Да, а я так и не женился.

Эти слова не имели никакой связи с тем, что говорилось, но они вытекали из тех мыслей, которые были у него.

— Пора, пора, — сказала она смеясь, — посмотрите, сколько у вас седых волос.

— Да, пора, — серьезно сказал он, и Анна Сергеевна сама не зная зачем, глядела на него с грустным и взволнованным выражением.

Он начал ее расспрашивать, как она прожила эти годы, училась ли, где работала. Было стыдно сознаться этому человеку, что она долгие годы жила в пустой суете. И Анна Сергеевна не сказала правды.

— Да в разных местах работала, — сказала она и зевнула, словно одно воспоминание об этой работе, наводило скуку, — училась в вузе, работала на заводе лаборанткой, потом, увы, была секретарем одного директора, снова работала на заводе.

— А сейчас вы не работаете? — спросил Кондрашов.

— Сейчас нет, — рассмеялась она, — я даже хотела сходить в редакцию «Огонька» — пусть поместят мою фотографию и подпишут: «Единственная безработная в СССР».

— А вы хотите получить работу? — спросил он.

Анна Сергеевна быстро взглянула на Кондрашова и поняла, что если она заведет разговор о службе, то Кондрашов, выйдя от нее, подумает: «Вот еще одна знакомая, отыскавшая номер моего те-

лефона». Должно быть, ей по-настоящему захотелось иных отношений с этим человеком, ибо в течение нескольких секунд она успела все сообразить, решить, сделать беспечное лицо и ответить:

— Работу? Нет, сейчас я об этом не думаю.

И он обрадовался, что его подозрение не оправдалось. Ведь десятки людей ежедневно говорили с ним, они звонили по телефону, писали письма, приезжали из дальних уральских городов, где были заводы Об'единения. Но никто из приходивших не интересовался Петей Кондрашовым, а вот товарищ Кондрашов, председатель Об'единения, был предметом жгучего интереса для сотен людей.

Обо всем этом, прощаясь, Кондрашов сказал Анне Сергеевне, и она порадовалась своей женской чуткости. Они условились снова встретиться в ближайшие дни, он крепко, как мужчина, пожал ей руку, вздохнул и ушел.

Анна Сергеевна стояла у окна и видела, как большой автомобиль с собакой на радиаторе, загудел и поехал к заставе.

Анна Сергеевна вынула из шкафа галстуки и разгладила их.

— Андрюшечка, — убежденно сказала она и закрыла глаза.

«В конце концов можно будет поговорить с Бобкой Орловым, — подумала она, — завтра же сделаю это».

Потом пришла Марья, у нее на лице было насмешливое, надменное выражение, так, по крайней мере, казалось Анне Сергеевне: «Ага, так вот для чего тебе понадобилась домработница».

Вечером Анна Сергеевна рассказывала мужу про посещение Кондрашова.

Андрей Вениаминович отнесся к воскресению убитого весьма равнодушно, но вдруг оживился и пробормотал:

— Позволь, позволь, Кондрашов, ты говоришь? Ну, конечно, это из главного управления.

После этого он сказал:

— Ог-о-го, с такой птицей очень нередко иметь личное знакомство.

Анна Сергеевна подумала: «Как он знает людей» — и начала объяснять, ка-

кой необычайный человек Кондрашов и почему она его ни с чем не просила и впредь постарается не просить.

Андрей Вениаминович внимательно посмотрел на жену, а когда она, смутившись, но стараясь быть искренней, заговорила об одиночестве Кондрашова, Андрей Вениаминович начал стучать ногой, усмехнулся и сказал:

— Своеобразно начинается твоя трудовая жизнь, очень своеобразно.

VI

Скандал начался из-за пустяка. На кухню заглянула Анна Сергеевна и сказала Марье:

— Нужно торопиться с обедом, у нас сегодня гости.

— Ишь, подумаешь, мадам, — пробормотала Дмитриевна, стоявшая возле отлива. Потом Дмитриевна подошла к плите и увидела, что ее чугунок сдвинут с большого огня, а на его месте стоит алюминиевая бородавская кастрюля. В гневе она закричала: «Ты что это командуешь, кто тебе разрешил?».

Марья, не глядя на Дмитриевну, помешивала деревянной ложкой в кастрюле.

— Не отвечаешь? — закричала Дмитриевна. — Да я на вас плевать хотела, на тебя и на твою Бородавку.

На шум прибежала из комнаты Вера.

— Что вы орете, мама? — спросила она у свекрови. — Вы ребенка разбудите. Просто выдержать нельзя. Хоть бы скоей мой отпуск кончился.

Но, узнав, из-за чего кричала Дмитриевна, Вера обрушилась на Марью.

— Да ты знаешь, — кричала она, — мой Стрелков — ударник на заводе! Ему обедать не нужно? А? Ты как думаешь? Да ты знаешь, что за Григория Стрелкова Лихачев десять Бородаевых отдает.

— Па-д-ума-ешь, инженер, — выговаривала Дмитриевна, — эго ты ему ботинки чистишь да пальто выбиваешь. Да наш Гриша побольше твоего инженера зарабатывает.

— Ты разве знаешь, что такое производство? — спросила Вера.

Они обе наперебой ругали Марью. Кроме них, на кухне никого не было, — остальной народ рабстал. Только маленький Вова стоял у двери и, полуоткрыв большой рот, смотрел на ругавшихся женщин. Он впервые в жизни видел кухонную ссору.

Марья молчала, но, когда Дмитриевна хотела сдвинуть алюминиевую кастрюлю с большого огня, Марья ударила Дмитриевну кулаком

— Батюшки! — ахнула Дмитриевна, и сразу на кухне началась такая перепалка, что Вова удрал в комнату и запер дверь на крючок, а Анна Сергеевна крепко закрыла уши руками и вслух говорила:

— Господи, что за ужас!

Вечером Дмитриевна с лицом человека, избегнувшего смерти, шопотом рассказывала:

— Второй год живем, никто худого слова не сказал, — а чуть это холоуика приехала, скандал за скандалом.

— Да это безобразие, — горячилась Александра Петровна, — за такие вещи нужно беспощадно проучить, в нашем новом доме — и вдруг... — И она объяснила Дмитриевне, что Марья находится во власти темной психологини.

Вера убеждала мужа пойти за комедантом, а он смотрел в книгу и отвечал:

— Да ну вас, никуда я не пойду. Обошлось — и ладно.

Вова рассказывал сестрам, жестикулируя и округляя большие глаза:

— Они задрались, а я как испугался, заперся и думаю — никого не впускаю, а самолет под кровать спрятал.

Сестры переглядывались и качали головами, а старшая, Клава, та, что рисовала по вечерам масляными красками и никогда не улыбалась, сказала:

— Ты, Вова, не обращай на эту дуру внимания.

— Да, не обращай, — сердито сказал Вова, — вам хорошо на заводе, а я так переволновался...

Все осудили Марью и очень удивились, когда пришедшая позже других Ильинишна, выслушав историю, спросила Дмитриевну:

— А морду она тебе набила? Нет? Жалко!

— Да коснись она моей морды, я б ей...

Вдруг Крюков поднял палец и зашипел: из комнаты Бородаевых слышались громкие голоса.

— Нервничает, переутомился, — сказал кто-то, и все захохотали.

Действительно, Андрей Вениаминович разнервничался.

— Что ты хочешь от меня, наконец! — говорил он. — Из-за этого дикого существа я себя чувствую дома, словно какой-то американский плантатор, рабовладелец! Зачем мне это? А? Нужно считаться с тем, что мы живем в рабочем доме. Для чего мне это? Извольте ли видеть, начинается новая жизнь Анны Сергеевны!

И он стукнул кулаком по столу так, что вилки и ложки враз подпрыгнули.

— Какой-то бедлам! — крикнул он. — Я эту Марью сам выгоню к чорту. Мне мое спокойствие дороже этой идиотки.

Потом он вдруг заговорил шопотом:

— Новая жизнь, новая жизнь, до чего все это глупо! Какая-то Марья, скандалы, драки. Теперь я сижу после дня адской работы и не могу преобладать, жду, пока изволит прибыть товарищ Кондрашов. Вот это и есть новая жизнь?

— Ты сам просил тебя познакомиться с Кондрашовым, поэтому я его пригласила к обеду, — тихо сказала Анна Сергеевна.

— Ты права, — насмешливо сказал Андрей Вениаминович, — но ответь мне, пожалуйста, на один вопрос: ты-то хотя бы довольна? Ты удовлетворена вот этой самой новой жизнью, великолепной творческой деятельностью, которой так добивалась?

— Андрюша, при чем тут новая жизнь, — с подчеркнутой кротостью сказала Анна Сергеевна, — ты ведь знаешь, мне до сих пор не удалось устроиться на работу.

При других обстоятельствах Анна Сергеевна давно бы рассердилась на мужа, но сейчас она чувствовала себя вицватой перед ним. Против воли она

уже в сотый раз глядела в окно и вздрагивала при каждой гудке автомобиля. Анну Сергеевну удивляло, что муж не видит ее волнения.

А его эта кротость жены, умевшей невинным голоском говорить невыносимые колкости при ссорах, раззадоривала все больше и больше.

— Довольно, — наконец сказал он, — хватит с нас новой жизни. Сегодня же объяви Марье: я ее уволяю. Две недели, полагающиеся по закону, придется потерпеть... — он на мгновение задумался и сказал: — третьего, четвертого, да, пятого апреля она отсюда уйдет.

Анна Сергеевна сказала:

— Хорошо, Андрюша, пятого апреля она уйдет.

Потом в комнату вошла злополучная Марья — Анна Сергеевна послала ее в магазин за кахетинским вином, — Андрей Вениаминович фыркнул, застучал ногой.

Пожалуй, Марья, единственная из всех обитателей квартиры, была спокойна после происшествия. Имела ли она большой опыт кухонных боев, обладала ли крепкими нервами, но так же спокойно и быстро, как обычно, она занималась стиркой, молчаливая и деловитая.

— Марья, откройте дверь, к нам приехали, — сказала прерывающимся голосом Анна Сергеевна.

Марья пошла к двери, и, увидя ее, шмыгнув в кухню Вова, прижимая к животу деревянный автобус.

— Дома Анна Сергеевна? — спросил Кондрашов.

Широко улыбаясь, вышел к нему навстречу Андрей Вениаминович и немного громче, чем следовало, сказал:

— А-а, товарищ Кондрашов, прошу, прошу.

Он сразу же забыл о ссоре с женой и, коснувшись ладонью ее спины, шепнул:

— Аннушка.

Анна Сергеевна жалобно вздохнула, она чувствовала, что вот-вот расплачется, — до того ей было жалко Андрюшу — теперь за его хорошее настроение, так же, как пятнадцать минут на-

зад она жалела мужа за его сварливость.

— Марья, будьте любезны принести из ванной водку, — сказал Андрей Вениаминович и добавил: — Не терплю теплой водки.

— Да, теплая водка... — сказал Кондрашов, глядя на Анну Сергеевну.

«Господи, — подумала Анна Сергеевна, — мрачен, смущен, сколько в нем непосредственности».

— Вам кахетинского? — спросил Андрей Вениаминович. — Приятное, пятый номер.

— Нет, нет, — всполошился Кондрашов, — я вина не пью.

Они выпили по рюмке, наспех закусили и тотчас выпили по второй, а после третьей Кондрашов перестал закусывать сыром и потянулся через стол к зернистой икре.

— Вот это я одобряю, — обрадовался Андрей Вениаминович, — признаться, меня удивило, что вы предпочитаете сыр икре и балыку.

— Дойду и до балыка, — сказал Кондрашов, улыбаясь каким-то мыслям. Он не ел с утра и легко захмелел. Все сделалось простым и приятным. А оттого, что здесь рядом сидела она и их связывала невысказанная, а поэтому особенно нежная близость, Кондрашову стало совсем хорошо, и даже в груди появилось какое-то сладкое жжение.

К концу обеда Андрей Вениаминович принялся философствовать.

Он разделял свои мысли на несколько категорий. У него были мысли для всех, мысли для старшего товарища, были мысли, которыми можно делиться с родителями и с женой, и, наконец, мысли для себя.

Сейчас Андрей Вениаминович делился с Кондрашовым мыслями для родителей и жены, хотя Кондрашову можно было сообщать лишь мысли для всех. Это нарушение правил произошло оттого, что Андрей Вениаминович выпил водки.

— Вот, — говорил он, — на автомобильном заводе имени товарища Сталина я наблюдаю конвейер, да что кон-

вейер, весь завод, станки и прочая. Конвейер, лента, люди у ленты. По ленте движется автомобиль, его собирают, наливают горючее, садится шофер, и машина катит куда-нибудь в Кара-Кумы. А вот люди остаются у конвейера. Один семь часов обтачивает какой-нибудь ведущий вал, другой одевает колесо, третий прикрепляет фары. Вот сегодня фары, завтра фары и через год фары.

Анна Сергеевна, много раз слышавшая это рассуждение, зевнула и внимательно поглядела на мужа. Она уже не испытывала жалости к нему, а сердилась за недавний скандал и беспокоилась, чувствуя раздражение, овладевшее Кондрашовым.

— Да, — продолжал Андрей Вениаминович, — машина сходит с конвейера... Конвейер! Он тянется от Одессы до Владивостока, с него сходят Магнитогорски и Кузнецки, самолеты, турбины, а мы у этого конвейера делаем однообразные движения, одни руками, другие мыслью. И вот я спрашиваю вас — когда же начнем жить мы?

— Да-а-а, — протяжно проговорил он и, поглядев на сумрачное лицо Кондрашова, вдруг подумал: «Какого чорта я разболтался».

Он считал, что обладает спокойствием и выдержкой британца, и вот неожиданно поведал чужому человеку свои мысли.

Лицо Кондрашова показалось Андрею Вениаминовичу насмешливым и злорадным.

Он не удивился, когда Кондрашов поднялся.

«Ну, теперь я сжег корабли...» — подумал он.

— Да, язык мой — враг мой, — сказал Андрей Вениаминович после ухода гостя. — Зачем я произнес перед этим типусом монолог? И почему ты меня не сдержала во-время?

Им снова овладело раздражение, желание обвинять и поучать. Он осмотрел остатки закусок и сказал:

— Рублей сорок нам эта свадьба обошлась?

Они принялись считать, сколько стоил сегодняшний обед: было истрачено 62 рубля.

После этого Андрей Вениаминович с особенным жаром заговорил о вздорных затеях жены, о необходимости считаться с ним, тянущим тяжелый воз.

Анну Сергеевну покинуло покорное настроение, она тихо проговорила:

— Послушай, выдержанный британец Бородаев, ты мне надоел.

В это время вошла Марья убирать со стола, и Анна Сергеевна сказала:

— Марья, Андрей Вениаминович хочет с вами поговорить.

Андрей Вениаминович снова потерял свою британскую выдержку и сказал:

— О чем говорить? Что ты выдумываешь? Ни о чем я с ней не хочу говорить.

Потом, повернувшись к Марье, сердито проговорил:

— Уберите скорей со стола этот свиношник, я хочу стдохнуть наконец.

Марья понесла тарелки на кухню, и Анна Сергеевна, охваченная внезапной злостью, закричала:

— Ах, тебе не о чем с ней говорить? Ведь ты ее решил выгнать. Я сама скажу ей от твоего имени.

И она пошла вслед за Марьей, хлопнув изо всех сил дверью.

VII

Вечером Марья разбирала свой сундук. Она вынимала вещи и клала их на внутренней стороне крышки, оклеенной выцветшими картинками из учебника геологии, изображавшими чудовищ далеких геологических эпох.

Странный сундук был у Марьи! На три четверти его заполняли ненужные вещи: деревенские спилицы, суконное платье такого доброго сукна, что, пролежав несколько десятилетий, оно нимало не испортилось, стеклянные бусы, кораллы, черный платок, расшитый зелеными и красными цветами, широкие розовые и голубые ленты, земляничное мыло в пожелтевшей и покрытой пятнами упаковке, жестяная коробка из-под мянпасье, осколок зеркала, обернутый марлей.

Все эти вещи не служили Марье, никогда она не накидывала на плечи цветного платка, не смотрелась в зеркальце и не надевала «наместо». Это были дорогие памятки детства и юности, веки жизни, память о бабке, матери, сестре.

Теперь она взялась переключать вещи, желая почувствовать ушедших близких, разрушить свое одиночество. И, вспоминая сегодняшний день, хозяйку, уволившую ее, Марья с особенной нежностью гладила кусок тяжелого, всегда холодного, холста, всматривалась в черно-красный узор расшитых бабкой сорочек.

Потом Марья рассматривала синие штанишки со шлейками и вздыхала, думая о сыне.

Она долго не спала, машинально прислушиваясь к тому, что происходило в квартире. Вот погас свет в комнате у Платоновых, вернулись молчаливые дочери Александры Петровны, пришел Крюков, он долго мылся в ванной, фыркал и сопел. После этого прошлепал из кухни Гриша Стрелков, он обычно читал и курил там, чтобы не мешать ребенку. Марья легла на свою раскладушку, закрыла плечи и голову ватной кофтой.

В коридоре было тихо. Все жильцы спали, только Иосиф Абрамович еще не возвращался, и Александра Петровна ворочалась в постели, не могла уснуть.

Она всмотрелась в бледный циферблат будильника.

Два часа!

— Ох, Шура, Шура, — сердито сказала она себе.

Вот, чувствовала она, сейчас начнется мучение, тяжелые недостойные мысли пойдут одна за другой — ей сорок лет, а его только в прошлом году перевели в кандидаты. От печальных мыслей у Александры Петровны пересохло в горле, и она пошла в кухню выпить.

Из дальнего угла коридора слышались какие-то странные звуки. Александра Петровна зажгла свет и увидела вздрагивающую спину Марьи.

Марья медленно подняла голову, и, взглянув на ее глаза, Александра Пет-

ровна забыла все свои тяжелые мысли. Она обняла Марью за плечи и по-бабьи нараспев сказала:

— Чего ревешь, ну, чего ревешь?

Она принялась расспрашивать Марью, и та, всхлипывая, тяжело ворочая русские слова, рассказала, что ее уволили.

— Чего ж плакать? — сказала Александра Петровна. — Плюнь на них, да и все.

— Та хоба оттого, — сказала Марья.

— А чего?

— Та... — и Марья обвела рукой вокруг шеи.

— Ах, дура, дура, — говорила Александра Петровна и погладила Марью по волосам. И от этого ласкового прикосновенья Марья заплакала во весь голос.

Тогда в коридор вошла старуха Платонова.

— Так, а я что говорила, довели-таки, черти, рабочую женщину до слез, — сказала она и, сев на раскладушку, громко и сердито принялась утешать Марью.

Потом открылась еще одна дверь, и вышел Крюков.

— Вот это да, — сказал он, — а я проснулся и думаю, кто это овации устраивает среди ночи?

Марья не плакала больше.

— Куда ей ехать, — говорила Ильинишна, плевать мы с ней хотели на всех хозяек, мы сами хозяйки, останется в Москве — и баста, а пока устроится, можно и у нас в комнате ночевать.

— Трудно на работу, что ли, устроиться, — говорил Крюков, — да к нам на завод, куда хочешь, хоть завтра, в шасси, в мотор, в коробку скоростей, — всюду рабочие нужны.

Смысл их слов неясно доходил до сознания Марьи, но они не спали ради нее, старались ее успокоить, все это было для нее так необычайно. Она, Марья, оказалась предметом дружеских забот, люди спорили, где ей лучше работать, говорили о ее судьбе. Смятение охватило ее. Не произошло ли тут ошибки? Может быть, она обманула их, они приняли ее за другого человека и, заметив обман, разойдутся по комнатам, равно-

душные и сердитые. Да, впервые в жизни встретилась она с чувством рабочего товарищества, рожденным большим, сложным и упорным трудом, с чувством, коему в наше время суждено определять отношения людей всюду, где бы судьба ни столкнула человека с человеком.

VIII

Залитый асфальтом большой двор, строго прямоугольные, точно в тысячу раз увеличенные спичечные и папиросные коробки, цехи, конторы и склады.

Три измерения — длина, ширина и высота. Пространство, сложенное из квадратных и кубических метров.

Как непохож этот мир асфальта и металла на пестрый хаос солнечных всходов и закатов, шум деревьев, плеск воды, крик и пенье птиц.

Хотя Марья, пройдя через контрольную будку мимо человека в черной шинели, не размышляла о простой геометрии заводского двора, этот мир строгих линий и однообразных цветов сразу же захватил ее, и она шла вдоль бесконечно длинной стены механосборочного цеха той особенной, напряженной походкой, которой всегда ходят рабочие по заводскому двору.

Вчера она оформляла свое поступление на завод, стиснув зубы и приняв такое выражение лица, точно ее расстреливают, фотографировалась в моментальной фотографии, получала временный пропуск и подписалась на какой-то бумаге столь большими буквами, что строгая барышня сказала ей:

— Вы помельче пишите, а то, знаете, — и, разведя руками, барышня показала Марье, каких размеров будет ее подпись.

Вечером Марью охватил страх, он рос всю ночь, к утру у нее дрожали руки, тошнота подкатывала к горлу. Было страшно думать, как она войдет в цех, — он ей представлялся огромной кухней, где несколько сот человек, подняв ложки, шумовки, секачи, испытующе станут следить за каждым ее движением, и, конечно, через минуту они заго-

гочут жеребьячьими и гусиными голосами — ведь Марья ничего не умеет делать. И, кроме страха за свой позор, в ней был страх, что люди, чье неожиданное внимание обратилось к ней, разочаруются и отвернутся от нее. Ведь Крюков поговорил с начальником сборки мотора, Александра Петровна дала ей рекомендацию.

Марья вошла в цех, и столбняк обьял ее — это было страшной самой огромной кухни. Все двигалось в этом громадном цеху, бесчисленные колеса, колесики, ремни, серый металл поршней, струи молочно-белой воды, стружки — все вертелось, плясало и прыгало; пол дрожал под ногами, дрожали громадные белые фонари, казалось, что мутный воздух дрожал и плясал, охваченный этим общим безумием движения. А под потолком, опутанные цепью, плыли какие-то черные чугунные туши, потом Марья узнала, что это собранные моторы переправляются на главный конвейер.

В цеховой конторе похожий на аптекаря человек с черными кудрями вокруг очень белой лысины ухмыльнулся и сказал ей:

— А, товарищ Шевчук, мне вчера про вас три раза говорили, прямо как член правительства в цех пришли.

— Может, уборщицей или где в бухгалтере. Я бачила — тут столову, — сказала Марья, — посуду мыть или еще что.

И мытье посуды показалось Марье милым и любезным делом, единственным делом ее жизни.

Лысый человек с любопытством посмотрел на Марью.

— Цех питания? — спросил он.

— Та нет же, — сказала Марья и просительно улыбнулась, — я прислуга.

— Вот что, — обрадовался лысый, — автомобилей, значит, не делали?

— Нет, — виновато сказала Марья и поняла, что уйдет ни с чем с завода.

— Товарищ председатель... — сказала она, но в это мгновение вошел человек в замасленной блузе и сердито закричал:

— А баббита-то нет! Баббита-то!

— Баббита-то, — повторил лысый и рассмеялся смешному звучанию слов.

Потом он сказал:

— Вот баббит, — и начал писать записку.

Пока он писал, вбежал в контору еще один человек, за ним второй, а тотчас еще двое. Все они окружили лысого и заговорили, размахивая руками и горячась.

— Сергей Иванович, — сказал маленький человек с большим мясистым носом, — Козлов не вышел по болезни, Мокеев вчера в отпуск пошел. Я скользящего поставил на коленчатые валы, а кого на шплинтовку поставить? Самому мне, что ли, становиться?

Он сказал эти слова тихо, подчеркивая задумчивой неторопливостью своего голоса сложность положения.

Но лысый Сергей Иванович спокойно усмехнулся, — он, видимо, никогда не терялся, этот уверенный в себе хозяин производства.

— На шплинтовку кого? — спросил он и тотчас же ответил: — Вот Шевчук пойдет.

И он посмотрел на Марью спокойными глазами, точно она много лет работала в цеху и нет ничего особенного в том, что он посылает ее на эту неведомую и страшную шплинтовку.

И Марья пошла.

К Сергею Ивановичу уже подходили новые люди, и он, должно быть, сразу забыл о Марье.

— Селезнев, поиди сюда на минутку, — вдруг крикнул он, и маленький человек вернулся к столу.

Сергей Иванович сказал ему несколько слов, и они оба рассмеялись, оглянувшись на Марью.

— Ладно, ладно, я понимаю, — сказал Селезнев.

Марья шла за ним по узкому пролету между станками, и Селезнев кричал ей:

— Операция пустяжная, самая простая на всей сборке, — овладеешь, можешь не сомневаться.

Через несколько минут они подошли к длинной, узкой дорожке, у которой стояли парни, девушки. По этой дорожке ползли те большие чугунные кабаны, которые там, в конце пути, уже обросшие щетиной рычагов, ручек, про-

водов, обхваченные цепью, плыли под потолком цеха, — Марья сразу же их узнала.

— Ну вот, — объяснил Марье Селезнев, — это малый конвейер, сборка мотора, одним словом. Вон там блок поступает на рольганг, а вот в том конце мотор сходит с конвейера и идет на испытания. Понятно?

— Понимаю, — сказала Марья, хотя ничего не поняла.

Она оглянулась по сторонам — справа, откуда подплывали моторы, стоял огненно-рыжий веснушчатый парень — он с зверским видом, подхватив какую-то болтавшуюся на проводе алюминиевую бутылку, нажимал ею на мотор, при этом раздавался такой треск, словно стрелял пулемет.

Слева, там, куда мотор уплывал, стояла девушка в беретике, из-под которого лезла на лоб челка волос, — таких девушек с челкой Марья очень не любила.

Девушка, с изумительной быстротой работая тонкими, ловкими пальцами, привинчивала к мотору блестящую медную трубку. Никогда Марья не думала, что девушки с челками работают на заводах.

А дальше, вправо и влево по бесконечной дорожке, стояли люди и работали.

— Ну вот, операция здесь пустая, — сказал Селезнев, — шплинтовка болтов коренных подшипников. Понятно?

— Да, — сказала Марья и совсем растерялась.

Но, когда Селезнев, взяв в руки маленький ломик, показал ей, как нужно поворачивать коленчатый вал, как встаются медные шплинты в головки болтов и как ударом молотка они закрепляются, Марья вдруг поняла, что нет сверхъестественного в этой работе. Он некоторое время работал и, поглядывая на Марью, спрашивал:

— Понятно?

Марья кивала головой, а Селезнев говорил:

— Ну вот, все в порядке.

А затем он снова поворачивал к ней голову и спрашивал:

— Понятно?

Потом Селезнев передал инструменты Марье.

Первые движения ее были неуверенны и торопливы, шплинты не лезли в отверстия, дрожащие пальцы неверно направляли молоток. Но Марья чувствовала, что работа пойдет, что работа должна пойти, что здесь, сейчас, она врывается в новую область жизни, и она напрягала все силы, чтобы снова не закрылась распахнувшаяся перед ней дверь. И работа пошла. Никогда Марья не испытывала такого чувства, как сейчас. Мотор подплывал к Марье от рыжего парня, она делала свою часть работы, и мотор по роликам уходил от нее к девице с челкой, а от девицы переходил к двум парням в полосатых матросских рубашках, от парней к косоглазому и широкоскулому дяденьке («китай» — определила Марья) и плыл все дальше, мимо парней и девушек; и каждый из них вкладывал свою долю труда в этот плавающий по железной реке мотор. Рыжий парень не говорил с Марьей, но они поглядывали друг на друга всякий раз, когда мотор переходил от него к ней. И девица с челкой переглядывалась с Марьей, ожидая прихода мотора. Это была общая работа. И Марья не удивилась, когда девушка подошла к ней и помогла повернуть заевший коленчатый вал.

— Запарились? — спросила девушка.

— Та нет, — сказала Марья и хотела сказать, как она рада, что пошла на завод, как боялась ночью, что не сумеет работать, — она ведь ничего не умеет, — и как все хорошо сложилось, и какие хорошие люди встретились ей, она в жизни не думала, что есть такие люди на свете.

Но она ничего этого не сказала.

Через несколько минут подошел к ней рыжий парень, посмотрел, как она работает, и мрачно сказал:

— Дай-ка, — и показал ей, как удобней поворачивать коленчатый вал, после этого он снова пошел на свое место.

Перед обедом вдруг пришла Александра Петровна, и они обе очень обрадовались друг другу.

Марья, продолжая работать, разговаривала с Александрой Петровной и никак не могла объяснить, чем она так довольна.

Этот день прошел быстро, Марья даже растерялась, когда наступил конец работы. Но потом, вспоминая его, она удивлялась, как много событий и переживаний испытала она за семь часов, сколько людей узнала. Рыжий парень учил ее мыть руки машинным маслом, девушка одолжила ей рубль на обед, потому что Марья оставила кошелек в раздевалке. В столовой, где она сидела за столом и заказывала по карточке обед, соседи горячо советовали ей брать «суп гороховый», а никак не «щи свежие». Но главным для нее была работа, от которой у нее болели руки в предплечья, удивительная общая работа сотен и тысяч людей, в которой Марья участвовала первый раз в своей жизни.

Вечером все собрались на кухне, расспрашивали Марью о ее первом заводском дне.

Марья говорила, и весь народ покатывался со смеху, слушая ее рассказ. Она заметила десятки смешных мелочей и, рассказывая, сама задавала вопросы, всплескивала руками, удивлялась, недоумевала.

— Ну, вот, ей-богу, как побачила я цего, ну як его.. — говорила она.

— Блок? — подсказывал Крюков.

— Та ни, який там блок.

— Рольганги? — спросил Гриша.

— Та боже ж мий, ну лысый такой, кучерявый...

— Сергей Иванович... заведующий сборкой... Царев... — хором подсказали все и захохотали.

— Ну да, заведующий сборкой, глаза хитрющие такие, посмотрев на меня: «Вы ахтомобили умеете делать?». Ты фубо ты сказився, та я их в жизни не делала, так у мене сердце замлило. Пропало, думаю, все. А вин сыдыть, такой соби важный, надутый, а глаза хитрющие и сопэ, сопэ... А потом прышов цей маленький, ну, нос у него колбасой, и тоже, бачу, хитрый, як мыш.

— Селезнев, мастер? — смеялись слушатели.

Потом каждый принялся вспоминать свой первый заводской день. И оказалось, что все помнят этот день; даже старик Платонов рассказал со всеми подробностями, что сказал ему мастер, как подшутил над ним токарь и как инженер, пришедший в цех с черным зонтиком, спросил у него:

— Сколько тебе лет, паренек?

Обычно молчаливый Гриша Стрелков рассказал, как он в деревне представлял себе город и все удивлялся, зачем его, плотника, вербуют на металлический завод.

— Такой я был чудак, — говорил он, — ворота, думаю, железные, двор тоже вымощен железными плитами, стены все из железа, и мучило меня сомнение, вот как Марью сегодня, — приду я туда, деревенский плотник, и поднимут меня на смех: «Здесь железный завод, деревянным людям тут делать нечего».

Он усмехнулся от воспоминания, погладил рукой толстую книгу — «Справочник по холодной обработке металлов» — и негромко сказал.

— Сам удивляюсь. Неужели я таким волосатиком десять лет назад был.

Дмитриевна и Вера, — им об этом всегда казалось, что люди недостаточно восхищаются Гришей, — в один голос сказали:

— Наш Гриша инженером будет...

Потом все настроились на философский лад и решили вскладчину купить пива.

В течение вечера дважды еще ходили за пивом. И в этот вечер Марья рассказала историю своей жизни.

Теперь, слушая ее, мужчины покачивали головами, а женщины вздыхали.

А она говорила громко, почти кричала, сбиваясь, путая слова, мотая головой, говорила жадно, точно человек, долго живший в чужой стране и вдруг встретивший земляков.

Ночью, когда все легли, Марья спросила:

— Ильинишна, вы спите?

— Сплю, — ответила Ильинишна.

— Вот я думаю, — задумчиво сказала Марья, — чего це медь такая мяг-

кая, ударишь по ней молотком, и вона плющиться и плющиться.

IX

Бутылка, которой орудовал рыжий, называлась гайковерт. Рыжий устанавливал коленчатый вал и закреплял коренные подшипники. Рыжий сам объяснил это Марье.

Девушка с челкой привинчивала маслопровод. Парень в полосатой матроске устанавливал картер маховика. Парень, носивший желтую, казавшуюся очень жаркой, фуфайку, вставлял выхлопные и впускные клапаны и подбирал поршни.

К концу первого дня своей работы на заводе Марья решила, что поняла всю премудрость — просто нужно вгонять медные шпильки в продырявленные головки болтов; через неделю она растерялась — завод был огромен и совершенно непонятен.

— Слышь, Шевчук, — сказал рыжий, — после работы собрание будет, ты домой не уходи...

— Про што собрание?

— Про что, про что, — сердито переспросил рыжий, — про кофе с молоком, посидишь, услышишь...

Он относился к Марье сурово, был немногословен, и это нравилось ей.

Собрание происходило в красном уголке. Рыжий, севший на скамью рядом с Марьей, шопотом говорил:

— Начальник мотора, технолог из коробки скоростей, начальник коленчатого вала, а вон тот — начальник всего цеха.

«Старый, невидный...» — подумала Марья, разглядывая пожилого, длиннолицего человека. Потом пришел человек громадного роста, одетый в защитный костюм.

— Заведующий производством завода, — сказал рыжий.

Собрание началось.

Сперва начальник цеха делал сообщение. Говорил он плохо, заикался, помогал себе руками, мотал головой. Но, видно, сила его была не в гладкой речи, сидевшие аплодировали, смеялись, кричали «правильно», а некоторые селито махали руками и пожимали плеча-

ми с таким видом, точно на них возводят напраслину.

— Это человек, — убежденно сказал рыжий, — он еще у Рябушинского работал слесарем, в Америку два раза ездил.

После начальника цеха выступил заведующий производством. Говорил он громким рокочущим голосом, протягивал свою огромную ручищу в сторону зала и спрашивал:

— Петя, это ты задержал ремонт станков?

Петя из зала отвечал:

— Кузница задержала, а не я...

А заведующий производством уже снова обращался к другому...

— Степан Григорьевич, ты помнишь, как мы вместе с тобой в цехе вкалывали?

— Ну, помню, — недовольным голосом отвечал из зала старик.

— Так я тебе прямо по-рабочему скажу — это ты запарол кулачковые валы...

Потом он принялся ругать лысого начальника сборки. Марья даже закричала, до того ей стало жалко Сергея Ивановича.

— Что же, товарищ Царев, — говорил заведующий производством, — испытательная станция возвращает два экспортных мотора как брак: поршни заедают, а ты мне пишешь служебную записку: нет тряпья для протирки цилиндров...

— Тряпья нет? — оглушительно и грозно спросил он. — Нет такого объяснения... Достань хоть у жены, а цилиндры протирай.

Марья поглядела на Сергея Ивановича. Он спокойно глядел на заведующего производством.

— У меня жена одна, — усмехнувшись, сказал он, — а моторов я выпускаю сто двадцать штук в день, нашего семейного белья на полсмены едва ли хватит...

Все зашумели, зааплодировали. Марья стыдилась хлопать в ладоши и потому только шумно вздохнула от удовольствия. Ей очень не понравился заведующий производством.

Потом начались прения.

Разговор шел о программе, о сырье, об организации подачи деталей на сборку, о плохом качестве резцов, о расширении завода, о подготовке к выпуску легковых машин.

Марья видела: народ ругался. Какой только ругани и каких только ссэр Марья не слышала за свою жизнь! Кухонные стычки, базарные сражения, тяжелые деревенские бои, когда люди с мутными от злобы глазами наступали друг на друга, осипшими голосами кричали о человеческой подлости, обвиняли друг друга в обмане, трусости, воровстве...

Здесь тоже ругались люди, но предметом ругани была не мерка картошки или кружка молока и не тридцатикопеечная сдача. Здесь, удивительное дело, начиная ругаться, каждый говорил: «товарищи». И Марью поражали эти люди, их горячий спор о заводе, их дружба и ругань.

Попросил слова рыжий парень. Он говорил, и все поглядывали на него. Марье казалось, что смотрят на нее, и она испугалась.

А рыжий вдруг заговорил о ней, Марья багрово покраснела, наклонила голову.

— Вот она, эта Шевчук, — говорил рыжий, — впервые на производстве. Поставили ее на шплинтовку — и ладно, сколько она на этой шплинтовке стоять будет, зачем она шплинует, что за работа, ей никто не объясняет...

— Ну, это ты брось, — крикнул кто-то.

— У нас при заводе вуз, курсы мастеров.

Это разговор лишний.

— Нет, не лишний, — сказал сердито рыжий.

Так и не выяснилось — лишний ли это был разговор, но на следующий день к Марье во время работы подошел Сергей Иванович и сказал:

— Как дела, товарищ Шевчук?

— Та вот работаю...

Начальник сборки сказал ей:

— Мы вас на шплинтовке долго держать не будем — у нас постоит рабочий на шплинтовке, переведем на вторую операцию, за год по всему конвейеру

пройдете... чтоб не скучать. — Он усмехнулся и продолжал: — Пройдете по конвейеру, в скользящие переведем, потом на курсы наладчиков. Поедете без оглядки. — И он указал рукой в сторону, где моторы шли к главному конвейеру.

С завода Марья возвращалась пешком.

— Давай почистим... — крикнул ей издали чистильщик. Он каждый раз зывал ее и смеялся, скаля зубы, видя ее смущение.

Чистильщик удивился: Марья подошла к нему и поставила ногу на ящик, — поставила так уверенно и тяжело, что ящик закрипел.

Она стояла, оглядываясь по сторонам, а чистильщик поднимал голову, морщил лоб и смотрел на нее снизу вверх смеющимися огненными глазами, а руки его ловко и быстро работали щетками; ботинок сверкал, заходящее солнце отражалось на нем. Никогда Марья не доводила хозяйских ботинок до такого сияния.

Сколько свободного времени! Эта свобода была так же необычайна, как и новая ее работа.

Базар, лавки, обед, стирка, уборка, неожиданные поручения, чистка кастрюль, стоянье в очереди за «Вечерней Москвой» для хозяина... Этого уже она никак не могла понять, — обслуживая хозяйку, она была занята с раннего утра до ночи, а работая на огромном заводе, она имела полдня свободных.

Она прошла мимо своего дома, хотелось идти все дальше и дальше, этот шумный весенний город казался таинственным и прекрасным, эта улица, куда она вела?

Вдруг, ршившись, с чувством веселья и ужаса, она вошла в ярко освещенную дамскую парикмахерскую. Полный пожилой мужчина, похожий на доктора, в белом халате, усадил ее в кресло, гаинствеино спросил:

— Что будем делать, мадам?

Марья обмерла от смущения и тихо сказала:

— Постричь голову...

Работая, он беседовал с Марьей.

— С автозавода? — спрашивал он. — У меня много клиентов оттуда... дочка там работает...

Марья, глядя исподлобья в зеркало, видела, как падают обрезанные косицы черных волос — ей делалось смешно и грустно, страшно и весело.

Когда Ильинишна поглядела на Марью, ее разобрал такой смех, что она только вскрикивала.

— Ну и ну, — с трудом выговорила она, — вот это я понимаю.

Дмитриевна перекрестилась, а Вера деловито спросила:

— Это ты где, на углу или в дамской?

— В дамской, — виновато ответила Марья.

Она смутилась и не знала, чем объяснить свое легкомысленное поведение. Выручил ее приход Александры Петровны.

— Хвалят тебя на заводе, разговор идет о тебе, Марья, — сказала она, — на цеховом бюро про тебя целые анекдоты рассказывали..

— Яки анекдоты? — быстро спросила Марья.

— Сменщик твой, как ты инструмент ему чистишь, в ящик газеты постелила, — она рассмеялась и сказала, обращаясь к Ильинишне: — Она, знаешь, что делает: ролики на конвейере тряпкой обтирает.

А вечером Крюков неожиданно сказал Марье:

— Может быть, в клуб пойдешь?

Женщины переглянулись, рассмеялись и хором сказали:

— Наш Алеша ни одной не пропустит..

— Нет, правда, — серьезно сказал Крюков, — картина хорошая. «Под крышами Парижа», почему бы не посмотреть человеку? Я два раза собирался, а она сегодня последний раз идет.

Х

Первая получка Марьи прилась под выходной день, и само собой вышло, что день этот решено было отметить вечеринкой и выпивкой. Водку взялся принести Крюков, спотыкач и наливку обе-

щала купить Александра Петровна, а закуски покупала сама Марья. Странное чувство было у нее, когда в магазинчике «Гастроном» она стояла у прилавка. Сперва она все старалась запомнить, сколько денег она платила за разные покупки, но неожиданно подумала, что отчитываться ей теперь не перед кем, и ей сделалось смешно и весело.

— С ума ты, што ли, сошла? — сказала Ильинишна, когда Марья, придя домой, принялась разворачивать покупки.

— А мы что, не люди? — спросила Марья.

— Ой, баба, смотри, — грозно сказала Ильинишна, и они обе рассмеялись.

Марье в этот вечер хотелось позвать в гости весь свет: и своих новых заводских знакомых, и начальника сборки Сергея Ивановича, и веселого продавца из мясной лавки, и чистильщика сапог, сидевшего на углу.

И, когда в кухню пришла Анна Сергеевна, Марья улыбнулась ей, говоря своей улыбкой:

«Хоть мы и поругались, да уж бог с тобой».

Анна Сергеевна готовила салат из холодного мяса, картошки и сметаны, и все оглядывалась, ей хотелось заговорить.

Вдруг она повернулась к Марье и сказала:

— А я вот снова начала обеды варить.

— Та я бачу, — сказала Марья и рассмеялась.

— Вы на меня не сердитесь, Марья? — спросила Анна Сергеевна.

— Та нет же, чего сердиться? — удивилась Марья и вложила в селедочную пасть пышную петрушечную ветвь. Потом она сказала: — Може, вам деньги нужны, то я могу из той полочки отдать.

— Какие деньги?

— Та те, за мой билет платили.

— Какие глупости, ничего вы не должны.

— Нет, должна, — упрямо сказала Марья и покачала головой.

— Я у ту получку отдам, — говорила Марья, с особым удовольствием прознося новое для нее слово.

— В ту получку, это через две недели? — спросила Анна Сергеевна и, наклонившись к Марье, тихо сказала: — Через две недели, Марья, меня тут, верно, уже не будет. Знаете, я ведь решила разойтись с Андреем Вениаминовичем.

Марья поняла, что Анна Сергеевна выходит замуж за человека, приезжавшего на автомобиле.

Марья пошла в комнату, а Анна Сергеевна осталась на кухне. Хватит ли у нее силы уйти от Андрюши? Как-то он проживет один, вдруг он заболит, кто станет ходить за ним? У него ведь болят глаза, в один прекрасный день он может ослепнуть. Ужас! Да, и все же у нее найдется решимость и сила уйти от него. Когда Кондрашова нег несколько дней, она плачет, а когда он приходит, ей снова хочется плакать от счастья. И как это Андрюша ничего не замечает? Он слишком уверен в ней, и эта спокойная уверенность ее раздражает. Точно сельский хозяин, у которого в хлеве под замком стоит корова.

Потом Анна Сергеевна стала думать о Марье. Ведь эта кухарка зажила теперь жизнью, о которой мечтала Анна Сергеевна. Почему это у простых людей все выходит так просто и легко? Ведь Марья не мечтала, не страдала, а взяла и начала работать. Жизнь сама толкает ее вперед, а Анна Сергеевна должна бороться, мучиться, сомневаться, терпеть поражения. Может быть, через год или два о Марье напишут в газете, она полетит на самолете, фотография ее будет в журнале... И пока Анна Сергеевна думала о всех этих вещах, ею был изготовлен салат, нарезано тонкими ломтиками мясо, заварен чай.

Бойкие ходики над столом показывали восемь часов, — значит, было уже минут десять восьмого, а Андрей Вениаминович все еще не приходил. Но Анна Сергеевна еще не успела по-настоящему взволноваться, как по-знакомому зашаркали ноги на лестнице и хлопнула входная дверь.

Анна Сергеевна поставила на поднос блюдо с салатом, супную миску и пошла в комнату.

Андрей Вениаминович обычно, придя с работы, снимал пальто в передней и, не заходя в комнату, шел в ванную мыться. Поэтому Анна Сергеевна очень удивилась, когда увидела, что Андрей Вениаминович, не сняв пальто и шляпы, держа в руках свой большой портфель, сидит в кресле.

Она посмотрела на его лицо, ярко, посумасшедшему блестящие глаза и испугалась. Наверное, он узнал про ее отношения с Кондрашовым. Нет, не может быть, никто не мог ему сказать этого.

— Что с тобой, Андрюша, что-нибудь случилось? — спросила она.

— Что со мной? — переспросил он беспечным голосом и взмахнул портфелем. — Что случилось, ты спрашиваешь? А ничего особенного, просто по милости твоего друга и поклонника Кондрашова меня уволили со службы.

Сказав это, он снова сел в кресло.

— Что ты говоришь? — тихо произнесла она и тоже села, держа в руках поднос.

— Да, да, вот это, именно это, — быстро заговорил он, — уже давно было известно, что по приказу наркомата у нас в плановом отделе будет проведено двенадцатипроцентное сокращение, и для всех было ясно, для всех решительно, если будут сокращать экономистов, то меня оставят, а Серебряного сократят. И вдруг сегодня к концу дня приказ. Я ничего не понял, растерялся. Казанский уехал в ГУТАП, и я пошел прямо к помдиректора по труду. Я ничего не понимал, мне в голову не приходило ничего, но когда он начал мямлить и говорить, что он против меня ничего не имеет, но вот, когда рассматривали и решали — меня или Серебряного, то будто высказывались, что я боюсь цехов и слишком хладнокровный, не то прохладный, не то холодный работник. Вот тут я сразу понял, в чем дело, чьих рук эта махинация. Знаешь, Аня, я всего жду от людей, но этого я никак не ожидал. Человек бывал в моем доме, пользовался моим гостеприимством, а когда я подумал, что ты, ты, — я ведь все ви-

жу, — находишь его идеалом, увлекаешься им, мне захотелось броситься под молот в кузнечном цеху.

— Ах, да оставь ты этот молот несчастный, — сказала Анна Сергеевна и, поставив поднос на стол, прошла по комнате.

— Ну хорошо, — сказала она и сощурила глаза, — я сейчас все выясню.

— Аня, это ужасно, и самое ужасное, — тихо сказал он, — самое ужасное, что ты... — он вдруг всхлипнул и, закрыв лицо руками, пробормотал... — что ты... что ты... я ведь вижу, я чувствую...

— Это ужасно, ужасно, — сказала Анна Сергеевна и побежала к двери.

Волнуясь, она спустилась на нижний этаж в квартиру, откуда обычно звонил по телефону.

Кондрашов был еще на работе.

— Аня, вы? — удивленно сказал он. Он всегда удивлялся, слыша ее голос.

Она сразу же рассказала ему о случившемся.

— По моей вине? Сокращение? Да вы с ума сошли, — сказал он, и она поняла, что он говорит правду.

— Петр Алексеевич, Петя, — быстро сказала она, — я вас очень прошу, восстановите его, ведь вам это легко сделать, вы понимаете, это для меня, я не смогу жить с таким сознанием, оставить его в таком положении. Вы слышите?

— Да, да, слышу, Аня, — ответил он и на мгновение замолчал, и в эту минуту молчания она, приложив руку к груди и сдерживая биение сердца, поняла — вот от его ответа зависит все дальнейшее.

— Но знаете, я не могу этого сделать... — сказал он и поправился, — то есть могу, но не хочу, в общем, это безразлично, не могу или не хочу, но я этого не сделаю, и вы знаете, почему.

Она до боли сжала пальцами трубку, конечно, он ее обманывает, это по его вине уволили Андрюшу, и, ясно, теперь он не может просить за него и, чувствуя

ужас, уже зная заранее, что произойдет, она сказала:

— Петр Алексеевич, подумайте, если вы не сделаете этого, — она запнулась на мгновение, испугавшись банальной фразы, но, не найдя других слов, проговорила: — между нами все будет кончено.

Он ответил не сразу, в трубке что-то потрескивало, и Анне Сергеевне казалось, что Кондрашов мучительно колеблется, не зная, как поступить.

— Аня, как вам не стыдно, — сказал он, — разве можно...

Но ее точно бес толкнул: кусая губы, она перебила его:

— Да или нет?

— Нет, — сказал Кондрашов и подумал, как страшно будет ему сегодня возвращаться домой.

Боясь, что сейчас расплчется, Анна Сергеевна крикнула:

— Прощайте, прощайте, — и повесила трубку.

Поднимаясь по лестнице, она вслух бормотала:

— Какой ужас, Андрюша, какой ужас, если бы ты знал, какой это ужас...

Андрей Вениаминович сидел попрежнему в пальто и шляпе, воротник пальто был поднят, точно в комнате дул холодный ветер, и она вдруг расплакалась, обняла его и, целуя его губы, лоб, щеки, исступленно твердила:

— Андрюша, счастье мое, жизнь моя, ты мой муж, моя любовь, прости ты меня.

Он прижимал ее к себе и, целуя ее мокрые, плачущие глаза, говорил:

— Аничка, ты вернулась ко мне, мне больше ничего не нужно.

Потом они сидели рядом на диване, она гладила его волосы.

Из соседней комнаты доносился чей-то голос. Это Марья пела украинскую песню, — пела резким, громким голосом, пела впервые за двадцать лет своей замужней и кухарочьей жизни.

Голуби видят уходящие крейсера

Пьеса

ВС. ИВАНОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОЛТЫГИН, АЛЕКСАНДР ДЕМИДЫЧ, командующий Энским военным округом, затем председатель военного совета штаба командующего, а позже главком соединенных партизанских отрядов направления Сублией-сопка — море.

ЗАГОРОДНЫХ, СЕРГЕЙ (Сергунь), командир южных партизанских отрядов.

СОТОВИЧ, командир партизанского отряда угольщиков.

НАГРИБЕДОВ, ИВАН СЕРГЕИЧ, командир северной партизанской армии.

ПНЕВ, секретарь Энского обкома ВКП(б).

МЯКУШКО, ВАСИЛИЙ, начальник снабжения штаба партизанских отрядов.

ПЕРСИАНОВА, СЕРАФИМА МАКСИМОВНА, секретарь штаба партизанской северной армии, а позже секретарь военного совета. Племянница И. Нагрибедова.

ВОРОЖЦОВ, МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ, генерал-лейтенант.

НОРА АЙРОН, американка, представитель фирмы «Крофорд и К^о».

МАТАОРИ, генерал-майор, командир экспедиционного корпуса японской императорской армии в Сибири.

ИДЗИТИ, полковник, начальник штаба корпуса Я. И. А.

ХИРОЗЕ, адъютант генерала Матаори.

ШИНОДА, юрисконсульт штаба, доктор международных прав.

ТЫЖНОВЫ: ПЕТР ЕФИМОВИЧ, купец и домовладелец, позже премьер-министр Энского правительства, **НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ**, младше Петра лет на 15; **РАИСА ЕФИМОВНА** (по мужу Лужницкая).

АДЪЮТАНТ штаба командующего Энским военным округом.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ министерства народного просвещения.

ШЙШИНА, присяжный поверенный.

ЯПОНСКИЕ ОФИЦЕРЫ и **СОЛДАТЫ**.

ПАРТИЗАНЫ.

ЖИТЕЛИ города Энска.

СОЛДАТЫ, вернувшиеся из германского плена.

ЮНКЕРА.

Действие—в городе Энске (Дальний Восток) в 1921—22 гг.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая

Гостиница «Европа» в городе Энске. Зал во втором этаже. Прямо видны коридор и номера, в которые японские солдаты несут чемоданы. Слева — лестница. Справа, в углу, — выход на балкон. С балкона свешивается флаг будущей ДВР — красный с синим углом. У дверей, которые ведут в коридор, глубокая ниша. Возможно, что здесь стояла статуя. Сейчас японский солдат устанавливает в нишу алтарь: зеркало с подставкой из белого дерева, вазу с сосновой веткой и небольшой гонг, возле которого кладет веревку. От ниши, вдоль стен, идут большие кадки, в которых гранатовые деревья, почти сплошь покрытые пунцовым цветом. Май.

На балконе Персианова и Загородных. Оба — красивые, рослые, молодые. Серафима одета по-сельски, но щегольски: длинная юбка с множеством оборок, сапожки с пуговками, янтарные бусы, веселый шелковый полushалок на плечах, а в длинной косе — ленты.

Загородных берет Серафиму за руку.

ЗАГОРОДНЫХ. Другого, что ли, любишь, Серафима Максимовна?

СЕРАФИМА (улыбаясь, не глядя на него, поет):

Я иду, иду болотинкой,
Машу, машу рукой,
Чернобровый мой миленочек,
Возьми меня с собой!

ГОЛОС (снизу). Бананы, бананы! Из Америки привезены бананы.

ЗАГОРОДНЫХ (свешиваясь, насмешливо). По чем сотня, почтенной?

ГОЛОС. Тридцать тысяч пучок, военной.

ЗАГОРОДНЫХ (смеясь). А на ситец?

ГОЛОС. Если на русский — беру. Японский ситец не надо.

ЗАГОРОДНЫХ (все так же). А на пули?

ГОЛОС. Если русские — беру. Японских не надо. (Голос удаляется.)

ЗАГОРОДНЫХ (грустно). Так как же, Серафима Максимовна?

СЕРАФИМА. Торопиться, Сергунь.

ЗАГОРОДНЫХ (указывая на дерево). Дерево, вон, в кадке, да и то цветет, а у меня полная большевицкая воля.

СЕРАФИМА (несколько кокетливо). Разум наш девичий да деревенской,

Сергунь. Учились мы по псалтырю, до роги-то всей нам, что к алтарю, а попали мы в штаб да к букварю... (Улыбается.)

Японский солдат вывешивает на соседнем балконе японский флаг.

СЕРАФИМА. Видишь?

ЗАГОРОДНЫХ. Война войной, а сердце сердцем, Серафима Максимовна.

СЕРАФИМА (кладет ему руку на плечо, глядя в глаза). Любовь-то к тебе, Сергунь, я только ишу... ишу...

Снизу в зал входят Колтыгин, Пнев, Мякушко.

КОЛТЫГИН (посмотрев на японца, устанавливающего алтарь). Мякушко!

МЯКУШКО. Вижу. Я отдал уже приказанья, Александр Демидыч, чтоб очистить наш этаж. А ребята говорят: «Японцы нашу выдержку хотят проверить? Не поедем».

КОЛТЫГИН. Немедленно выехать. (Мякушко стоит.) Вы слышали приказание, товарищ Мякушко?

МЯКУШКО. Ну, я согласен на пятьнадцать тысяч долларов!

КОЛТЫГИН (Пневу). Из Харбина сюда пушки хочет переправить.

МЯКУШКО. И переправлю! Это наше снабженческое дело. А то китайцы, Чжан-Цзо-лин перекупит. Им, американцам, хоть чорту гаубицы продать, только б продать. (Решительно.) Десять?

КОЛТЫГИН. Ни цента!

ПНЕВ. А этот, генерал Матаори, тоже сюда переехал?

МЯКУШКО. Здесь.

ПНЕВ. А тебе известно, товарищ Мякушко, что товарищ Колтыгин бил этого генерала Матаори палкой?

МЯКУШКО. В бою мало ли кого и мало ли чем бьем.

ПНЕВ. А вот японцы, они обижают. А разве не обидно, если тебя японец палкой по лицу хватанет?

МЯКУШКО (обиженно). Ростом не дотянет, чтоб хватануть!..

ПНЕВ. Вот и вели коммунистам первыми покинуть гостиницу, да чтобы бес-

партийных за собой тянули. (*Мякушко нехотя уходит.*) Нагрибедов очень тебя за эту битву с генералом Матаори уважает.

КОЛТЫГИН. Нашел, за что уважать.

ПНЕВ. А мы тебе его определили, Александр Демидыч... Нагрибедова-то... Подействуй...

КОЛТЫГИН. Чего так?

ПНЕВ. Деревенские на него давят. (*Всматривается в Колтыгина.*) Трудно, думаешь?

КОЛТЫГИН. Попробую. Я о другом подумал. Рассказ мне тут принесли один. Да ты его, кажись, видал. «Советник» называется. Про японца одного, про шпиона.

ПНЕВ. А-а. Помню. Пора напечатать, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Я и то подумал, пора-

Вбегают Шишина, присяжный поверенный. Она в синем саке, с портфелем, — по всему видать, дама решительная.

ШИШИНА. Гражданин командующий округом! Обещали демократию, а товарищу Мякушко у меня на воротах дома... мелом... распределение постоя: «Двенадцать лошадей и сорок два человека». А вам известно, что этот дом мне подарила революция?

КОЛТЫГИН. Нет. Мы в городе еще не освоились.

ШИШИНА. Революция сделала меня присяжным поверенным. Революция дала мне возможность получать гонорары. На революционные деньги я купила дом!

Подошла Серафима и с ней Загородных. Вернулся Мякушко.

КОЛТЫГИН (*Серафиме*). Об'яснитесь с гражданкой. (*Шишина ушла.*)

МЯКУШКО (*решительно*). А ты Пушкина читал?

КОЛТЫГИН. Читал.

МЯКУШКО. Веришь?

КОЛТЫГИН. Во что верить-то?

МЯКУШКО. Веришь, я спрашиваю?

КОЛТЫГИН. Ну, верю.

МЯКУШКО (*еще более решительно*). Вот и все! (*Ушел.*)

ЗАГОРОДНЫХ (*сломал ветку и протягивает ее Серафиме*). А чего это, Александр Демидыч, название у него такое военное—гранатовое дерево? Откуда оно родом-то?

КОЛТЫГИН. Из Африки.

ЗАГОРОДНЫХ. Надо полагать, дерутся там здорово?

КОЛТЫГИН. Ты бы воздействовала на своего дядю-то, Серафима Максимовна. То целые уезды вел против японцев, а тут вдруг одна деревня повела его за собой.

СЕРАФИМА. Воздействую... коли могу...

КОЛТЫГИН. А почему ты, Серафима, за Сергуню выйти не хочешь?

СЕРАФИМА. А твои мысли какие об этом, Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. Тут я не командую.

СЕРАФИМА. Где уж тут командовать-то.

КОЛТЫГИН. Да и как советовать. не знаю.

СЕРАФИМА. Время военное: советовать сейчас все можно.

ЗАГОРОДНЫХ. Да и мужик ты женатый, и дети у тебя есть, стало быть, больше понимаешь.

СЕРАФИМА. Про женатость-то что-то ты молчал, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Разговора не случилось. Это Сергунь у меня сегодня письмо увидал. «Откуда?» — «С завода». — «Приятели?» — говорит. — Сюда бы их выписать». — «Нет, — говорю, — жена скучает. Да и ребятишки про отца спрашивают».

СЕРАФИМА. О жене, стало быть, соскучился, Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. Скучать нам по женам, солдатам, не полагается. Ну, так, втихомолочку, скучаем.

СЕРАФИМА. Та-ак... (*Указывая на Загородных.*) А ведь парень-то хороший. Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. Хороший. (*Серафима пошла.*)

ЗАГОРОДНЫХ (*пылко Колтыгину*). Великий ты оратор, Саша! (*Ушел.*)

ПНЕВ. Пожалуй, Серафима-то фарватером... любовным к тебе шла, Александр Демидыч. Это ты правильный

бакен поставил: Загородный тебе теперь первый друг.

КОЛТЫГИН. Не для Загородных, а потому что мой фарватер, кажись, другой.

ПНЕВ. Плавать, так, конечно, лучше плавать в океане. Но я тебе скажу, девка эта океанская, сильная. Три дня, как сюда переехали, верно. А уж брат этого Тыжнова, Николай, трепещется около нее весь... из канцелярии не выходит. А он, ведь, сказывают, в Париже обучался.

Входит Петр Тыжнов.

ПЕТР ТЫЖНОВ. Александр Демидыч, благодетель, переезжаете, сказывают?

КОЛТЫГИН. Надо.

ПЕТР. Обида, Александр Демидыч! *(Указывая на цветы.)* Ведь одних цветов сады стоят. Это у меня Кольша, брат, в детстве еще увидал гранат-дерево. Хочу, говорит. Я ему и закатил — и оранжерею, и дачу всю заполнил цветами этими...

КОЛТЫГИН. А вот обнаружен нонче склад краденого: три подвала. А владельцы-то склада, оказывается, у вас. Петр Ефимыч, в приказчиках служили?

ПЕТР *(смеясь)*. Ищу себе монахов в приказчики, а монахов-то, сказывают, всех большевики перебили.

КОЛТЫГИН. Наше правительство предполагает отменить смертную казнь, но не для бандитов, Петр Ефимыч.

ПЕТР *(спокойно крестится)*. Ну, стало быть, царство им небесное! Там среди арестованных-то рябой такой есть, Песиков по фамилии. Я ему жалованья за три месяца не платил, ну, да уж, бог, видно, простит...

КОЛТЫГИН. Бог-то бог, да не лови с японцами блох, Петр Ефимыч!

Подходит к брату Раиса Ефимовна. Это сухая, длинная и очень, видимо, злая женщина. Она говорит ему что-то на ухо

ПЕТР. Да что ты, Раиса?

РАИСА. Вот тебе и что ты. Еще и муженек мой тоже герой: в меньшевики записался. Они, — говорит, — при всех

властях могут существовать. А еще полковник.

ПЕТР. Кобель он, а не полковник. *(Тихо.)* Неужели в полной генеральской форме? С погонами?

РАИСА. Кругом — генерал. Подкладка красная, собой красавец.

ПЕТР. А Кольша-то за ним?

РАИСА. Иди, посмотри.

ПЕТР. Что у меня, вывеска плоха? Генеральского тупа на ней еще не хватало? *(Выходит с сестрой на балкон, всматривается.)* И верно! Ну, Раиса, все я терпел...

Шум. Снизу поднимается генерал Ворожцов, окруженный несколькими молодыми людьми в военной форме, повидимому, бывшими офицерами, и чрезвычайно провинциальными барышнями. Ворожцов в полной генеральской форме: с погонами, с бантом офицерских «георгиев». В руках у него стэк. Он высок, очень обаятелен, весел и невероятно опрятен. Денщик несет за ним чемодан, зеленого попугая в клетке и мандолину. Рядом с Ворожцовым идет Николай Тыжнов. Длинные белокурые локоны опустились на воротник бархатной куртки.

Ворожцов вышел на балкон и помахал рукой. Снизу доносятся приветствия.

ВОРОЖЦОВ *(вернувшись)*. Толпа. А для толпы самое главное — благодарность. *(К Николаю.)* Представь меня, Коля. *(Кланяется всем.)* Генерал-лейтенант Михаил Афанасьевич Ворожцов, к вашим услугам, господа. *(К Петру.)* Извините. Швейцар, увидав меня, перепугался и убежал. Номер для меня найдется?

ПЕТР. Нет.

ВОРОЖЦОВ. Ну, так я сам найду. *(К денщику, указывая на коридор.)* Третий налево.

ПЕТР. Там полковник Идзити.

ВОРОЖЦОВ. Четвертый.

ПЕТР. Генерал Матаори.

ВОРОЖЦОВ. Ну, неси наверх.

ПЕТР. Наверху партизанские командиры.

ВОРОЖЦОВ. Поставить на лестницу. Русский генерал будет жить посре-

дине. (Со смехом офицерам.) Верно, господа беспартийные?

Вбегает Загородных. За ним — Сото-вич и Серафима.

ЗАГОРОДНЫХ. Господа? Господа у нас еще только япошцы уцелели.

ВОРОЖЦОВ (небрежно). А чего ж рабы тогда так орут при господах?

РЫЖЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ (восторженно). А что вы думаете об удовольствиях, господин генерал?

ВОРОЖЦОВ (устало). Удовольствия мне опротивели.

РЫЖЕНЬКАЯ. А ненависть?

ВОРОЖЦОВ. Ненависть еще более однообразна, чем удовольствия.

ЧЕРНЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ. А книги, господин генерал?

ВОРОЖЦОВ. На всех языках мира едва ли найдется сотня книг более или менее оригинальных. Все остальные миллионы подражают этой сотне.

РЫЖЕНЬКАЯ. А любовь, господин генерал?

ВОРОЖЦОВ. Когда вы смотрите с улыбкой на любовные слезы женщины, вы быстро становитесь ей противны. Вообще, счастье похоже на тучи... (Достает из кармана сигару.) Человек не умеет их вызывать по своему желанию. (Закуривает.) Он умеет только пускать дым.

НИКОЛАЙ ТЫЖНОВ. А добро? А красота?

ВОРОЖЦОВ (смеясь, указывая на Николая офицерам). Пройдя великую войну и не менее великую революцию, он, господа, еще верит в добро и красоту.

ЗАГОРОДНЫХ (достает трубку). Ты кто такой?

ВОРОЖЦОВ (передвигая во рту сигару). А ты кто?

ЗАГОРОДНЫХ. Я — Загородных!

ВОРОЖЦОВ. А я — странник в генеральском мундире.

ЗАГОРОДНЫХ. Много мы таких странников загнали в японские штабы. Погончики и револьвер-то придется сдать, господин странник.

ВОРОЖЦОВ (прячет руку под шинель). Вы так рассчитываете?

ЗАГОРОДНЫХ. Уж так мы привыкли.

РЫЖЕНЬКАЯ (восторженно). Ах, как любопытно!

ВОРОЖЦОВ (указывая Загородных на нее). Смотрите-ка, какие барышни повелись в России. (Взглянув на Персианову.) А это тоже новый сорт. Это, что ж, общая комиссарская жена?

СЕРАФИМА. Да рви ты у него погony и душу, Сергунь!

ЗАГОРОДНЫХ (с бешенством). Ты, под'японщина, кладешь оружие или нет?

ПАРТИЗАНЫ. Клади оружие!

КОЛТЫГИН (спокойно). А не кажется вам, товарищи командиры, что это самая простая провокация?

ЗАГОРОДНЫХ. Зачем?

КОЛТЫГИН. А зачем японцам в нашу гостиницу было переезжать? Они все любят о голубях мира говорить. (Указывая на Ворожцова.) Вот он, один из голубей.

ЗАГОРОДНЫХ. На красной подкладке!

ВОРОЖЦОВ. Мы носим на подкладке то, что у вас над головой.

ЗАГОРОДНЫХ. Ой, как бы твоя голова подкладкой для моей пули, не пришлась...

КОЛТЫГИН. Спокойно, товарищи.

Снизу поднимаются японцы. Впереди идет генерал-майор Матаори. Это седой широкогрудый офицер, все лицо которого пересекает огромный кровоподтек. За ним следуют полковник Идзити, ад'ютант Хиросе и крошечный, но большеголовый Шинода.

Матаори вошел в зало, остановился, молчит и смотрит на Петра Тыжнова, а затем поворачивается к Ворожцову.

ПЕТР ТЫЖНОВ. Позвольте, ваше высокопревосходительство, познакомить вас... Командующий округом...

Матаори круто повертывается к Колтыгину, делает к нему один-два шага, всматривается и вдруг, так же круто повернувшись, выходит, почти выбегает из зала.

ПЕТР (*недоуменно*). Горячий генерал-то...

КОЛТЫГИН. Да, шпионы у них поспокойнее. (*К Ворожцову.*) А вы как думаете, господин генерал?

ВОРОЖЦОВ. Вы ошибаетесь, гражданин командующий. Я — сын своего отчества. Я — не японский наймит. (*Снимает погонь, передает их и револьвер Серафиме. Подает сигару Колтыгину.*) Угодно?

КОЛТЫГИН. Курю свои. (*Достал папироску, спички.*)

Из коридора выстрел. Пуля вышибла коробочку спичек из руки Колтыгина. Сверху и снизу показываются партизанские командиры с револьверами и ручными гранатами. Петр Тыжнов тоже выхватил револьвер.

ТЫЖНОВ. Кто балуется? Это вам гостиница, а не тир.

КОЛТЫГИН. Спокойно! (*К командирам.*) Спокойно, товарищи! (*К Петру.*) А у меня имеется еще коробочка. Кроме того, неофициальный разговор всегда драгоценнее официального. (*К Николаю.*) Гражданин Тыжнов, ведь вы, кажется, перешли к нам с батальоном егерей? А сейчас вы находите возможным сопровождать к японцам царского генерала?

НИКОЛАЙ. Ворожцов, будучи капитаном, на фронте сочувствовал левым.

КОЛТЫГИН (*к Ворожцову*). Сколько же из этого сочувствия вы перебили рабочих и крестьян, чтобы попасть в генералы, господин Ворожцов?

ВОРОЖЦОВ. Я арифметике предпочитаю музыку.

НИКОЛАЙ. Но не это важно. Важно другое. Я шел с ним рядом из-за того, чтоб скорей кончить мою муку. Я, если хотите, искал смерти!

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилие.

Как небо, встала надо мною,
И я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней!..

Смотрел я тусклыми глазами...

КОЛТЫГИН. Трахомой больны вы, Николай Ефимыч, трахомой! Мякушко!
МЯКУШКО. Все готово, товарищ командир.

КОЛТЫГИН. Сотовичу произвести расследование о выстреле. До свиданья, граждане! (*Партизаны ушли.*)

ВОРОЖЦОВ (*Петру*): Верх можно занимать?

ПЕТР (*со злобой*). Не верх, а команду. И прекратите командовать. Я команду!

ВОРОЖЦОВ (*оглядывая его*). В командовании очень важна злоба. У вас она есть. (*Ушел. Его сопровождающие идут за ним.*)

Остался Петр и Николай Тыжновы.

ПЕТР. Кольша!

НИКОЛАЙ. Тоскую я, Петр.

ПЕТР. Помнишь, Кольша, книги ты захотел писать про любовь и про зверей. И я тогда спросил у адвоката одного: «Какое самое лучшее учебное заведение на всем свете?». — «Сорбонна, — говорит, — в Париже». Помнишь, сказал я тебе: «Кольша, поезжай». Почесть, сто тысяч долларов всадил я в эту Сорбонну.

НИКОЛАЙ. Жалко тебе, что ли?

ПЕТР. Не жалко. Не жалко и того, что не ты научился, а я, а что ты у меня ходишь вроде мечты, Кольша. Потерпи, Кольша. Будет любовь, будут и звери. Сам я буду зверем, но ты только потерпи, Кольша.

НИКОЛАЙ (*вяло идет*). Это я от тебя много раз слышал.

ПЕТР. Последний раз обещаю. И верное обещание, Кольша. (*Николай, не оборачиваясь, уходит. Петр неподвижно стоит у гранатового дерева.*)

Входят полковник Идзити, Хироэ и Шинода.

ПЕТР. Вот вы, господин Идзити, спирт, я вижу.

ИДЗИТИ. Я верю в богов, а духи — их помощники, господин Тыжнов.

ПЕТР. А эти духи вам про меня не намекали?

ИДЗИТИ. Молчат.

ПЕТР. Вот вы, господин Шинода, большой ловкач (*делает собирательный жест*) насчет этого...

ХИРОЗЕ (*сердито*). Господин Шинода семью, родину очень любит. Господин Шинода — необыкновенно честный человек.

ПЕТР. Есть, батенька, цветок такой — роза. Купец его продает, парфюмер из него масло точит, поэт стихи сочиняет, а любовник невесте дарит. У всякого о розе, господин ты мой Хироze, разное понятие.

ХИРОЗЕ. Роза хороша только на родине и в семье, господин Тыжнов.

ШИНОДА. Мне хочется знать: кем хочется быть господину Тыжнову?

ПЕТР. Мне хочется быть председателем созета министров.

ИДЗИТИ. Мир духов и богов, господин Тыжнов, полон. Их помощи ищите.

ПЕТР. Умного человека и богам невредно поискать, господин полковник. У меня восемь пароходов, двадцать семь речных буксиров, дома, рыболовные промысла, целые реки мои, а отец у меня был дьякон, и пятнадцати лет, когда я из дому ушел, у меня капитала были одни зубы. Дело мое твердое, господин полковник.

ИДЗИТИ. Я вас, господин Тыжнов, пристально слушаю.

ПЕТР. Вот и скажите генералу Матаори: Наполеон тоже был большой мошеник, и тоже, подозреваю, из торгующих. (*Ушел.*)

Пауза. Идзити медленно идет к алтарю.

ШИНОДА. Господин генерал был мною, господин полковник, предупрежден.

ИДЗИТИ (*холодно*). Господин генерал — герой. Он суду человека не подлежит.

ХИРОЗЕ. Господин генерал очень свою родину любит.

ШИНОДА. Все герои знают, что делают. Сибирский герой акции свои в очень крепком концерне «Мицуи» имеет.

ИДЗИТИ. Герой может не утерпеть. Если правда, что известной ночью известный господин Колтыгин ранил господина генерала Матаори в лицо...

ШИНОДА. Рана — это кровь. А здесь только кровоподтек. Можно подозревать, что этот кровоподтек от удара плетью?..

ИДЗИТИ. У вас слишком много кривизны для советника по юридическим вопросам, господин Шинода.

ШИНОДА. Я не герой, господин полковник. У меня нет уменя пушками защищаться.

ХИРОЗЕ. Господин генерал возмущен международными обстоятельствами. Как мог господин генерал ночью человека, который ранил его, разглядеть?

ШИНОДА. Была полная луна, и, кроме того, горело село.

ИДЗИТИ. Разговор сей весьма непочтителен. Я его прекращаю.

Идзити подходит к алтарю, хлопает ладонью в ладоши, затем бьет веревкой в гонг. Шинода и Хироza стоят возле дверей.

ИДЗИТИ (*читая молитву*). Прежде всего, я обращаюсь благоговейно к божеству обоих храмов в Исе, а затем к восьмистам миллиардам богов больших и малых храмов великой страны восьми островов, моей родины...

ШИНОДА. Американские транспорты погружены?

ХИРОЗЕ. Американцы, согласно декларации, в двенадцать часов отплыли, господин Шинода.

ШИНОДА. Опасно пребывание здесь, опасно.

ИДЗИТИ (*громко читает*). ...чтобы я, по примеру моих предков, славу потомку богов — императору моему — принес...

Картина вторая

Сцена городского театра. Только что опустился занавес после доклада Колтыгина. За сценой выкрики, шум. Из-за стола выходят партизанские командиры, доставая кисеты и трубки. Нагрибедов, мощный белобородый мужик, подходит к Колтыгину, который собирает бумаги со стола. В руке у Нагрибедова — звонок.

НАГРИБЕДОВ. Мужики-то правду орут.

КОЛТЫГИН. Правда-то эта завтрашнего дня, а не сегодняшнего, това-

риш Нагрибедов. (Смотрит на звонок, который ему протягивает Нагрибедов). Отказываешься председательствовать?

НАГРИБЕДОВ. Москва — город красивый, а груз она дает не по нашим плечам. Тяжелый.

КОМАНДИР С КРАЯ СТОЛА. Мое предложение такое: взорвать всю технику и уйти в сопки.

КОЛТЫГИН. А много у тебя ее, этой техники-то?

КОМАНДИР. Сколько ни есть, а моя.

НАГРИБЕДОВ. Буржуазия говорит мне: гарантируй, говорит, непроведение коммунизма, Иван Сергееч.

ЗАГОРОДНЫХ (кричит с другого края сцены). Ну, и пусть! Два раза нас меньшевики обманули, а третий раз мы их обманем.

НАГРИБЕДОВ (хмуро). Тоже, обманщик нашелся, Сергунь-то. Чем ты его ленил, Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. А помнишь, Иван Сергееч, в Кривой пади дрались мы с японцами?

НАГРИБЕДОВ. Врукопашки - то? (Хохочет.) Это когда ты японского генерала хворостиной бил? (К партизанам.) Шашку переломил, патроны выпустил, так он сорвал хворостину и давай японцев стегать! (Смеется.) Кабы не тучки да не подмога им, мы б их тогда тысячи уложили!

КОЛТЫГИН. Вот этот самый генерал теперь меня в лицо и признай.

НАГРИБЕДОВ. Ну!

КОЛТЫГИН. Японское командование нонче внесло пожелание совету министров: мы, мол, мира желаем, уходим, а наши солдаты ворчат, что русскими войсками командует коммунист. Нашим солдатам, мол, неприятно видеть коммунистов и учеников Ленина. Ведь, воевали, мол, а теперь на улицах встречайся.

НАГРИБЕДОВ. Коалиция-то твоя, как, струсила?

КОЛТЫГИН. Теперь я только председатель военного совета при штабе командующего.

НАГРИБЕДОВ. Так. И после всего этого ты мне председательствовать за демократическую республику советуешь?

Однако народа-то ты не видишь совсем, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Я ли? (Указывая на зал.) Народ-то хочет говорить, а ты уходишь от народа. Скажут: «Э, испугался Иван Нагрибедов».

НАГРИБЕДОВ. Я? Я с-супротив всей Азии и Европы стоял, один, с берданкой. Я? (Кладет один револьвер на стол, второй. Затем, положив руку на револьвер, другой хватает звонок.) Пускай-ка теперь мне крикнут, что японцам я продался. (Яростно звонит.) Степша, поднимай полотно-то!

Занавес поднялся. Зало полно. Оно встречает яростными криками своих командиров. Нагрибедов звонит тоже яростно. Зало постепенно утихает.

НАГРИБЕДОВ. Каки вопросы к докладчику?

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Под'японщину не надо!

СТАРУХА. Долой под'японщину!.. МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ.

Он мне говорит: на красно знамя надо синю заплату нашить. На зад себе нашей-ка, Колтыга! Може, японцы в тебя стрелять не будут!

НАГРИБЕДОВ (звонит). Орать-то и бык может. Надо толком про резолюцию.

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ (выхватывая шашку). Вот наша резолюция.

СТАРУХА (насмешливо кланяясь Нагрибедову). Спасибо тебе, Иван Сергееч, от мужиков и от баб. Вел ты нас к морю, — и привел. А у моря-то трупом нас перед японцем положил!

ГОЛОСА. Советы нам, советы! Не надо нам демократической республики!

НАГРИБЕДОВ. Да вы меня еще уважаете, али нет, мужики?

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. А как, Иван Сергееч, тебя не уважать?

НАГРИБЕДОВ. А раз уважаете, задавайте вопросы Колтыгину. Никто вас силой голосовать не заставит: все идет на чистую совесть. (К мужику в рыжем шарфе.) Вот ты и спрашивай.

МУЖИК В РЫЖЕМ ШАРФЕ. Я-то спрошу!

НАГРИБЕДОВ. Вот и спрашивай!

МУЖИК В РЫЖЕМ ШАРФЕ. Я, Иван Сергеевич, очень злобно спрошу. (*Подбегая к Колтыгину.*) Зачем ты советскую власть в карман положил? Зачем ты нас против японца не пускаешь?

КОЛТЫГИН. Сколько в городе японских войск сейчас?

МУЖИК В РЫЖЕМ ШАРФЕ. Считам тыщ семьдесят.

КОЛТЫГИН. Способны их партизаны побить?

МУЖИК. Способны.

КОЛТЫГИН. А если подвезут еще войска, полтора-два тысяч, скажем?

МУЖИК. И полтора-два тысяч побьем!

КОЛТЫГИН. А миллион?

МУЖИК (*подумав*). При хорошем обвуруженьи и миллион побьем.

КОЛТЫГИН. А два миллиона?

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Не могут они выставить два миллиона?

КОЛТЫГИН. А если выставят? Оружия у нас нет. Обучены мы плохо. Бой, верно, отвагу любит, но бой тоже и науку ценит. Вот, скажем, состоял ты, Имейко, при орудиях. А стрелял ты без прикрытия прямой наводкой, без панорамы, как будто из печки. Стрелял?

МУЖИК. Бывало.

КОЛТЫГИН. А японцы так стреляют? Нет. Больше у них оружия вдесятеро против нашего? Больше. Вышло у нас время передохнуть? Как будто вышло. Можно, значит, в это время подучиться? Можно. Можно тебе, Имейко, академию генеральского штаба в это время окончить? Можно.

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Мне-е? (*Хохот зала.*) Мне, Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. Имеешь ты ярость против буржуев? Имеешь. Значит, учиться будешь? Будешь. Значит, окончишь?

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Ну, раз учиться, чего ее мне, академию эту, не кончить.

СТАРУХА. Имейко-то в генералы выйдет!

МУЖИК НА КОСТЫЛЕ. Не, морда больно широка.

МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ. Наука-то, парень, морду суживает. Я вот пока в

полку букварь-то одолевал, так штаны-то, как с младенца, свисали.

СТАРУХА. Сенька-то тоже в генералы захотел! (*Хохот.*)

СТАРИК С ВИНТОВОЙ. Буде, поучила меня тайга-матушка, надо и мне ее поучить... И меня пиши в науку!

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Постой, постой, постой, мужики! Это как же, а кто нас учить будет? Колчаковски офицеры? (*Шум.*) Ни надо нам демократию! Ни надо нам буфера! Давай нам советскую власть! (*Крики.*)

КОЛТЫГИН (*схватив мужика за плечи.*) Постой! Ты кого будешь выбирать в советы?

МУЖИК. Большевиков.

КОЛТЫГИН. А в учредительное собрание ты, что же, на эсеров голосовать будешь?

МУЖИК. Эсеры у меня брата расстреляли.

КОЛТЫГИН. Так что же, большевики у нас здесь другие, что ли? Не выдержат они, что ли? В наем к буржуазии уйдут, что ли? В наем к японцам уйдут, что ли?

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Постой, постой, Колтыга!

КОЛТЫГИН. Стою!

МУЖИК. Постой! Вот ты это рассказывал, что в Москве сейчас тяжело, что ей нам помощь трудно посылать. Так? А как вот об этом буфере самом Ленин думат? (*К мужикам.*) А? Об Ленине-то он молчит. (*Шум.*)

КОЛТЫГИН. Ленин?

МУЖИК. Он самый. Ленин. Владимир Ильич, значит. А?

СТАРУХА. Ты нам Ленина не прячь!

ГОЛОСА. Ленина давай слова! Ленина!..

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Он ведь Ленина-то видел. Он с ним говорил. А теперь то-се, пято-десято, от ворот поворот. Вот я Ленину слова предоставляю, и никаких!

КОЛТЫГИН. Товарищ Ленин говорит: мы прекрасно знаем, какие невероятные бедствия терпит сибирское крестьянство от японского империализма...

СТАРУХА. Верно!
МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Он, Ленин-то, знат нас. Его в Сибирь сослали. Это мы тоже знаем!

КОЛТЫГИН. Но тем не менее, говорит, Владимир Ильич, вести войну с Японией мы сейчас не можем!..

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Так и сказал?

КОЛТЫГИН. Прямо так и сказал. Надо, говорит, войну эту отдалить. Надо, говорит, если можно, обойтись совсем без нее. Обстоятельства, говорит, такие, что придется создавать буферное государство...

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. А ты хорошо помнишь?

КОЛТЫГИН. Уж ты, Имейко, поверь. Не перепутаю.

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Тако дело... тако дело, стало быть.

СТАРУХА. Ленину, што ли, не верить, мужики? Кому ж верить?

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. Народу надо верить! Ленин народу верит. И я ему верю. Ленин на общий фронт зовет народ, — и я туда иду. Поднимаю, товарищи трудящиеся, руки за Ленина. (К президиуму.) Считаю голоса, Иван Сергенч, за большевистскую резолюцию.

Нагрибедов, все еще держа руку на револьвере, поднимает другую с громадным звонком, который держит так тяжело, словно это граната. Этим звонком он медленно считает, как бы подвигая руку по рядам. Затем он прервал счет, отодвинул револьвер, положил звонок и говорит Колтыгину:

НАГРИБЕДОВ. Наша резолюция за демократическую республику, за буфер, принята трудящимися единогласно.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая

Здание Энского военного округа. Большое зало. Вносят буфет. В двери видно, как кладут по полу ковровые дорожки. Несут мягкую мебель, цветы. Колтыгин и Сотович идут вдоль стен.

КОЛТЫГИН (*указывая на пятно*). Надо картину повесить.

СОТОВИЧ. Велю лучше залу перебелить. Полосатая она, как зебра, неудобно, консулы держав придут...

К ним подходит Загородных и Серафима. Серафима уже в городском платье. Загородных очень подтянут, весел.

ЗАГОРОДНЫХ. Ты чего, Саша, на свадьбу не приходил?

КОЛТЫГИН (*вздвинув*). Поженились уже?

ЗАГОРОДНЫХ. Мы, знаешь, здорово плясали. На рауте-то на этом тоже, выходит, попляшем?

СОТОВИЧ. Понимаешь, пляской-то оказывается бал, а раут это только закуска, чай там и такое-прочее, и разговор.

ЗАГОРОДНЫХ (*несколько смущенно*). Разговор?

СОТОВИЧ. С консулами да с японскими генералами.

ЗАГОРОДНЫХ. О чем мне с ними разговаривать?

КОЛТЫГИН (*решительно*). Это хорошо, что вы поженились. Очень хорошо. А то, ведь, Серафима Максимовна, ты вроде колебалась?

СЕРАФИМА. Девичьи думы, как зыбь на речке, Александр Демидыч, не захлебнешься, не потонешь.

Адъютант штаба подходит. За ним народоармейцы несут картину. Подбегает уполномоченный с коробкой, большой, круглой.

АДЪЮТАНТ. Куда прикажете картину повесить, гражданин председатель военного совета?

КОЛТЫГИН (*бегло взглянув на картину*). Вон туда.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Там темно.

КОЛТЫГИН. Неудобно в штабе командующего портреты голых баб вешать.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Это не баба, а Венера с зеркалом. Хотя копия, но отличная-с.

КОЛТЫГИН. Отправить ее в министерство народного просвещения.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Извините, из министерства народного просвещения я ее привез.

КОЛТЫГИН. Да вы-то кто такой?

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Уполномоченный министерства народного просвещения по внешнему оформлению человека нового общества!

КОЛТЫГИН. А раньше как назывался?

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Раньше, гражданин начальник, я был профессором естественных наук: косметики, гигиены лица и массажа.

ЗАГОРОДНЫХ. Фамилия?

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Воздвиженский.

ЗАГОРОДНЫХ. Расстрига, значит?

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. Да, был в звании, но по дерзости языка и по стремлению к красоте уволен от такового и перешел на естество человека. (*Раскрывает коробку.*) Самое сложное, граждане, при новом строе — это руки. (*Достаёт перчатки.*) Вот раут. Мужчины входят, держа шляпу и перчатки в левой руке. (*Поднимает перчатки.*) Перчатки должны быть безукоризненной свежести и плотно застегнуты на все пуговицы. (*К Загородному.*) Вознеси-те руку, сын! (*Загородных подносит к его лицу громадную руку.*) Берут обычно по две пары, так как перчатка легко лопается. Но такая безделица, как лопнувшая перчатка, не должна вас смущать...

ПНЕВ (*подходит к Колтыгину*). Ты зачем вызвал?

КОЛТЫГИН. Мякушко прислал письмо, что хочет разговаривать с нами «секретно». Думаю, не о рассказе ли этом, который я сегодня напечатал. Там, ведь, как-никак, а намекается на одного советника Южнокитайской железной дороги, что шпион он американский, да и что живет он у нас в городе... (*Вошел Мякушко с ковром.*)

Мякушко осторожно ставит громадный сверток у стены, вытирает пот со лба и, тяжело вздыхая, скучной походкой направляется к Колтыгину.

МЯКУШКО. Вели, Александр Деми-дыч...

КОЛТЫГИН. Что на ковре секретные знаки какие?

МЯКУШКО. Не на ковре, а в ковре. У-ух, тяжко!

КОЛТЫГИН. Граждане, прошу подняться на второй этаж, там надо срочную работу выполнить. Здесь в зале останутся Мякушко, Загородных, Пнев, Сотович. (*Уходят.*) Ну?

МЯКУШКО (*вздыхая*). Вы Пушкина читали?

КОЛТЫГИН. Дальше.

МЯКУШКО (*тихо, отводя всех к окну*). А дальше так, что мне надо было пятнадцать тысяч долларов. (*Совсем тихо.*) На гаубицы. Так?

КОЛТЫГИН. Ты чего шепчешься-то?

МЯКУШКО. Так требуется. Думал я, думал, и вдруг мне один беляк говорит: «Японцы на секретные нужды для под'японщины пятьдесят тысяч долларов получили». Я рассуждаю: беляки — ведь это русские. А русские обязаны нам подчиняться. Значит, деньги наши, русские. «У кого, спрашиваю, деньги эти хранятся». «У господина Шинода» — отвечает.

КОЛТЫГИН. Под суд, товарищ Мякушко. Тоже, Дубровский!

МЯКУШКО. Слушаюсь, товарищ начальник. Разрешите итти.

КОЛТЫГИН. Потом пойдешь. Продолжай.

МЯКУШКО. Ну, естественным порядком, влез я, как мне Пушкин посоветовал, через окно, пистолет к японскому лбу, говорю: «Давай русские деньги». Смотрю: господа ты боже мой, японец-то одетый лежит в постели и смеется.

ПНЕВ. Любопытное плаванье.

МЯКУШКО. Это вам любопытно, а мне противно. Лежит он, это в четыре часа ночи-то, и улыбается. Я это даже вздрогнул. А он мне говорит: «Неси меня, гражданин Мякушко, в ваш штаб». Я его и понес. До утра-то это он у меня в квартире сидел, а теперь... (*Разрезает веревки, стягивающие ковер. В ковре стоит улыбающийся Шинода.*)

ШИНОДА. Простите, господа. Но что поделаешь, если у меня не было иного случая попасть к вам тайно.

ПНЕВ. Да, ведь, рассказ-то об вас напечатали только сегодня?

ШИНОДА. Хорошие осведомители приносят гранки накануне выхода газеты. Должен сказать, что у автора определенно есть беллетристические способности.

КОЛТЫГИН. Их трудно развивать. Похоже, рассказ-то окажется неоконченным.

ШИНОДА. Да, если я получу гарантии безопасности...

ПНЕВ. Какие же гарантии вашей искренности, господин Шинода?

Шинода подает связку бумаг Колтыгину.

ШИНОДА. Здесь, конечно, оригиналы. Не целиком, а частью, конечно... С японским языком вы знакомы, господин Колтыгин?

КОЛТЫГИН. Нет.

ШИНОДА. Там перевод приложен. Заметьте, что только еще вчера мы заверили мировое общественное мнение, что наши войска Приморье еще летом покинут.

КОЛТЫГИН (*читая*). «Секретно. Военное министерство. Токио. Командующему сибирской императорской армией. Мы приказываем вам зимний военно-операционный на 1921—22 год немедленно разработать. Также приготовить зимние квартиры». (*Смотрит вопросительно.*)

ШИНОДА. (*указывая на бумаги*). Правда здесь.

КОЛТЫГИН (*перелистывая*). «Старайтесь, чтобы комиссары и видные большевики к нам в руки попали». Для этого вы хотели видеть наших героев? Так, значит, для этого вы просили устроить раут?

ШИНОДА. Это значит то, что это значит.

ПНЕВ. Ваши гарантии нас удовлетворяют. Чего вы хотите?

ШИНОДА. Японскому командованию известно, что в центральном комитете вашей партии, под председательством... (*Поднимает руки.*) Я не осмеливаюсь касаться даже фамилии такого великого ума! Итак, было собрание. Знаменитый человек предложил новую экономиче-

скую политику, то-есть развязывание частного капитала, некоторое развязывание, как, например, вы развязали меня из этого ковра.

КОЛТЫГИН. А к нашему-то разговору какое это отношение имеет?

ШИНОДА. Большое. У меня, господин Колтыгин, нет, как у некоторых иных японцев, тоски по родине. Я вырос в Корее и в Манчжурии. Климат Дальнего Востока мне нравится. Я бы с удовольствием навсегда остался здесь.

КОЛТЫГИН. А сколько же японских штыков надо, чтоб охранять ваше оставание здесь?

ШИНОДА. Мне надоели штыки. Я люблю спокойную жизнь. Я, видите ли, философ. Я хотел бы заниматься в уединении, толкуя, например, стансы Сыкын-ту. Мне близка китайская культура. А так как знаменитый человек в Москве не будет развязывать ковер, когда в нем лежат щепки, а достанет оттуда крупные вещи, то, несомненно, к жизни будут возвращены и помещики. Так?

КОЛТЫГИН. Вряд ли.

ШИНОДА. А если так?

КОЛТЫГИН. И чего вы тогда хотите, господин Шинода, «если так»?..

ШИНОДА. Я хочу только вашего честного слова, что в случае возвращения земель помещикам правительство ваше мне пять тысяч десятин земли безвозмездно выдаст.

КОЛТЫГИН (*важно*). Заверяю вас торжественно, господин Шинода, что если наша власть будет возвращать землю помещикам, мы даем вам пятнадцать тысяч десятин земли — и по вашему выбору!

ШИНОДА. Пятнадцать тысяч мне вполне достаточно. (*Торжественно.*) На примере того, как вы проводите выборы в учредительное собрание, я вижу, — да это мнение и всего японского командования, — что большевикам сильнее, чем всем иным русским партиям, верить можно. (*Становится на ковер.*) Хотя я и испытал многие способы передвижения, но впервые в таком странном экипаже странствую. (*Подумав.*) Должен добавить также, что после того, как вами подписан договор с маршалом Чжаном о разоружении белых в Манчжурии, —

мы решили собрать в Порт-Артуре совещание представителей Японии и Франции. Будет также и этот идиот, атаман Семенов.

КОЛТЫГИН. Тема этого совещания?

ШИНОДА. Тема, несомненно, вам и без меня известна. А вот касательно способов, какими предполагается осуществить эту тему, — то я дополнительно о том сообщу. (*К Мякушко, который завертывает его*). Прошу осторожно нести. Прошлый раз вы помjali плечо мне. До свиданья, господа.

МЯКУШКО. Вот она, Япония-то какая. (*Унес Шиноду*.)

ЗАГОРОДНЫХ (*указывая на бумаги*). Подделано.

ПНЕВ. Легко сказать это, парень.

КОЛТЫГИН. В газетах напечатано — будет раут, встреча японского и русского командования. А мы не пойдем. Японцы и закричат: «Ага, герои! А встретиться бояться».

СОТОВИЧ. Надо устраивать раут.

ПНЕВ. Не надо раута, ребята. Пускай кричат японцы. Смелость они нашу уж проверили.

ЗАГОРОДНЫХ. Поставим охрану получше. Что мы им, японцам-то, все уступай да уступай.

ПНЕВ (*подавая депешу*). Из Москвы. (*Колтыгин читает и передает Загородному, а тот Сотовичу*.) Теперь, какие твои предложения, товарищ Колтыгин?

КОЛТЫГИН. Надо торопиться с выборами в учредительное.

ПНЕВ (*указывая на телеграмму*). А как насчет командиров-то партизанских, насчет командиров? Что нам, бой принимать в городе, под обстрелом японских кораблей? Ведь форты-то нам японцы отдали, а пушечки в фортах попортили.

СОТОВИЧ. Если до раута опубликовать результаты выборов в учредительное, японцы не посмеют напасть на выборных людей.

ПНЕВ. Ой ли, товарищ Сотович!

ЗАГОРОДНЫХ. Позор, конечно, будет им перед всем миром...

ПНЕВ. От позора они откупятся. Сегодня японцы выгрузили шесть транс-

портов с войсками, да вчера пять... Так как же, Александр Демидыч? Может, еще посмотришь на депешу-то?

ЗАГОРОДНЫХ. Части и командиров надо отвести в лагерь. А раут пусть принимает военный совет. И так, мы вроде заложников в лагере буржуазии... Надо нам честь свою перед этой буржуазией держать.

ПНЕВ. Побдительней, ребята, будьте, побдительней И следов штиля на океане незаметно. Вот к нашему порту два парохода русских пленных из Германии подходят.

ЗАГОРОДНЫХ. Пароходы советскому правительству принадлежат.

ПНЕВ. Верно. А из Харбина к ним навстречу уж под японские офицеры выехали.

КОЛТЫГИН. Чего ж ты молчал? Где раньше был?

ПНЕВ. Раньше-то я в эти пароходы наших агитаторов-то в Шанхае посадил. (*Смеется*.) Пленные-то к дому стремятся, так я велел со всех сел жен к ним собрать да ребятишек. Попробуем и эту агитацию. Так как же, Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. Раут принимает военный совет. (*Входит ад'ютант*.) Принесите-ка мне «Синюю птицу».

АД'ЮТАНТ. Попугая, гражданин начальник?

КОЛТЫГИН. Не попугая, а книгу из библиотеки. (*Ад'ютант ушел. Входит Нагрибедов и Серафима*.) Прошлый раз японцы все спрашивали: «Были ли вы в театре?». А где тут попасть? Надо хоть прочесть. А ты, Иван Сергеич, смотри-ка, какой себе мундир выбахал, а?

НАГРИБЕДОВ. А что я, хуже японского генерала? Что я, их не бил? (*Разглаживая усы*.) Вы «Синюю птицу» видали, ваше превосходительство? Каковы перышки-то, а? Голубиные? (*Хочет*.)

ПНЕВ. А придется, кажись, вместо раута-то, Иван Сергеич, по горам тебе гулять.

НАГРИБЕДОВ. В поле да на горе мы воевать более привычны.

ЗАГОРОДНЫХ. Какое там воевать? Не могут японцы напасть, когда толь-

ко-что американцы ушли. Никакого расчету им нету.

Входит ад'ютант, подает Колтыгину книгу.

КОЛТЫГИН (перелистывает). «Монна Ванна»... Нет... «Жизнь пчел»... Ага! (Читает. Опустил книгу и смотрит на Серафиму.)

СЕРАФИМА. Прочитай и нам, Александр Демидыч, чтоб с японцами было о чем говорить.

КОЛТЫГИН. Оно и между русскими-то трудно об этом говорить, Серафима Максимовна.

ЗАГОРОДНЫХ. О чем это, Саша?

КОЛТЫГИН (перелистывая книгу). Да тут все про любовь.

ЗАГОРОДНЫХ. На любовь у нас росту хватит!

КОЛТЫГИН. А в любви-то, сказывают старики, как-раз ростом-то чаще всего и ошибаешься. Думаешь — мал, оказываешься — высок. Думаешь — высок, а оказываешься — мал.

СЕРАФИМА. Любовь-то, как свекровь, Александр Демидыч. Не ростом ее мерить надо, а сердцем.

КОЛТЫГИН. То-то я и говорю, что сердце-то свое не всякий может мерить. Это я, Сергунь, на твоё счастье посмотрел, да и позавидовал.

ЗАГОРОДНЫХ (несколько мрачно). Сказал бы раньше о зависти-то, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Эта зависть хорошая. Она больше на радость похожа. (Идет.)

ЗАГОРОДНЫХ. Зачем это он?

СЕРАФИМА. А он всегда такой. Не поймешь: то он принижается, то он вышашается. Больше все глазами говорит.

ЗАГОРОДНЫХ. Чего в глазах-то прочитала, Серафима?

СЕРАФИМА (берет его за руки). Сергунь, Сергунь! Два раза я в глазах читать не могу. Деревенские мы, плохо обученные... Раз сказала—люблю, выходит—буду любить Сергуня.

ЗАГОРОДНЫХ (улыбаясь). Платье-то ходила примерять? А тут на равуте иностранцы будут.

СЕРАФИМА. В плечах жмет.

ЗАГОРОДНЫХ (встревоженно). Обузила?

Пнев и Нагрибедов, сидя на подоконнике, беседуют, Колтыгин идет мимо.

НАГРИБЕДОВ (указывая глазами на Колтыгина). Умница. Из университета, что ли?

ПНЕВ. Парень, верно, кругосветный. Кузнецом в Челябинском депо работал, а там в Питер переехал, в слесаря вышел. (Гордо.) Рабочие-то какие бывают, а, Иван Сергеич?

НАГРИБЕДОВ. Мое хозяйство тоже были вилы да лопата. Откуда он ума-то наскреб, объясни?

ПНЕВ. Партия помогала, Иван Сергеич, большевики.

НАГРИБЕДОВ. Партия? (Пауза.) А ведь мне, после города-то, пожалуй, в сопках-то будет скучно, товарищ Пнев?

ПНЕВ. Будем помогать.

НАГРИБЕДОВ. Помогать? Чего мне, чужому-то человеку, помогать ты будешь? У тебя своих много.

ПНЕВ. Какой же вы чужой, Иван Сергеич?

НАГРИБЕДОВ. Тупой ум-то—как зазубренный топор. Махать — машешь, а рубить — не порубишь. Вот что, товарищ ты мой дорогой Пнев. Пиши-ка ты меня в партию: пора ум вострить.

Картина вторая

Площадь перед гостиницей «Европа». Трибуна, вокруг которой теснится народ, слушающий непрерывно сменяющихся ораторов. Возле трибуны огромный дощатый щит, на который наклеиваются плакаты и воззвания различных партий. То-и-дело подбегают к щиту мальчишки с ведрами клейстера и афишами.

На балконе гостиницы, заставленном гранатовыми деревьями, стоят японцы, наблюдая предвыборную кампанию.

Внизу, на трибуне

ШИШИНА. Если вы желаете, граждане, неприкосновенности имущества, голосуйте за народовластие. Голосуйте за кадетов!

Подходит к щиту. Она указывает на плакат, наверху которого густо напечатано: «голосуйте», и на следующей, еще более жирной строке: «за партию народной свободы», а затем крупно: «и

вы получите». Она ведет рукой и громко перечисляет:

Народовластие, свободу имущества, свободу личности (Громко.) Народовластие обеспечивает вам защиту родины!

Пока она ведет рукой по плакату, бородатый мещанин уже занял ее место на трибуне. В руках у мещанина огромный барабан.

БОРОДАТЫЙ МЕЩАНИН. Граждане, избирательный комитет не дает нам ни типографий, ни бумаги. Мы бьем тогда в барабан господ бога! (Бьет в барабан.) Голосуйте за беспартийных христиан-баптистов, которые спасут родину и господ бога!

На балконе

ИДЗИТИ (генералу Матаори). Вчера его охватил такой транс, какого и на священной горе Онтаке я не видал. Из национального храма мира духов мы вызвали. Покровитель войны Джимму-тенно перед нами встал.

МАТАОРИ. Джимму-тенно что вам сказал?

ИДЗИТИ. Мертвые в памяти живых жить продолжают! Героям повинуйтесь! Повиновением Сибирь победите.

МАТАОРИ. Я рад это слышать. Молодые офицеры, мне кажется, слишком на Америку пристально смотрят.

Внизу

ОБЫВАТЕЛЬ В ПОДДЕВКЕ (кричит через рупор). ...поэтому союз ломовых извозчиков вместе с мелкими домовладельцами гарантирует вам мирную жизнь и существование родины. Голосуйте за патриота Петра Тыжнова, за список домовладельцев.

ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОМ ПОЛУШАЛКЕ (отталкивая обывателя). А я желаю спросить, девоньки, когда на буржуйских промыслах харчи будут?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А пули японские, девонька, пули не харчи?

ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОМ ПОЛУШАЛКЕ. Я желаю спросить, почему это на японских рыбалках обещали нам деньги и хлеб, а заработную плату выдают гвоздями, перцем да проволокой?

Вверху.
МАТАОРИ. Кто секретные приказы выдать велел?

ИДЗИТИ. Я.

МАТАОРИ. Это еще до того, когда вы видели бога войны Джимму-тенно?

ИДЗИТИ. Вы изволили рыбные ловли посетить. Я же телеграмму из Москвы перехватил. Телеграмма повелевала видных начальников в горы отправлять.

МАТАОРИ. Наши приказы опубликовав, большевики будут думать, что мы комиссаров арестовать не осмелимся?

ИДЗИТИ. Господин генерал, так я подумал.

МАТАОРИ. Сколько политических партий нам свои платформы прислали?

ИДЗИТИ. Девять, господин генерал.

МАТАОРИ. И господин Тыжнов в том числе?

ИДЗИТИ. Господин Тыжнов прислал только список лиц, которые немедленному уничтожению подлежат.

МАТАОРИ. С Народным правительством сегодня же переговоры о признании и мире начать. (Пауза.) Чтоб к дню раута переговоры совсем благополучно развивались. (Пауза.) Когда генерал Ворожцов покинет меня, то господина Тыжнова пригласите. (Идзиги ушел.) Шинода ваш друг, Хироze?

ХИРОЗЕ. Да, господин генерал.

МАТАОРИ. Вы ему верите?

ХИРОЗЕ. Да, господин генерал.

МАТАОРИ. И хорошо делаете. Дружба — это седло славы.

Внизу.

ГОЛОСА. Стойте! Пленные идут!
ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОМ ПОЛУШАЛКЕ. Какие еще пленные?

ГОЛОСА У ТРИБУНЫ. Из германского плену приехали!

— Сюда их. Веди сюда, ребята!

— Пленные-то больно горячи. Мы, грит, расшибем все, а до дому доберемся!

Вверху

Входит ген. Ворожцов и полковник Идзиги. Ворожцов — китель внакидку, в руке — кий, мандолина подмышкой, руки перепачканы мелом.

ГЕН. ВОРОЖЦОВ. Извините, ваше превосходительство, уж больно отменная партия на бильярде. Такой аферист играет, в жизни не выдврал.

МАТАОРИ. Какие, господин генерал, у вас убеждения политические имеются?

ВОРОЖЦОВ. А у меня нет никаких убеждений, ваше превосходительство.

МАТАОРИ. Но для чего ж вы молодых либеральных офицеров вокруг себя собираете?

ВОРОЖЦОВ. А вы полагаете, что хороший партнер на бильярде сам к вам явится? *(Наштывает на мандолине.)*

Бурная тайга,
Тихий океан,
Поручик, ага,
Кажется, ты пьян!

МАТАОРИ. Но какие же у вас, господин генерал, идеалы?

ВОРОЖЦОВ. Признаться, у меня и идеалов-то нет, ваше превосходительство. Мечтал было о зеленом попугае, но приобрел. Мандолина вот тоже перво-сортная. И все. *(Смотрит вниз.)* Эге! Да это никак пленные. Очень любопытно послушать.

МАТАОРИ. Солдаты должны генерала слушать, а не генерал солдат.

ВОРОЖЦОВ. Это у японцев, ваше превосходительство. У русских же, сейчас, генералы, готовясь принять присвоенную им порцию свинца, весьма внимательно выслушивают солдат.

МАТАОРИ. И еще шутите. Странный вы народ, русские.

ВОРОЖЦОВ. Вам трудно себя разглядеть, ваше превосходительство, но уверяю вас, что японцы еще более странный народ. *(Перевешивается через балкон.)* Эге!

Внизу

ПЛЕННЫЙ. Братцы! Проехали мы все моря, значит. К миру мы ехали, к пашне!

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. Верно. К хозяйству, к сынам ехали!

ПЛЕННЫЙ. Вылазим. А город-то большевики оцепили. К пашням как нам пройти? И говорят нам: «Поступайте, ребята, грузчиками в порт». *(Потряса винтовкой.)* А это на что?

ТРЕТИЙ ПЛЕННЫЙ. Голосуйте за наш отряд! Какое там учредитель-

ное. Всем винтовки выдаем. Все окопы сносим. Мир! Не надо нам нейтральных там ваших зон. К пашне хотим!

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. К хозяйству! К сынам!

ЗАГОРОДНЫХ *(выскакивает вперед)*. Союз георгиевских кавалеров, хотите слушать? Я председатель. Я, Загородных!

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. Ивана Матвейча сынок, кажись? Да он! Сергунь? Экой чорт вымахал. *(К третьему пленному.)* Это из Лаврентьевского поселка. Сергунь, а ты дядю Ерему узнаешь?

ЗАГОРОДНЫХ. Здорово, дядя Ерема, не голова, а солома. *(Хохот.)* Да я и то говорю, парни, пришли вы на площадь с винтовками, орете — нейтральную зону вам не надо, окопов нашей республики тоже не надо. Чего ж вам надо?

Вверху

ВОРОЖЦОВ. Эстет диспут достоин пера Ксенофонта, ваше превосходительство!

МАТАОРИ. Вы очень пылки, господин генерал.

Внизу

ЗАГОРОДНЫХ. Пашню тебе надо? Дом тебе надо? Родных тебе надо? Так?

ПЛЕННЫЙ. Разорвем мы, как бумажку, эти окопы!

ЗАГОРОДНЫХ. А и рви! А ты бы все-таки спросил: против кого эти окопы-то поставлены? А спросить-то тебе, дядя Ерема, стыдно-о!

ПЛЕННЫЙ. Мне — стыдно-о? Их, брось, Сергуны! Я ночью злой.

ЗАГОРОДНЫХ. Стыдно! Потому что — кто тебе дал эти винтовки? Офицера! А чьи это винтовки? Японские! А чью родину занимают японцы? Твою. А против кого поставили мы окопы? Против японцев, которым из города выйти страшно, так они хотят на чужих ногах выйти.

ПЛЕННЫЙ. Сам я иду. За детьми. За женой я иду. Вы жен наших захватили, вы над женами нашими изголяетесь.

ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОМ ПОЛУШАЛКЕ. Ярем Семеныч, это кто же

со мной живет? Это кто же надо мной изголяется? Это кому же позволю, кроме законного мужа, над собой изголяться? (*Указывая на мальчишку, который держится за ее руку.*) А этот от кого же нажит? Этот кем же выкормлен, Ярем Семеныч?

ПЛЕННЫЙ. Ба-а-ба! (*Второму пленному.*) Смотри-ка, Митька, баба моя! Робята, да ведь это Сенька мой! Робята! Да, ведь, тут все деревенски бабы! (*К мальчишке.*) Сенька, ты опять сопли распустил. Утрись! На народе стоишь, не в поле.

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. Анисья-то, гляди — как растолстела!

БАБА. С тобой растолстеешь. (*Плача.*) Столько, ирод, ноченок был в плену-то, смотреть страшно.

ТРЕТИЙ ПЛЕННЫЙ. Мамонька, Фекла Степановна, здесь ты?

СТАРУХА (*отталкивая его*). Обожди, обожди, сынок! Дай-ка сказать слово-то всем пленным. (*К делегации.*) Эх вы, вояки! На окопы пошли? Винтовки приготовили? А вам известно, что перед окопами-то все ваши бабы и все ваши дети выстроились, ждут? Вам известно, что я их со всех деревень собрала, вояки? Их, вы! Тут другое снаряжение требуется, а не винтовки. (*Хочет.*)

ПЛЕННЫЙ. Обождь, бабушка! Обождь! (*Поднимает винтовку.*) Мужики! Верна-а, винтовка от японцев получена. (*Ломает штык, выкидывает затвор, сыплет патроны в толпу.*) Во! (*Хочет сломать штык.*)

СТАРУХА. Стой, окаянный. Чего домать-то снаряженье? Сгодится. Патроны-то тоже, ребята, соберите. (*Толпа одобрительно гудит.*)

ЗАГОРОДНЫХ. Товарищи, в Вокзальном районе полный разгром кадетов, — большевиков целиком избрали. Кто за родину, кто за демократию, кто за большевиков, кому дорога наша народная власть, — катая Вокзальный район приветствовать. (*Площадь пустеет.*)

Вверху:

ВОРОЖЦОВ (*сидит на балюстраде и наигрывает на мандолине.*)

Собрание учредительное,
Но я — кадет!
Вино — суть прохладительное.
Но денег — нет!
Поручик, поручик,
А все же вы пьяны!
Тоскую, голубчик.
Ни денег, ни жены!

МАТАОРИ. Согласны ли вы, господин генерал, командование округом принять?

ВОРОЖЦОВ (*перебирая струны*).
Смотря каким.

МАТАОРИ. Вот этим.

ВОРОЖЦОВ. Природа этого округа мне нравится.

МАТАОРИ. Но вы должны нашу политику под видом своей проводить.

ВОРОЖЦОВ. Серая кошка немногим отличается от пестрого котенка. Правда, я несколько легкомыслен. Но и Скобелев был легкомыслен. И Суворов легкомыслен. И вообще, кто побеждает, тот легкомыслен.

Картина третья

Раут в здании военного округа. Чиновники министерств, их жены; иностранные консулы; много японцев. Официанты разносят чай. Буфет уставлен яствами.

Проходят Серафима Персианова и Николай Тыжнов. Она в синем бархатном платье.

НИКОЛАЙ. Я левый человек, Серафима Максимовна.

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рай — нет.

СЕРАФИМА. Сказано, Николай Ефимыч, что нету во мне к вам сердца и нету. И не будет.

НИКОЛАЙ. Будет! Я его зажгу! Вот, например, я вам сейчас скажу такое, что вас потрясет... (*Прошли.*)

Проходит толстый полковник Лужницкий под руку с Раисой. Рядом с ним — Петр Тыжнов.

ЛУЖНИЦКИЙ. Набрал ты подрядов в военном ведомстве на полмиллиона, Петр Ефимыч. А цена: втрое прѣчих подрядчиков. Это грабеж.

ПЕТР. Это не грабеж, грабеж будет дальше.

ЛУЖНИЦКИЙ. В чем это?

ПЕТР. А в том, что подумываю, не забрать ли мне лучше все ваше военное ведомство?

ЛУЖНИЦКИЙ. Образованьем сер ты, Петр Ефимыч.

ПЕТР. Сер да смел, а ты бел да немел. *(Прошли.)*

Идут: полковник Идзити, Загородных, Колтыгин.

ИДЗИТИ. Да, господин генерал, «Синяя птица» заставляет зрителя задуматься.

КОЛТЫГИН. Мечтанья детские, господин полковник, переходят на старший возраст.

ИДЗИТИ *(Загородных)*. А вам что понравилось в «Синей птице», господин генерал?

ЗАГОРОДНЫХ. Синий цвет, господин полковник. Я даже женё своей синее платье после того сшил.

ИДЗИТИ. Да, синий цвет мягок для взора. *(Подошедшему Сотовичу.)* А вам что понравилось в «Синей птице», господин генерал?

СОТОВИЧ. Едят в раю много. Это правда. На земле еды мало. Это тоже правда. *(Колтыгину)*. Там, наши-то, Александр Демидыч, не знают, какое вино откупоривать: какое французское, а какое харбинское. Пойди, посмотри. *(Они отстают. Идзити и Загородных прошли дальше.)* У белых уже и правительство создано? *(Подает бумажку.)*

КОЛТЫГИН. Кто сказал?

СОТОВИЧ. Николай Тыжнов признался только-что Серафиме. *(Подбегает Шишина.)*

ШИШИНА *(Колтыгину)*. Купечество поручило мне, гражданин председатель военного совета, заявить протест против мобилизации вами лошадей.

КОЛТЫГИН. Протест в письменной форме?

ШИШИНА. Да. *(Передает бумагу.)* Сообщаю также, что копия протеста отправлена гражданину Ленину в Москву.

КОЛТЫГИН. Он несомненно будет вам чрезвычайно благодарен. До свиданья, гражданка Шишина. *(Шишина отошла.)* Собери сейчас же всех шофер-

ров, Сотович, пусть переарестуют все министерство. Японские войска не передвигаются?

СОТОВИЧ. Пока незаметно.

КОЛТЫГИН. Охрану штаба проверил? А как результаты выборов в учредительное по городу?

Подходят Идзити и американка Нора Айрон.

ИДЗИТИ. Позвольте представить, господин генерал, мисс Нору Айрон.

КОЛТЫГИН. Я рад. Вы на «Синей птице» были, мисс?

НОРА АЙРОН. Чепуха!

КОЛТЫГИН *(чрезвычайно вежливо)*. Вот как?

НОРА АЙРОН. Взрослые свои глупости приписывают детям.

КОЛТЫГИН. Значит, «Жизнь пчел» лучше?

НОРА АЙРОН. Здесь уже взрослую глупость приписывают пчелам.

КОЛТЫГИН. А вы, собственно, какие меха-то покупаете, мисс Айрон?

АЙРОН *(улыбаясь)*. Преимущественно скальпы, господин генерал.

Подходит Пнев.

ПНЕВ. Мисс Айрон. Господин полковник. Вы видели, какая замечательная копия «Венеры»?

АЙРОН *(смеясь)*. Хороша, хотя и мехом неприкрыта. Посмотрим еще, господин полковник?

ИДЗИТИ. Да, я давно хотел посмотреть копию «Венеры». *(Отошли.)*

ПНЕВ. Провода по всей линии перерезаны. Смотри, гости-то, кажись, уже выходят... чуют... Мякушко гаубицы привез. А на гаубицах марки-то не американские, а японские.

КОЛТЫГИН. Японские. Стало быть, что же?

ПНЕВ. Стало быть, доберемся до правды. Надо еще раз охрану проверить. *(Ушел.)*

МАТАОРИ. Вы видели «Синюю птицу», господин генерал?

КОЛТЫГИН *(заученно)*. Мечтанья детские переходят и к старшим, господин генерал. *(К Хирозе.)* А вы видели «Синюю птицу»?

ХИРОЗЕ. Я не люблю западного искусства, господин генерал.

Вернулся Сотович, встревоженный. Но Колтыгин и Загородных уже окружены плотной стеной японских офицеров. Сотович немедленно пропущен через эту стену, но ни сказать ему, ни выйти обратно уже нельзя. Зал почти опустело. На улице слышна команда, шаги солдат, бряцание оружия. Темнеет.

МАТАОРИ. Мне чрезвычайно нравится, что такой великий герой, как господин генерал, так любит театр.

Звон разбитых стекол. Выстрелы.

Колтыгин пытается пройти к окну. Но толпа офицеров потихоньку оттягивает его в другую сторону.

КОЛТЫГИН. Пришлось мне видеть «Синюю птицу» и в Художественном театре.

МАТАОРИ. Вы бывали в Москве, господин генерал?

КОЛТЫГИН. Проездом.

МАТАОРИ (к Загородных). А вы бывали в Москве, господин генерал?

ЗАГОРОДНЫХ. Собираюсь.

МАТАОРИ. Я слышал, что театры там хорошие.

ЗАГОРОДНЫХ. Армия еще лучше. (Вой сирены. Загородных к офицерам.) Пропустите-ка, господа офицеры.

МАТАОРИ. О, не беспокойтесь, беседейте. Это меня мой автомобиль зовет. Мне нужно ехать, лечиться, к врачу. До свиданья, господа генералы. Очень жаль, что не окончили разговора о театре, но господин Идзити его мне полностью передаст. Он хорошей памятью обладает. (Кланяется. Стена японских офицеров не раздвинулась.)

КОЛТЫГИН (Идзити). Ваше обязательное внимание никогда не забуду, господин полковник. Но не находите ли вы, что хозяин должен провожать гостей, а не гости хозяина?

ИДЗИТИ. Извините, господин генерал, но нам придется провожать вас, так как ваш штаб окружен войсками.

КОЛТЫГИН. Мы, значит, арестованы?

ИДЗИТИ. Объяснение даст генерал Матаори.

Входят солдаты, конвой.

ИДЗИТИ. Увести! (Шум, крики возмущения арестованных. Солдаты уводят их. Проходят через сцену несколько солдат, один тащит папки с бумагами, другой — пишущую машинку. Вошел адъютант, осмотрел зал, подходит к буфету.)

АДЪЮТАНТ. Закусок-то, закусок-то оставили, тоже.

Наливает маленькую рюмку, посмотрел, — отставил. Налил побольше, но тоже не понравилась. Тогда взял фужер, налил, посмотрел, уже подцепил было груздь, но раздумал и налил полный стакан. Прищурился, приготовился, но тут входит Ворожцов. За ним денщик несет чемодан, попугая в клетке и мандолину.

ВОРОЖЦОВ. Господин поручик!

АДЪЮТАНТ (роняя стакан). Слушаю, ваше превосходительство!

ВОРОЖЦОВ. Это вы адъютант штаба?

АДЪЮТАНТ. Так точно, ваше превосходительство.

ВОРОЖЦОВ. Вам известно, кто теперь командующий округом?

АДЪЮТАНТ. Так точно, ваше превосходительство. (Подскакивает.) Сбережено лично мною от взоров красного командования: винтовок — тридцать тысяч, пулеметов — двести пятьдесят, гранат ручных...

ВОРОЖЦОВ. Сколько гранат?

АДЪЮТАНТ. Пятьсот ящиков, ваше превосходительство.

ВОРОЖЦОВ. Целая роща гранатовая, так сказать, а?

АДЪЮТАНТ (смеясь). Так точно, ваше превосходительство.

ВОРОЖЦОВ. Спасибо. А что это за выстрелы? (Адъютант подходит к окну, слушает.)

АДЪЮТАНТ. Рабочие отряды обороняются возле вокзала, ваше превосходительство. К счастью, большевики не успели, ваше превосходительство, все полки комиссарами укомплектовать. Множество офицеров оказалось на нашей

стороне. Дежурную роту при штабе я составил, я и разоружил.

ВОРОЖЦОВ. Похвально. *(Садится, наливает нарзану в стакан.)* А много у нас в штабе коммунистов?

АД'ЮТАНТ. Установить трудно. Коммунисты были на полулегальном положении, так как еще не окончательно закрепились в городе. Вот список предполагаемых членов партии... *(Подает бумагу.)* Военный совет, ваше превосходительство, осмелюсь доложить, арестован так же при моей помощи...

ВОРОЖЦОВ. Буду помнить. А кто тут главная-то советская власть?

АД'ЮТАНТ. Секретарь штаба, некая Серафима Персианова.

ВОРОЖЦОВ. Баба? *(Ад'ютант хихикнул. Ворожцов стучит кулаком по столу.)* Вы чему смеетесь, поручик? Вы что о себе думаете, герой? А кто выпустил из города самых главных партизанских командиров? Вы!

АД'ЮТАНТ. Виноват, ваше превосходство...

ВОРОЖЦОВ. Позвать сюда эту Персианову! А сами извольте отправиться под арест. На трое суток! *(Кричит.)* На пять! Я вышибу из вас эту самую демократию!

АД'ЮТАНТ *(испуганно).* Ваше-е...

ВОРОЖЦОВ. Вон! Кто перед большевиками пресмыкался? Вон, сволочь!

Ад'ютант убежал. Воронцов ходит по комнате. Подошел к телефону, поднял трубку, послушал — не работает. Положил. По лестнице спускается Персианова. Увидав Ворожцова, она остановилась.

ВОРОЖЦОВ. Пожалуйте сюда.

СЕРАФИМА *(холодно).* Я могу слушать здесь.

ВОРОЖЦОВ. Пожалуйте сюда.

СЕРАФИМА. Благодарю вас, господин командующий.

ВОРОЖЦОВ. А я вас убедительно прошу, Серафима Максимовна.

СЕРАФИМА *(подбегает к нему вплотную и кричит).* Ага, ты не японский наймит! Нет! Ты японский вешатель!

ВОРОЖЦОВ *(спокойно).* Не от партийцев ли, Персианова, требует Ленин в первую очередь выдержки?

СЕРАФИМА. Ловишь? Да, я партийная и умру большевичкой! И что ж, гадина!

ВОРОЖЦОВ *(тихо).* Мне, Серафима Максимовна, было не легче вас ломать дурака и носить эти причиндалы. Но партия послала меня...

СЕРАФИМА *(ошеломленно).* Какая партия?

ВОРОЖЦОВ. А та самая, о которой вы сейчас подумали. *(В дверях показывается Пнев).* Ну, как?

ПНЕВ. Кругом, брат, измена, в центре-то. Придется нам на окраину оборону перенести. Больно уж в городе офицера много было. А у тебя как?

ВОРОЖЦОВ. Садись, сейчас потолкуем. *(Около него садятся денщик, Пнев; Серафима все еще стоит ошеломленная.)* Вот это и будет, Серафима Максимовна, заседание комиссии по обороне и по эвакуации некоторых ценностей. Садитесь и вы.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая

Энск. Пустынная улица, поднимающаяся в гору. Ночь. Слышны мерные шаги: по улице идет японский патруль из трех солдат. Солдаты прислушиваются и заглядывают в окна. Навстречу патрулю, из-за угла, выходит Персианова и Мякушко. Они в белых передниках и колпаках. В руках у них большие корзины.

НАЧАЛЬНИК ПАТРУЛЯ. Сытхой! Сытхой!

МЯКУШКО. Булочкины мы, ваше благородье, булочкины!

ПЕРСИАНОВА. Колбасники мы, ваше благородье, сосиски горячие!

МЯКУШКО. Хлебцы тепленькие из печки! Угощайтесь.

Ставят корзины на тротуар. Персианова достает сосиски, завертывает каждую в бумажку и подает солдагам. То же самое делает и Мякушко.

НАЧАЛЬНИК *(смеясь).* Кушать надо?

ПЕРСИАНОВА. А как же, батюшка, надо кушать всем.

НАЧАЛЬНИК. Японса тожа много кушать надо.

Патруль уходит, жуя сосиски. Вдруг один солдат остановился и напряженно уставился в бумагу, в которую была обернута сосиска. Затем он обернулся и посмотрел на Мякушко и Персианову, постоял и вернулся. Мякушко стоит на крыльце дома, напряженно всматриваясь в приближающегося японца.

ЯПОНСКИЙ СОЛДАТ (показывая прокламацию). Бурсовика хорошо! Моя стрельяй нету! (Ушел).

МЯКУШКО. Хороша! (К Персиановой.) А ты говорила, не надо проверять. Без проверки какая ей цена, прокламации-то?

ПЕРСИАНОВА. А сам если попал?

МЯКУШКО. Я? С листочком этим? Я, милая моя, почесть, сто пушек мимо носа японского провез, да и то ничего.

Дверь позади его открывается. Тоненький мальчишка выходит и берется за корзинку.

ТОНЕНЬКИЙ МАЛЬЧИШКА. Дяденька, а какие прокламации-то?

МЯКУШКО (вздвигнув). Фу-у ты! Откуда это ты, парнишка?

МАЛЬЧИШКА. А мы на дежурстве. А мне, дяденька, нонче японский-то солдат конфетку дал. По голове меня гладит, а сам плачет.

ПЕРСИАНОВА. Из какой казармы?

МАЛЬЧИШКА. А которая возле нашей школы.

ПЕРСИАНОВА (подавая сверток бумаги). Дай вот эти ему.

МАЛЬЧИШКА. Остальных звать, дежурных-то?

МЯКУШКО. А как же, товарищ командир. Приемочная комиссия, скажи, пришла, а сейчас сдаточная явится. (Мальчишка ушел.) Невеста, ты чего потускнела? Показывала приданое-то?

ПЕРСИАНОВА. Показывала.

МЯКУШКО. А про валюту сказывала?

ПЕРСИАНОВА. Говорила.

МЯКУШКО. Это самое главное. Сколько же он обещает освободить?

ПЕРСИАНОВА. Одного..

МЯКУШКО. Одного? Придется, значит, Колтыгина.

ПЕРСИАНОВА. Загородных что ж, хуже?

МЯКУШКО. Мне Загородных тоже, Серафимушка, больше по душе, а Колтыгин нужней народу.

ПЕРСИАНОВА. Нагрибедов и мужики очень обидятся.

МЯКУШКО. Партия так решила, Серафимушка.

ПЕРСИАНОВА. Нехорошо мне, Вася, так нехорошо.

Звенит мандолина, доносится песня. В шинели, накинутой лихо на одно плечо, с мандолиной в руке, выходит Ворожцов.

ВОРОЖЦОВ (напевает):

Золото меняешь на серебро — не беда!
Серебро спустил быстрее злого — не беда!
Серебро пройдет быстрее золота — вот беда:
Это уходит молодость, господа.

МЯКУШКО (шутливо). Честь имею доложить господам сдаточной комиссии, что дорога застлана хвоей, волы готовы...

ВОРОЖЦОВ (хохочет). Неслыханное нахальство! Танки на волах. Но, в сущности, вся наша жизнь, Серафима Максимовна, неслыханное нахальство! (Мякушко.) Собери старшин рабочей дружины.

МЯКУШКО. Есть, товарищ начальник! (Ушел.)

ВОРОЖЦОВ. Это он придумал танки-то на волах... чтоб шума меньше было. (Смеется.) Вот вчера Петр Тыжнов, премьер-министр, он же спекулянт и он же бандит, зафрахтовал пароход «Три святителя» везти на рыбные промысла тару, бочки, а мы ему все пустые бочки набили гранатами. Так сказать, устроили урожай раньше времени. Придет пароход на рыбалку, а у пристани партизаны его встречают?..

ПЕРСИАНОВА. А вы бы шли, Михаил Афанасьич.

ВОРОЖЦОВ. Патруля японского опасаетесь? Я его только-что перевязал и в сарай запер. А как у вас с Колтыгиным?

ПЕРСИАНОВА. Обещала внуку сто-рожа замуж выйти...

ВОРОЖЦОВ. Красиво, но устарело. Вроде феодального замка.

ПЕРСИАНОВА. А вы-то что делаете?

ВОРОЖЦОВ. Хлопочу, чтоб японцы пленных комиссаров мне в штаб округа передали.

ПЕРСИАНОВА. А они?

ВОРОЖЦОВ. Японскому командова-нию, говорят, ничего не известно о ком-миссарах. Подозреваю, что там Тыж-нов такое задумал...

ПЕРСИАНОВА. Чего задумал?

ВОРОЖЦОВ. Тыжнову хочется дол-ларов. Американцам хочется союзника, против японцев. Но союзника широко-плечего, могучего. Значит, надо Тыжно-ву победу. Но фронт не прилавок, и тактика не торговая практика. (*Подбе-жали мальчишки.*) Ждут меня?

МАЛЬЧИШКИ. Ждут.

ВОРОЖЦОВ (*передавая мальчишке мандолину*). Ты ее побереги. Патрули японские сумеете задержать?

МАЛЬЧИШКИ. Всегда, когда надо, задерживаем.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Я им в ноги, да как закричу: «В дому-то гене-рала большевики убили». Они в дом...

ВОРОЖЦОВ. А вы за углом? (*Пер-сиановой.*) Разве не со мной?

ПЕРСИАНОВА. Нет, мне пора кол-басную открывать.

Персианова и Ворожцов ушли. Маль-чишки сидят посреди улицы.

МАЛЬЧИШКА. Пойдем японцам кухню оклеивать прокламациями.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Кухню-то всякий оклеит, а ты вот в каждый сапог, да всей казарме, можешь прокла-мацию всунуть?

ТРЕТИЙ. Я могу! Я еще мышь туда могу прибавить! У меня белых мышей семьдесят штук.

МАЛЬЧИШКА. Семь, а не семьде-сят.

ТРЕТИЙ. Нет, семьдесят!

КРИКИ (*полузаглушенные*). Цоб! Цоб! Цобе! Цобе...

МАЛЬЧИШКИ. Мотри-ка, мотри! Идут!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Ты за японцами смотри, а не туда. Ты стар-ший. А туда я смотреть буду.

МАЛЬЧИШКА. Нет, я туда! У меня глаза дальше видят, а вы плаксы, вам только по переулку смотреть...

ТРЕТИЙ. Тащат. Рога-то каки, ро-га! Это на танках таки рога?

МАЛЬЧИШКА. На танках рогов не-ту, на них пушки. Это волы.

Чуть-чуть брезжит свет. Вдали на фоне гор и домов вырастают сначала силуэты волов, за которыми, помахивая бичами, идут погонщики в широких шляпах, затем, замаскированный ветка-ми, сквозь которые все-таки видны ору-дия, показывается танк. Издали все же танк похож на воз с сеном. Вот танк прошел. Опять показываются волы, по-гонщики, ветки, танк...

МАЛЬЧИШКА. Второй повезли! И не стучат!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Потому что по мягкому. Я сам ветки таскал.

МАЛЬЧИШКА. Много ты ната-скаешь? Вот я тащил, так тащил!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Никак японцы!

Мальчишки оборачиваются и напря-женно, привстав, смотрят в тьму. Мер-но идут танки. Переулок пустынен и тих.

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Почуди-лось...

Картина вторая

Гимназия. Белая штукатуренная комната. В углу свалены парты. На стене карта — полу-шария. Возле — классная доска. В противо-положном углу, каждый прикованный цепями к парте, сидят на полу Колтыгин, Загородных, Стович. Они приблизились друг к другу, на-сколько возможно. Колтыгин чертит щепочкой по полу.

КОЛТЫГИН. Вот это долина Ляля. Верно? С этой стороны белые выстави-ли бригаду генерала Смирнова, сюда они поставили юнкеров. Вот здесь идет ней-тральная зона. Отсюда японцы инспек-

тируют белых. Все наши отряды сосредоточены вот здесь. Здесь и наносим мы основной удар. Так?

ЗАГОРОДНЫХ. Не помышляю я, о чем ты это, Саша.

СОТОВИЧ. Как о чем? Да он нас к Сублей-сопкам ведет.

КОЛТЫГИН (тихо). Всю ночь я сегодня не спал, ребята. Надо нам через Сублей-сопки перевал найти, а не по долине Ляля наступать.

СОТОВИЧ. Нету там перевала, Саша.

КОЛТЫГИН. А ты откуда знаешь, Сотович?

СОТОВИЧ. Да, ведь, почти весь мой отряд за Сублей-сопками, ближе к морю, живет. Угольщики-то. За грибами-ягодами кто из них не ходил.

КОЛТЫГИН. Значит, надо впереди вести через Сублей-сопки твой отряд. Домой, да чтоб он дороги не нашел? Догадуются об этом или не догадуются в штабе-то, а?

СОТОВИЧ. Лишь бы чье-нибудь предложение было, а там, если кто останется в меньшинстве, так обжалует в центр. Командиры наши народ гордый.

КОЛТЫГИН. Кажись, Мякушко мимо Сублей-сопок свои орудия тащил. Он должен был в штаб внести предложение. Да, здесь победа! Через горы, прямо к морю — и вот город.

ЗАГОРОДНЫХ. Гимназия, значит?

КОЛТЫГИН (читает вырезанное на парте). «Катя. Люблю». Небось, неделю вырезал гимназист-то. И плакал, небось, месяц.

ЗАГОРОДНЫХ. А ты разве от любви, Саша, не плакал?

КОЛТЫГИН. Не вслух. (Тихо Загородному.) Пора сказать правду, с очи-на-очи, Сергунь.

ЗАГОРОДНЫХ. Да я уж и так догадался. Вчерась, когда ты признался, что не женат. Мне и раньше немного не по себе было. Да думаю: ошибаюсь, у любви-то глаза больше, чем у страха.

КОЛТЫГИН. Чего ж ты сияешь, Сергунь?

ЗАГОРОДНЫХ. Серафиме б сказать, она б обрадовалась. Умный такой, веселый, а любит ее Колтыгин-то.

Эка втора ты, Саша. Не разглядел, значит, своего роста.

КОЛТЫГИН. Не разглядел, Сергунь. (Напевает вполголоса.)

В полдневный жар, в долине Дагестана,
С свинцом в груди лежал недвижим я...

Входит сторож, седой, в форме швейцара гимназии.

СТОРОЖ. Петь запрещается! (Колтыгину.) До ветру не хочешь? (Молчание.) Японцев целый взвод явился. Да чем-то недовольны желторожи.

КОЛТЫГИН. А ты, дед, разве по-японски понимаешь?

СТОРОЖ. Я в армии-то тридцать лет прослужил, да в плену японском был в Осаки. Да и мне так, с глазу, солдатское недовольство на всех языках понятное. (Помолчав, закурился, Колтыгину.) А то пошел бы ты до ветру, парень.

КОЛТЫГИН. Сказано тебе, что один не пойду, дед.

СТОРОЖ. Меня тоже сторожат. Двоих-то японец не велит выводить. А забор тут низкий.

КОЛТЫГИН. Я через забор, а тебя пулей останоят.

СТОРОЖ. Внучек у меня, Юляй, больно на счастье зарится...

КОЛТЫГИН. Большевик, что ли?

СТОРОЖ. Не-е, жених.

КОЛТЫГИН. Не выходит, дед, покидать казакам друг друга.

СТОРОЖ. А вы подумайте. Да поскорей. Взвод-то зря, ведь, не придет. (Ушел.)

ЗАГОРОДНЫХ (вздыхнув). На воле и под пулями хорошо бежать.

КОЛТЫГИН. В основном, товарищи, план я вам передал. Его надо сообщить военному совету. Товарищ Загородных силен, смел, а чтоб скрыться сейчас — надо много силы. Я ставлю вопрос об освобождении товарища Загородного.

ЗАГОРОДНЫХ. Буде! Оказал ты мне одну милость, Саша, так вторую-то дай по моему росту, а не по твоему. Уйти со сторожем надо Колтыгину. Его прислала Москва...

КОЛТЫГИН. В Москве я не последний, еще пришлют. Да и не Москва меня толкала, а сам я пришел.

ЗАГОРОДНЫХ. Я выхожу из состава военного совета, если мое предложение не будет принято, товарищи!

СОТОВИЧ. Опять ультиматумы? Опять партизанщина?

ЗАГОРОДНЫХ. Да, ультиматум! От имени южных партизанских отрядов я требую, чтоб товарищ Колтыгин был освобожден! (*Ползет, волоча за собой парту.*)

КОЛТЫГИН. Ты куда, Сергунь?

ЗАГОРОДНЫХ. Сторожа позвать. Военный совет принял мое предложение.

КОЛТЫГИН. Кто здесь председатель военного совета? Я! Я отменяю это постановление.

ЗАГОРОДНЫХ. Сторож, эй!

Дверь открывается. Входит полковник Идзити и адъютант Хирозе. Японский солдат вносит складной стул. Идзити садится.

ИДЗИТИ. Господин премьер-министр Тыжнов сегодня Приморское народное собрание открыл. Выборы в Учредительное оно неправомочными признало и господина Тыжнова, это предложившего, овациями приветствовало.

КОЛТЫГИН. Я вам не завидую, господин полковник. Вы ловкие грабители, но господин Тыжнов куда ловчей вас.

ИДЗИТИ (*улыбаясь*). И все же, господа генералы, вы можете быть свободными. (*Молчание.*) Мало того, мы вам власть предлагаем.

КОЛТЫГИН. Где?

ИДЗИТИ. Здесь. (*Указывая на Колтыгина.*) Вы будете, господин генерал, председатель совета министров.

КОЛТЫГИН. Так-с.

ИДЗИТИ (*указывая на Загородных*). Он будет военный министр.

ЗАГОРОДНЫХ. Давно пора.

ИДЗИТИ (*указывая на Сотовича*). Он министр иностранных дел будет.

КОЛТЫГИН. Ваши трогательные заботы, господин полковник, полагаю, вызваны тем, что очередную белую армию, собранную вами, партизаны рассыпали?

ИДЗИТИ. У вас большой авторитет в городе...

КОЛТЫГИН. Да, но ведь выборы в Учредительное вы признали неправомочными?

ИДЗИТИ. Вы новое коалиционное правительство создаете, которое нашу политику под видом своей будете проводить. Мы и почестями и хорошими именами платим...

КОЛТЫГИН (*потрясая кандалами*). Предпочитаем получать плату кандалами, господин полковник!

ИДЗИТИ. Разговаривая так, вы ее рискуете получить пулями, господин генерал!

КОЛТЫГИН. Бывают пули, похожие на бумеранг, господин полковник. Вглядитесь! Вся ваша армия тоскует по дому, по нивам, по детям. (*Указывая на Хирозе.*) Вот посмотрите в глаза этого офицера! Какая тоска, господин полковник! Ваша армия тоскует, но только не по подвигу. Мало того, армия не верит, что когда-либо свершались подвиги. А наша армия свершает их каждый день. (*С трудом приподнимается.*) Переговоры окончены. Чрезвычайно польщены вашей любезностью, господин полковник. Давно вы видали «Синюю птицу»?

ИДЗИТИ (*выхватывая револьвер*). Молчать!

КОЛТЫГИН. Ого!

ИДЗИТИ (*бежит к нему и замахивается револьвером*). Молчать! Буду в лицо бить!

КОЛТЫГИН. Мне совестно за историю современной Японии, господин полковник. Вот вы бьете меня связанного и будете хвастаться этим перед генералом Матаори. А я бил этого генерала палкой по лицу и бил в бою. Да, говорят, вы спирт, духов созываете на помощь! Но вы не видите самого страшного духа над своей головой. Вот он! (*Указывая на потолок.*) Это дух коммунизма, господин полковник! (*Смеется.*)

ИДЗИТИ. Прощайте, господа генералы.

ЗАГОРОДНЫХ. Повели, значит?

ИДЗИТИ. Вас низший чин поведет. (*Ушел.*)

ЗАГОРОДНЫХ. Обидел! Эх, Са-ша, мне бы хоть какую-нибудь в руки доску, я б им прописал Москву. (*Хиро-*

се.) Ну, как, зарядил винтовки, нижний чин?

ХИРОЗЕ. Пожалуйте, господа генералы.

Входят японские офицеры, отмыкают цепи от парт и сковывают Загородных с Сотовичем. Колтыгина держат отдельно.

ХИРОЗЕ. Какое ваше желание перед смертью будет?

СОТОВИЧ. Да здравствует рабочий класс!

ЗАГОРОДНЫХ. А второе — да здравствует партия!

КОЛТЫГИН. А третье — да здравствует Ленин, наш отец!

ХИРОЗЕ. Я очень рад, что таких героев и самураев расстреливаю.

КОЛТЫГИН. Я понимаю вас, капитан. Но должен огорчить вас. Мы не дворяне, не самураи. Мы рабочие. *(Протягивает руки.)* Видите?

ХИРОЗЕ. Вы самураи. Вы за свою родину красиво, героически погибаете. Я с удовольствием бы вам руки пожал, но не могу: я расстрелом командую. Извините, но я приказ моего императора исполняю. Но когда вы меня будете расстреливать, я тоже буду красиво и героически умирать.

КОЛТЫГИН. Если вы и дальше будете думать в этом же направлении, капитан Хироze, из вас выйдет кое-какой толк.

ХИРОЗЕ *(отдавая честь)*. Пожалуйте, господа генералы.

Во дворе слышны крики. Хироze прислушивается. Перекинувшись несколькими словами с офицерами, он поспешно выходит. Крики возрастают. Слышна команда. Офицеры тоже выходят. Дверь закрыта. Шум растет.

ЗАГОРОДНЫХ. Постой-ка, парни! Да ведь, никак, поют!

СОТОВИЧ. И то, поют!

КОЛТЫГИН. Да ведь наши! Песня-то наша! Откуда это они?

Слышно, заглушаемое словами команды, пение «Интернационала» на японском языке. Заключенные, путаясь в цепях, подбегают к дверям.

ЗАГОРОДНЫХ. Какое наши! Язык-то, слышишь!

КОЛТЫГИН. Японцы поют! Слышишь, ребята, японцы поют «Интернационал»!

СОТОВИЧ. Это солдаты японские расстреливать нас отказываются.

КОЛТЫГИН *(громко)*. Да здравствует революционная Япония!!

ВСЕ. Да здравствует революционная Япония!!

«Интернационал» растет. Вдруг — треск пулемета, и все стихло. Дверь раскрылась. Показывается полковник Идзиги. За ним Петр Тыжнов и юнкера.

ИДЗИГИ. Японское командование считает, что русским лучше умереть от руки русских.

КОЛТЫГИН. К тому же, если японцы отказываются их убивать.

ТЫЖНОВ. Все спорит, все спорит. А того и не знает, что он для нашей армии очень нужен. *(Офицерам.)* Осторожней везите, они нашей армии еще такой дух поднимут! *(Офицеры бросаются к Колтыгину.)*

КОЛТЫГИН. Смерть предателям родины! Да здравствует революционная Япония!

ТЫЖНОВ. Голос-то какой толстый. Протодьяконом бы быть такому.

Картина третья.

Большая бревенчатая горница, принадлежащая, видимо, недавно состоятельному хозяину. Кое-где висят остатки занавесок, качается лампадка пред громадным иконостасом, печь широка и бела, а на стенах висят приложения к «Родине» — олеографии. Дверь в кухню и далее, в сени, сорвана с петель и болтается кое-как, одно окно выбито и завешено шинелью Нагрибедова; на столах — географические карты вперемежку с буханками хлеба, котелками, полотенцами. В углу ручной пулемет, а рядом телеграфный аппарат на ящике из-под пряников. За аппаратом Серафима Персианова. Аппарат молчит. Она отодвигает шинель и смотрит в окно. Там осень — дождь, вечер. Входит Пнев, взял со стола буханку, отрезал, выпил молоко прямо из кринки.

ПНЕВ. Американку не приводили?

СЕРАФИМА. Нет.

ПНЕВ. А этот, Николай-то Ефимыч, как?

СЕРАФИМА. Сказывают, плачет.

ПАРТИЗАН (*откидывая шинель, в окно*). Штаб здесь?

ПНЕВ. Через дом. Как ваш Се-
зеньевский отряд-то?

ПАРТИЗАН. Гоним под'японщину.
Да, вишь, обозы увозит кавалерия, ей
надо непременно в бок вонзить.
(*Скрылся.*)

ПНЕВ. Американку-то Ворожцов при-
слаал. Надо, говорит, переправить ее
дальше, в министерство иностранных
дел. Опасаюсь, как бы под'японщина по
дороге не попортила ее. Ты не согла-
сишься ли ее провести?

СЕРАФИМА. Кто этот Ворож-
цов-то?

ПНЕВ. Путиловский. С Колтыгиным
в одном кружке, сказывают, был. А
что?

СЕРАФИМА. А так.

ВТОРОЙ ПАРТИЗАН (*в окно*).
Пнева нам!

ПНЕВ. Сейчас приду.

ВТОРОЙ ПАРТИЗАН (*почти всо-
вываясь в окно*). А где пулеметы? Кто
нам пулеметы обещал? Без пулеметов-
то мы, как без языка!

ПНЕВ. Отшвартовывайся, отшварто-
вывайся. Нету пулеметов! Отбивайте у
под'японщины!

ВТОРОЙ ПАРТИЗАН. Как нету?
Ты же обещал!

ПНЕВ. Обещал, да вот Нагрибедову
дал в дело. Иди, иди, а то погонят без
тебя отряд-то. (*Вошел молодой парти-
зан.*) Ты чего, Степша? (*Партизан гово-
рит ему что-то тихо на ухо.*) Пускай
придет, раз надо. (*Партизан ушел.*)

СЕРАФИМА. Это опять Николай
этот? Не буду я с ним говорить.

ПНЕВ. Брезговать будем в мирное
время, Серафимушка. А кто нам пере-
дал, какой дорогой повезут членов воен-
ного совета?

СЕРАФИМА. Конвойные сказали
ране. А теперь, небось, под'японщина
узнала, что мы конвойных подкупили, и
прислала этого, чтобы еще Нагрибедова
заманить.

ПНЕВ. Стало-быть, по-твоему, Заго-
родных не надо освобождать? Стало
быть, Нагрибедову-то вернуться?

СЕРАФИМА. Не мучай ты меня,
товарищ Пнев. И так больно: давно не-
ту дяди-то.

*Входит Николай Тыжнов в солдат-
ской шинели, без фуражки. Сапоги рва-
ные, громадные, грязные. Волосы стри-
жены коротко. Партизан, пропустив его
в горницу, входит.*

СЕРАФИМА. Ну чего еще надума-
ли, Николай Ефимыч?

НИКОЛАЙ ТЫЖНОВ. Мне стыд-
но. Я хочу узнать у вас — зачем я сю-
да пришел? Как я мог сюда притти?
Учился музыке, рисовал, читал Бергсо-
на, видел всю Италию, Испанию, Фран-
цию, — а пришел вот сюда, в эту гряз-
ную мокрую деревню, чтобы дать све-
денья военного характера.

СЕРАФИМА. А чего ж — любовь
из благодарности, что сведенья дал, ду-
мал получить?

НИКОЛАЙ. Нет! Мечталось, что до-
кажу — для любви не существует
фронта.

СЕРАФИМА. А доказал, что фронт
плохо мы храним.

НИКОЛАЙ. Мечталось, что будет
понятен тот пламень, который вы
мне зажгли, Серафима Максимовна.

ПНЕВ. Нехорошо, Николай Ефимыч.
Ее мужа-то ваш братец повез на поля
битвы, чтоб солдат воодушевить. Дес-
кать, комиссаров в плен взял! Если и
есть какой пламень, так стыдиться та-
кого пламени надо, Николай Ефимыч, а
не говорить о нем.

НИКОЛАЙ. А я хочу доказать, что
этот пламень вечен и неугасим! Я хочу
доказать, что я нужен, как существо
любящее, а не как субъект, который
только способен держать винтовку.

СЕРАФИМА. Вас, вон, брат Петр-
то любит. Чего еще.

НИКОЛАЙ. Эта любовь чашобная,
а мне необходим воздух полей, легкость.

ПНЕВ. Степша! (*Входит молодой пар-
тизан.*) Отведи. (*Николай уходит.*) И
на такого человека, сказывают, братец-
то ухлопал двести тысяч золотом, це-
лую подводную лодку ценя. За одно
это надо капитализм бесследно уничто-
жить. (*Всматривается в окно.*) Никак
Колтыгин?

СЕРАФИМА. А Сергунь?

Нагрибедов, Мякушко и еще несколько партизан вводят Колтыгина. Он оборван, изранен, ослаб. Но едва он сел, едва прислонился к столу, как в окно доносятся крики.

ГОЛОСА ПАРТИЗАН. Колтыгина сюда! Давай Колтыгина!

КОЛТЫГИН (*пытаясь преодолеть слабость и приподняться*). Правильно, южный отряд, Колтыгина! Правильно, угольщики! Вперед!

Нагрибедов что-то говорит Пневу.

ПНЕВ. Ты что же это, Саша? Я прямо не верю, чтоб ты такой лозунг бросил южному отряду.

КОЛТЫГИН. Повторяю!

НАГРИБЕДОВ. Обком партии говорит тебе, Колтыгин, — спокойно, спокойно.

КОЛТЫГИН. Я в партии, Иван Сергунч, с двенадцатого года! А ты?

ПНЕВ. Большевики, Саша, истину не годами меряют, а силой.

КОЛТЫГИН. А чего хочет от меня партия?

ПНЕВ. Партия хочет, чтоб Колтыгин рассуждал, как Колтыгин, а не звал партизан в нейтральную зону против японцев.

СЕРАФИМА. Почему вы отбили Колтыгина, а Загородных бросили?

КРИКИ (*за дверью*). Колтыгина сюда, Колтыгина!

СЕРАФИМА. Иди, Колтыгин. Это тебя Сергунь зовет.

ПНЕВ. И у тебя, Серафима Максимовна, не тот лозунг. Партия как говорит: если тебе, Колтыгин, партизаны крикнут: а где твои товарищи по военному совету, ты им, как всегда, говоришь: спокойно, товарищи, спокойно.

СЕРАФИМА. Сергуня и Сотовича убивают японцы!

ПНЕВ. А сколько будет убито товарищей, коли начнем войну? Ведь японцы-то, Серафимушка, только-что беляков собрали. И получилось две силы. Надо сначала одну разбить, тыжновскую, а там, если понадобится, и по японской ударить.

КОЛТЫГИН (*встал*). Сам я это, Пнев, тысячу раз говорил! (*Серафиме*.) За смерть товарищей беру на себя всю ответственность, Серафима Максимовна.

СЕРАФИМА. Не ходи, Колтыгин!

НАГРИБЕДОВ (*строго*). Серафима!

СЕРАФИМА. Да тяжело мне, дядя Ваня, тяжело! (*Плачет*.)

Колтыгин выходит, опершись на плечо Мякушко. За сценой его встречают крики. Затем наступает тишина. Слышен его голос: «Товарищи партизаны, угольщики! Товарищи партизаны южного отряда! Что нас ждет?».

НАГРИБЕДОВ. По фронту пошел. (*К Пневу*.) Ну, теперь и ты иди. Теперь не скажут, что Пнев его за волосы выволоч. (*Пнев ушел*.) Серафима, садись сюда.

СЕРАФИМА (*со слезами*). Где Сергунь-то, дядя?

НАГРИБЕДОВ (*тихо, на ухо*). Ты Колтыгину уж и не говори: это Загородных и Сотович его спасли. Видят они, что конвоиров много и зоркие. А те, которые нами подкуплены, сменены. Ну, да как поднимутся, Загородных и Сотович. Цепь-то японская — красива, да не для русской силы, — разорвали. Давай теми цепями бить конвоиров-то!

СЕРАФИМА. Сергунь-то, Сергунь-то как, дядя?

НАГРИБЕДОВ. Я про Сергуня и говорю...

Входит Николай Тыжнов в сопровождении молодого партизана.

НАГРИБЕДОВ. Ты чего, Николай Ефимыч?

НИКОЛАЙ. Брат мой меня очень любит. Он премьер-министр. Я прошу обменять меня за Сотовича и Загородных. (*Указывая на сени*.) Там слышно.

НАГРИБЕДОВ. Заложником объявляешься? А коли брат-то твой откажется выдать наших комиссаров? Ведь тогда тебя придется расстрелять, Николай Ефимыч?

НИКОЛАЙ. Я согласен.

НАГРИБЕДОВ. Ты что ж, за советскую власть, что ли?

НИКОЛАЙ. В моем решении только личные соображения.

НАГРИБЕДОВ. Степша! *(Входит молодой партизан.)* Амбар-то во дворе дожит, Степша?

ПАРТИЗАН. Я там нонче спал, Иван Сергеич, не протекает вроде.

НАГРИБЕДОВ *(указывая на Николая)*. Посади этого молодчика туда. Караул двойной. Ежели что, — тебе пуля, Степша.

ПАРТИЗАН. Конец свой, Иван Сергеич, ручаюсь, отдаю.

Партизан и Николай Тыжнов уходят.

СЕРАФИМА. Надо сейчас же ехать в нейтральную зону, объявлять заложников.

НАГРИБЕДОВ. Ты, ненаглядье мое, дослушай, Серафимушка. Как только ребята наши насели хорошенько, так, значит, конвойры от Колтыгина отшатнулись. А тут мы и подоспели. Зарубили! Давай других выручать.

СЕРАФИМА. Кони, что ли, ваши плохи?

НАГРИБЕДОВ. Конь за мертвым плохо гонится.

СЕРАФИМА. Мертвые?

НАГРИБЕДОВ. У Сергуня шашка-то прямо из сердца и растет.

СЕРАФИМА. Сергунь? Шашка из сердца?

НАГРИБЕДОВ. Отчаянная душа. Это мы Колтыгина отбивали, а он бьется цепями-то с подъяпонщиной, да еще и кричит мне: «Дядя Иван, пускай Серафима не убивается, пускай сине-бархатное платье носит. Жизнь один раз бывает. Да здоровствует партия!».

СЕРАФИМА. Не померли они, дядя Иван, не верю.

НАГРИБЕДОВ. Да как не померли. Ведь, так и конвойным сказали, что будут нарочно да заранее биться. Колтыгина, видишь, решили спасти, ну, и спасли. *(Вошедшему Пневу.)* Американку-то выдал, Осип Мироныч?

ПНЕВ. Нет. Не приехала она, что ли.

НАГРИБЕДОВ. Как не приехала? Мы скакали, а она нам навстречу шла. Степша! *(Входит партизан.)* Та, баба-то американская, что делает?

ПАРТИЗАН *(смеясь)*. Азартная, Иван Сергеич. Увидала: караульные в

бабки играют, привязалась. И откуда уменье, — три кона зараз сшибла.

НАГРИБЕДОВ. А я тебе что велел? Отыскать товарища Пнева и отвести к нему эту американку. А ты — бабки. Три сутки аресту, Степша! Веди бабуну. *(Партизан ушел.)* Ты как полагаешь, Осип Мироныч, тыжновский, братец-то болтун?

ПНЕВ. Подозреваю. Иван Сергеич.

НАГРИБЕДОВ. Ну, тогда пусть сидит, а то я его выпустить на волю хотел. *(Входит Нора Айрон.)* Здравствуй-те еще разик. Молока, может, выпьете? *(Наливает стакан, режет хлеб.)* «Синюю птицу» давно видали? *(Нора Айрон смеется.)* Так? Насмотрелись, значит, этих птиц, пошли другие гнезда смотреть.

НОРА АЙРОН. Меня зовут Нора Айрон.

НАГРИБЕДОВ. Ну, и спасибо. А то всяко бывает, назовешь, — обидится.

АЙРОН. Вы очень умны. Иван Сергеич.

НАГРИБЕДОВ. Дураков-то мы японцам отдали. *(Пауза.)* В карты, что ли, сыграть?

СЕРАФИМА. Не то будто время, Иван Сергеич, в карты играть.

НАГРИБЕДОВ. Гостей не учат, а угощают. Молоко не нравится, может, карты по душе.

АЙРОН. На фронте за карты наказывают. Мы будем играть в дипломатическую игру. Наша страна очень сильная, очень богатая.

ПНЕВ. Богатая это верно, а сильней — мы сильней.

НАГРИБЕДОВ. И половчей будем.

АЙРОН. Европа имеет Лигу наций. Но мы пожелаем говорить о разоружении, и весь мир побежал к нам в Вашингтон.

ПНЕВ. Про Вашингтонскую конференцию мы слышали. Японцев собираетесь разоружать, Англию отбирать от них да Францию.

АЙРОН. Это не секрет. А мой секрет такой: стоят в Константинополе войска разбитого вами генерала Врангеля...

ПНЕВ. Это тоже не секрет.

АЙРОН. Но он становится секретом, если я знаю: почему стоят войска и чего они ждут.

НАГРИБЕДОВ (*Серафиме*). Велика рыжих запречь в мой ходок. (*Серафима выходит и сразу же возвращается.*)

АЙРОН. А если провести, Иван Сергеич, воображаемую прямую от Константинополя до Токио...

НАГРИБЕДОВ. А я еще так думаю, бабонька ты моя милая, что эту самую линию можно вести из Константинополя напрямиком в Париж, к французам, а?

АЙРОН. Можно.

НАГРИБЕДОВ (*Серафиме*). Рыжих выпречь, слабы. Запрягите пегих, а в коренную Тигая. Да ты бы одевалась, Серафима, поедешь к правительству. Конвой послать усиленный. (*Вошел Колтыгин и устало сел у стола.*)

АЙРОН. Треугольник Константинополь — Токио — Париж был бы необъяснимой теоремой, если б кто-то в Вашингтоне не приказал: «Никакой денежной экономии! Платите, мисс Айрон, этому Шиноде столько, сколько он захочет за тайный протокол между Францией и Японией».

ПНЕВ. То-то я читаю в газетах, что в Константинополь направились три японских транспорта. Врангеля вести поплыли?

АЙРОН. Мы заставим Японию попятиться.

НАГРИБЕДОВ. Бабонька моя милая, мы ее уж заставили попятиться.

АЙРОН. Мы сообща заставим ее попятиться, мистер Нагрибедов. (*Подает пакет Колтыгину.*) Вот это мне поручено вручить.

КОЛТЫГИН (*рассматривает*). Фотографические копии. (*Читает.*) «...правительство готово предпринять шаги пред английским, что после освобождения Сибири от большевиков японское правительство может повести дело таким образом, что освобожденные области будут находиться под японским протекторатом».

АЙРОН (*зевает*). С вашего молока, мистер Нагрибедов, мне спать хочется. Можно мне часок уснуть перед тем, как ехать?

НАГРИБЕДОВ. Степша! (*Вошел партизан*). Барышня-то пусть в моей горнице поспит. Да собак отгоните, пусть не брешут. У вас, небось, мисс, в Нью-Йорке-то таких псов не встречается?

АЙРОН. Псы есть. Тараканов нет. (*Ушла.*)

НАГРИБЕДОВ. Дай-ка, посмотрю. (*Рассматривая.*) Скажи, пожалуйста, тайный протокол. А чего им самим не напечатать, а к нам везти?

КОЛТЫГИН. Неудобно почему-нибудь. Это наша делегация, которая в Вашингтон поедет, опубликует. (*Стучит аппарат. Подходит Серафима, набирает ленту и передает ее по обрывкам Колтыгину.*) А для того, чтоб его опубликовать, надо его получить, этот договор. А для этого надо Тыжнова разбить и всех генералов, которые с ним. Иначе договор уйдет к Тыжнову. Американцу невыгоден сейчас японец...

НАГРИБЕДОВ. Это что же я, выходит, для американских интересов воюю?

КОЛТЫГИН. Это про тебя американец так думает. И дай бог, пусть он подольше так думает, Иван Сергеич. (*Смотрит в ленту*). Сейчас надо снять с фронта отряды угольщиков и южные отряды и направить их, через Сублей-сопки, в обход, в тыл, к морю... (*Берет карту.*)

НАГРИБЕДОВ. На восток, стало быть. Ты в карту не смотри. Там пути нету, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Вот потому и пойдем, что нету пути. Созывай командиров отрядов, Иван Сергеич.

МЯКУШКО. Было уже такое предложение, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Твое?

МЯКУШКО. Мое. Они его отвергли.

КОЛТЫГИН. А ты его в центр обжаловал?

МЯКУШКО. Центр это не Пушкин, поймет.

КОЛТЫГИН. Иван Сергеич, ты ведь через Сублей-сопки и все вообще та-мощные горы хаживал?

НАГРИБЕДОВ. Мало ли где я хаживал! Снег там выпал, да к тому же

и россыпи, и глина, да пропасти. Коза и та не проскочит.

КОЛТЫГИН. Значит, нельзя?

НАГРИБЕДОВ. Да ты чего это сегодня, Александр Демидыч, дуришь? Генералов уже ударили хорошо, завтра ударим еще.

КОЛТЫГИН. Завтра японцы орудия подвезут, вас тут бить легко будет.

НАГРИБЕДОВ. А если ты отряды уведешь, нам, что же, легче будет защищаться? Нас, что же, под японщина не погонит?

КОЛТЫГИН. Может, и погонит. Это от быстроты нашего марша через Сублей-сопки зависит и от того, как мы сбоку ударим на город. Ведь восточная сторона города-то совсем незащищенная.

НАГРИБЕДОВ. Да чего ее защищать-то. Там горы-то почти по версте, да прямые. На аэроплане бы с них хорошо в город спуститься. Зряшний все разговор ведешь, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН (протягивая ленту). А вот Москва, так та поддерживает предложение товарища Мякушка.

МЯКУШКО (вырывая ленту). А что я вам говорил! (Показывает ленту Пневу.) Что я вам всем говорил, товарищи? Что я им все время говорю? (Молчание.)

НАГРИБЕДОВ (Серафиме). Ты как полагаешь, Серафима, тыжновский братец-то Николай болтушка? Расскажет он брату, что побывал у нас?

СЕРАФИМА. Расскажет.

НАГРИБЕДОВ. Степша! (Входит партизан.) Этого, который в амбаре сидит, проведешь через всю линию фронта. Чтобы все видал! А как через линию проведешь, — и отпусти. Да мотри, дело тайное, за голову его отвечаешь, как за свою.

ПАРТИЗАН. Понятно, Иван Сергеевич. Повел. (Идет.)

НАГРИБЕДОВ. Перед тем вели командирам всех отрядов ко мне собраться. Немедленно.

ПАРТИЗАН. Понятно, Иван Сергеевич, немедленно. (Ушел.)

НАГРИБЕДОВ (Мякушко). Пушкин, говоришь, японски купил?

МЯКУШКО. Концерна «Мицуи», дядя Иван.

НАГРИБЕДОВ. Вот мы японцев-то ихними же гранатами-то и мицуйнем.

КОЛТЫГИН. Стало-быть, и пушки перетащим, Иван Сергеевич?

НАГРИБЕДОВ. Ране говорили с божьей помощью, ноне говорят — с партийной. Человечи мы, Александр Демидыч, а раз человеки, значит, перетащим пушечки — раз они нужны человекам.

ПНЕВ. А с отрядами-то что надумал: зачем их Николаю Тыжнову показывать?

НАГРИБЕДОВ (указывая на Колтыгина). Это он только один может придумать через Сублей-сопки поход! А я ничего не могу? Я дурак-мужик, сапогу молиться, портянкой утираться? А глядишь — мужик-от телегу придумал, а к телеге двигатель прицепили, она и пошла, и на тебе — автомобиль! (Берет за плечи Пнева.) Пойдем-ка, я тебе тоже покажу плант... (Ушли.)

Остались Серафима и Колтыгин.

КОЛТЫГИН. Про Сергуня рассказать, Серафима Максимовна?

СЕРАФИМА. Я с тобой говорить не могу, Александр Демидыч, ты уж меня прости. Отскочил ты от смерти, Александр Демидыч, а я так рассуждаю, что тебе лучше к ней поближе встать.

КОЛТЫГИН. Я знаю, что мне делать, Серафима Максимовна.

СЕРАФИМА. Знать-то ты знаешь, а делать-то за тебя все другие делали. На чужих крыльях ты в рай легишь, Александр Демидыч. (Идет.)

КОЛТЫГИН. Поехала американку, что ли, сопровождать, Серафима Максимовна?

СЕРАФИМА. Поехала. (Идет.)

КОЛТЫГИН. Прощай, Серафима Максимовна. (Серафима ушла молча. Он постоял, посмотрел на дверь, затем подошел к географической карте, снял буханки, смотрит пристально.) Степша! (Вошел партизан.) Где командиры-то? Чего не собираются?

ПАРТИЗАН. А вон, скачут. (Слышен топот коней.)

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ.

Картина первая.

Дача Тыжновых. Терраса, заставленная гранатовыми деревьями. Два входа. Дача, видимо, расположена на горе, так как снизу доносится плеск моря. Неподалеку находится железнодорожная остановка; слышен шум поезда, возгласы продавцов, свистки кондукторов. Осень. Плоды на гранатовых деревьях почти созрели.

Хироze, испуганный, стоит, схватившись за гранатовое дерево. Шинода спокойно сидит в плетеном кресле.

ХИРОЗЕ. Я не могу, господин Шинода, этому верить.

ШИНОДА. Вы мой друг.

ХИРОЗЕ. Моим другом вас теперь не могу назвать.

ШИНОДА. Признаюсь, мне здесь страшно, Хироze. Я пробовал говорить с большевиками. Но деньги у них дырявые. Они всюду ищут идей. А у меня нет идей.

ХИРОЗЕ. Вы, господин Шинода, на себя клеветеете.

ШИНОДА. Нет идей. Они быстро вымерзают в этой холодной стране. Вот смотрите: генерал Матаори, герой. У него много идей? О, много очень. А почему он все свои деньги в акции концерна «Мицуи» вложил?

ХИРОЗЕ. Он мог бы в другие более выгодные предприятия вложить. Он, действительно, герой. Он кладет все свои деньги на спасение отечества. «Мицуи» пушки вырабатывает.

ШИНОДА. В другие более выгодные предприятия? Вот ваша семья, господин Хироze, вложила сбережения в банк? Вчера он лопнул, как и остальные двадцать семь банков. Ваша семья осаждает банк, господин Хироze, прося свои сбережения.

ХИРОЗЕ. Пусть так. Но я все же родину не продам.

ГОЛОС ГАЗЕТЧИКА (внизу). Последние известия! Опубликовано письмо Ленина к американским рабочим!

ГОЛОС ДРУГОГО ГАЗЕТЧИКА. Последние известия! Сообщение из Аннама!

ШИНОДА. А сказал ли вам генерал Матаори: подражайте, учитесь у Шинода, он умный человек?

ХИРОЗЕ. Сказал.

ШИНОДА. Матаори — тоже умный человек. Концерн работает, пушки выходят, значит, их нужно продавать. Он посылает меня в Харбин, продать пушки Чжан Цзо-лину. Я спрашиваю: «А если другие заплатят дороже?». Уважаемый генерал краток вообще. Он сказал: «Продайте».

ХИРОЗЕ. Не верю.

ШИНОДА. Вчера тыжновцы у партизан пять пушек отбили. Они возле казарм церковного отряда. Позвоните по телефону туда, пусть вам прочтут марку. Я устал. Я хочу размышлять о поэзии, Хироze. Я поеду в Вашингтон и буду жить там долго. Вы тоже сможете хорошо жить в Вашингтоне, Хироze, если мне бумаги передадите.

ХИРОЗЕ. Нет. (В отчаянии.) И неужели мы на родину мертвыми вернемся! (Идет в дом.)

ШИНОДА. Телефон во второй комнате налево, Хироze.

Входит Петр Тыжнов, полковник Идзита, мисс Нора Айрон. Петр Тыжнов в военном мундире, с орденами.

ПЕТР ТЫЖНОВ (кричит вовнутрь). Кольша, иди-ка! (Шинода.) А вы как, Шинода-сан, тоже, говорят, едете в Вашингтон? (Вовнутрь.) Ад'ютант!

ШИНОДА. Еду, господин министр, тоже в Вашингтон.

ТЫЖНОВ (прибжавшему ад'ютанту). Принеси-ка ту шинель-то! (Ад'ютант уходит.)

В н и з у

ГОЛОС ПЕРВОГО ГАЗЕТЧИКА. Муссолини во главе фашистских отрядов подходит к Риму!

ГОЛОС ВТОРОГО ГАЗЕТЧИКА. Техническая помощь Америки советской власти! В Пермской губернии американский тракторный отряд пропахал...

ГОЛОС ПЕРВОГО ГАЗЕТЧИКА (яростно). Муссолини штурмует Рим!

ГОЛОС ВТОРОГО ГАЗЕТЧИКА. Америка категорически требует от Японии немедленного ухода из Приморья!

ГОЛОС ТРЕТЬЕГО ГАЗЕТЧИКА. Союз Японии с Англией расторгнут!

ГОЛОС ЧЕТВЕРТОГО ГАЗЕТЧИКА. Франция отказалась от своих обещаний Японии! Известные транспорты из Константинополя повернули обратно!

ТЫЖНОВ (*кричит*). Прекратить это блеянье! (*Газетчики умолкли*.) Газету я велел конфисковать. Это большевистская газета.

АЙРОН. Но ведь нью-йоркских газет вам не конфисковать.

ИДЗИТИ. Америка не поверит такой лжи.

АЙРОН. Но там опубликованы фотографии с договора.

ИДЗИТИ. Договор поддельный.

ШИНОДА. Мисс Айрон чересчур горячо отстаивает интересы газет.

АЙРОН. Я отстаиваю интересы американской торговли, господин Шинода.

Ад'ютант принес шинель. Тыжнов берет ее и показывает.

ТЫЖНОВ. Узнаете? Грудь-то какая. Шинелька-то самого старика Нагрибедова. Весь штаб разгромили, убежал! (*Ад'ютанту*.) Отнеси. Мы ее в соборе вместе со знаменами, отбитыми у врага, повесим. (*Ад'ютант ушел*.) Завтра по всему Приморью переходим в наступление. (*Ко всем*.) Прошу, господа, форельку нынче привезли с гор, отпразднуем японский орден-то мой, вспрыснем. (*Айрон, тихо*.) А под грузы в порту сколько даете?

АЙРОН. Триста тысяч.

ТЫЖНОВ. Да грузы-то матушка, стоят сорок миллионов рублей золотом.

АЙРОН. За золотым рублем, господин министр, надо до Москвы шагать, американское же золото более близко.

Входит Николай.

ПЕТР ТЫЖНОВ. (*Айрон*). Все прибаутки, все балуется. Форель-то остынет, матушка. Иди, иди! (*Все уходят. Он остается с Николаем*.) Ты опять пьян, Кольша?

НИКОЛАЙ. Нет, спал плохо.

ПЕТР. Много ходишь, да все по горам, а в горах любовь тверда, как скалы, Кольша. Подумал?

НИКОЛАЙ. Хорошо. Я еду в Вашингтон.

ПЕТР. Раиса! (*Входит Раиса*.) Дай гостям-то коньяка французского.

РАИСА. Там какие-то дьяки прищли, Петр Ефимыч. Кафтаны, говорят, надо показать.

Николай пожимает плечами.

ПЕТР. Ты что это, Кольша?

НИКОЛАЙ. Ну, какой ты воевода, Петр? Дьяков вот выдумал, челообитные, скоро курные избы начнешь проповедывать.

ПЕТР. Мне бы только, Кольша, американку за кошель схватить, а там моя армия пойдет. Вчера еще давала под залог грузов сто тысяч, а сегодня, как узнала, что партизан я в Ляле гоню, триста дает. (*Берет за плечи брата*.) Вот неприлепленный ты какой-то, Кольша. Каким мне министром тебя сделать, когда Москву займу, — и не знаю. Хочешь, патриархом будешь?

НИКОЛАЙ. Не хочу.

ПЕТР. Ну, начальником над императорскими театрами?

НИКОЛАЙ. Дай мне ты, Петр, денег побольше. Я из Вашингтона в Париж еду.

ПЕТР. Выпей и за мое здоровье, Кольша! (*Целует его*.) За все у меня к тебе любовь, Кольша, и дивно этой любви. (*Идет. Навстречу из дверей Хироэ*.) А форель-то, форель-то, господин Хироэ?

ХИРОЗЕ. Я не кушаю форели, господин министр.

ПЕТР. Ну, тогда ветчинки?

ХИРОЗЕ. Я на диете, господин министр.

ПЕТР. Уважаю. Я вообще, господин Хироэ, докторов уважаю: они касторку придумали. (*Хочет ушел*.)

ХИРОЗЕ. Вы, господин Тыжнов, — настоящий патриот.

НИКОЛАЙ. Я боюсь, что я патриот только своей любви, господин Хироэ.

ХИРОЗЕ. Но ваша любовь — суть родина есть. (*Николай молчит*.) Хироэ протягивает ему тетрадь.) Возьмите на память обо мне, патриоте тоже. Вы другом моим не были, но ваша тоска — моя тоска, господин Тыжнов.

НИКОЛАЙ (*перелистывая тетрадку*). Я и по-японски-то не читаю, господин Хироze.

ХИРОZE. Здесь есть рисунки. Они патриотичны.

НИКОЛАЙ. А в рисунках-то, кажется, больше всего понимает господин Шинода...

ХИРОZE. Господин Шинода—большой подлец, господин Тыжнов. (*Жмет горячо Николаю руку.*) До свиданья, господин Тыжнов, очень до свиданья.

НИКОЛАЙ. Мне кажется, что вы в чем-то ошибаетесь, господин Хироze.

ХИРОZE. Не во многом, господин Тыжнов.

НИКОЛАЙ. А вы что, уезжаете? На фронт? Стало быть, эту тетрадку поберечь?

ХИРОZE. Да, я уезжаю. (*Идет в дом. Навстречу ему Айрон. Он от нес отворачивается.*)

АЙРОН. Идемте на теннис.

НИКОЛАЙ. Я вчера упал и зашиб себе ногу, мисс Айрон.

АЙРОН (*поднимающемуся на террасу генералу Матаори*). А правда ли, господин генерал, что Англия разорвала военный союз с Японией?

МАТАОРИ. Японскому командованию об этом ничего не известно, мисс Айрон.

АЙРОН. А когда будет известно, ваше превосходительство?

МАТАОРИ. Японскому командованию не известно, когда это будет известно.

Выходят Петр Тыжнов, Идзити, Шинода, ад'ютант.

АЙРОН (*ад'ютанту*). Господин поручик,—теннис?

ТЫЖНОВ. А форель, мисс Айрон?

АЙРОН. Я на диете, господин министр. (*Уходит с ад'ютантом.*)

ТЫЖНОВ. Богатая особа и меха хорошо знает. (*Матаори, который было направился в дом.*) Обождите-ка, ваше превосходительство. Мне Раиса только что сказала: капитан-то Хироze пошел в мой кабинет, будто бы письмо написать, ну и... (*Махнул рукой.*)

МАТАОРИ. Умер?

ТЫЖНОВ. Ну, это... (*Делает жест.*) Харакири сделал.

МАТАОРИ. А-а-а... Это правильно. Он—герой.

ПЕТР. Чего правильно-то?

МАТАОРИ. Он—герой. Он убил себя, потому что на Вашингтонской конференции Японию унижают.

ПЕТР. Это есть немножко.

МАТАОРИ. И нам надо двигаться вперед, а мы стоим.

ПЕТР. Но я-то двигаюсь.

МАТАОРИ. Нужен фронт шире, господин министр.

ПЕТР. Справедливо, он — герой.

ШИНОДА. Он записки не оставил?

ПЕТР. Нет.

ШИНОДА. Об его поступке надо широко сообщить японскому народу. Вот какой генерал Матаори! Вот какой его ад'ютанты!

МАТАОРИ (*Шиноде*). Прикажите военному оркестру появиться. (*Опустил голову.*) Это был великий патриот. (*Смотрит вопросительно на всех. Петр Тыжнов берет под руку Николая и уводит его. Остаются Идзити и Матаори.*) Вы помните, что вам явившийся дух Джимму-тенно сказал?

ИДЗИТИ. Он сказал: повинуйтесь!

МАТАОРИ. Американцы Тыжнова покупают. И не они ли выкупили и освободили генерала Колтыгина?

ИДЗИТИ. Генерал Колтыгин нам очень вреден. (*Пауза.*)

МАТАОРИ. Нужно, чтоб наша армия возмутилась безвинным уничтожением японских офицеров, которые с мирными предложениями к генералу Колтыгину поехали. Нужно, чтоб возмутилась вся наша страна. Нужно, чтоб страна за такое невиданное коварство требовала возмездия!

ИДЗИТИ. Сколько офицеров генерал Колтыгин убьет?

МАТАОРИ. Четырех. Очень прославленных офицеров.

ИДЗИТИ. Так, господин генерал.

МАТАОРИ. Во главе этих офицеров вы, господин полковник, поедете.

ИДЗИТИ. Дух Джимму-тенно так и предсказать изволил, господин генерал.

МАТАОРИ (*опять опустил голову. Слышна японская музыка*). Хироze был

великий патриот. Подобаает и вам, господин полковник, таким же великим героем быть.

ИДЗИТИ. Повинуюсь потомку богов, императору. (Ушли.)

Николай с рюмкой вина в руке выходит на террасу. Он подходит к перилам, облокотился, смотрит вниз. На террасу поднимается Ворожцов. Он по-прежнему в генеральской форме, с мандолиной в руке, по-прежнему веселый. Он останавливается у входа и брэнчит на гитаре.

НИКОЛАЙ (оборачиваясь). Я уезжаю в Вашингтон. Вообще, я ничтожный человек, Миша.

ВОРОЖЦОВ. Ну, зачем уж так глабоко себя разглядывать. Это правда, что война к любви скептически относится, возьмет да и к стенке!

НИКОЛАЙ. Я еду в Вашингтон. Это решено бесповоротно, Миша. Вот только мне спутник противен...

ВОРОЖЦОВ. Кто, Шинода? А он чего? Водки не пьет, правда, труслив.— тоже, но ведь философы и правоведы редко бывают иными.

НИКОЛАЙ. Например, вот сейчас у нас капитан Хирозе харакири сделал.

ВОРОЖЦОВ. Маленький этот ад'ютант-то? Да и то сказать, Коля, если б мне служить при этаким подлеце сухом, как Матаори, я бы тоже харакири мог соорудить.

НИКОЛАЙ. Вот и он говорит, что Шинода подлец. Жалко, я с Хирозе подробно об этом не говорил. (Подходит к гранатовому дереву, срывает несколько плодов и бросает их один за другим с веранды.) Высота какая! А, слышишь, до моря добросил, всплеснуло! (Поднимает яблоко, читает.)

Когда же смерть? Я все перестрадал. Передо мною — мир надзвездный. Отсюда, юноше, мне Сириус сверкал, Дрожал и искрился над бездной. Прими, стонетная звезда!

Кидает гранатовое яблоко.

ВОРОЖЦОВ. А ты знаешь, Коля, что по мифологии-то выходит: гранато-

вое яблоко—это значит соединение народа в одно место. Демократия, так сказать.

НИКОЛАЙ. Плевал я на демократию! Да здравствует личность и ее тоска! А интересно было б спросить этого Хирозе, что он об любви думает. Он мне, понимаешь, передал дневник. Там, подозреваю, есть про любовь. (Показывает дневник.) Вот, видишь, два человека сидят под черемухой... а вот цапля.

ВОРОЖЦОВ (берет дневник). Почитаем!

НИКОЛАЙ. А ты разве, Миша, по-японски знаешь?

ВОРОЖЦОВ. Мало-мало. (Перелистывает.) Йох!

НИКОЛАЙ. Ты чего это?

ВОРОЖЦОВ. А все про любовь! (Читает.) «Любовь подобна туче в весенний день, бежит легко, но все же солнце жизни не закроешь». Красиво! А вот еще... (Кладет тетрадку в карман.)

НИКОЛАЙ. Куда же ты ее это, Миша?

ВОРОЖЦОВ. Перепишу. Я, знаешь, Коля, всякие такие красивые слова люблю переписывать. Вдруг да поэтом буду. Завтра верну тебе. (Музыка.) Чего это?

НИКОЛАЙ. Выносят, наверное, Хирозе.

ВОРОЖЦОВ. Вот, брат, нравы: брюхо вспорол — и герой. Пойдем, посмотрим?

НИКОЛАЙ. Ненавижу мертвых.

ВОРОЖЦОВ. Ну, тогда пойдем в церковь, помолимся о вечной жизни, Коля?

НИКОЛАЙ. Ненавижу бога!

ВОРОЖЦОВ. Ну, тогда место нам с тобой только в ресторане, Коля. (Берет его под руку. Навстречу, снизу три пожилых японца.) Вам, господа, кого?

ПОЖИЛОЙ ЯПОНЕЦ В ШТАТ-СКОМ. Нам нужно господина генерала Матаори.

ВОРОЖЦОВ. Посетителей он принимает в городе, в штабе, господа.

ПОЖИЛОЙ ЯПОНЕЦ. Да? Мы с митинга. Он нам сказал: нужно найти генерала Матаори.

ВОРОЖЦОВ. Коля, а между прочим, любопытно, что сказал митинг.

ПОЖИЛОЙ ЯПОНЕЦ. Он резолюцию генералу Матаори велел прочесть.

ВОРОЖЦОВ (*горячо*). Прекрасно! Уверяю вас, господа, что генерал будет чрезвычайно польщен. (*Вошедшему генералу Матаори*.) Генерал, к вам японские резиденты с чрезвычайно важным сообщением.

МАТАОРИ (*сухо*). Я, господа, вас слушаю.

ПОЖИЛОЙ ЯПОНЕЦ. Полторы тысячи японских резидентов, на митинг собравшись...

МАТАОРИ (*Ворожцову*). Но ведь они мне про митинг, господин генерал.

ВОРОЖЦОВ. А помните, ваше превосходительство, я вам говорил, что японцы—более странный народ, чем русские!

ПОЖИЛОЙ ЯПОНЕЦ. Митинг сказал: прочтите резолюцию или умрите!

ВОРОЖЦОВ. И эта сцена достойна пера Ксенофонта, ваше превосходительство!

ПОЖИЛОЙ ЯПОНЕЦ (*читает*). «Мировая война не принесла желаемых результатов для японского народа. Американцы усиливают свое влияние в Сибири, а мы стоим за частоколом штыков и не можем торговать с русским народом. Ленин остановил наши армии. Мы требуем, чтоб мы торговали. И теперь мы должны добиться мирным трудом, чего не добились военным. Оккупация стоила японскому народу миллиард иен, а в нашем порту скопилось уже на миллион иен чаю».

МАТАОРИ (*Идзити*). Арестуйте этих торгашей, полковник.

ИДЗИТИ (*японцам*). За мной, господа, пожалуйста.

ВОРОЖЦОВ. Поверьте, ваше превосходительство, им трудно. Ведь в России открылась Нижегородская ярмарка.

МАТАОРИ. Играйте русские песни, господин генерал, и не пытайтесь петь японских.

ВОРОЖЦОВ. Мандолина—инструмент международный, ваше превосходительство. (*К Николаю Тыжнову*.) Пошли?

НИКОЛАЙ (*тоскливо*). Я давно готов, Миша.

ВОРОЖЦОВ. Вот если б все русские офицеры так страдали за родину, как ты страдаешь за любовь, Коля, все большевики давно были б в аду.

Терраса опустела. Остался один только Петр Тыжнов. Входит Раиса.

РАИСА. Ты чего это, Петр Ефимыч, велел чемоданы-то укладывать?

ПЕТР. На фронт еду, сестра.

РАИСА. Понимаю, что Кольшу хочешь в Вашингтон с почетом вести.

ПЕТР. Правильно понимаешь, сестра.

АД'ЮТАНТ (*сходит*). Вот списки, ваше превосходительство. А вот—биография Наполеона.

ПЕТР (*перелистывая списки*). Чего так много?

АД'ЮТАНТ. Всего отличившихся солдат, тридцать тысяч, ваше превосходительство.

ПЕТР (*перелистывая списки*). Да неужели это Наполеон-то всех солдат знал в лицо?

АД'ЮТАНТ. Так говорит военное предание, ваше превосходительство. Наполеон подходил к солдату и говорил: «Здравствуй, Жан, или там Пьер, как у тебя хозяйство, детки?». И все подробно. Тому и лестно.

ПЕТР. Еще бы не лестно! Это я с приказчиком своим поговорю, он и то засияет, а тут солдат—барабанная шкура. (*Перелистывает*.) Неужто всех? Не иначе, какие-нибудь у него приспособления были. (*Берет книгу*.) «Вальтер-Скотт. Наполеон». Так. (*Перелистывает книгу. Затем кладет ее на колени и смеется*.) Раиса! А ведь и меня какой-нибудь там Чехов или Лермонтов опишет, а?

АД'ЮТАНТ. Чехов изволил скончаться, ваше превосходительство.

ПЕТР. Это его брат скончался, толстый такой. А Чехова я хорошо помню. Я был приказчиком, как он мимо нас на Сахалин проехал. В ресторане хозяин нас по случаю больших прибылей угощал. А Чехов-то за соседним столиком тощий такой и, видать, злой. Хозяин-то у нас был с брюхом. Он и говорит: «Господин Чехов, вам бы поболь-

ше икры кушать, поправитесь». А он: «А вот из вас выпустят, поем». Хозяин-то прямо со смеху надорвался. (Хочет.) Так! (Перелистывает.) Тулон... портовый город... Это вроде нашего города-то?

АД'ЮТАНТ. Оттуда и началось счастье Наполеона, ваше превосходительство.

ПЕТР (читает). Так, так, вижу. Раиса!

РАИСА. Да уж слушаю, Петр Ефимыч.

ПЕТР. Родственников любил? Любил. И я люблю. Жены не было? Не было. И у меня нету. В портовом городе начал славу? Начал. Вот с годами как-то не сошло.

РАИСА. Северный народ-то поздней развивается, Петр Ефимыч.

ПЕТР. Вот и я то же думаю. (Хлопает по списку.) Придется одолеть его, окаянного! (Берет список, читает.) Утятской волости, Родион Михайлов. Хозяйство — девять коней, восемнадцать коров, три займки и восемьдесят десятин. Так. Здоровое, скажу, Михайлов, хозяйство у тебя отняли! (Заглядывает в список.) Девяти коней нету? Восемнадцать коров нету? На десятинах твоих большевицкие плуга ходят? Вот он и в слезы. (Читает.) Костромской губернии и уезда. Эк его занесло! Ефим Сопелов. Хозяйство — мельница и крупорушка. Ялаторовского уезда. Яков Юдич, — ложковый промысел... работников двенадцать. И все ложки делали? И чем только народ не наживается. Ефрейтор ноне. (К Раисе.) А народ все состоятельный, Раиса, солдаты-то мои?

РАИСА. Оттого и смелость, Петр Ефимыч.

ПЕТР (передает список ад'ютанту). Читай!

АД'ЮТАНТ (читает, постепенно все увеличивая темп). Новгородской губернии, с Устюжских лесов, Савва Александров... (Подносит список к Тыжнову.) Извольте фотографию запомнить. Хозяйство — домов четыре, лавка. Города Мариинска мещанин Яков Кузьмин... лавка. Лошадей — сорок.

ПЕТР. Чего так много-то?

АД'ЮТАНТ. Извозный промысел, ваше превосходительство, имел. (Читает.) Романова-Борисоглебска мещанин и торговец свечами Никанор Овчинников... Еремей Кузьмин... Тюмени... Кунгура... маслотопенный... деготь... бочки...

ПЕТР. Стой! (Хочет.) Да ты, поручик, никак из консистории.

АД'ЮТАНТ. Был, но возжелав родине...

ПЕТР. Ну, так ты не псалом читаешь. Читай с толком! (Раисе.) Сестра, подай-ка вон там, в комнате, поднос. (Раиса уходит.) Ты будешь читать, а я за каждого солдата буду рюмку коньяку. И ему лестно, и мне память! (Раиса вносит поднос с бутылкой коньяку и рюмкой.) Наливай, Раиса. Читай, поручик.

АД'ЮТАНТ (читает). Города Тюмени мещанин Афанасий Космаков. Домов — четыре, лавка на базарной площади, торгует железом...

ПЕТР. Хватит! С этим знаю, о чем говорить. Покажи морду. (Смотрит на фотографию.) Эка мордеса! (Поднял рюмку, выпил.) Дальше.

АД'ЮТАНТ. Деревни Семехино на реке Липке...

ПЕТР. Быстрее! Кто? (Поднял рюмку.)

АД'ЮТАНТ. Гаврила Мышецкой. Сиделец винной лавки, затем городовой...

ТЫЖНОВ (пьет). Запомнил. Дал! АД'ЮТАНТ. Города Каргополя домовладелец Мирон Кузнецов. (Показывает фотографию.) Лицо!

ТЫЖНОВ. Вижу. (Пьет.) Еще! АД'ЮТАНТ. Монахи Троицко-Сергиевой лавры, отцы...

ТЫЖНОВ. Монахов перевести в мой конвой. Дал кто?

АД'ЮТАНТ. Никита Скрытников, фельдфебель. Из города Павлодара. Скота, говорит, имел табуны, не считал, домашности — три займки, плотов в год гонял сотни, а кроме того, кожи скупаа...

ТЫЖНОВ. В конвой! Всех пиши в мой конвой. Всю Расею в конвой Тыжнову! А тебе приказываю отрастить бо-

роду и говорить басом. Ну! (Он встал, шатается. Ад'ютант хватается его под руку.)

Картина вторая

Та же дача. По одну сторону террасы стоит пулемет, замаскированный кадками с гранатовыми деревьями. Возле пулемета сидит пулеметчик. По другую сторону террасы, внизу, гаубица. Поздняя осень. Гранатовые яблоки совсем созрели, но теперь на деревьях висят еще вдобавок подсмукки, фуражки, приказы, ремни. У полевого телефона сидит Пнев. По террасе взволнованно входит Колтыгин.

КОЛТЫГИН. Как же в семнадцатом полку-то, Пнев?

ПНЕВ. Ничего не добыюсь. (Кричит в телефон.) Это семнадцатый полк, будьте вы трижды прокляты? Что? Давайте мне семнадцатый полк! (Отложил трубку, кричит.) Смирнов, вели поставить вдоль дороги коммунистический батальон. (В трубку.) Это командир полка? Товарищ Брусничка. Это какого же чорта вы японскую делегацию не пропускаете?

КОЛТЫГИН. Вели немедленно же пропустить.

ПНЕВ (положив трубку, Колтыгину). Комиссар полка, говорит, не пропустил.

КОЛТЫГИН. Арестовать комиссара полка.

ПНЕВ (в трубку). Арестовать его! Ну, ладно! (Вбегает матрос.)

МАТРОС. Коммунистический батальон имени Октябрьской революции требует немедленного расстрела бандита Тыжнова...

ПНЕВ. Вы коммунисты?

МАТРОС. Поголовно.

ПНЕВ. Вы поставлены охранять дорогу по пути следования японцев?

МАТРОС. Мы требуем...

ПНЕВ. А что от коммунистов требует в таких плаваньях товарищ Ленин? На место, товарищ командир, исполняй приказы, пока бой не кончился. (Матрос растерянно пятится.)

КОЛТЫГИН (охране). Арестованного!

Рабочие вводят Петра Тыжнова. Пнев кладет возле себя револьвер и опять

устремляется к трубке, бормочет что-то возбужденно и беззвучно.

КОЛТЫГИН (Тыжнову). А правда ли, что некий гражданин Шинода и вы, Петр Ефимович Тыжнов, были друзьями?

ТЫЖНОВ. А мне плевать на тебя и на твою правду? (Охране, что у входа на террасу.) Эй, лапотники! Вилы бы вам держать, а не винтовки! (Охрана вздрогнула, но быстро приходит в себя и опять неподвижна.)

КОЛТЫГИН (торопливо). За самые обыкновенные ответы, которые вы, гражданин Тыжнов, дали бы любому встречному, мы гарантируем вам самые последние сообщения о вашем брате...

ТЫЖНОВ. Ишь ты. Тоже торговаться научились. Где ж Кольша-то, а?

КОЛТЫГИН. Сообщали ль вы Шиноде некоторые сведения, которые с вашей точки зрения имели секретный характер?

ТЫЖНОВ. Шинода был юрисконсультлом штаба. Он может все узнать и без меня.

КОЛТЫГИН. А вам известно, гражданин Тыжнов, что Шинода передавал эти ваши сведения представителю третьей державы?

ТЫЖНОВ. Языком болтай хоть год, масла не наболтаешь. Шинода—честный мужик.

КОЛТЫГИН. А этот честный мужик на ваше имя переводил деньги в южно-американский банк? Сто тысяч долларов?

ТЫЖНОВ. Впервой слышу. (Смеется.) Може, после моего отъезда перевел: на вечные поминки. (За сценой шум. Охрана колеблется. Сквозь нее кто-то пробивается. Пнев кричит в трубку, затем подбегает к перилам.)

КОЛТЫГИН. Увести арестованного! (Тыжнова увели.)

ПНЕВ (кричит с перил, вниз). Товарищи коммунисты, какой это бурей у вас сердца с якорей сорвало?

Вбегает старуха и Серафима. За ними пленные, вернувшиеся из Германии.

ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ. Тыщи верст мы плыли, страдали! А что нам здесь дано?

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. Насмешка. Тыжнова нам давай, Штык по нему плачет.

ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ (кричит). Требуем Тыжнова, иначе опять в плен пойдем. (За сценой шум.)

СТАРУХА. Требуем Тыжнова!

ПНЕВ. Баушка, Фекла Степановна, ты-то уж бы подождала.

СТАРУХА. Да как я могу ждать? Может, я помру через час, а Тыжнов все будет на моей земле стоять, позорить ее.

ПНЕВ (Серафиме). Вы слышите, товарищ политрук семнадцатого?

КОЛТЫГИН. Кто утвердил ее назначение?

ПНЕВ. Смерть. Мятлева убили, выбрали утром ее. А она, видишь ты, свою республику выдумала.

СЕРАФИМА. Семнадцатый полк требует расстрела Петра Тыжнова.

ПНЕВ. Так-с. Еще чего?

СЕРАФИМА. По совершенно достоверным сведениям известно, что японская делегация едет с заданием устроить свое уничтожение. Поэтому семнадцатый полк...

ПНЕВ. Буде резолюции наизусть читать, Серафима!

СЕРАФИМА (так же). Известно, что японская делегация будет требовать выдачи Петра Тыжнова...

ПНЕВ. Чересчур много тебе известно, Серафима Максимовна. Вы сняты с поста политрука, товарищ Персианова.

КОЛТЫГИН. Отправитесь в распоряжение товарища Мякушко, товарищ Персианова. (Серафима, возмущенная, идет к нему.)

ПНЕВ (в трубку). Послать агитатора в семнадцатый полк! Послали? Кого персонально? (Слушает.) Так.. Максимов ничего, а Глебных отменить! Как? Болтун, говорю! Как? (Положил трубку, к старухе.) А ты будешь, Фекла Степановна, общественным обвинителем на суде.

СТАРУХА. Каком суде?

ПНЕВ. А на суде над Петром Тыжновым. Мы его всем обществом судить будем. (Пленным). Так, что ли? А то ведь вы его штыком-то проткнете... штыки-то у вас лихие. Кабы у царя та-

кие штыки были, так разве вас немцы в плен взяли?

ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ. Где взять!

ПНЕВ. Вот то-то я и говорю. До Берлина гнали бы немца. А теперь у нас штык более верный.

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. Вот и я говорю!

ПНЕВ. А чего ж другого-то ты скажешь, Иван Евдокимыч? Ты правильно говоришь. Я, Иван Евдокимыч, с тобою согласен: надо ребят держать крепко, чтоб японца мы могли в узду взять, командование то-есть. (Громко.) Назначаю тебя, Иван Евдокимыч, охранять дорогу, по которой сюда японская делегация поедет.

ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ. Его?

ПНЕВ. А тебе, Матвей Михалыч, быть ему помощником!

ПЕРВЫЙ ПЛЕННЫЙ. Это мы можем. (Второму.) Стало-быть, ты по одну сторону дороги своих ребят расставишь, а я по другую.

ПНЕВ. Да поскорей.

ВТОРОЙ ПЛЕННЫЙ. Скорей скорого. Других распоряжений не будет?

ПНЕВ. Нету. (Пленные ушли. Старухе.) А ты, Фекла Степановна, со своими советовать будешь: о чем на суде-то говорить?

СТАРУХА. А как же, милай. Вот и думаю, можно мне итти к обществу-то?

ПНЕВ. А иди, Фекла Степановна, иди. (Старуха ушла. Он в телефон.) Кто? Так. Вдоль дороги-то? Знаю. Прибавь еще туда коммунистов. Так!

КОЛТЫГИН (Серафиме, продолжая разговор). Уж как-нибудь сдержимся, Серафима Максимовна. Над пропастями шли да сдержались, вон она какая, Сублей-сопка-то, страшная была.

СЕРАФИМА. Японец-то пострашней пропастей будет. (Сердито.) Скажешь, вот не верила Серафима, что Колтыгин через Сублей-сопку переведет, так...

КОЛТЫГИН. Не до упреков, Серафима Максимовна. (Пневу.) А не оставить ее, товарищ Пнев, секретарем при допросе?

ПНЕВ. Злости на японца чересчур много, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Точней запишет.

ПНЕВ (*подавая перо Серафиме*). Садись. (*Охране*.) Вводи.

ТЫЖНОВ (*входит*). А, Серафима Максимова, здорово живешь. Похудела ты! (*Останавливается у стола*.) Ну?

КОЛТЫГИН. Известно ли вам, гражданин Тыжнов, что генерал Матаори через господина Шинода продавал в Харбине гаубицы?

ТЫЖНОВ. Ихнее дело.

КОЛТЫГИН. Известно ли, что генерал Матаори владеет большинством акций концерна «Мицуи»?

ТЫЖНОВ. Это всему миру известно.

КОЛТЫГИН. И что он лично заинтересован в войне?

ТЫЖНОВ. Эка хватил, батенька. Да для него слава-то дороже будет любого миллиарда иен. Они ведь, японцы-то, гордые!

КОЛТЫГИН (*показывая тетрадку*). А вот в дневнике капитана Хирозе написано, что вы тоже участвовали в продаже пушек? И будто бы Шинода знал об этом?

ТЫЖНОВ. Брехня. Хирозе был офицер неовный и тоскливый.

КОЛТЫГИН. Почему вы так думаете?

ТЫЖНОВ. А все время Чехова читал.

КОЛТЫГИН. А вы читали Чехова?

ТЫЖНОВ (*с возмущением*). Никогда! Видал его однажды в ресторане, но не понравился он мне. Я тогда еще был приказчиком...

КОЛТЫГИН. Это к делу не относится. Так, значит, Шинода — честный человек?

ТЫЖНОВ. Сплошь. (*Пауза*.)

КОЛТЫГИН (*показывая газету*). Вы эту газету читали?

ТЫЖНОВ (*не глядя*). Я не верю американцам.

КОЛТЫГИН. Рекомендую взглянуть. Здесь напечатано, что пароход «Заря», шедший из Дайрена в Гонконг, наткнувшись на пловучую мину, потонул.

ТЫЖНОВ (*почти вопя*). Потонул? Кольша потонул? Кольша-то, спрашиваю, потонул? (*Садится на стул*.) Как там напечатано, Александр Демидыч, про Кольшу-то?

КОЛТЫГИН (*показывая газету*). А может быть, вы хотя фотографию посмотрите?

ТЫЖНОВ. Не могу я... труп...

КОЛТЫГИН. Какой вы жалостливый!

ТЫЖНОВ. Это мой брат был! Я его крепче неба и земли любил. Ты не смей смеяться над моим братом! Из него ученый был бы какой, кабы вы не сожгли всю мою страну этой вашей революцией. (*Тычет пальцем в Колтыгина*.) Я тебя, я эту твою улыбочку понимаю. Не мина! Не взрыв! Это вы, большевики, потопили пароход. Подлецы вы!

КОЛТЫГИН. Не хотите смотреть, я вам прочту. (*Читает*.) «Господин Николай Тыжнов и господин Шинода, чудесно уцелевшие от взрыва на пароходе «Заря» и пересевшие на пароход...» (*Тыжнов вырвал газету*.) Обратите внимание, господин Тыжнов, что газета от 30 августа, а взрыв парохода был 19 августа. Почему это газета печатает так поздно фотографию?

ТЫЖНОВ (*берет папироску*). А почему бы это? Залежки какие-нибудь. Гонконг не Нью-Йорк, типографии-то вроде наших. Я там был. А все-таки, Александр Демидыч, Шинода парень приличный.

КОЛТЫГИН. Я с вами особенно не спорю о честности господина Шинода. Но вот что странно еще: направляются они, как известно, в Вашингтон.

ТЫЖНОВ. Знамо дело, в Вашингтон.

КОЛТЫГИН. Но почему же и ваш брат, и господин Шинода перешли на пароход, направляющийся не в Вашингтон, а в Рио-де-Жанейро, то-есть в Бразилию?

ТЫЖНОВ (*спокойно, откинувшись на стуле*). Зачем бы это им, парень, а? Ты-то как думаешь, Александр Демидыч?

КОЛТЫГИН. Мало того. Уехали они в Бразилию опть-таки 22-го, а фотография-то напечатана как-никак 30-го?

ТЫЖНОВ. Не понимаю, парень, а?

КОЛТЫГИН. Я и сам в недоумении. Зачем это, как вы сами говорите, честному Шиноде — убивать вашего брата Николая! (*Тыжнов вырвал газету*.)

ту.) Читайте над фотографией: «Убийца японец-шпион Шинода и его жертва Николай Тыжнов на улицах Гонконга». Что так могло разозлить Шиноду, что он просто-напросто сбросил с парохода Николая Тыжнова? Вот тут пишут, что Стюарт слышал намеки на какой-то дневник? Какой дневник был у вашего брата?

ТЫЖНОВ. Убит Кольша? Прямо с парохода столкнул?

КОЛТЫГИН (показывая другую газету). Вот здесь снимок с трупа.

Тыжнов, было, приподнялся, но не может встать. Он утирает лицо, протягивает руку к газете, но сел неподвижно, положив руки на колени.

ПНЕВ (в телефон). Так? Ну, что ж, пропустить и их. Товарищ Некрасов, следы крепко. Сообщай каждые десять минут... (Вбегает Ворожцов.) А у тебя какие требования?

ВОРОЖЦОВ. Я категорически требую шоколаду!

ПНЕВ. С сахаром, али с медом, товарищ Ворожцов?

ВОРОЖЦОВ. Меня иностранные корреспонденты замучили. Новостей требуют. Надо их шоколадом угостить, что ли.

ПНЕВ. А ты им сзую биографию расскажи. (Смеется.) Я, мол, из лица. Вместе с наследником-цесаревичем обучался, а вот перешел на сторону красных. Они это любят...

КОЛТЫГИН. Можете итти, гражданин Тыжнов. (Молчание.) Допрос окончен.

ТЫЖНОВ (вскакивает). Кольшу потопили! Японец, мразь, полицейская сука моего Кольшу потопила! (Стучит по столу кулаком.) Я расскажу! Я такое расскажу! (К Ворожцову.) Зови этих корреспондентов, я им такое подтвержу...

ВОРОЖЦОВ (остальным). Красиво возмущается!

ПНЕВ (строго). Товарищ командир Ворожцов, прошу вас немедленно покинуть это место и вернуться на свое место.

ВОРОЖЦОВ. Слушаюсь. (Ушел.)

КОЛТЫГИН. Что же вы припоминаете, гражданин Тыжнов?

ТЫЖНОВ. Я подтверждаю, что генерал-майор Матаори знал, что Шинода—американский агент. Матаори знал, куда идут пушки, которые Шинода будто бы продавал Чжан Цзо-лину.

КОЛТЫГИН. Словом, вы подтверждаете дневник Хирозе?

ТЫЖНОВ. Да. (Кричит.) Я им покажу, как Кольшу убивать!

КОЛТЫГИН. Можете итти, гражданин Тыжнов.

ТЫЖНОВ. Ты меня, Александр Демидыч, раньше, чем стрелять, перед бумагой поставь, али перед людьми, я такое расскажу!

КОЛТЫГИН. Над вами будет суд.

ТЫЖНОВ. А мне все равно, что суд, что самосуд. (Идет.) Я им покажу, как моего Кольшу убивать!.. (Ушел.)

ПНЕВ (тычет телефонной трубкой в цветы и, повеселев, кричит). Мякушко! Это что за беспутство? Почему, говорю, на гранатовых деревьях ремни висят? Чего? А канат в ноздрю не хочешь? Приказываю: немедленно перенести эти бочки в детдома, а коменданту дачи — выговор А? Литературы туда подбрось! (Берет другую трубку.) Ага? (Колтыгину.) Вехали!

КОЛТЫГИН. Японцы?

ПНЕВ. Они. (В трубку.) Понаблюдай, Савченко, чтобы беляки бывшие какую провокацию не подпустили.

СЕРАФИМА (вскакивая). Не могу я, товарищ Пнев. Туман у меня в глазах. Ведь они, они Сергуня-то убили. Задушу я их вот этими пальцами. Расцарапаю мясо до сердца.

ПНЕВ. Сиди, пиши, Серафимушка. Авось, мы по-иначе расцарапаем японское сердце. Мы тоже кругом света плавали.

За сценой гул, крики. Пнев бежит к перилам.

ПНЕВ. Товарищи коммунисты. Товарищи коммунисты, говорю!

Гул медленно стихает. Слышен стук приближающегося автомобиля. Толпа рычит. Пнев поднимает руку, — гул затихает. Пнев садится у телефонных трубок.

ПНЕВ (в трубку). Всех политработников — к штабу.

КОЛТЫГИН. Вели, чтоб оркестры играли.

ПНЕВ. Оркестрам играть польку. Гармошки!.. Пускай пляшут! (Колтыгину). Оркестры отказываются играть.

КОЛТЫГИН. Скажи, чтоб проиграли только час, а там я их обещаю на первые линии фронта яустить.

ПНЕВ (в трубку). Слушай, Савченко, командир обещает...

Входит полковник Идзити и три японских офицера, которые все время молчат, изредка улыбаясь и кланяясь. Пнев сидит у телефона, не опуская трубки, напряженно наблюдая за японцами.

КОЛТЫГИН. Рад вас видеть, господин полковник.

ИДЗИТИ. Нашу сегодняшнюю встречу, господин генерал, сердечно приветствую.

КОЛТЫГИН. С чувством глубокого удовлетворения, господа, прочли мы декларацию японского командования об эвакуации вверенных вам войск.

ИДЗИТИ. Сроки, господин генерал, будут соблюдены. Однако не скрою, что японское командование чрезвычайно обеспокоено.

КОЛТЫГИН. Чем же оно чрезвычайно обеспокоено, господин полковник?

ИДЗИТИ. Оно обеспокоено тем, что с фронта исчез председатель совета министров господин Петр Тыжнов. Говорят, он попал в плен к вам, господин генерал.

КОЛТЫГИН. А разве господин Тыжнов находится на службе у японского командования, господин полковник?

ИДЗИТИ. Японское командование беспокоится о судьбе русского населения в городе, которое оставлено без власти, господин генерал.

КОЛТЫГИН. Мы не возражаем, чтобы это беспокойство перешло к нам, господин полковник.

ИДЗИТИ. Японское командование, находясь в дружбе с господином Тыж-

новым, хотело б его видеть в городе. И живым, господин генерал.

Музыка очень веселая. Идзити приушливается.

КОЛТЫГИН. Это наши войска веселятся. Господин Тыжнов пожелал рассказать иностранным корреспондентам свою в некотором роде любопытную биографию. (Пауза. Музыка стихает.)

ИДЗИТИ. Первое наше желание, господин генерал, это необходимость вашим войскам вглубь страны отойти.

КОЛТЫГИН. Вот как? А мы полагаем, что японскому командованию гораздо удобнее самим отодвинуться.

ИДЗИТИ. Куда же, господин генерал?

КОЛТЫГИН. А в море, господин полковник? (Пауза. Колтыгин чрезвычайно любезно.) Сегодня я прочел, что на открытии выставки мира принц Кан-Ин, торжественно выпуская на свободу двести пятьдесят голубей, сказал: «Открывая выставку мира, я говорю, что войны окончены и народы получили покой и счастье». Нам бы хотелось, господин полковник, чтоб эти голуби с высоты своего полета увидели японские крейсера, возвращающиеся из Приморья.

ИДЗИТИ. Голуби мира увидят крейсера, если войска ваши отойдут от города, господин генерал.

КОЛТЫГИН. Голуби увидят отходящие крейсера, хотя наши войска и не отойдут от города, господин полковник. (Опять музыка. Колтыгин читает записку, которую ему переброесил Пнев.) Вас волнует музыка, господин полковник? Мы не можем запретить нашим войскам веселиться. Только-что получено сообщение, что рота японских солдат, кинув оружие, перешла к нам...

ИДЗИТИ. Следовательно, господин генерал?

КОЛТЫГИН. Следовательно, переговоры окончены, господин полковник.

ИДЗИТИ. Это ультиматум, ведь, господин генерал?

КОЛТЫГИН. Нет, это жизнь, господин полковник, выпустила своих голубей.

ИДЗИТИ (*кричит*). В жизни русские привыкли, чтоб им плевали в лицо! Я плюю в ваше лицо.

ЯПОНСКИЕ ОФИЦЕРЫ (*хором*). Мы плюем в ваше лицо!

За сценой гул. Охрана рычит.

ПНЕВ (*в телефон*). Коммунисты, спокойно! Спокойно, спокойно!

КОЛТЫГИН. Вам поручено здесь умереть, господин полковник?

ИДЗИТИ. Но я не умру. Вы трусливы, как корейцы, и вам не убить меня!

ЯПОНСКИЕ ОФИЦЕРЫ. Вы трусливы, как корейцы. Мы плюем в ваше лицо.

КОЛТЫГИН (*смеясь*). Помилуйте, господин полковник. Было бы как-раз трусостью убивать рабов, которые идут на смерть по первому глупому приказанию. (*Достаёт листок.*) Когда нам нужно убивать, мы убиваем японцев ровно столько, сколько нам нужно. (*Проглядывает листок.*) Вот, например, мы нашли этот листок в кармане убитого нами японского офицера. Мы плохо разбираемся в японской письменности, но здесь упоминается имя капитана Хирозе.

ИДЗИТИ. Хирозе умер. Он убит не вами.

КОЛТЫГИН. Каждая строчка о Хирозе, объявленном генералом Матаори национальным героем, вам, наверное, очень ценна. Не листок ли это из дневника Хирозе? Ведь упоминается же здесь имя господина Шинода, философа. Ведь говорится же здесь, что господин Шинода американский шпион.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР (*быстро подходит, берет листок, читает и передает его второму офицеру*). Это Хирозе писал.

ИДЗИТИ. Хирозе дневника не вел!

КОЛТЫГИН (*показывая дневник*). А это чьи рисунки? А это кто писал, что генерал Матаори продает нам оружие... (*Идзити идет к дневнику, но первый офицер оттолкнул его и схватил дневник. Музыка.*)

Вбегает Нагрибедов. За ним мужик в розовом шарфе и несколько партизан. Все они замазаны в глине и тине; лица у них счастливые.

НАГРИБЕДОВ. Товарищ главноком! Имею честь доложить, что, согласно плану, северная партизанская армия под моим командованием прошла по непроходимым топям и ударила под японщину в бок...

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. С правого флангу то-есть!

НАГРИБЕДОВ. С правого флангу то-есть.

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. С левого флангу протащил я по топям да по бревнышкам три танка и как (*делает жест*), так... и получилось, что так...

НАГРИБЕДОВ. Под'японщина-то помяла японские окопы! Японцы-то как ударят бежать в порт, амуницию побросали, винтовки побросали!..

ИДЗИТИ. Это неправда есть!

НАГРИБЕДОВ (*чрезвычайно вежливо*). Давно видали «Синюю птицу», господин полковник? (*Партизану.*) Степша, вели погудеть! (*Раздается автомобильный гудок.*) Узнаете? Автомобиль-то тоже ваш, брошенный?

ПЕРВЫЙ ЯПОНСКИЙ ОФИЦЕР. (*взволнованно*). Господин генерал...

ИДЗИТИ (*прерывая офицера*). Нам нужно успеть к завтраку, господин генерал.

КОЛТЫГИН. Весьма сожалею, что не могу разделить этого удовольствия с вами, господин полковник.

ИДЗИТИ. Я также в глубочайшей горе по тому же поводу, господин генерал. (*К Нагрибедову.*) Я очень давно «Синюю птицу» видал и очень о том сожалею. До свиданья, господин генерал.

НАГРИБЕДОВ. Прощай, господин полковник. Степша, проводи. А то как бы не обеспокоили.

ПНЕВ. Я сам провожу. (*Идет вперед японцев. К тому времени вся терраса уже набита народом: здесь и партизаны, и пленные, и женщины. Японцы идут среди молчаливой толпы, которую все время зорко осматривает Пнев.*)

Машина гудит, пошла.

Едва только машина двинулась, как мощный взрыв восторга охватывает

присутствующих. Кто-то кричит, кто-то рыдает, кто-то потрясает винтовкой, свесившись с перил и глядя вслед японцам.

СТАРУХА. Поехали! Живые! А ведь за смертью приезжали.

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ. По-ихнему это значит — лицо потеряли. Теперь не иначе, как брюхо себе вспарывать будут!

МОЛОДОЙ ПАРТИЗАН. А чего им остается делать? Думали пшеницу сибирску жрать, а получили штык в брюхо! (Хохот.)

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ (схватив за руки Колтыгина). Ленину скажи, наши-то голуби во как летают.

КОЛТЫГИН (смеясь). Покрепче японских нарисованных?

СТАРУХА. Музыки мне! (Хохот.)

МОЛОДОЙ ПАРТИЗАН. Али плясать, Фекла Степановна? В город-то еще не вошли!

СТАРУХА. Музыки мне. Слова у меня, Александр Демидыч, жидки. Пущай песня поет. Трое сынов у меня под этим городом пало, — пускай четвертый поет!

МУЖИК В РОЗОВОМ ШАРФЕ (в телефонную трубку). Кто? Имейко

говорит, дивизионный командир. Чего? Музыку требуем сюда.

СЕРАФИМА (берет руку Колтыгина). Не обижайся на меня, Александр Демидыч.

КОЛТЫГИН. Будь бы я на твоём месте, куда хуже было Колтыгину. Неповоротливый он бывает. (Улыбаясь.) И друзей часто не видит... Верно?

СЕРАФИМА. И дружбу, и почет мой возьми, Александр Демидыч.

Подходит Нагрибедов вместе с мужиком в розовом шарфе.

НАГРИБЕДОВ. Музыка, говорит, согласно приказу на передовые ушла. Кто это приказал?

КОЛТЫГИН (смеясь). Не с ружьями ушла, Иван Сергеевич, не с ружьями. (Слышна далекая музыка) Слышишь? Это она рабочие делегации, которые из города идут, встречает.

НАГРИБЕДОВ. Надо и нам рабочих-то итти встречать. Имейко! Распоряжайся по отряду. Хочу успеть к последнему японскому крейсеру. Все я собираюсь спросить у этого Матаори: «А не похожа ли на самолет эта самая «Синяя птица», этот самый голубь мира, ваше выссокопревосходительство?». (Хохот.).

Ушедшие в камень

Поэма

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

Да и самый последний лиман Сиваша
Все же — дальний залив океана...

Из старых стихов.

Ты можешь и теперь туда пройти,
Свернув от моря к бывшей богадельне
И взяв на север прямо по степи.
Недалеко.

Налево кукуруза
Шуршит в лощинах. Древняя гроб-
ница

Торчит направо, — конус траьяной.
За ней дымит, как черная эскадра,
Завод металлургический, и бледно
В сиянии полдня треплется огонь
Над башней домы. Чуть поближе —
врезы

Карьеров рудных; рыжие комки
Проворно выбирает экскаватор,
И бегают по узкой колее
Запахавшийся, юркий паровозик.
А дальше — пусто. Выжженная степь,
Гряды отлогих невысоких взгорий,
Дрожь марева горячего, и в небе
Неведомо зачем кружит орел...

Ты подойдешь к надломленной до-
линке;

В ней стенкою проходит белый
гребень
Известняка, а в нем чернеют лазы. —
Как будто муравейник пополам
Разрезали.

Войди в нору любую.
Там тихо и прохладно, и темно.
Там хорошо присесть на камень
влажный

И закурить, ко входу обернувшись, —
И, как в стереоскопе, крупно, четко,
В квадратной раме развернется даль!
Клок бухты темногубой и город,
Наваленный кусками рафинада
Вокруг горы, а на горе музей
Дорически прекрасный и спокойный...

Оттуда веет теплотой полынной,
А за спиною холодок и мрак:
Уходит лаз на километры в камень,
Ветвась и разбегаясь. Тут веками
Выламывали пористую плоть, —
Квадриллионы ракушек умерших.
Из рухлых кубов скифские князьки
Свои дома и замки воздвигали,
Дворцы и храмы строил Митридат,
И генуэзцы громоздили молы...

Зажги фонарь, бечевку обвяжи
Вкруг камня у порога (в лабиринт
Нельзя ж итти без нити Ариадны)
И — вглубь!

Не бойся: это нетопырь,
Их много тут.

Смотри: у поворота
Весь камень избуровлен, будто гвозди
В него вбивали. Если ножик есть,
Поковыряй во впадинах и вынешь
Расплющенную пулю. За углом
Подобье зала. Под ногами мягко:
Соломы перепрелой цухлый слой

И комья лошадиного помета.
Сверни еще. Трехногий табурет,
На нем жестянка лампы и осколки
Стекла. Кругом — позеленелых гильз
Бутылочки латунные; их много.
А там лежит промятый каблук
Рифленый коробок противогаза.
В тот ход свернем. Истлевшая

бумажка,
А развернуть — на ней цветы,
виньетки
И карта Крыма: то ль ярлык пивной,
То ль краевой «дензнак». Вот куча
тряпок —
Бинты, все в пятнах: плесень или
кровь?
Вон вбок и вниз отходит галерея.
Пойдем туда.

Или на воздух тянет?
Пойдем, пойдем: полгода задыхались
Тут люди.

Здесь, как видно, пусто.
Нет!

Вон набок лег, изогнут, как параграф,
Скелет. Колени подняты, в комок
Свернулись руки, и понуро череп
Припал к запястью. Сапоги остались
И поясной под ребрами ремень.
А зубы хороши: белы и целы.
Как тосковал, должно быть, молодой,
Сюда заползши! Тиф или граната?

Как началось? Кто первый в эти
крипты
Вошел, дрожа от гнева или страха?
Как первая здесь ковыляла ночь,
С какой надеждой ждали тут
рассвета?

Кто говорит, что первым Денисенко,
Георгиевский кавалер, фельдфебель,
Красавец пышноусый, захватив
Штабс-капитана у своей подруги,
Тесак на нем проверил — и ушел
В пещеры эти, чтобы «из-за бабы»
Не стать под пулю.

Говорят, Колдоба,
Из Красной армии, в тылу у немцев
С отчаянной ватагой партизана,
«Сюды ховазся», и «с того пошло».

Кто говорит, что гимназист Миссюра
(Его я знал: широколицый мальчик,
Немного робкий и нерасторопный),
Не пожелав надеть английский френч
И стать бойцом «Единой,

Неделимой»

Да и Майн-Рида помня хорошо,
Сюда увел пяток других подростков...

Верней всего, что было так и так:
Когда гудит над миром Вихрь
железный,
Тогда нельзя себе не выбрать флаг,
Один из двух, — из разделенных
бездной;

И человек, сознание свое
Всем бытием грозы определяя,
Становится, пылая и сжигая,
На классовый рубеж — на лезвиё.

А Вихрь гудел по всем меридианам.

Романовы, что взять корону вышли
Из закоптелых стен монастыря
Ипатьевского, кончились в подвале
Ипатьевского дома. Гогенцоллерн
В Голландию бежал. Отрекся
Габсбург.

В лесу Компьенском Клемансо терзал
Германских делегатов. Возникали
Республики. В Баварии, визжа,
Советский флаг топтал кровавый
Носке.

В чаду чумном голодный Будапешт
Последними штыками отбивался.
В Аравии престолы создавал
Полковник Лоуренс. Вокруг Багдада,
Вокруг Тавриза шла резня. В Китае
Шла бойня.

И никто на всей планете
Не знал, куда прибьет эпоху буря.
Но был один, кто, глаз монгольский
шуря,
Все понимал и видел из Кремля.

И, верные словам его коротким,
Его декретам, точно горный ключ,
Из недр идущим, дерзким и гремучим,
Шли миллионы.

Приходилось туго.
Заводы стыли. Прятал хлеб кулак.

Сыпняк блуждал, вокруг измена
зрела,
Вздуваясь гнойниками.

Старый мир:
Бесхлебье, бессапожье, бездорожье,
Изнеженность, истрепанность, измор,
Невежество, неверье, неуменье, —
Все пыжилось, хрипело, упиралось,
Дрожало, ныло, ляскало зубами,
Брело на цыпочках, ползло на брюхе,
Из-за угла высовывало нос,
Ухмылку, заносило нож, дубину,
Мешая жить, мешая создавать...

Кулак двуличный с ястребиным
глазом;
Пьянчуга портовой — сивушье сердце;
Статистик земский, что привык

торчать
Перед отчизной с укоризной; врач —
Поклонник Милюкова и сторонник
Абортов и аннексий; радикал
От бормашины; меньшевик

с изрядным
Пакетом акций (от отца! что
делать?);

Эсер — сынок жандарма —
с рефератом
«О нравственных воззрениях
Лаврова»;

Сожженный кокаином прапор —
помесь

Грушницкого и Держиморды; мистик,
Вздыхающий с кухаркой о втором
Пришествии и вздорожаньи масла;
Домишко приобретший метранпаж
Или портной; заштопанная дева
Из лазарета баронессы Дрэк;
Партийные зазнайцы; доктринеры;
Угрюм-Бурчеевы от коммунизма
Непонятого; Раззудись-Плечо;
Головотяпы; рукосуи; накипь
Махизма и махновщины, —

а дальше
Кровавый банщик Рябушинский;
кроткий,

Как змий, и мудрый, как голубка,
Тихон;

Кай Юлий Савинков и Аввакум
Бердяев, и Савонарола-Кишкин, —
Все вперемежку, врасасовку, скопом,

В чаду, в бреду, в кликушестве,
в оргазме
От силы, славы, злобы, страха,
мести
Висели у России на ногах.

Но шла Россия. Шел литейщик,
пахарь,
Боец, подвижник. Тяжко, трудно шел.
Неодолимо шел! К социализму!

Страна казалась тигровой шкурой
В чересполосице властей, режимов,
Фронтов, бандитских гнезд,
армейских групп.

И витязем, поднявшим эту шкуру,
Провидевшим Грядущее во мгле,
Был скромный, мудрый человек
в Кремле...

И здесь, в Крыму, в апендиксе
России,
В уютном городке, где побывали
И грек, и римлянин, и гот, и гунн,
И славянин, и турок, где галеры
На якорь ставил Петр, и пращур
мой —

Суворов — ставил крепости, и
в классах,
Где я учился, вызревал Желябов, —
Все то же было. Тот же Вихрь гудел.

В исходе восемнадцатого года
Ушли германцы. В Симферополь сел
Татарский националист Винавер
И конституционно правил.

Всюду
Пооткрывались плюшкинские лавки, —
Комиссионные, — где можно было
Купить-продать подштанчики, парчу,
Духи Коти, вставную челюсть, фунт
Сушеного горошка, микроскоп,
Владимира с мечами, одеяло
Из госпиталя, дубликат на пиво
Самарское — и прочее.

Отцы
Духовные церковный воск пустили

На гуталии. Чиновники, завеса
Окно газетой, запирали двери
И самобытно гнали самогон.
Князя из Питера, купцы из Вятки,
Профессора из Ярославля, дамы
То ль из салонов, то ль из

Луна-парка

Разнеженно бродили по аллеям,
Сидели на бульварах и в кафе,
Орлиным взором пронизали булки
И камбалу и, не купив, шли прочь,
И все вздыхали благостно: оазис!..

Однако на Кубани был Деникин.
Петлюра выгнал гетмана. Петлюру
Большевики спокойно выметали, —
И северный в Крыму подул

сквозняк.

Винавер перепуганный варягов
Призвал с Кубани: для кадета лучше
Казачья плеть, чем власть

большевиков.

Деникин всполохнулся, приказал
Всем «офицерским обществам»

по Крыму

Сформироваться в части, объявил
Мобилизацию, послал постоем
По деревням казачьи полусотни,
И — началось.

Пошли везде и всюду
Восторженные дружбы интендантов
С аптекарями (спирт!) и с пекарями
(Мука!), и с бакалейщиками (сахар!).

Пошли — мамаш, бестрепетно-готовых,
Визиты с заднего крыльца к врачам
И комендантам, а потом гулянки
Юнцов, твердящих с радостной

улыбкой

О вывихах своих, о камнях в почках,
О ревматизме, грыже и подагре;

Шуршанье франков, долларов и лир
В кофейнях;

у каких-то знойных дядей
Проворный блеск в руках — не то
брильянтов,
Не то алмаза — стекла вырезать;

Наезды романтических героев
(Кубанка на ухо, шинель врзлёт,
Гитарой галифе, и Марс — конечно
Не без Венеры — в огневых очах)
На рестораны: то «Кротовый сотник»,
То «Белый дьявол», то «Железный

мститель»,

То «Ставропольская пантера»;

девок,

Из институток с шифром,
возвращенья

Под отчий кров перед рассветом,
с медью

Вкруг сонных глаз и бахусом из уст;

Развинченные выходы лакея,
Напялившего балахон Пьеро
И выкартавливающего томно
С таким лицом, как будто он боится.
Что вдруг ему велят подать

галоши, —

Про негра, подающего манто;

Безудерж белых, точно горностаи
(По «убеждениям»), желтых, как
мочала
(По «творческой манере»), борзопис-

цев

Из дьявольски проворного Освага, —
Всеведущих, всеильных, вездесущих,
Умеющих сейчас взорвать Москву,
Назавтра двинуть весь британский

флот

К твердыням Темрюка, напоследок
Уведомить, что в Сучьем переулке
Мышь поймана, сказавшая «аминь»¹;

Пошли доносы, выдачи и слежки;
Нырки прохвостов в двери

контрразведок;

Аресты, порки, виселицы.

Пляс

Шизофрений в политике, внедренье
Садизма по районам.

Это все

Именовалось возрожденьем края..

¹ Почти дословно: сам выдал заметку
«О знаменьях и чудесах», в которой
Рассказывалось нечто в этом роде.

И вот — народ попер в каменоломни,
 Как пер на Дон когда-то и на Уик,
 На Выг-реку, в уральские леса
 И в керженские дебри, унося
 Свои святыни и свою обиду...

Шел хлебобороб, чью рожь забрали
 даром,

Чтоб возместить помецику убытки;
 Рыбак, чьи невода конфисковали
 За уозость ячей, — а после он
 Их увидал в команде рыбзавода;
 Шел дезертир; шел харкающий

кровью
 Избитый шомполами слесарь; шел
 Рабочий, «уличенный
 в большевизме»;

Шел большевик, еще неуличенный,
 Чтобы внести в стихию лад и мысль.

И к январю оформилось два мира.

Один — надземный: светлые элои,
 Поборники закона и культуры
 (Полковники, поручики, попы,
 Актеришки, мамыши, спекулянты),
 Другой — подземный: черные
 морлоки

(Как написал в газете публицист
 Из гимназистов выгнанных, —
 недавно
 Уэлса прочитавший, но весьма
 Нетвердый в проведеньи параллелей).

Все ж прав он был в одном:
 морлоков этих
 Боялись очень, и никто не знал,
 Как много их.

А жесткие их пальцы
 Растленный город чувствовал — на
 горле.

Отрезанные, в сотнях километров
 От линий фронта, в каменном
 капкае,

Они, сжав зубы, знали: отсидеться
 И как-нибудь помочь своим. Своим, —
 Тем, кто в тюрьме, в подвалах
 контрразведки;

Тем, кто в селе — под шмяком
 шомполов;

Тем, кто далеко, в ледяных окопах;
 Тем, кто в Москве, в Кремле, не
 знают сна.

Помочь! Но как? Врага во всех
 углах

Неотвратно жая и язвя,
 С пути сбивая, голову мороча,
 Ломая время, отвлекая силы,
 Вставая тенью за спиной, вонзаясь
 Чертовским свистом в музыку
 парадов.

От подвига до «взятия на пушку»,
 От истребленья палача до дырки,
 Пробитой в перепонке барабана
 (Чтоб заикнулся, отбивая такт) —
 Всей радугою мысли и лукавства,
 Отваги и лихачества, и гнева,
 И озорства, и самоотверженья
 Сверкнула партизанская война!

То нападут на караульный пост
 И отобьют винтовки и патроны.
 То проползут в гараж комендатуры
 И в бак насыпят сахару, чтоб

спекся
 В моторе в ледяной, — и среди степи
 Машина станет, и пойдет полковник,
 Затылком чуя верный глаз нагана,
 Синяя и дрожа, чтоб стать «валютой»,
 Обменный пополняя «фонд». То
 словят

Военного судью и «шлепнут» разом
 Другим в науку. То сгребут в пути
 Помещика, спешащего в имение,
 И уведут к себе, а после выкуп
 Патронами берут и провиантом,
 То к барже, налитой бензином, ночью
 Подкрадутся на крохотной шляпчонке
 И подожгут, и сутки напролет
 Она горит, болтаясь на проливе,
 А после — вяло спят при белых

штабах
 «Паккарды» и «Рено». То паровозы
 Во всех местах заправят наждачком, —
 И где-нибудь в Семи-Колодезях
 Они застрянут ржавой пробкой,
 хлеба

И фуража на фронт не дотянув.
 То погреб вдруг взорвет пороховой, —
 А после на фронтах, в окопах красных
 Не без приятности отметят слабость
 Огня противника. То фонари
 На маяке погасят, чтобы в мель
 Уперся брюхом пароход, груженный
 Шестидюймовками, — свози их после
 На дряхлых катерах! То осрамят,

Подпруги понадрезав, есаула,
И, от начальства получив «фитиль»,
Озлится он и в деле сам нагадит.

А то эффективней: окружают село,
Где «дикий эскадрон» какой-нибудь
Расквартирован, снимут караулы
И трепанут гранатами сквозь окна,
А выбежавших — на штыки.

На город,
Казалось, надвигался паралич.

Фрахт вздорожал; дороги непроезжи;
Хлеб из крестьян трудненько
выбивать;
Судить нельзя: себе дороже; света
Нет по ночам; деньгу и в банк
опасно
Сдавать, и дома прятать.

И вдобавок
Морлоки знают все: когда и где,
Куда, зачем и кто пойдет, поедет,
Погрузит, повезет, продаст, закупит;
У них повсюду есть глаза и уши;
В комендатуре, в штабе, в думе,
в банке,

В доме протоиерея и в салоне
Артистки Самограевой-Шамфор.

(Все это, между прочим, было
просто,
Без Конан-Дойля. В модном кабаке
Был куплефист, горбатый Квазимодо,
Остряк и злец; его всегда поили
В отдельных кабинетах; он умел
Почтительно задеть и офицера,
«Кому предписано», и спекулянта,
Что изловчился хапнуть, но еще
Не хапнул и мобилизует силы;
Умел прослушать залпы хвастовства,
Подать гримасу, обронить вопросец
И выудить из мути и помой
Серебряную рыбку; а потом,
Глубокой ночью, полупьян, измучен,
Гаясь больные вспорхи сердца, он
На комитетскую шел явку... После
Он выслежен был и повешен...

В банке,
В агентствах пароходных, на вокзале
Таились тоже — где-то счетовод,

Здесь табельщик, там смазчик —
с партбилетом,
С презреньем, с ненавистью.
Вот и все).

Стоял февраль. Стояли холода.
Свистал нордост. Железные
созвездья,
Как будто раздуваемые ветром,
Над заснеженной степью шевелились.
Все в городке, лишь вечер наступал,
Сидели по домам, при скудных
лампах.

Всю ночь висела редкая стрельба —
Там — где-то... Офицерские патрули
Слонялись по бульварам и в порту.
Разрушенный завод, облезлый,
ржавый,
Надорванными крышами звенел,
Ловя нордост пробоинами домен
Заледенелых и мыча, как бык.
На телеграфе цокал юз, и лента,
Вся в крупных, точно детское

письмо,
Неверных буквах, с валика сбегала,
И бормотал худой телеграфист:
«Взят Мелитополь... Мелитополь
взят...»

А в клубе, в задней комнате, за
плотной
Портьерой, в синем дыме, в мертвом
блеске
Старинных канделябров, шел картеж,
С атласным свистом сыпались
колоды,

Лежали грудой потные керенки,
Романовские, крымские, донские;
Полковники, издряблые, как семга,
Поручики с мучительным оскалом,
Хлеботорговцы, хриплые, как мопс,
Какие-то встопорщенные дамы —
С назойливой вежливостью злобы
Примазывали, хлопали по банку
И яд цедили, глаз не отводя
От пальцев банкомета.

Через два
Квартала, в кабаке, в чаду и смраде,
Цыганский шабаш бесновался.
С визгом
Грясли грудьми раскрашенные
вельмы;

Шашлык дымился; булькал еиний
спирт;
Звенели шпоры пляске в такт;
кой-где

Поручик и ощеренная девка
Валили кокаин «на соколок»
И втягивали в ноздри; закипала
То здесь, то там истерикою ссора;
Осатанелый есаул рубил,
Являя удаля, скорченную пальму, —
И, как проворная игла, сновал
Меж столиками бледный Квазимодо
С угодливой улыбкой и глазами,
Как два клинка.

А далеко, в степи,
По мутным тусклостям сухого снега
Шагали, озираясь и ныряя
В ложины, в балки, вслушиваясь
в даль,
Где ветер ныл, невнятно и гнусаво, —
Затерянные в километрах люди.
Там брел старик с тяжелою
кошелкой;
Там женщина, сгибаясь под узлом;
Там паренек, «пацан», гаврош
прибрежный,
Со связкою соломы и бутылкой;
Там, воротник подняв, солдат
в шинели
С тремя винтовками и нудной
«цинкой»,
Что руки обломала.

Тонкий свист
Их останавливал — у перевала,
У мостика, у камня, у кургана.
Навстречу выходили — в ватных
куртках,
В уродливых рыбачьих венцерадах, —
Как дякон орарем, перекрестя
Грудь лентами патронными.

Из рук
Мозолистых в мозолистые руки
Переходили хлеб, камса, газета,
Бельишко, сахар, керосин, винтовки.
Скупые и суровые слова
Сползали с губ. Тревожные глаза
Скользили по небритым тощим
лицам
Короткий вздох, занузанные
слезы, —

И прочь идут. Одни — назад
в деревню,
В казарму, в косолобые лачуги
«Нахаловки», другие — в камень.

Там
У входов — перезябшие дозоры;
По коридорам редкие коптилки,
Вонзающие ноготок во тьму;
В глубинных склепах мозглый мрак
и вонь:
Там спят. вповалку, тесно привалясь,
Теплом меняясь, вошью, вздрогом,
стоном.

В одном из закоулков — «штаб». Там
стол
С лампочкой жестяной; на нем
тетрадка:
Расписаны дежурства; в уголке
На табурете сундучок матросский,
И у замка сургучная печать:
«Казна»; в другом углу на топчане
Укутаны чехлами пулеметы,
«Максим» и «Гочкис». У стола сидит,
На пятерню папахую склонясь,
«Дежурный комендант» и ловит ухом
Густой, как мед, и золотой по тембру
Бой палисандровых стальных часов,
Нивесть откуда привезенных. Тут же,
Зачухавшись, ошейником бренчит
Кудлач громадный, собственной
породы.

Вползает в небо медленный, как
лимфа,
Еще один пустой и долгий день.
Сменяются дозоры. Пробудясь,
На воздух выползают люди, жадно,
Его лова распахнутыми ртами
И, надыхавшись, снегом трут лицо
И руки (умываться нечем); после
Мангалки разжигают, в котелках
Растапливают снег, пьют чай
с ломтями
Похожего на торф сырого хлеба, —
Как можно дольше пьют; потом
сидят,
Перемогая холод, лишь бы вновь
Не лезть в надышанные катакомбы.
Но — невозможно. И безглазый мрак
Глотает всех; опять ложатся
дрыхнуть,

Но нету сна, как воздуха и света, —
И длится пытка временем...

Порой

Взрывается истерика и драка;
Порою кто-нибудь, махнув рукой,
Увязывает в узел барахло,
Чтобы уйти, — но не дают, боясь,
Что попадетя и под шомполами
Заговорит и назовет людей,
Пароли, явки...

Лучше уж, когда

Белогвардейцы вдруг отряд пригонят
Дорогу охранять иль попытаться
«Смести бандитское гнездо». Пойдет
Тогда стрельба, заманиванье

в камень,

Чтобы на повороте взять в штyki.
Дня на три тут и разговоров станет,
И похвальбы, да и винтовок тоже
Пяток-другой прибудет в «арсенале».

Так — дни за днями. Зубы стиснув,
ждут,

Когда ж придет братва из-за
Чонгара,

Когда ж Дыбенко в море скovyрнет
Всех этих?..

Нестерпимо ожиданье.

Пришла весна. В неделю стаял снег,
Подсохла степь, пушком покрылась

нежным,

Запахла, зазвенела, запорчала;
Ультрамарином налился залив;
Дыши, гуляй, купайся.

Чорта с два,

Подышишь, покупаешься!..

Во-первых,

Пришли к белогвардейцам
пополнения,

И ободренный генерал, решив
«В два счета ликвидировать»

повстанцев.

Стал проволокой оцеплять колючей
Каменоломенные зоны, рыть
Окопы возле заграждений, ставить

Прожекторы на перекрестках, —
словом,
Вести осаду.

Во-вторых, без снега,

Пить стало нечего в каменоломнях.
Попрежнему ночами шли крестьяне
И городские, поднося еду,
Таша баклаги и порою даже
Катя боченки, — но почти нельзя
Сквозь оцепленье проскользнуть.

Едва ли

По полбутылки выходило в день
Воды на человека.

Дождь ловили

Во всю посуду, в ямы, на шинели;
Под утро расстилали все тряпье
На воздухе, чтобы росу впитало;
Долбили камень, собирая сырость.

А стычки стали чаще: надо было
Вниманье вылазками отвлекать,
Чтоб дать возможность пищу

пронести

И воду. Прежде — раненых везли
В больницу городскую, — и врачи
Их укрывали; а теперь пришлось
Устроить лазарет, где на соломе,
В могильной тьме, они в бреду

метались

И умирали.

Штаб хотел пробить

В деревню лазы. В самых дальних
криптах

Штыками бередили черствый камень,
Шурфы закладывали, рвали порох, —
Бесплодно.

Порешили перейти

В другие катакомбы (надо знать,
Что городок наш опоясан ими),
Заранее там заготовив воду.
И как-то ночью, бешеным рывком,
Они к чертям смели заставы белых,
Отбили пулеметы и ушли
Обходом по степи, по буеракам,
По топким балкам, по карасабану

Распахаяному. Волокла добро —
Оружие, муку; несли обузу
Святую — раненых; и те, томясь,
Проснулись на ноги, клялись, что сами
«Дошкандыбают», — и свирепой
бранью,

Где слезы накопили, их опять
Товарищи кидали на носилки.

В далеких деревнях брехали псы;
Какой-то пароход орал в проливе,
Как будто бьют его; из мутных
блесков

Над городом зернистая стрельба
Внезапно рассыпалась, — и

с глубоким,
Невнятным шумом, в боевом порядке,
Повстанцы шли. Порою звякал
штык, —

И в темноте ты счел бы их ватагой
Усталых косарей, когда б не стон,
Вдруг прорывавшийся...

В огромном небе,
Прекрасное, стыдилось и дрожало
Созвездье Лирь, — то, куда летит
И долететь не может наше солнце...

Вот и долина со скалой ноздрявой,
И тонкий нюх способен различить
Дыханье издырявленного камня,
Прохладное и затхлое. Но только
К пещерам подошли передовые,
Как из-за мыса дальнего в пролив,
Едва угадываемый во мраке,
Вползла система точек световых:
Пунктир иллюминаторов несметных,
Невиданной длины; фонарь на топе,
Сверкающий, как магний; красный
глаз

Бакбортного огня.

Застыли люди:
Такого корабля еще ни разу
Никто не видел.

«Это броненосец,
Английский: нету в черноморском
флоте
Таких».

И разом в небе с корабля
Взмыл синий луч, помедлил
и свалился,

И вновь черкнул, как будто меря
небо,
И вдруг слепящим кипятком ударил
В глаза идущим, вырвав их из тьмы.
Всех до единого, худых и грязных,
Оборванных, измученных поклажей, —
Кладя как будто каждого из них
На операционный стол. И тут же
смерк.

«Эх, видю, пропадать: уж если
белым
Да англичане помогают, —
крышка!» —
Так думалось...

(То, верно, был
«Пегас»,
Английская авиаматка).

С новым
Щемящим чувством люди уходили
В последнее убежище — в скалу.

Остервенелый генерал, узнав
О вылазке ночной, о переходе,
Стал измышлять «особенные меры».

Сгреб несколько отцов и матерей,
Разведанных по деревням, схватил
Пяток партийцев и еще кого-то
И об'явил, что расстреляет всех
Через неделю, если не сдадутся
Каменоломенщики. Но в ответ
Они, найдя проход неосаженный,
Явились в город, на квартирах взяли
Двух-трех полковников, протоиерея,
Какую-то заблудшую графиню
И греческого консула и тоже
Уведомили, что «отправят в штаб
Духонина».

Пришлось (под визг и вопли
Жен и детей, под страхом телеграмм
Деникину и королю в Афины)
Заложниками разменяться.

Прибыл
Какой-то инженер и предложил
Взорвать каменоломни или, проще,
Удушливыми газами залить.
Понравилось. Попробовали ставить
Баллоны с хлором в черных устьях
лазов,

Но едкий газ лохматился, клубился
И вглубь не шел.

А к инженеру как-то
(Уже стемнело, в клуб он собирался)
Вдруг прикатили в щегольском ландо
Три офицера: «просит генерал-де
К нему явиться в крепость»;

по дороге,
В степи, они связали инженера
И передали где-то под скалой
Повстанцам. Инженер кричал,

ругался,
Негодоваа на собственную глупость
И для чего-то требовал «суда»...
Дня через два патруль

белогвардейский
Его нашел...

Один из «офицеров»
Живет поныне в нашем городке...

А в эти дни уже катил по Крыму
Веселым валом большевистский

фронт.
Джанкой захвачен, — мчатся эшелоны
На Феодосию и Севастополь;
Сарабуз взят, — гремящие теплушки
Бегут на Евпаторию; сегодня
В вечернем небе встали тополя
Над берегом Салгира, а назавтра
Уже ликует вольный Симферополь,
И, огибая Чатырдаг, кряхтят
Грузовики к Алуште и Гурзуфу.
Как летний ливень — сохлая земля,
Впивает Крым советские отряды...

Деникинцы отходят, отступают,
Дерут и драпают, — по казначействам
Гребя мешки «с монетой», по
подвалам —

Корзины «Ай-Даниля» и
«Массандры»

И оставляя в разных закоулках
(То в привокзальной путанице рельс,
То где-нибудь в цейхгаузе, в казарме,
На чердаке комендатуры) — трупы.

Крым в целом — ромб, с придатком
на востоке;
Придаток (полуостров Киммерийский,
Иль Керченский) придержан
перешейком
В семнадцать километров шириной.

Там — Акманай; там лег рубеж
последний,
Где закрепились белые; их фронт
Уперся флангами в два моря; с юга
Впродоль позиций крыли корабли
Насквозь, до Сиваша; в окопы сели
Все, кто успел продрагаться на восток;
Из города последние поскребки
Туда послали, — даже гимназистов, —
И (что скрывать?) держались
хорошо.

В каменоломни с еле слышным гулом
И трясом акманайской канонады
Пришел восторг: «дождались!
наконец!»

Но дни идут, а фронт на Акманая
Застыл, а нетерпение растет,
А своды черные невыносимы,
А от сырого теста и воды
Испорченной свистит дизентерия,
А раненые бредят...

И у всех
Рождается и, наливая мышцы,
Решенье созревает: грянуть в тыл.

Подсчет бойцов: сто двадцать;
пулеметов:
Четыре; пулеметных лент:
шестнадцать;
Гранат: полсотни; мужества и гнева:
Без меры.

Хватит. Город будет взят.

Обдумали атаку. Рассчитали,
Куда ударить: телеграф, разведка,
Два пароходства, штаб,
комендатура, —
И кучками по двадцать человек
Глубокой ночью выбрались из камня

Но в городе народу сотня тысяч:
Сплошь обыватель, мелкий
коммерсант,
Ремесленник, хозяйчик, огородник.
Рабочих мало: выветрило их
Войной, германцами, кадетской
властью, —

Подругою «закона» и разрухи, —
Деникинцами; в профсоюзках сели
Шпагоглотатели во имя «мира

Фугасы, рвали тонны динамита, —
И глыбы камня рушились, давя
Кого попало. В лазы, что сбегали
Наклонно вглубь, вливались бочки
серной
Или азотной кислоты, и камень,
В ней растворяясь, превращался
в газ
Без запаха, бесцветный и тяжелый,
Что полз по дну и заливал внезапно
Хорьковой смертью горло беглецов.

Спасенья нет.

И люди разделялись —
На тех, кто мог идти и кто не мог.

Последние, с последним пулеметом,
Шатаясь, ковыляя, на карачках,
Ползком, пробрались ночью
из глубин,
Напали на заставу белых, треском
Стрельбы и криком привлекли
вниманье
И приняли удар. И все погибли.

А те, кто мог идти, другим проходом
В степь уползли — и затерялись
в ней.

Все это — было.

И никто не смеет
Забуть про это...
.....
Протекли года...

Свинцовая щетина заторчала,
Редя, на висках сорокалетних.
Проходит жизнь...

Четырнадцатый год,

Закрыв глаза, спит в мавзолее Тот,
Кто вел, кто знал...

Густые самоцветы
Кремлевских звезд, как лучший дар
земли,
Горят над ним, — а в небе, в блеск
одеты,

Воздушные рокочут корабли.
И вдоль гранитов розовой гробницы
В день Октября проходят вереницы,
Проходят миллионы, — чья душа
Вдохнула жизнь, его огнем дыша!
За этими гудящими рядами
Сплотился Труд: огромных топок
пламя,

Сгущенье молний в меди проводов,
Бунты зерна, шелков тугие свитки,
Хребты плотин и водопадов слитки,
И города у кромки вечных льдов.
Над этими колоннами, — крылаты, —
Сплотились Воля, Сила и Мечта:
Звенят штыки, гремят стальные латы,
Гряды мортир к зениту подняты;
Ремнями грудь веселую опутав,
Под одуванчиками парашютов
«На ты» с лазурью юность перешла;
И мысль, вивясь в невиданном
просторе,

В сияющих мирках лабораторий
Перед Грядущим ставит зеркала!..
И Вождь, клонясь к народу
с парапета,

Любуется на ликование это,
И как, должно быть, гордо знает ему,
Что прозвучавшая над Гробом клятва
Прошла, как ветер по знамени, как
жатва

Взошла в стране, преодолевшей тьму!

.....
Май 1937 г.

Об'яснение

местных и жаргонных слов и специальных терминов

Бак борт — левый борт корабля.
Буерак — овраг.
Венцерада — непромокаемый плащ из пропитанной олифой парусины.
Камса — мелкая рыба, род анчоуса.
Карасабан — по-турецки, дословно «черная соха»; так называют в Крыму вспаханную под пар землю.
Кубанка — низкая плоская папаха, принятая у кубанских казаков.
Мангалка — переносная печурка; обычно — ведро, обмазанное изнутри глиной, куда

вставлены колосники, и с пробитым для поддувала боком.

Орарь — принадлежность ритуальной одежды дьякона: длинная, шириной в ладонь лента, перекинута через плечо, а в определенные моменты накрест перетягивающая грудь.

Осваг — Осведомительное агентство, боегвардейский «агитпроп».

Пацан — мальчишка, подросток.

Топ — верхняя оконечность матчи.

Цинка — цинковая коробка, в которой хранятся патроны.

Юз — буквопечатающий телеграфный аппарат.

Перед закатом

Роман

С. КУПЕР

(Продолжение 1)

Глава VI

Хищники

1

15 мая 1900 года «Силач» получил приказ выделить несколько человек в десантный полк. Лаврову вместе с другими велели быстро собраться и спешить на станцию.

Там солдаты медленно грузились в вагоны. В зеркале в буфете Ваня впервые увидел себя в новом обличи. Спина полушубка была пыльного цвета, рукава — яркожелтые, перед — кирпичный. Воротник не сходился и задирался куда-то на спину, крюки торчали выше подбородка. Полы отвисали ниже колен в виде собачьих ушей и смотрели в разные стороны.

Лавров чувствовал себя точно связанным. Амуниция верблюжьим горбом торчала на спине. Два подсумка с патронами на поясе, запасная сумка, скатанная шинель через плечо, палатка, обернутая в виде хомута через шею, котелок, вещевой мешок, — казалось бы, хватит для одного человека! Но к мешку подвязаны палки от палатки, а шанцевая лопата все норовила нырнуть между ног. Ну, и, разумеется, винтовка. Куда же все-таки поход? На Северный полюс или в Манчжурию? На что го-

ден в серьезной схватке такой скованный человек?

Лавров уныло побрел из сарая, заменявшего вокзал. Перрон был расцвечен такими же разномастными солдатами. Поезд тронулся лишь к вечеру. Музыка заглушила печальное прощание. Лица были задумчивы и пасмурны. Медленно плыли поля, деревни. Короткие перегоны и длинные стоянки. Кое-где рельсы еще не были уложены, и солдаты шли пешком, перетаскивая на себе тяжести.

На третьи сутки эшелон вступил в Манчжурию. Навстречу поезду понеслись бамбуковые рощи, чайные деревья. Воздух был напоен запахами гаоляна и пьянящим ароматом маков.

В Харбине к приему полка ничего не было готово. Два часа простояли солдаты в строю, переминаясь с ноги на ногу. Сгустились сумерки, подкралась сырая ночь. Солдаты сворачивались калачиком. Офицеры один за другим исчезали.

Лавров решил поискать трактир, чтобы поужинать. Он набрел скоро на ресторанчик «Забвенис». Через бумажные промасленные окна доносилась песенка:

Пой, ласточка, пой...
Фигли-мигли мне не строй...
Я не пойду с тобой.

Ваня открыл дверь. За столиками сидели почти все офицеры полка. На буфетной стойке красовались липучки, ря-

¹ См. «Новый мир», кн. 8 с. г.

бина, облитая леденцом. Матрос растерянно перебирал в кармане монеты. Три года назад целую утку здесь меняли на пустую бутылку. А теперь одна ножка стоила полтора рубля.

Лавров взял под козырек и подошел к офицеру:

— Позвольте, ваше благородие, попить чаю?

Капитан посмотрел на него из-за бутылочной батареи блестящими, остекляевшими глазами и сказал устало и удивленно:

— Куда ты залез? Ну, куда? Пошел вон, дурак.

Лавров вышел на улицу.

2

Следующий день полк провел так же бестолково, слоняясь с одного места на другое. К вечеру ему отвели, наконец, помещение, но не успел он расположиться там, как пришел приказ выступить.

Всю ночь бродили по запутанным, неизвестным дорогам. Утром к полку присоединился штаб бригады. Генерал, окруженный свитой, гарцовал впереди солдат на откормленной куцой кобыле, важно наводя бинокль на каждую кочку.

В полдень показались замысловатые купола кумирен. Генерал сделал знак, и откуда-то вынырнула сотня казаков и, взяв лихо пики наперевес, с воинственным гиком пронеслась мимо. Из-за косяга показалась толпа людей; полк быстро стал рассыпаться в цепь. Донцы, вздыбив коней в галоп, помчались вперед. Густой туман желтой пыли закрыл их. Когда он рассеялся, все увидели возвращавшихся казаков, ведущих группу пленных с закрученными назад руками.

Генерал в нетерпении поскакал вперед. Есаул выехал к нему навстречу, рапортуя о победе. Бригадный кивнул адъютанту, и тот, достав сумку, быстро набросал донесение в штаб дивизии. Вестовой подхватил запечатанный конверт с обозначением: «аллюр три креста», и помчался по дороге в Харбин. Офицеры столпились около есаула, рас-

сматривая трофеи — серебряные вазы тонкой работы.

Из группы пленных отделился седой, морщинистый китаец и, низко поклонившись, начал горячо что-то лопотать. Генерал позвал переводчика.

— Он говорит, что вышел для торжественной встречи вашего превосходительства. На этих блюдах, — переводчик показал на переходившие из рук в руки серебряные вазы, — вам хотели преподнести хлеб-соль.

Генерал беспокойно заерзал в седле, нервно поправляя на лошади потник.

— Они оказали сопротивление? — хмуро спросил он есаула.

— Никак нет, — смущенно пожегся тот.

Генерал нерешительно почесал переносицу.

— Развяжите их. Веди, губернатор, в свою резиденцию.

Весь день генерал злой ходил по отведенной ему квартире. Из штаба дивизии сообщили, что все представлены к награде за первое лихое дело, а этот старый болван-губернатор хочет дать им провожатых, уверяя, что китайцы помнят заступничество России в войне с Японией и бунтуют только против немцев и англичан. Форменный скандал!

К нему вошел, оживленный, начальник штаба.

— Представьте, ваше превосходительство, у китайцев ночные сторожа не бьют, как у нас, в колотушки, а изредка постреливают из ружей.

Генерал апатично посмотрел на веселое лицо полковника.

— Увольте, мне не до шуток.

Полковник понизил голос:

— Мы выступаем в поход внезапно, забыв захватить провожатых. К населенным пунктам мы стараемся подходить ночью. Нас встречает какая-то стрельба. Не обязаны же мы, ваше превосходительство, знать их дурацкие обычаи?

Генерал долго трясся от беззвучного смеха.

— Ну, полковник, исполать вам!... Вот это совет!

3

Утром в город прибыл морской десант под начальством капитана 1-го ранга Витгефта, и всем матросам приказали перейти к нему.

Витгефт любил бродить по кривым улицам, с любопытством осматривая дома, лавки, кумирни. Около одного храма он остановился, разглядывая в узкое отверстие странно-знакомое женское лицо. Она была заключена в тесную будку, и толпа зевак бесцеремонно разглядывала ее, как диковинного зверя в зоологическом саду. Европейцу первое время все азиатки кажутся на одно лицо, и китайка до того напомнила Витгефту Китисан, что он вздрогнул. С тех пор, как маленькая японка так бесцеремонно отвергла Витгефта, ее образ неотступно преследовал его. Он упрекал себя в медлительности. Разве можно было так долго тянуть? Постоянно торчать в храме, чтобы ее видеть, и не решиться... А когда он, наконец, решился, около нее оказался уже более энергичный претендент...

— За что ее сюда засадили? — спросил капитан, пораженный мрачным блеском больших глаз.

— Это жрица, — объяснили ему.

— Но как она тут живет?

Теперь неестественный блеск ее глаз действительно показался ему аскетическим.

Никто не ответил. Он обошел будку кругом. Она оказалась без дверей. Только сейчас Витгефт заметил всевозможных размеров гвозди на стенах и во всех углах. Он вытер платком вспотевший лоб.

— Она заточена на всю жизнь? — шопотом спросил он.

— Нет. Как только гвозди будут куплены, она получит свободу.

— Но их хватит навсегда! — вскричал капитан, разглядывая в узкое отверстие горы мелких, как булавки, гвоздиков.

— Молодыми, конечно, никто не выходит, — философски отозвался сторож. — Но это и сделано для укрощения буйной молодости...

Витгефт быстро удалился, будучи не в силах смотреть на эти тоскующие глаза. Образ пленницы преследовал его весь день. Вечером он затосковал. Какая дикость! В этом году родился новый век, но мир остался прежним. Дрязги, войны, изуверства...

Он попробовал вернуться к будке, но в темноте заблудился. Прошатавшись без толку несколько часов, Витгефт, усталый, побрел в казармы. Всю ночь он тревожно вскакивал, вглядываясь в мутные окна, заклеенные промасленной бумагой. Утром его вызвали в штаб бригады и задержали до вечера. Освободившись, он решительным шагом отправился искать будку. Против ожидания он нашел ее быстро. Нагнулся к окошечку и тихо сказал:

— Я хочу освободить вас. Сколько стоят все эти гвозди?

Ему показалось, что она радостно улыбнулась, и он даже не удивился, получив ответ по-русски. Неловко оступившись, он пробормотал, несколько смущенный солидной цифрой:

— Я сегодня же протелеграфирую в Петербург, чтоб выслали деньги.

Он долго еще бродил вокруг будки и несколько раз робко приближался к ней, но все было тихо. Он отходил на цыпочках, чтоб не потревожить ее покой. А она, пробравшись подземным ходом в храм, где, за уставленными яствами цыновками ее ждал жрец, весело воскликнула:

— Вина! Какой-то чужак покупает все мои гвозди.

4

На боксеров наткнулись неожиданно и растерялись так, словно шли не на войну, а на парад.

Отряд только-что миновал лес, и Витгефт, бывший головным, выслал разведку на опушку темневшей вдаль рощи. Разведчики успели привыкнуть к мысли, что война эта несерьезная и что посылают больше для порядка. Они расположились в густом гаоляне отдохнуть, положив винтовки около себя. Не успели они свернуть козьи ножки, как из стеблей высунулись чьи-то руки

и ухватились за ружья. Матросов переколоди раньше, чем они подали голос.

Манчжурская ночь налетает, как смерч, сразу. Как только темнота окутала людей, со всех сторон зажглись огоньки выстрелов. Палили из только что пройденного леса, из рожицы, куда ушла разведка, из макового поля. Кондуктор, шагавший рядом с Лавровым, отчаянно взмахнул руками и упал вперед. Он повернулся на спину, словно ему было неудобно лежать, свернулся в комок, потом быстро вытянулся, будто желая толкнуть кого-то ногами. Ваня бросился к нему на помощь, но он лежал большой, молчаливый, пугая своей неподвижностью.

Лавров нерешительно огляделся. Люди валялись кругом, как мешки с картофелем.

«Это они нарочно, чтобы спастись от пуль», — подумал матрос, щелкнув затвором. Он почувствовал толчок в плечо и выпустил винтовку, оглушенный шумом выстрела, ослепленный вспыхнувшим огоньком.

Сзади раздался быстрый топот. Лавров схватился за винтовку.

«Ординарец». — облегченно подумал он, разглядев в свете выстрелов знакомую фигуру. Вдруг лошадь сделала косой прыжок и шлепнулась на землю, придавив всадника. Солдат протяжно закричал, глаза его налились кровью, губы искривились в уродливую гримасу боли и злости. Он стал неистово бить свободной рукой вздрагивающую морду лошади. Она сделала несколько судорожных попыток подняться и застыла.

Прижатый ею, солдат продолжал колотить ее по голове, по остеклявшимся глазам, плюя и ругаясь. Неподвижность лошади выводила его из себя. Он изогнулся и с бешеной злостью вцепился зубами в морду животного. Выплюнув изо рта окровавленный кусок мяса, он закричал диким гомсом:

— А-а-а-а...

Лавров вскочил на ноги и побежал. Эта картина навела на него больший ужас, чем весь бой. Не отдавая себе отчета, куда бежать, он мчался навстречу

выстрелам, точно его преследовал плюющийся окровавленным мясом ординарец.

Трескотня затихла. Навстречу попался солдат, опирающийся на две винтовки вместо костылей. Он ступал медленно и осторожно, будто боясь наступить на что-то острое или провалиться в яму. Рядом полз на руках ефрейтор, высоко приподнимая забинтованную левую ногу. Он двигался быстро, безостановочно, стараясь не отстать от идущих. Высоко вздернутая ступня при каждом движении кланялась и была похожа на голову странного животного. Время от времени раздавался его голос:

— Братцы, раздавите! На руку наступил, чорт! Возьми глаза в зубы, леший!

Дорогу преградила река. Солдаты осторожно пошли в воду.

— Не покидайте, православные! — взмолился полящий на четвереньках.

Его обходили, как столб, и крики становились все прензительнее. Наконец, один в раздумье остановился около него.

— Не блажи, скаженный. Бокситов, того гляди, приманишь.

Лавров подошел к раненому и, взгромоздив его на плечи, понес через реку. Спуская его на другом берегу, он заметил на земле знакомого матроса. Тот лежал на спине и болтал в воздухе ногами, желая, очевидно, вылить из сапог воду. Лавров лег рядом с ним и тоже задрал ноги вверх. Когда он обернулся, его поразила неподвижность соседа. Он испуганно наклонился к нему: тот крепко спал, положив руку под голову. Лавров вдруг почувствовал непреодолимую усталость и прикорнул рядом с ним.

5

Бодрая игра горниста застала солдат и матросов разбросанными на громадном поле. Они выходили из высокого гаоляна, густого кустарника и тянулись на привычные звуки. Офицеры делали вид, что не замечают отсутствия многих людей.

Во все стороны были посланы группы разведчиков.

Лавров попал в разведку. Он крался с шестью товарищами в густом гаоляне,

чутко прислушиваясь к ночным шорохам. На поляны они выползали, как ужи, на животах, выбирая время, когда луна скрывалась за лохмотьями туч.

Они добрались до подножья горы и оцепенели. У дерева, в свете выползшей из-за туч луны, стоял человек, отбрасывая длинную тень на долину. Унтер, припав к земле, прошептал:

— Боксит!..

Рябой маленький матрос скороговоркой проговорил:

— Подкрасться и штыком...

Унтер критически выглянул из камыша.

— Луну в штаны не спрячешь, а кругом ни травинки.

— Проползем к деревне и разузнаем что и как,—предложил другой. — Ежели не уйдет, на обратном пути нам его сподручней...

Он сделал жест, каким в деревне закалывают свинью.

Матросы покорно снова легли на животы. Они ползли несколько часов, изредка ложась на спину отдохнуть. Бледная луна светила им в глаза, напоминая родные села.

В деревню притащились за полночь. Нигде не видно было следов боксеров. Передохнув, двинулись с теми же предосторожностями назад. К горе подбиралась, затаив дух. Как только вершина открылась перед ними, они, как по команде, подняли головы. Часовой стоял на прежнем месте, и штык торчал за его спиной, как гвоздь.

Один вскинул винтовку к плечу. Когда мушка и прорезь прицела попали на одну линию, упиравшуюся в живот часового, унтер тронул матроса за плечо.

— Нельзя, надо втихую.

— Их, говорят, и пуля не берет, — поддакнул другой, — вроде как заговоренные.

Они поползли на гору. Поднявшийся ветер шевелил деревья, играя их тенями.

Когда унтер, бывший впереди, добрался до вершины, он сделал какой-то странный жест и выпрямился во весь рост.

Разведчики поднялись и побежали к нему.

— Повешенный, — тихо сказал он, растерянно глядя на раскачивающегося человека. — За косу...

6

До сих пор новый край не принес ничего, кроме беспокойства. Военно-морской агент доносил из Токио о приказе японского командования спешно заканчивать ремонт судов, просачивались вести о концентрации японского флота и подготовке подвижного состава для переброски армии. Все это не было бы страшно, если бы не двусмысленное поведение Англии: ее эскадра не только не уходила из Печильского залива, а заняла расположенный против Артура порт Вей-Хай-Вей.

Немало напряженных, тревожных дней пришлось пережить. Порт-Артур был беззащитен: оставая его, японцы захватили с собой всю артиллерию и разрушили крепость. Плохо пришлось бы русской эскадре против сильного английского флота без защиты крепостной артиллерии. А с тылу угрожали восстанием китайцы. Они упорно противодействовали всем начинаниям властей. В окрестностях непрерывно находили прокламации, возбуждающие население.

Китайское восстание внесло ясность, — с Индийского океана, из Сингапура, из Австралии, Индокитая, с Филиппинских островов, как ястребы, слетались в Желтое море английские, американские, французские, германские, итальянские крейсера и канонерки. Адмиралы великих держав ревниво следили друг за другом, оспаривая честь подавления боксеров, право на ордена, награды, трофеи, контрибуцию. Алексеев с улыбкой наблюдал их суетливость. Ни одна великая держава не имела на Дальнем Востоке войск. Только он может двинуть в Китай полки, бригады, дивизии. Ссылаясь на отсутствие инструкции из Петербурга, он давал уклончивые ответы нетерпеливым иностранным адмиралам, пытавшимся пробудить его к десанту, двигая втихомолку полки через пограничные области вглубь недосыгаемой для других стран Манчжурии. Ему во-

все не улыбалось делить с другими славу этого похода.

Но у него нехватило выдержки. Английский адмирал собрал на рейде в Таку все, что плавало поблизости под британским флагом. 27 мая ночью он, никого не предупредив, высадился с десантом на берег и двинулся вглубь страны. На утро адмиралы, пораженные скандальным поведением старшего коллеги, стали поспешно высаживать десанты. Начальник русской эскадры тропился больше всех. Немногочисленные отряды матросов, как песчинки, тонули в бунтующем Китае и пропадали без вести.

Испуганный Алексеев пригрозил китайцам, что за каждого убитого европейца разорит кумирни и могилы их предков. Нервное возбуждение, охватившее всех адмиралов, передалось и ему. Сменив медлительность на торопливость, он подгонял высадку войск, суетился, разносил. После победы маленькой Японии над этой страной она ему казалась, как и всем, такой беззащитной и жалкой, что он испугался, как бы в самом деле ее не покорили те маленькие десанты, которые высажены эскадрами.

Началось генеральное наступление. Поход свершался по всем правилам военного искусства. Брали штурмом мирные города, подавляли никогда не восставшие селения, захватывали в плен ни в чем неповинных жителей. В Петербург посылали высокопарные реляции, не забывая, конечно, упомянуть о героических подвигах и скромно умалчивая о богатых трофеях.

Особенно пристрастились генералы к захвату кумирен и монастырей. Бронзовые идола содержали высокий процент золота, и ими полны были все обобы.

Русские войска с двух сторон захватывали страну. Все новые полки вторгались через Манчжурию в Северный Китай, и все новые десанты высаживались в Таку.

Алексеев мог торжествовать. Вместо разрозненных повстанцев английскому адмиралу преградили путь в Пекин регулярные войска. Китайская императрица, боясь остаться одинокой, если она

не поддержит восставших против иностранцев, стала покровительствовать боксерам. С каждым шагом наступательный пыл англичан выдыхался. Постепенно их нагоняли десанты других держав, и скоро все они остановились, окруженные китайцами.

Алексеев сел на крейсер и прибыл в Таку, чтобы стать во главе войск. Русское оружие, явившись в роли освободителя европейцев, сможет потребовать любую компенсацию.

Отправляясь лично на театр военных действий, Алексеев собирал внушительные силы, чтобы не подвергнуть опасности свой престиж.

На рейде в Таку его ждало первое разочарование. Русские канонерки не могли войти в устье реки Пейхо, она была сплошь запружена японскими судами, — они энергично высаживали пехоту, артиллерийский парк, конницу, саперов.

Алексеев потребовал к себе начальника русской эскадры.

— Как вы могли допустить высадку японцев? — гневно спросил он.

— Вы телеграфировали, что концентрация наших войск не закончена. Японцы предложили высадить три дивизии.

— Три дивизии? — простонал Алексеев, — и англичане, конечно, обрадовались?

— Конечно. И поблагодарили.

Алексеев с ненавистью глядел на тупое, спокойное лицо начальника эскадры.

— И вы допустили?.. Вы могли сговориться с французами, с немцами..

— Осажденные консулы еле держатся..

— Вам придется отправиться в Петербург и дать отчет государю, как вы отстаивали русские интересы, — едва сдерживаясь, прохрипел Алексеев.

Он в отчаянии опустился на стул. Опять эти обезьяны стали на дороге. Придется уезжать. Численный перевес теперь у них. Чего доброго, они первые освободят осажденные десанты, а то и опередят русских по дороге в Пекин! Какие-то макаки явятся освободителями европейцев и выручат осажденный ан-

древесный флаг. Кто мог думать, что в этой сложной европейской игре появится такой неожиданный партнер.

Он вышел на палубу и велел приступить к высадке. Начальник штаба удивленно вскинул голову, но Алексеев, предупреждая возражения, сухо приказал:

— На шлюпках, вплавь, как хотите, но высадку начать немедленно.

7

Алексеев мрачно мерял большими шагами великолепные залы своей резиденции, нервно покусывая сигару. Судьба опять обошла его.

Кто бы мог подумать, что четырехсот-миллионная нация даст так легко и скоро расправиться с собой?

Алексеев угрюмо остановился у окна. Надо было стать лично во главе войск. На представительство нужно столько денег... Этот старый осел Линевиц вывез оттуда миллионное состояние. Его обозы заняли пять верст, он обобрал все кумирни, да и генерал Стесель не проморгал: на рейде стоит громадный транспорт, набитый серебряными китайскими божками.

В светлом бассейне отражались опрокинутые пики гор, издали доносился пьянящий аромат гаоляна и мака. Разбитые у резиденции вишневые рощи были осыпаны розовым пухом распускающихся цветов. Игрушечные фанерные домики японцев и фанзы китайцев пляли на редких прохожих окна из промасленной бумаги.

Дьявол бы его побрал, этот хваленый Восток! Жара 45 градусов, а сыро, как на банной полке. Рубашка становится мокрой тряпкой и противно липнет к телу. Бумага мякнет под пальцами; ботинки за ночь плескевеют; пальто приходится на лето запаивать в металлические ящики, чтобы оно не сгнило. От этой сырой жары тело точно вянет, а мысль цепенеет и замирает.

Ему доложили, что приехавший из Петербурга чиновник настойчиво добивается приема.

— Прибыл в специальном поезде, с

целой свитой, статс-секретарь Безобразов, — пояснил адъютант.

Алексеев в раздумьи покосился на него.

— Безобразов? Новый фаворит?.. Ну да, это его с января ждет кредит в два миллиона. Просите...

В кабинет быстрой походкой вошел самоуверенный, эlegantный сановник. Фамильярно поздоровавшись, он после короткого предисловия приступил к делу, как человек, которому незначит церемониться.

— Я уверен, ваше превосходительство, что буду понят с полуслова. Вы знаете не хуже меня, что могущество России было создано не дипломатией, а штыками. Нынешняя половинчатая политика вредна. В Петербурге создано общество с целью эксплуатации лесных богатств Кореи. Мы надеемся мирной колонизацией добиться...

Алексеев учтиво слушал. На его замкнутом лице вышколенного придворного невозможно было уловить те обидные мысли, которые бушевали в нем. Так вот кого прислали ему в качестве указчика! Так это он—новый вершитель судеб в этом сумасбродном Петербурге. Статс-секретарь, высший гражданский чин страны! Лихорадка заменяет политику... После взятия Пекина заявили, что Россия выведет из него войска, если это сделают остальные державы. Но все ушли, а мы остались в Манчжурии, вызвав протесты держав. Пришлось чисто по-китайски спасать лицо и спешно обещать вывод войск. А в Петербурге вместо этого уже носятся с новой авантюрой...

Молчание становилось тягостным. Алексеев задумчиво протянул:

— Сперва Ляодунь, потом Манчжурия, теперь Корея, это слишком даже для азиатов.

Безобразов строго поджал губы.

— В этом предприятии заинтересованы министр двора, высшая знать, вдовствующая императрица. Во главе стоит великий князь Александр Михайлович.

Алексеев сделал неопределенный жест.

— Великий Сибирский путь не готов... Переброска больших войск сюда трудна, — вся надежда на флот. Когда будет

выполнена наша судостроительная программа...

— Вопрос, ваше превосходительство, решен бесповоротно, — сухо перебил гость, переходя на официальный тон. — В концессии заинтересован сам император. Что касается Японии, то после присоединения Манчжурии...

— Из Манчжурии решено не уходить? — спросил Алексеев, хмурясь, и тотчас спохватился, что выдал свое незнание. Собеседник, как бы и не заметив этого, шутливо продекламировал:

Будут поздни россов дети
Всею Азией владети,
Тигра и Ефрата волны
По России протекут.

— Как видите, поэт выразил чаяния русского народа почти столетие назад. Что касается нашего общества, то мы надеемся и вас видеть в числе его членов.

Алексеев покраснел. Это было похоже на подкуп и в довольно бесцеремонной форме. Гость спокойно продолжал:

— Азия привыкла к пышности... Кто же в наш век не участвует в предприятиях?..

Сдерживая раздражение, Алексеев буркнул:

— В Петербурге плохо знают ситуацию. Иностранние фирмы прямо осаждают меня. Их правительства не примирятся с новым захватом, с введением пошлин, таможен, налогов.

— Все зависит от метода, — спокойно перебил Безобразов. — Вам и незачем стеснять иностранные фирмы. Пусть основывают предприятия. Но, скажем, являются хунхузы — и поселки горят, люди исчезают. И мы в стороне, и цель достигнута. Полноте, мне ли вас учит! Япония — что, одна она бессильна. Англия — сейчас связана тяжелой войной с бурами. Такой случай может не повториться, и не использовать его... Не скрою, Евгений Иванович, мы надеялись на более горячее ваше участие. Это диктуют обоюдные интересы. Вы — фигура колоритная: победитель боксеров, усмиритель бунта и все такое... Но министерская коалиция против вас, и вам не дают хода. Вам надо опереться

на одну из борющихся групп, чтобы не очутиться между двумя катящимися камнями.

Алексеев слушал молча, не перебивая. Все это в конце-концов верно. Стоять в центре событий и держаться в стороне от борющихся — значит сделаться мишенью и для тех и для других. Пора сделать выбор. Впрочем те считают его ставленником придворной клики и не доверяют. Остаются эги. Но эти ведут опасную игру...

Адмирал опустил большую лысеющую голову на руку. Ему вспомнился последний разговор с министром внутренних дел на совещании у императора. — «Да, я поддерживаю их, — тихо сказал ему Плеве, — потому что я знаю внутреннее положение России. Поверьте мне, маленькая победоносная война необходима, иначе нам внутри России грозит беда...».

Алексеев стряхнул с себя сомнения. В нем снова проснулся бесстрастный и ловкий придворный. Если Безобразов делает такие смелые предложения, в Петербурге, видать, все перевернулось вверх дном.

— От колебаний и уступок враг только нагнет, — горячо говорил между тем Безобразов. — Надо выделить Дальний Восток в наместничество. Смелый человек, почти неограниченный, повернет не только Ялу, но даже Ян Цзы-цзян...

— А государь? Как смотрит на это государь? — перебил его Алексеев.

— Государь на прощание подарил мне вот это, — сказал гость, вынимая миниатюрный портрет.

Алексеев пробежал глазами хорошо знакомую ему стереотипную надпись, которой обычно император награждал новых любимцев, и протянул гостю руку.

8

Отряд тихо пробирался лесом, об'езжая кряжистые пихты, чередующиеся с молодой порослью чайного дерева. Есаул взглядывал на карту, хватался за компас и, наконец, безнадежно махнув рукой, длинно выругался.

— Не сводить глаз с проводника! В этой чаще сам черт копыто свернет.

— Бор путанный, — сердито отвечал сотник. — Ни Ялу, ни другой речушки.

Казаки сторожко подвигались вперед, раздвигая ветви густых зарослей. Проводник невозмутимо мурлыкал непонятную песню, равнодушно мигая косыми глазами.

Впереди послышался свист.

— Речка.. Ялуцзян!.. — оживленно загудели казаки.

Отряд рассыпался по лесу и стал пробираться между деревьями. С каждым шагом бор редел, обнажая просветы между стволами. Издали донесся шум потока.

На опушке леса одна сотня спешила и привязала коней к деревьям. Сняв с плеч карабины, пробрались к речке.

По Ялу густо плыли плоты. Корейцы копошились на них, направляя длинными шестами бревна.

Спешенные выскочили из леса и, открыв стрельбу, залегли на берегу. Конные пришпорили лошадей и бросились в реку. Корейцы испуганно взмахивали руками и, крича что-то, неловко падали в воду. Не управляемые, плоты сбились в кучу.

— Гони плоты! — раздалась громкая команда. — Не допускайте затора!

Есаул повернулся к сотнику.

— Я останусь здесь перехватывать сплав, а вы спускайтесь к притоку Иджу. Скупайте весь лес и гоните в Манчжурию.

— Скупать? — нерешительно спросил сотник. — А деньги?

Есаул рассмеялся.

— За деньгами пусть едут к наместнику.

9

Алексеев перевернул последнюю страницу доклада министерству иностранных дел:

«Появление казаков на Ялу, давшее повод к международным осложнениям, явилось печальным недоразумением и пресечено мною в корне...».

Он обмокнул ручку в чернильницу и, зевнув, подписал бумагу. Отложив ее в сторону, он стал пробегать глазами пе-

реписанное начисто донесение на высочайшее имя:

«Англичан мы легко вытесним, американский же капитал войдет в наши дела, как искательная часть является в дом именитого хозяина...»

Он подумал минуту и, кивнув головой, продолжал читать:

«Приезжайте сюда, Ваше Величество, чтоб убедиться в необходимости не медлить присоединением Манчжурии к Вашим владениям. Убедившись в этом, Вы сами провозгласили бы это здесь на месте. Такой шаг упростит дело чрезвычайно и обеспечит сразу его успех, потому что покажет всем, что Вы не намерены уступать. Никто не станет противиться Вам, так как никому нет расчета ссориться, я уже не говорю — воевать с Россией из-за Манчжурии; всякий знает, что она фактически Ваша. Но пусть, государь, дипломатия наша, как и иностранная, ничего не знает, пусть она будет поставлена лицом к лицу с уже совершившимся фактом...»

В кабинет осторожно вошел адъютант.

— В приемной ждут представители английской и американской...

— Завтра, завтра, — замахал на него Алексеев.

Адъютант бесшумно прикрыл дверь и направился опять в приемную. Краснолицый, тучнеющий англичанин выслушал его холодно и вышел из дворца, скривив лицо в презрительную улыбку. На улице его догнал негодующий американец.

— Мне ни разу не отказал в приеме даже президент!

— Мне король тоже ни разу не отказал, — иронически ответил англичанин. — Правда, я не представил ему к этому случая.

Американец изумленно посмотрел на него.

— И вы не потеряли аппетита к островам?

— Я никогда не теряю аппетита. Кстати, не завернуть ли нам в «Варьете»? Там негритянки...

— «Варьете»? Нам необходимо немедленно договориться и предпринять...

Англичанин отрицательно покачал головой.

— В такую жару я раскисаю, как ме-дуза, — жалобно простонал он, обмахиваясь цилиндром. Парадный костюм стягивал его фигуру, как корсетом, и он жаждал скорее избавиться от него. — Уж если вам так не терпится, — мой дом рядом.

Они свернули на Николаевский бульвар и поднялись на веранду обширного красного здания. Сырая духота валила с ног даже в тени, и англичанин в изнеможении опустился на шезлонг, задыхаясь, как вытасенный из воды карась.

— Сода, виски, — просипел он прибежавшему слуге и сделал гостью широкий жест, предлагая к его услугам любое удобство, начиная с легких плетёных кресел и кончая гамаком в палисаднике.

— Корейский император фактически — пленник русского посла, — настойчиво донимал его американец. — В армии — русские инструктора, делами распоряжается русский финансовый советник.

Англичанин глотнул воздух. И угораздило этого янки притти. Пристал, как комар. Какая политика полезет в голову при такой жаре?

— Ложитесь в гамак, я велю подать вам лед и вермут, — вяло буркнул он.

— Россия вытесняет иностранцев из Манчжурии, — упрямо бубнил американец, широко расставляя ноги, точно под ним была палуба корабля и ему угрожала качка. — Они добиваются монопольного права на постройку железных дорог, телеграфных линий, на эксплуатацию земных недр. Чего мы ждем, хотел бы я знать? Наши фирмы волками воют от русских таможенных барьеров. Неужели гордые бритты примирятся с владичеством России?

Англичанин протяжно вздохнул и мученически поднял глаза к дощатому потолку веранды.

— Японцы рвутся в бой, — упорно продолжал американец. — Лучше стравить их с русскими, чем самим ввязываться в драку. Если даже русские победят, они ослабнут от этой войны. Оттянув все войска на Восток, они станут уязвимей на Западе.

Англичанин умоляюще протянул к нему руку.

— Да пошлите всех к чорту, сэр! Неужели вам не жарко на солнцепекке? У меня в тени мозги прожарились, как бифштекс.

Американец удивленно посмотрел на него и, отодвинувшись под дерево, раздраженно буркнул:

— Дайте русским укрепиться в Манчжурии и Корее, и вам еще жарче станет.

Англичанин с усмешкой взглянул на него.

— Вы плохой метеоролог, сэр. Жара движется на север.

— Вы думаете? — иронически протянул американец, склоняясь над вермутом.

— Во время поднятого недавно японцами против корейского императора мятежа они захватили в гареме его малютку. На-днях он будет провозглашен ими императором. Говорят, впрочем, что это сын кормилицы, — император предусмотрительно своих задушил перед бегством, в русское посольство.

Американец неопределенно махнул рукой.

— В Корее — только русские инструктора, в Манчжурии — русские войска. В Сеуле — финансовый советник, в Мукдене — комиссар и исправники.

Англичанин вяло поднялся с шезлонга и ослабленной походкой направился к палисаднику.

— Вы способны, сэр, уморить человека даже на Северном полюсе. — Он сорвал веточку с шелковичного дуба и, обмахиваясь ею, понизил голос до шопота: — Мы не слепы и знаем, что Япония теперь не та. Англо-японский союз давно решен. Вы будете удовлетворены, сэр, вы будете удовлетворены скорее, чем вы думаете.

10

Манчжурский губернатор возвращался в свою резиденцию. За ним тянулся конный мукденский полк, ведя на привязи пленных хунхузов.

— Мало вам стало Китая, — бормотал цзянь-цзюнь, вглядываясь в спокойное лицо предводителя разбойников, — грабить корейские концессии, убивать

японцев, создавать международные осложнения. Почувствуете шнур на шее — задержаетесь.

Он под'ехал к окованным железом воротам Мукдена. Предводитель хунхузов хрипло заговорил:

— Не срамись, цзянь-цзюнь, послушай доброго совета, вели развязать моих людей и отпусти нас с миром.

Губернатор презрительно поджал губы. Какова наглость, чтобы разбойник, пойманный с поличным, смел так говорить!

К нему подошел ад'ютант, смущенно взяв под козырек.

— Они отказываются открыть ворота.

Губернатор свирепо взглянул на него. Кто может не впускать его в свою столицу? Его взгляд упал на русского часового, и гнев растаял, как снег в марте. Тяжело вздохнув, он натянул на себя любезную улыбку и подошел к стоящему на валу поручику.

— Мы возвращаемся из похода. Я — здешний цзянь-цзюнь.

Поручик дерзко усмехнулся.

— Походы могут здесь делать только русские гарнизоны. Вас и ваших телохранителей я не задерживаю.

Губернатор сутуло поплелся к своей лошади. Атаман бросил ему вслед насмешливый взгляд.

Как только манчжурский отряд скрылся, хунхуз обменялся с поручиком каким-то знаком, быстро проговорив:

— Мой русска служба.

— Я так и думал, — сквозь зубы проговорил поручик и, приказав развязать, бросил: — Поедем в управление.

Там, несмотря на поздний час, все еще толпился народ. Все обращались со своими просьбами сюда, на опыте убедившись в бессилии китайского губернатора.

Приезжих сразу же провели к военному комиссару. Хунхуз повторил знак, сделанный у заставы. Поручик отрапортовал о случившемся.

— Можете итти, — строго сказал генерал офицеру.

Поручик щелкнул шпорами и сделал направо кругом. Когда за ним закры-

лась дверь, генерал посмотрел на атамана, и они весело рассмеялись.

13

Поселок пробуждался. Чернозубые, пышноволосые японки возились около своих очагов. Их мужья осматривали пилы, точили топоры. Надо торопиться. Пятьсот участков арендовала компания у Кореи... Это только первый шаг. В Японии каждый знает, что эта страна будет принадлежать им.

Поселок завтракал. Жены возились у очагов, поднося мужчинам лапшу и рис. Лесорубы быстро орудовали палочками, наматывая на них лапшу. У реки дымились костры: плотовщики тоже готовились к завтраку.

Утреннюю тишину вспугнул далекий выстрел. Он сорвался внезапно, как срывается дряблый лист под напором ветра. У всех домиков засуетились маленькие фигуры, осматривая ружья, заряжая винтовки. Трудно было понять — лесорубы ли поселились здесь, или отряд пехоты расположился бивуаком.

Из лесу выскочили всадники. Они имели странный, необычайный вид. Это не была кавалерия, это даже не были солдаты. Только лошади казались оседланными по-военному, да в посадке людей чувствовалась военная выправка. Но одеты все в рваное русское или китайское платье и вооружены — кто винтовкой, кто карабином, а кто двустволкой. Ловко стреляя, они вздыбили коней и устремились к поселку.

Лесорубы залегли у плетней, дружно отстреливаясь. Галоп отряда начал замедляться, переходя в неровную рысь. Нападавшие, очевидно, не привыкли к сопротивлению, и среди них чувствовалась растерянность. Авангард был уже у передних домиков. Он попробовал там укрепиться, но сила огня все увеличивалась, и меткие выстрелы всюду достигали их. Всадники зажгли стог гаоляна и, повернув лошадей, исчезли так же неожиданно, как появились. Японцы трижды прაკричали им вслед: «Банзай!»

Но радость их длилась недолго. Из нескольких окон поваила густой лилоый дым, и оттуда с криком выбежали

женщины, держа на руках детишек. Пожар бушевал со всех сторон, захватывая в свои жаркие объятия легкие деревянные домики. Кое-где пылали уже сложные в штабеля дрова. Побросав винтовки, лесорубы устремились к ведрам.

По Ялу, вспенивая воду и бурля винтом, летел миноносец. Пестрое полотнище на носу было расцвечено лучами восходящего солнца. Когда он примчался на место схватки, он застал уже груды дымящихся пней, около которых хлестались прокопченные дымом погорельцы.

А на поляне в лесу спешившиеся всадники, негодуя и ругаясь, подсчитывали потери и перевязывали раненых.

Глава VI

Беспокойный адмирал

1

Новый, двадцатый век застал Макарова в Баренцовом море. «Ермак», наконец, вырвался в полярный рейс, и, стоя на мостике ледокола, адмирал напряженно следил за его борьбой с исполинскими льдинами, исполненный гордости и беспокойства.

Он придавал этой экспедиции такое значение, что ощущал волнение, точно совершал не пробное плавание на ледоколе, а вел в бой целую эскадру. Для него этот поход был сражением, от результатов которого зависело будущее страны.

Он видел, что на Дальнем Востоке назревает столкновение не с одной Японией. Когда вспыхнуло боксерское восстание, Макаров надеялся, что Петербург выступит посредником, чтобы в будущем конфликте иметь Китай на своей стороне. Но у артурских вояк буквально чесались руки, и теперь Небесная империя была навсегда потеряна как союзник против Японии.

Макаров был достаточно близок ко двору, чтобы знать действительное положение. Китай долго не уступал Порт-Артура, и русская эскадра три месяца прятала войска в трюмах кораблей, пытаясь убедить Пекин, что пришла по-

мочь ему освободиться от немцев. Так как министерство наловчилось дешифровать телеграммы послов всех стран, Петербург мог следить за той бурей, которая поднялась во всей Европе. Кто знает, чем бы все кончилось, если бы не выручил самый ловкий сановник — министр финансов. Пока дипломаты делали бесплодные попытки захватить Ляодунь, он предложил китайскому сановнику Ли Хун-чану полмиллиона. Это была дерзость, но министр финансов имел уже дело с этим «преобразователем Китая» при «спрямлении» Сибирской дороги через Манчжурию. Но занятие плуострова — это оказалось слишком и для китайцев. Они убедились, что страну начинают растаскивать по частям, и проявили энергию. Ли Хун-чан был изгнан. Чан Ин-хуан, получивший за молчание 250 тысяч, был заключен в тюрьму и задушен, а китайский посол отозван из Петербурга и публично казнен.

Япония и Китай — теперь лютые враги России. За их спиной — Англия, сна усиленно строит им флот. Их поддерживает и Америка, которая не хочет иметь около Китая сильного соседа.

Судостроение, как всегда, фатально запаздывало. В случае войны все, по обыкновению, окажется неготово. Сквозной проход из Петербурга во Владивосток у своих сибирских берегов позволил бы посылать подкрепления. Северный путь выбьет из рук врагов главный козырь — оторванность Дальнего Востока от России и непроходимость ее морей.

— Еще бы один такой ледокол, — с сомнением глядяваясь в торосы, пробормотал адмирал. — Ах, если бы они не урезали смету.

Он спустился с мостика. Успех! Полярный лед ломается легче балтийского. Большой процент соли делал его рыхлым, и от ударов ледокола глыбы рассыпались, как мел.

К адмиралу с виноватым видом подошел представитель «Армстронга».

— Набор и обшивка сильно вибрируют.

— Показалась течь? — Макаров тревожно остановился.

— Еле заметная. Но не лучше ли вернуться в Ньюкастль и подкрепить корпус.

На лбу адмирала стала набухать сердитая складка. Инженер предупредительно добавил:

— Дело новое, адмирал. Фирма берет ремонт на свой счет. Удвоим количество заклепок, прибавим связи, стрингера...

— Время! Время дороже денег, — сердито проговорил Макаров. — Лето здесь с воробьиный нос...

Он махнул рукой и приказал поворачивать.

2

Вынужденное возвращение угнетало Макарова. и он рыскал по отсекам, лазил по трюмам, проверял кочегарки, машины, помпы. «Весь ледакол бородой обмел», — добродушно посмеивались матросы, давно прозвавшие свое необычное судно «Ермаком Степанычем».

Особенно избегал адмирал встреч с научной частью своей экспедиции. Ему казалось, что задержка сильно подействовала на ученых. В их глазах он читал осуждение. Один, наиболее прямой, откровенно сказал:

— До чего обидно, что с Менделеевым расплевались!.. Вернемся, ничего не сделав, — на нас в Петербурге всех собак вешать станут, а старик все же бы нас прикрыл. Шутка, мировое имя!

Макаров промолчал. Ссора с великим ученым тяготила его не меньше других. Но кто мог ожидать, что вопрос о том, кто станет во главе экспедиции, так заденет Менделеева. По совести говоря, Макаров имел на это все права: еще в 1892 году, до отправления Нансена в Ледовитый океан, зародилась у адмирала мысль достигнуть Северного полюса при помощи ледакола. Восемь лет он дрался за свою идею, читал лекции, спорил, убеждал, забирался по Оби и Енисею в самое сердце Сибири. Ученые могли бы быть менее самолюбивы.

Тут начиналось самое щекотливое: почему он сам не уступил старику? Разве ученому Макарову честолюбие больше к лицу, чем ученому Менделееву?..

Правда, для великого химика полюс являлся абстрактной идеей. Макаров был, прежде всего, моряк и военный. Попытка достичь полюса была для него лишь средством к заветной цели — установить сквозной северный проход из Атлантического в Тихий океан. Менделеев это свел бы на-нет.

Путь к примирению, во всяком случае, отрезан. Теперь это смахивало бы на капитуляцию. После такой неудачи успех уж, наверное, приписали бы исключительно Менделееву. Что ж, у каждого свои слабости! Таков человек, с этим, видно, ничего не поделаешь...

3

В Ньюкастле Макаров начал детальнейшее изучение строящихся у «Армстронга» же японских броненосцев. Чего не говорили инженеры и строители, сообщали ему слесаря и строгальщики. Адмирал просто и сердечно обращался с рабочими, и мастеровые быстро сошлись с ним.

«Как заботливо их вооружают, — сокрушенно размышлял он, осматривая «Миказу». — С ними впору тягаться разве «Цесаревичу» да «Ретвизану». Укусит нас Англия этими японскими зубами...»

Проводя целые дни среди англичан, адмирал ясно улавливал в верхах японофильские настроения. Его это не удивляло: здоровый инстинкт подсказывал британцам, что врага лучше всего бить чужими руками.

Для популяризации своего замысла Макаров вел переписку с полярниками, улавливался о статьях с Брокгаузом, назначал лекции в Манчестере, высылал снимки и индикаторные кривые. Особенно тщательно он готовился к предстоящим выступлениям в Лондоне и к поездке в Берлин — на совещание географов и полярников. Он засел за дневник, делая оттуда извлечения для доклада.

«В 1878 году Норденшельд вышел на «Вега» из Швеции на восток, решив прорваться через льды Ледовитого океана к Америке. Обогнув мыс Челюскина, «Вега» 21 августа подошла к устью

Лены. Это был первый корабль, прошедший к Лене из Европы, и Норденшельд имел все основания надеяться опровергнуть мрачные предсказания о непроходимости этого пути. Но через 4 дня «Вега» у самого Берингова пролива была затерта льдами. Для ее спасения снарядили яхту «Жанетта». В августе 1879 года «Жанетта» направилась из Америки к западу через Берингов пролив на розыски. Ее затерло льдами и несло по океану около двух лет. На широте 77°46' она не выдержала страшного натиска льдов и затонула в 150 милях от о-ва Новая Сибирь. Команда на лодках с полозьями с невероятными усилиями перебиралась через громадные торосы, чередовавшиеся с широкими щелями и каналами. Часть экипажа достигла устья Лены, остальные погибли, находясь всего в 30 верстах от якутского поселка. Птицы и олени окружали их, но у них не было ни одного ружья с зарядом.

«Гибель «Жанетты» окончательно утвердила б мнение о непроходимости этих мест. К счастью, «Вега» давно была свободна. Перезимовав во льдах, она тронулась в путь к Америке. Теперь известно, что, приди она к Берингову проливу на 3 дня раньше, она застала бы свободное море и совершила бы в одно лето свой блистательный рейс вокруг Старого света.

Макаров сунул в рот клинообразную бороду. Сколько русских исследователей погибло в полярных льдах из-за скудного снаряжения, отсутствия средств и внимания государства! Еще в XVI веке делались попытки открыть этот путь. Великий Петр среди войн, походов и ломки государства нашел время снарядить экспедицию Беринга, чтобы исследовать, разделены ли морем материк Старого и Нового света. А с тех пор все заглохло.

Какой злой рок заставляет у нас вянуть все талантливое, смелое, предприимчивое?

4

«Ермак» покидал Ньюкастль, укрепленный и подновленный. Макаров, до-

вольный, стоял на мостике, рассеянно оглядывая английские берега.

«Умный народ, — с легкой грустью вздохнул он, когда ледокол, миновав рейд, дал полный ход. — Это помогает им удерживать мировое господство дольше других. Их могущество кажется столь прочным, что перестаешь думать, насколько оно преходяще. Что ж, может, в мире и существует что-то в роде богини правосудия, награждающей за отвагу, за дерзания, за трудолюбие. Но горе тому народу, который почитет на лаврах. Счастье вызывает завистников и обойденных, общая ненависть к удачнику объединяет. И если он обленится, обрызг, захирел... Не только сильные деспотии древности, — не удержалась Греция, погиб могучий Рим, покоривший, казалось, весь мир. Португалия, Голландия, Испания, Швеция, Франция сменяли друг друга у лона Афины-Паллады, наслаждаясь коротким благоволением фортуны. Бритты несколько задержались у ее подножия. Но колебания почвы под их ногами давно предвещают землетрясение. Америка сбросила их иго, волнуется и шалит африканские народы...»

«Ермак» легко скользил по спокойной воде. Макаров передал управление командиру ледокола и углубился в лежащую перед ним карту Сибири.

«Мы — моты, безумные расточители, мы — нищие миллиардеры. Ни один народ в мире не топчет собственными ногами такие богатства, как мы, находясь в такой вопиющей бедности. Вместо того, чтоб достать их, мы растрачиваем свои силы на войны и драки с соседями, гораздо более бедными, чтоб заграбастать новые земли и опять забросить их, как свои собственные. Мы уже захватили больше, чем в состоянии переварить, но никак не можем утихомириться и готовы проглотить всех, рискуя ежеминутно подавиться».

От океана вглубь Сибири бежали по карте Обь, Лена, Енисей, прорезывая страну водными дорогами. Макаров сердито фыркнул в бороду.

«Я был на Енисее считанные недели, а и того, что я узнал у местных промышленников, старателей и разведчиков,

достаточно, чтоб превратить необитаемую Сибирь в богатейшую провинцию. 13 миллионов верст! Экая громада, край, превосходящий всю Европу! Золото, платина, серебро, медь, свинец, мамонтова кость, ценнейший строевой лес, богатейшие месторождения железа и каменного угля. Самой природой краю предопределено стать всероссийской кочегаркой, тут могут задымить десятки заводов, зашуметь громадные верфи. В Америке, небось, Клондайк расцвел чуть не на полюсе, хотя имел одно только золото...»

Адмирал достал кисет и закрутил из махорки толстую козью ножку. Командир ледкола покосился на повалившийся густой, терпкий дым.

«Толкуют об экономии, а гонят суда из Владивостока на ремонт в Питер, когда тут рядом можно и уголь добывать, и железо доставать, и суда строить... Оживить бы этот край — и вся Россия ожила б. Тогда нам сам чорт не страшен, потому что война теперь — это не одна удадь и лихость, а хорошая броня, стальные пушки, железные дороги, морской и речной транспорт, уголь, чугун, медь и прочие прозаические вещи...»

5

Когда «Ермак» снова вошел в льды и громадные тóросы почтительно расступились перед ним, команда опять повеселела. Макаров любовно наблюдал, как взапуски пускались матросы, чтоб сделать поскорей нужную работу.

Матросы его любили. За все годы своей службы он никого зря не наказал. Ни на одном корабле не садился за стол, не попробовав раньше пищу подчиненных. Когда он командовал практической эскадрой Балтики (прозванной в насмешку «практической парой», так как часто там бывало не больше двух кораблей), ему донесли, что на одном судне плохо кормят команду. Он нагрянул туда перед обедом и, направившись прямо к камбузу, велел дать себе пробу. Щи, действительно, оказались отвратительными. Не показывая вида. Макаров с любезнейшей улыбкой пригласил попро-

бовать матросский обед всех офицеров корабля и велел дать им побольше. После этого жалоб на пищу от команды не поступало, а матросы стали тепло встречать его.

С офицерами было сложнее. Но трудолюбие, ровное и внимательное ко всем отношение сблизило его и с ними. Адмирал без смеха не мог вспомнить первое бурное проявление их чувств. Во время одного похода офицеры попросили при прощании что-нибудь на память. Макаров растерялся и стал смущенно отшучиваться. Какой-то лейтенант нашелся:

— Хоть пуговицу, Степан Осипович!

Он необдуманно разрешил. Раньше чем он успел опомниться, на него налетела орава офицеров, и вмиг все пуговицы шинели были расхищены. Но число желающих оказалось слишком велико, и восторженная молодежь бесцеремонно принялась за китель. Он еле добрался до каюты.

Адмирал потрогал на груди георгиевский крест и улыбнулся. У него, конечно, не мало врагов, но... Сам Скобелев из всех офицеров флота выбрал его, совсем еще молодого, своим помощником по морской части в Ахал-Текинской экспедиции. После похода Скобелев обменялся с ним георгиями, а в донесении писал: «Лично для меня остается неизгладимым впечатлением высокое счастье называть себя временным начальником столь славных представителей нашего флота».

Макаров вздохнул. Славных становится все меньше. Государство превратилось в дворянскую вотчину. После реформы оскудевшие помещики бросились на кормление в армию и флот, внося всюду крепостную лень, обломовщину и беспечность. В официальных статьях о нем пишут, что он — сын херсонского помещика, ибо считается неприличным, чтоб офицером флота был простой смертный. И ему, хаму, кухаркину внуку, приходится прошибать лбом стенку, чтоб спасти от катастрофы этих барчуков, имеющих и посейчас в кают-компаниях отдельные графские или княжеские столы. А они упираются, как быки, мычат, брызжут слюной и готовы в любой час

поднять его на рога и растоптать ногами. Если б их гибель не повлекла тысячи других...

Сильный толчок заставил его ухватиться за поручни.

Ледокол остановился. Из носового отделения выскочил механик:

— Отсек заполняет вода.

6

Макаров оставался спокоен. Он знал свой ледокол и не боялся за него. На заводе он применил свой метод испытания непроницаемых переборок, заливая каждое отделение. Это делалось впервые, и фирма слегка косилась, — зато «Ермак» не боялся аварий: вода могла заполнить только пробитое отделение, — дальше ход ей был надежно прегражден.

Спустили водолазов и подвели пластырь. Помпы выкачали воду, пробойну заделали. Адмирал сошел на льдину исследовать причину повреждения. Торос имел большую подводную глубину, и удар по «Ермаку» пришелся ниже толстого ледяного пояса, рассчитанного на сопротивление льду.

Макаров приказал итти дальше. Растерянность несколько улеглась. И все же на лицах теперь уже явно выражался упрек.

— Не повздорил бы с Менделеевым, были бы, как у Христа за пазухой.

2 августа, перед заходом солнца, на мостике заметили землю. Путешественников всегда радует даже самое малое открытие. Теперь это могло сгладить в Петербурге впечатление от нового вращения.

Утром стоял туман, и разглядеть остров было невозможно. Лед становился все толще, и, чтоб не повредить непроницаемых переборок, решили повернуть на юг. Между участниками экспедиции начались прения: действительно ли видели землю, или это был мираж? Макаров спустился в свою каюту, не желая участвовать в бесполезных спорах.

Одно было ясно: незначительную пробойну используют, чтоб утопить начатое им дело. Донесение о новых землях примут, как саморекламу, как попытку ук-

рыться за этим от нареканий. Столько лет пробивать лбом стенку, столько положить усилий — и снова неудача!

Макаров начал покусывать клинообразные кончики бороды. Какой-то злой рок, да и только. Все валится из рук, хоть ты тресни! Рок — что такое рок? Пустая лазейка для малодушных. Удача не дается сразу. Если бы там, под шпирцем, не сидели тупицы... Да им только нужен предлог.. они утопили б его и при успехе, как похоронили когда-то его броневые колпачки.

Десять лет назад его назначили инспектором морской артиллерии, не без тайной надежды утопить «беспокойного человека» в канцелярском болоте, похоронить его под ворохом бумаг. Но он везде находил себе занятие. Его заинтересовала борьба между броней и артиллерией.

Броня шла от успеха к успеху, но артиллерия упорно боролась за существование. Россия, по обыкновению, отставала. Не успел Ижорский завод наладить выделку железной брони, как за границей был изобретен снаряд, пробивавший ее. Английские и немецкие корабли стали одеваться в комбинированный наряд из железа и стали. Пришлось по традиции итти на поклон к Европе и заключить контракт с Круппом на установку сталелавильных печей. Но, пока освоили производство стале-железной брони, артиллерийская техника сделала такие успехи, что верхний слой, делавшийся из стали, от удара снаряда отваливался.

Морские державы спешно переодевали свой флот. Пришлось отбросить амбицию и, махнув рукой на отечественные заводы, сдать на милость иностранных фирм. Крупп успел уже изготовить новый вид брони из чистой стали. Верхний слой броневых плит насыщали углеродом. От этой цементированной брони снаряд отскакивал, как горох от доски.

Это совпало с его назначением. Он стал ежедневно ездить на полигон, наблюдая поражение артиллерии. Победенные снаряды грудой осколков валялись перед крупповскими плитами. Представители фирмы гордо расхаживали

кругом, любясь эффектом от произведенного разрушения.

Надо было кончать приемку. Все рядные устали. Но Макаров не хотел сдаваться. Он еще и еще приказывал менять плиты, испытывал все новые экземпляры.

И внезапно случилось чудо. Снаряд пробил плиту, не повредив даже головной части. Второй, третий, четвертый выстрелы пронизали мишень. Крупновцы, красные, как брюквы, галдели, неистово жестикулируя.

Все объяснилось неожиданно просто. Плиту случайно установили задом наперед. Снаряд ударялся не в закаленную цементированную поверхность, а в мягкую изнанку, в которой должно было завязнуть уже раздробившееся и ослабленное ядро.

Ошибка исправили, и все пошло, как вначале. Снаряды разбивались о плиты, разлетаясь в стороны веером осколков. Немцы успокоились.

Инцидент оказался исчерпанным для всех, кроме одного человека. Этот человек был ни артиллерист, ни сталевар, даже не инженер. Это был «беспокойный адмирал».

— Если закаленную поверхность плиты можно пробить с изнанки, — бормотал Макаров, возвращаясь с полигона, — то нельзя ли эту изнанку насадить на головную часть снаряда?

Начались опыты. Везде пошли шопотки о новых причудах сумасбродного адмирала. Ему не мешали. Чем бы дитя ни тешилось...

Вдруг завистников взорвал слух. Упрямец добился своего. Появился новый броневой снаряд этого чудака. На обыкновенные ядра он надел нашлапки из незакаленной стали. Его приверженцы успели уже окрестить их макаровскими колпачками.

Они стали известны за границей, и их ввели везде. Во всех странах Макарова называли победителем брони. Во всех, кроме одной: его родины. Назойливому адмиралу придумали новое назначение, а изобретение передали ученым мужам и артиллерийским специалистам, чтоб выработать наилучший тип колпачков и наилучший способ их прикре-

пления. Так как это вещи не легкие, то к ним приступили с осторожностью, чтоб фундаментальнее все изучить.

И дело заглохло.

7

Приближаясь к своему дому, Макаров увидел свет во всех окнах и скоро услышал звуки рояля. Он остановился и низко опустил голову. Супружеская жизнь давно не баловала его, и все же склонная к романтизму натура забывала суровые щелчки и создавала себе каждый раз новые иллюзии.

Адмирал повернул назад и стал прогуливаться перед домом. Что ж, это заслуженная кара за тщеславие и легкомыслие. Чего он ждал от этой светской куклы, бездушной, холодной, честолюбивой? Она никогда не любила его, Степана Макарова. Только удачи, почести, блеск заставили ее благосклонно похорнуть к его огоньку. И всю жизнь она подчеркивала, что она, из рода Скавронских - Гендриковых, потомков Екатерины I, вывезенных из Ливонии столько-то веков назад, чтобы блистать при дворе, снизошла до обыкновенного простолюдина. До сих пор она считала уместным муштровывать его, и никогда ни в чем он не мог ей угодить. Хороший тон был для нее религией, таинством, и она не стеснялась называть его хамом, считая высшим признаком культуры изысканные манеры и ни во что не ставя ту громадную научную работу, которую он вел.

Макаров достал сигару и густо задымил. Надо остерегаться этих изящных, изысканных барышень пуще пантер. Женщина — самый консервативный сосуд своей среды. Она всасывает, как губка, все ее традиции и предрассудки и, как губка, выжимает их потом, сея и размножая. Римляне легко победили разложившихся греков, но сами были побеждены гречанками и переняли все их обычаи. Аттила повел на Италию здоровых детей лесов, но в объятиях побежденных римлян они быстро потеряли вместе с грубостью вольных людей и мужественность, и самобытность. Но хорошо, когда побежденный куль-

турней победителя. А дочери нашей выходящей аристократии? Что могут они привить, кроме лени, изнеженности, гордыни? Мы растем среди грубых, изнеможенных, плохо одетых женщин. Выбываясь в люди, мы приобретаем вкус, утонченность, появляются эстетические запросы, и мы бросаемся очертя голову в этот соблазнительный водоворот, прельщенные изящной головкой или стройной талией. В них все рассчитано, чтоб соблазнять, и мы попадаем впросак тем легче, что плохо вооружены против этого и поздно узнаем, как часто за обольстительной наружностью кроется пустота...

Он решительно повернул от дома и ускорил шаг. Нехватало только, чтоб кто-нибудь из знакомых увидел его бродящим здесь, под окнами собственного дома, когда там — пир горой... Он идет в поход к полюсу, рискует всем, а ей — хоть бы что! Пусть каждый живет своей жизнью, с этим ничего не поделаешь... Не начинать же бракоразводный процесс со всей его грязью и помоями, чтоб дать лишнюю пищу недоброжелателям и сплетникам.

Одного он не мог себе простить: он так долго уступал, что это стало привычкой, обычаем. Какое легкоеверие — надеяться, что, устраняя поводы к размовам, можно создать счастливую жизнь! Знакомые, друзья, родные постепенно становились чужими и далекими: жена вытесняла их из дому. Они шокировали ее. Ей импонировали только люди со звучными титулами. Даже помощь родным приходилось оказывать тайком. Но какой выход? Ссориться по каждому поводу? Вечные дразги и скандалы — что может быть бесплодней и изнурительней?..

Веселые мигающие огоньки остановили его. Он поднял голову: ресторан. С минуту адмирал колебался, потом махнул рукой и переступил порог.

8

Первые стычки пришлось все же выдержать не в министерстве, а дома. Когда Степан Осипович явился, наконец, к себе, гости уже разехались, и жена,

усталая, сидела в своем будуаре на пуфике, массируя перед туалетом лицо. После первых же трафаретных приветствий она сказала, ни к кому не обращаясь, как бы думая вслух:

— Жена адмирала Дубасова очень едко потешалась над твоей новой неудачей.

Прочитав на лице мужа скуку, она по обыкновению мгновенно вспыхнула:

— Какая-то певичка, какая-то мразь выписывает себе туалеты из Парижа! Ее бриллианты оцениваются в полтора миллиона!

Макаров равнодушно протянул:

— Ты, Капочка, отлично знаешь, что она не певица, а артистка комедии.

Он удалился к себе, лишив ее удовольствия выместить на нем свое разочарование. Сделав вечернюю гимнастику, он лег на жесткую спартанскую постель, укрывшись простыней, заменявшей ему одеяло и летом и зимой.

По утрам он обливался холодной водой, и это всегда очень освежало его. Александр II звал его за страсть к спорту «мой англичанин», а солидные обыватели осуждали адмирала, состоящего с матросами в нырянии под шлюпки или в доставании со дна камешков. На этот раз он не почувствовал прилива бодрости, хотя долго растирал себя после ванны полотенцем. Он знал уже, что министерство назначило целую комиссию для выяснения причин пробоины и во главе ее поставило лиц, относившихся отрицательно к самой идее ледокола. Комиссия сразу повела себя, как следственный орган: к нему ни за чем не обращались, а других допрашивали с пристрастием, как провинившихся гардемаринов.

Тянулись недели, месяцы. Комиссия составляла акт за актом, стараясь опорочить и идею плавания в полярных льдах, и качества «Ермака». По мере того как росли и пухли папки с делами, Макаров все больше чувствовал, как вокруг него вьется крепкая паутина, которая охватывает все плотнее.

Но он не сдавался, и заседавшие адмиралы стали сомневаться в победе. На каждое их заключение он давал контр-

заклучение. Каждая докладная записка вызвала его ответ, любой вывод оспаривался бурно и стремительно. В теоретических выкладках с ним трудно было спорить: он считался уже довольно авторитетным исследователем и действительно приводил убедительные аргументы, которые трудно было разбить. Даже неудачное плавание послужило ему на пользу, и он написал о нем книгу в 500 страниц, которую немцы и англичане поспешили перевести еще с рукописи.

Тяжба шла с переменным успехом. И вдруг то, чего не могли добиться враги, легко сделали друзья: директор географического общества, которому министр финансов послал запрос, высказался против вторичной посылки ледокола. Он считал опасным рисковать таким дорогим судном и многочисленной командой. Осторожность прежде всего. «Ермак» уже доказал, что прекрасно справляется с балтийским льдом. Пусть и обслуживает Кронштадт.

Участь «Ермака» была предрешена. Если министр мог еще не верить врагам инициатора, предполагая зависть и козни, то друзьям его он поверил вполне.

Теперь остался один человек, который мог бы еще повернуть исход спора. И Макаров решил смирить гордость и встретиться с ним. Свидание произошло в кабинете министра. Менделеев, видимо, тоже забыл размовку и сразу же поддержал новую экспедицию. Они оживленно обсуждали свои планы, и Макаров с радостью думал, насколько все же ученый стоит выше мелочных дрызг.

Но уже через несколько минут все снова рухнуло. Ученые легко могут стать выше честолюбия, но не выше фанатизма. Когда адмирал стал намечать маршрут вдоль берегов Сибири на Сахалин, Менделеев воскликнул:

— Это и опаснее, и дальше, и труднее! Кратчайший путь — пройти к полюсу и спуститься вниз

— Но опыт показал, что с одним ледоколом идти к полюсу рискованно, а вдоль берегов прошел Норденшельд.

— В чем тогда научная ценность экспедиции?

— Но я не могу рисковать «Ермаком» и командой.

— А я — подражать Норденшельду. Макаров попробовал убеждать, но Менделеев ушел, не слушая. Адмирал тихо вышел вслед за ним.

9

Оставалось последнее средство — обратиться лично к императору.

Адмирал долго колебался. Несмотря на чин флигель-адъютанта его величества, он редко бывал при дворе и всегда чувствовал себя там лишним. Но сдаваться было не в его натуре, и он решил себя пересилить.

Явившись в Зимний дворец, Макаров сразу почувствовал, что выбрал для своей просьбы неподходящее время. Весь придворный и правящий мир был поглощен борьбой, разыгравшейся вокруг нового восходящего светила — француза Филиппа.

Адмирал и раньше много слышал о нем. У себя на родине Филиппу не повезло. Он пробовал заниматься многими профессиями и под конец остановился на предсказаниях и лечении. Как всегда бывает с большими, некоторые выздоравливали, и это создало ему рекламу. Но скоро число умирающих стало значительней, и лекаря начали преследовать как шарлатана. Не имея средств и диплома, он должен был скрыться. Русский военный атташе, один из поклонников Филиппа, предложил ему поехать в Россию. Тот согласился. Петербург спасал от долгов и многочисленных судебных процессов.

В России искони повелось чтить все иноземное. В придворных кругах французский медик вошел очень скоро в моду. Наиболее легковверные видели уже в нем святого. Этого было достаточно, чтоб ему открылся доступ во дворец.

Там давно мучились отсутствием наследника. Убедившись в бессилии медицины, царица решила обратиться к святым. Во дворец со всей империи таскали юродивых, убогих, старцев и странниц. Побывали в покоях императрицы и

Митя Козельский, подававший советы мычанием, и босоножка Вася, и старика Матренушка. Но царица упорно рожала рахитичных девиц, и наследником престола считался брат царя — Михаил.

Филипп стал медиком императрицы. При помощи святых угодников и всяких зелий он старался наворожить наследника. Его попытки увенчались скоро успехом. Царица радостно сообщила мужу, что забеременела.

Император был умилен милостью неба. Серафима Саровского, предсказавшего перед своей смертью рождение наследника, решили провозгласить святым. Что будет именно наследник, ни у кого не возникало сомнения. Царица начала носить широкие платья и стыдливо улыбаться. Скоро она перестала появляться на приемах. Слава Филиппа достигла вершин. Он стал во дворце своим человеком.

Но француз скоро начал тосковать по родине. Чуткие друзья его стали через посольство хлопотать ему во Франции всепрощение грехов. Чтоб угодить двору, Петербургская военно-медицинская академия преподнесла Филиппу диплом и звание действительного статского советника. С таким чином, равняющимся генеральскому, новдиспеченный доктор без опасений пустился в обратный путь.

Месяцы шли, а императрица без видимых изменений уныло бродила по своим комнатам в широких пеньюарах. Встревоженный император решил, наконец, посоветоваться с придворными медиками, удаленными раньше по настоянию Филиппа из дворца. Из покоев жены он вышел смущенный. Лейб-акушер исследовал императрицу и почтительно заявил, что родов ждать бесполезно, так как она не беременна.

10

Макаров убедился, что во дворце не до него. Чтоб не предаться отчаянию от своей неудачи, он пробовал еще заниматься делами, производил испытания и опыты с моделями строящихся судов. Результаты получились столь

удручающие, что он забросил и это, погружаясь в какое-то оцепенение.

В один из таких дней его навестила Корсаков. Макаров встретил гостя с каким-то ненатуральным оживлением и, глядя куда-то мимо него, проговорил:

— Не раздевайтесь, я хочу показать вам прелюбопытный опыт. У меня приготовлен для вас убийственный сюрприз.

Он быстро натягивал на себя шинель, выпрастывая из воротника свою клинообразную бороду. На слове «убийственный» было сделано такое ударение, что Ксаверий Антипович весь как-то сжался. Ему было не до сюрпризов, у него уже несколько месяцев жил присланный Несвижским с Дальнего Востока испанец, изобретатель сухопутной мины, а он никак не мог продвинуть его снаряд, заинтересовать им военное или морское ведомство. Корсаков наспех соорудил изобретатель у себя на Морской крошечную лабораторию, и тот с головой ушел в свои опыты, но, если не преодолеть косность министерств, он плюнет и уедет, увозя свое страшное изобретение.

Наблюдая неестественную торопливость всегда такого спокойного и выдержанного адмирала, судостроитель чувствовал себя как-то неуютно и неловко. Хотелось к чему-нибудь придраться. Как долго он возится с рукавом! Подкладка зацепилась за запонку. Ах, эти запонки, скольких людей они оттолкнули от Макарова! Титан, талант, быть может, даже гений, а не обойтись без чудачеств. Так и есть, это те самые запонки с девизом «помни войну». Правда, наше поколение моряков основательно забыло про войну. Но такая демонстрация... запонки!..

Он еле поспевал за устремившимся по улице адмиралом. Наконец, тот остановился перед опытным бассейном. Они вошли в большое полуосвещенное здание. Макаров повернул выключатель.

Корсаков зажмурился и начал протирать глаза. Он успел разглядеть вместилистый водоем и в нем какую-то модель... «Цесаревич!» Он медленно поворачивал голову, глядя вприщурку на корабль. Нет, недостаточно строен для

«Цесаревича». Не те обводы, не те линии, недостает изящества в контурах... Ба, да это «Суворов»!

Корсаков торопливо подошел к бассейну. Макаров уже хлопотал около модели, и, когда она тронулась, начальник завода увидел за ней второе судно. Оно напоминало первое, и в нем не трудно было узнать «Александра».

— Вы строите скорей меня, — улыбнулся он, но Макаров сосредоточенно молчал. Шутка не получилась.

— «Цесаревич» — хороший броненосец, а старых споров я поднимать не хочу, — мрачно сказал адмирал, пустив свой корабль. — Если иметь в виду оборону берегов и ограниченный район, он прекрасен. Но посмотрите, что эти болваны из-под шплица с ним сделали. Предположите пробойну.

Он взял грузик и положил его на левый борт. Парафиновая модель быстро накрылась, и не успел адмирал бросить на правый борт другой грузик, чтоб выравнить корабль, как тот опрокинулся вверх килем.

Корсаков вздрогнул и зябко передернул плечами. Адмирал с той же мрачной торжественностью положил болванку на палубу «Александра». Он перевернулся так же методично, как «Суворов».

— Я это подозревал, — почему-то шопотом проговорил судостроитель, с трудом выталкивая слова, — особенно после спуска «Амура».

Макарову показалось, что его гость линяет: краски, как грим, медленно сползли с его лица, и он стал бледнее своего кителя. Подойдя к нему, адмирал мягко произнес:

— Не надо отчаиваться. Мы можем гордиться сознанием, что сделали все, что смогли. Не каждый вправе сказать это про себя. В Артуре мы имеем довольно мощную эскадру преимущественно из заграничных судов. Как пополнение, и эти сойдут.

— Но во главе эскадры стоит Алексеев. В случае войны... Вам бы туда, Степан Осипович.

Макаров горько усмехнулся.

— Пока они там не нашкуют, меня не пошлют. А потом, когда этого по-

требует общественное мнение, меня погонят туда искупительной жертвой.

Он опустил голову, пряча обиду в патриархальной бороде. Корсаков, как слепой, поплелся из бассейна, не вспомнив даже, зачем он приехал к Макарову.

11

Эта встреча как бы надорвала силы адмирала. Он ходил по своей квартире мрачный и подавленный, точно не он преподнес этот сюрприз Корсакову, а судостроитель ему. Молчание Ксаверия Антиповича убило в нем последнюю надежду. Хотя он сам не плохо знал судостроение и понимал безнадежность новых броненосцев, все же он надеялся, что Корсаков сумеет опровергнуть его, что он скажет что-нибудь неожиданное, веское, и если не опрокинет его пессимизм, то поколеблет его, хоть немного смягчит.

Макаров почувствовал вокруг себя пустоту, которая уже дважды сжимала его в своих тисках: один раз в далеком Николаеве, когда, несмотря на хлопоты всех начальников, Петербург не хотел дать сыну штурмана первый офицерский чин, второй — когда лейтенантом он задыхался от безделья и десятки раз писал и рвал рапорты об отставке.

Из состояния равнодушия и апатии его несколько вывела статья в «Санкт-Петербургских ведомостях». Морской офицер в довольно резкой форме делился своими впечатлениями о поездке на Дальний Восток. Особое негодование вызывало в нем строительство нового города рядом с Артуром — порта Дальний. Автор издевался над этой убогой затеей, с сарказмом рассказывая, что в верхах долго не могли решить, как назвать ненужный город. Одни предлагали «Светозар», другие «Портслався», третьи «Светониколаевск». Моряк сравнивал роль этого города с Балаклавой и довольно смело проводил историческую аналогию Порт-Артур — Севастополь. Отлично оборудованный Дальний может сыграть роль удобной для высадки, незащищенной Балаклавы при вяло возводимых укреплениях Артура.

Макаров отложил газету и в возбуждении заходил по комнате. Те же мысли он сам недавно развивал в комиссии по оборудованию крепостей, торопя с увлечением Артура. В конце-концов предостережения этого отважного офицера утонут в потоке пышных рапортов и победоносных реляций. Эти дубы ничем не проймешь. Они не понимают, что война на носу. Через год заканчивается судостроительная программа Японии. И они будут готовы, а Россия... строит яхты для сановников. «Алмаз», «Светлана», «Изумруд», «Жемчуг»... Неужели она совершила свой круг и идет к закату, как Греция и Рим? Угасание, участь Голландии, Португалии... лучше не дожить до этого.

И он стал, как уже два раза раньше, приводить в порядок дела, чистить архивы, уничтожать слишком смелую переписку, словно готовясь к чему-то роковому, неотвратимому.

12

Синяя, несколько выцветшая книжечка, тисненая золотом, остановила его разрушительные порывы. Он начал ее перелистывать, рассуждая почти вслух.

— Тридцать лет я вырезывал, коллекционировал, подбирал, как скряга золото, и заносил сюда самые пикантные казусы трех царствований. Пощадить ее? Оставить для потомства? Но разве потомство справедливее современников? К кому из предков проявили, к примеру, справедливость мы, люди, стоящие на рубеже двух веков?

Макаров в нерешительности стал перелистывать книжечку. Знакомые записи лезли в глаза.

«Только сила штыков создала из полуазиатского Московского царства великую Российскую империю. Не перед нашей же культурой или перед бюрократической церковью, не перед нашим богатством и благосостоянием преклоняется свет! Что будет, когда в один ненастный день убедятся, что сила эта истекает внутренними неурядицами,

что колосс парализован? А убедятся в этом непременно, ибо всех мы задираем, на всех лезем. Манья захватов превратилась в болезнь и ко всему, что плохо лежит, мы тянем руки. А так как по глупости мы не всегда верно определяем, что как лежит, мы всегда и получаем по рукам».

«96 г. Очередная сенсация. Константинопольский посол вдруг предложил вызвать инциденты в Турции и, пользуясь ими, захватить Верхний Босфор. Придворная камарилья и главный штаб ухватились за эту мысль, и везде невообразимая кутерьма. Так как в Черном море флота нет, строят планы перевозки войск на плотках. В Босфор инкогнито отправлены офицеры генерального штаба для разведок. На совещании во дворце царь поддержал посла, и тот уехал в Турцию подготавливать смуту. Министры, не смевшие возражать неограниченному самодержцу (они достаточно знают своего государя и видели, что ему это по душе), бросились к влиятельным великим князьям, умоляя образумить царя. Картина!»

«97 г. С Турцией сорвалось, но завоевательный зуд не прошел. Уезжающий в Индию подесаул Хлопов конфиденциально поведал, что государь долго и туманно толковал ему что-то про Индийский океан и хмурился, видя, что тот не понимает. На прощание он уже совершенно ясно сказал, что англичане хитростью и коварством захватили все океаны, оттеснив Россию от ее естественных морских путей, и обронил:

— Хорошо бы поднять Тибет. Бриты слишком близко подобралась к нашей империи».

Макаров перегнул книжечку и задумался. Он знал, как ревниво следил император за всеми, кого подозревал в вольномыслии. Когда кто-нибудь из них умирал, на квартиру неизменно являлся

из дворца флигель-адъютант и завладевал всеми бумагами. Адмирал вспомнил недавний случай с одним сенатором. Тот предусмотрительно положил свои дневники в Парижский банк вместе с драгоценностями. Не подозревая, что они хранятся за границей в закрытом сейфе, Николай, по обыкновению, прислал за ними к вдове. Получив уклончивый ответ, принялись за розыски. В отсутствие хозяев в дом нагрянули жандармы и перерыли все вверх дном. Затем налету подверглась их загородная дача, где не постеснялись взломать дверь, поднять доски пола и снять плиту.

Макаров вздохнул. Ему не хотелось уничтожать тетрадку, но еще больше не хотелось, чтоб она попала в чужие руки. Он снова начал читать:

«Придворная ловкость творит чудеса. Генерал Куропаткин был на докладе во дворце в пасмурный день. Царь оказался не в духе. Вдруг на балконе вышла царица в роскошном халате. Куропаткин тут-как-тут: «Ваше величество, а вот и солнышко выглянуло». Государь покосился на серое небо, заметил в окне жену, улыбнулся и повеселел. Теперь карьера Куропаткина обеспечена.

Рассказывают, что его предшественник перед уходом внес один проект и прислал государю свои тетради для ознакомления с ним. Подозревая, что в приемники ему готовят Куропаткина, он будто случайно прислал лишнюю тетрадь, где последнему была дана уничтожающая характеристика. Император, не чуждый коварства, послал Куропаткину проект на отзыв, и тот, раскрыв бумаги, прочел: «Куропаткин никогда не занимал серьезного поста. Он — храбрый генерал, но душа у него штабного писаря. Он хвастает, что впервые прочитал Тургенева, когда захотел знакомить царицу с типом русской женщины». — И все в таком духе. В чьих интересах сеять вражду между военачальниками?»

«98 год. Очередной фарс. Россия обратилась ко всем державам с предложением созвать мирную конференцию для ограничения вооружений. 6 мая она со-

стоялась в Гааге. Все расточали немало лести государю, а вот подоплека всей этой истории.

В начале этого года стало известно, что Австрия приступает к перевооружению артиллерии. Между тем у нас только-что начали перевооружение пехоты. Совместить то и другое нехватало средств. Сперва носились с мыслью предложить Австрии повременить с перевооружением. Потом сообразили, что это значит раскрыть ей глаза на нашу несостоятельность, и придумали Гаагскую мирную конференцию. Почти одновременно ассигновано 90 миллионов на усиление флота».

«900 г. Алексеев, что называется, переплюнул всех своей ловкостью и эластичностью. Начало его карьеры упорно приписывают довольно любопытному эпизоду. В бытность за границей великий князь Алексей Александрович попал в какую-то историю. Франко-русского альянса тогда еще не было, и дело пахло скандалом. Алексеев был тогда морским агентом во Франции и успел отличиться постройкой крейсера «Корнилов» без второго дна. Типичный паркетный шаркун. Примчался он к префекту и говорит, что все совершенно им. Те было не поверили, а он твердит: «Фамилия моя — Алексеев, великий князь — Алексей. Полиция, мол, напутала». Бились, бились и махнули рукой. А тут Алексеев окончательно влез в фавор, уступив генерал-адмиралу свою любовницу Баллета».

«1901 год. В Петербург приехал маркиз Ито, замечательный преобразователь Японии, возглавлявший ее поворот к европеизму. Ему при жизни сооружен в Токио памятник, как спасителю нации. Он — сторонник русской ориентации и все еще надеется найти с нами общий язык. В его стране давно в это не верят, и в Лондоне идут полным ходом переговоры о союзе. Его приезд — последняя попытка помешать этому. Увы, он принят очень холодно. Переговоры с Японией

изъяты от миролюбивого министра иностранных дел и переданы Алексееву. Для каждой независимой страны, разумеется, обидно вести переговоры не с центральной властью, а с местным губернатором. У нас все еще ставят Японию на одну доску с Гаити. Между тем в ней пробудился дух захватов, она точит зубы на Корею, на Ляодунь, на Манчжурию. Лозунг «Азия для азиатов» говорит о больших завоевательских планах. А мы дважды вырвали из ее рта с трудом добытые куски. Коль полезли, так хоть бы готовились...

Япония не Гаити, она сама превратилась в настоящего хищника, у нее отросли зубы и когти. Против нас она бросила «Азия для азиатов», а сама исподтишка подбирается к Китаю. Начав свою поверхностную европеизацию, лишь отточила, развила свои повадки шакала, В 42-м году она захватила у Китая острова Рюкю, в 95-м Формозу, и, если б не наше вмешательство, она слопала б давно Ляодунь и Корею.

Она очень ловко раскаляет шовинизм, жалуясь на бедность и тесноту. Но плотность ее населения уступает не только Бельгии, но Германии и даже Франции. Их северные острова очень редко населены, а эмиграция во вновь захваченные земли — ничтожна. Вся Курильская гряда пустынна, как наша тундра. Нет, дело, конечно, не в перенаселенности. Встретились два завоевателя, которым тесно рядом.

Уже сейчас японцы ведут себя в Китае, как в покоренной стране. Они ищут инцидентов. Какой-нибудь торговец, приезжая в город, останавливается у губернатора и, если население не раскупает его заваль, вызываясь обвиняет власти в интриге против Японии, и те спешат купить все, лишь бы избежать конфликта. В Пекине японцы помогли императрице-матери свергнуть с престола сына, который стал проявлять самостоятельность, а когда и она оказалась стропливой, приняли участие в подавлении боксеров, расправляясь с родственными азиатами свирепее всех. В Корее они организовали убийство короля, а ко-

гда его преемник искал покровительства в нашем консульстве, японский посол угрожающе ему сказал: «Недалек день, когда ваше величество вернется к нам».

Макаров взял ручку, обмакнул в большую чернильницу, до краев наполненную фиолетовыми чернилами, и начал рассеянно писать:

«1902 г. Встретил великого князя Николая Николаевича. После обычных приветствий он вдруг сделал многозначительное лицо и спрашивает:

— Скажите мне откровенно, Степан Осипович, как вы считаете государя—человек он или нет?

Крайне смущенный, я долго и путанно говорил, что он, конечно,—самодержец и наш повелитель, но все же—человек. Великий князь долго молчал и, наконец, выпалил:

— Он не человек и не бог, а нечто среднее.

Все эти сеансы тайно проживающего при дворце шарлатана Филиппа, столоверчения и прочие штуки сводят этих несчастных, что называется, с последнего. В Лондоне один видный деятель сказал мне:

— Обратили ли вы внимание, что мистицизм и суеверия при дворах обычно предшествуют вырождению династий и смутам?

Я, разумеется, замаял разговор, но атмосфера при дворе действительно угарная. Когда Победоносцеву велели приготовить все к провозглашению Серафима Саровского святым, он попробовал заявить, что синод исследует образ жизни кандидата. Императрица решила все столь часто повторяемой фразой:

«Государь все может».

Их величества ездил на открытие мощей, Государыня ночью купалась там в источнике целительной воды. Митрополитов, возражавших против этой профанации, выживают и изгоняют, особенно Петербургского: сострипали предание, что для благоденствия столицы надо, чтоб духовным настирем ее был митрополит по имени Серафим».

Макаров отложил ручку с сожалением, посмотрел на записную книжку и спрятал ее обратно в шкаф.

«Ладно. Еще есть время. С этим я распоряжусь в последнюю минуту. Она не попадет в ненужные руки».

Глава VII

Бунт

1

Курвеш сидел в купе сибирского экспресса, задумчиво просматривая пачку телеграмм. Дела завернулись так неудержимо и стремительно, что было от чего потерять равновесие. Безобразов настойчиво звал его в Артур, но ни словом не обмолвился, зачем. Это одинаково могло означать и успех и неудачу.

Инженер придвинул к себе папку с делами и попробовал углубиться в расчеты.

Нет, Безобразов не такой человек, чтоб попасть впросак. Он сам кого хочешь обведет вокруг пальца. Такие люди рождаются раз в столетие. Курвеш помнил до мельчайших подробностей все перипетии этих необычайных месяцев, и все заставляло его верить в этого сановника. Он явился на «Тритон» месяца три назад, сильно возбужденный. Курвеш хотел избежать встречи с ним. Безобразов как-раз незадолго до этого вылетел из министерства, — то ли не поделился с кем надо, то ли дал обойти себя более ловкому дельцу. Инженер опасался, что этот отставной полковник явился назойливым просителем.

Безобразов, наоборот, повел себя, как человек, пришедший облагодетельствовать. С обычной манерой приступить к делу без проволочек он начал:

— С Дальнего Востока прибыл плут и жулик, некто Бринер. Он за бесценок получил у корейского императора лесную концессию на берегах Ялу, но заинтересовать в этом деле никого не сумел, а у самого, видно, денег не густо. Если в этом году не приступить к работе, контракт теряет силу.

Курвеш слушал с той настороженностью, которая охватывала его, когда речь шла о какой-нибудь комбинации. Безобразов продолжал:

— Я приехал предложить вам купить эту концессию. Бринеру пришлось туго, и он отдает ее за сто тридцать тысяч.

Курвеш выразительно свистнул, сделав руками жест, который должен был означать — ищи дураков. Полковник резко поднялся.

— Как хотите. Смотрите, чтоб потом не пожалели.

— У меня и денег таких нет, — попробовал Курвеш увильнуть.

— Это расскажите кому-нибудь другому. Вы скупили уже больше трети тритоновских акций, и скоро завод будет ваш.

Он вынул из кармана карту Кореи и развернул ее на столе.

— Вслушайтесь, я не буду повторять дважды. И запомните, пожалуйста, я вовсе не уговариваю... Вот вам выпирающий далеко в море Корейский полуостров, а вот красным пунктиром заштрихована территория концессии. Она тянется вдоль всей северной Кореи, от Японского моря до Желтого, отрезая ее от материка. На севере — занятая нами Манчжурия, на флангах — Владивосток и Порт-Артур.

— Целое королевство... — нервно рассмехался Курвеш, чувствуя обычное при рискованных делах возбуждение и азарт. — Там, пожалуй, вся Болгария поместится. Но в России лесов, слава богу, и без Кореи на тысячу лет.

— Они в тайге, к ним труден доступ, невозможен сплав. Да дело не в этом: нашим главным акционером будет казна.

Взяв со стола карандаш, он придвинул к себе карту и принялся чертить по ней:

— Нам с вами строить друг другу фигли-мигли не к чему, поговорим серьезно. Россия неудержимо стремится на Восток. Ляодунь и Манчжурия уже наши. Нам нужен стратегический заслон от Кореи, где пока, с благословения Англии, хозяйничает Япония. Вы не военный. Но посмотрите, как расположена концессия: от моря до моря. Между полуостровом и материком — горы, а про-

ходы в наших руках.. Разве казна не пойдет на поддержку такой концессии?

Поезд качнуло, за окном, как гусак, зашипел паровоз. Между гор, покрытых густой зеленью, открылись уютные ущелья Забайкалья. Курвеш с удовольствием потянулся. В этом Безобразове обнаружился высокий полет и настоящая смелость. В несколько месяцев безвестный отставной полковник стал статс-секретарем. Самые знатные фамилии — акционеры общества, сам государь вопреки министру финансов ассигновал на концессию два с половиной миллиона.

Курвеш спрятал бумаги в портфель и, собираясь пойти в вагон-ресторан, рассеянно пробежал еще раз пачку телеграмм. Все дело уперлось в Алексеева. Он тут хозяин. Судя по всему, Безобразов сумел его умаслить. Он, пожалуй...

Сильный толчок бросил его к двери. Он попробовал ухватиться за полку, но валившийся сверху чемодан обрушился на него, как гора. Он отскочил в сторону, но отовсюду с грохотом летели пакеты, свертки, саквояжи. Зажмурившись, он рванулся вперед и устремился к выходу.

2

У вагонов суетились люди, испуганные фигуры скакали в двери и окна. Поезд — куцый и изуродованный — стоял у какой-то речки. От недавних дождей она вздулась, подмыв устои моста, насыпь осела, и состав въехал в обржавленную яму. Багажный вагон весь вошел в почтовый, только скат колес валялся у насыпи. Вагоны третьего класса были исковерканы: переборки и скамьи сдвинулись, крыши сползли с места и свешивались над черными, смятыми остовами. Кругом стоял стон и плач.

Курвеш, расстроенный, вернулся в купе. Какое счастье, что его вагон в конце! В Петербурге ходили смутные слухи, будто управление открыло движение раньше времени, но этому мало верили, — дорога и так строилась бесконечно долго. Министерство торопилось, на

сквозной путь возлагались огромные надежды. Полагали, что вся Европа с нетерпением ждет его окончания, чтоб получить, наконец, возможность достигнуть берегов Тихого океана без пароходной качки, без морской болезни и кораблекрушений. Но шикарные международные вагоны не могли искупить тысяч неудобств, искони присущих русским дорогам, и иностранцы попрежнему предпочитали пароходы.

Он водворил на место чемодан и стал наводить порядок, стараясь не глядеть на спящих за окнами железнодорожников с носилками и корчившихся раненых. Спрямяли дорогу, ведя ее по чужой Манчжурии, шумели, мудрили — и все же вместо обещанных тринадцати суток поезд тащится четвертую неделю. Хорошо хоть, что позади Байкал с хлопотливой пересадкой на паром. Всюду временные мосты, обходные временные пути. Так они и в миллиард не уложатся!

Его одолевало какое-то беспокойное чувство. В угрызения совести он не верил, но все же что-то заставляло его поживать. Третья авария за поездку! Как он ни отгонял это от себя, все время донимала мысль, что он — один из участников этого бесславного строительства.

— Молодость, все молодость, — вздыхал он. — Век живи, век учись. дураком умрешь.

Эта поездка с ее бесчисленными, непредвиденными остановками открыла ему тайны давно минувших дней. Многие строители нажили за короткое время миллионные состояния, и ни одна ревизия не обнаружила у них злоупотреблений. Только теперь, ознакомившись поближе с местными делами, Курвеш понял, из каких источников черпали они богатства. Годовой убой дорогих соболей купцы выменивали у жителей за каких-нибудь четыреста мест кирпичного чая, которому красная цена тысяч шесть, а меха стоили не меньше ста тысяч рублей. Охотники часто меняли шкурку соболя на две бутылки плохого ханьшина, а за патрон отдавали несколько белок. Чтоб получить пушнину за бесценок, русские купцы научили ту-

Земцев курить табак и пить водку, китайцы прибавили опиум и ханьшин, а японские скупщики ввели обычай подвешивать неисправных должников за руки к потолку.

«Молодость» — сокрушенно вздохнул он, устраиваясь на диване. Вялой рукой опустил штору и, уже засыпая, подумал: «Надо будет хорошенько разузнать и обдумать...»

3

Когда вдали мелькнула единственная заводская труба Артура и в окне показался деревянный сарай, заменяющий вокзал, Курвеш вздохнул с облегчением. Никогда он не думал, что поездка сюда — такое опасное предприятие.

Безобразова он застал в сборах. Вытаскивая из ящиков стола бумаги, он запихивал листы в чемоданы и сундуки, не доверяя их прислуге. Сухо поздоровавшись, он ворчливо сказал:

— Запаздываете. Я откладываю отъезд в Петербург вторую неделю. От того, как примет государь мой доклад, зависит теперь все.

Небрежно выслушав оправдания Курвеша, он мягче продолжал:

— Главное сделано: приступлено к сплаву, и концессия получила законную силу. Я добился права построить дороги, телеграф, содержать пароходы, возводить постройки. Но на каждом шагу препятствия, подсиживания, подвохи. Японцы нажимают на посланника, он дает в Петербург панические телеграммы, министерство иностранных дел давит на наместника. А этот рад услужить и нашим и вашим, вынюхивает, кто сильнее, и больше всего боится потерять свое положение.

— Придется вести дело тонко, — вставил Курвеш. Он настороженно прислушивался к словам своего компаньона, боясь больше всего, как бы тот теперь не выбросил его из игры.

— Все толкуют об осмотрительности, — раздражаясь, вскрикнул Безобразов. — Японцы — те не прячутся и не миндальничают! Ведут себя в Корее, как завоеватели, сбывают им различную заваль, добиваются концес-

сии на рудники, железные дороги, телеграф, леса... В Мозампо, в Фузане, во всех портах накупили участков для угольных станций, а, когда наше морское ведомство сделало то же, послушали бы вы, какой они учинили скандал! Заставили, наглецы, договор расторгнуть, а наши дипломаты все проглотили, чтоб избежать «обострений». Ослы! Чем уступчивее мы будем, тем неизбежнее война. Уступки они расценивают, как нашу слабость. Если государь согласится держать здесь в готовности двести тысяч солдат, они живо утихомятся...

Он понизил голос:

— Ну, ладно, давайте о делах. Вам предстоит серьезная работа. Тут нашлись идиоты и чуть не испортили нам всю музыку, — послали в Корею солдат, даже не переодев... Займитесь сами, Юрий Николаевич: надо построить на концессии укрепления — и чтоб комар носа не подточил. Официально — там возводятся амбары. Бросьте туда самых искусных мастеровых с вашего завода, саперы уже в пути... И гора широко поставить сплав леса. Наши высокопоставленные пайщики интересуются концессией, разумеется, не из платонических соображений...

Он скомкал конец фразы, видимо, смущенный излишней откровенностью. Вошедший секретарь доложил:

— Поезд подан, ваше превосходительство.

4

Курвеш начал с консула в Сеуле. Понимая, как много зависит от его донесений, инженер попросил его содействия в приобретении для концессии пароходов, назначив такие высокие цены, что тот сразу растаял. Попутно он помог ему получить подряд на шестьдесят три тысячи сапог по тринадцати долларов вместо обычных трех, и консул стал окончательно ручным. Ему приходилось доставлять в Мукден для армии окорока по 85 центов вместо обычных 46, но даже динамит, за который ему платили вдвое против рыночных цен, не выдерживал никакого сравнения с этим делом.

Зато на «Тритоне» Курвеш сразу же столкнулся с сопротивлением. Мастеровые не хотели ехать еще дальше вглубь чужой страны, куда не было даже железных дорог. Хватит с них, что они живут в бараках, как цыгане, и по шестнадцать часов в сутки бьются с дрявыми миноносцами.

Завод, послуживший первой ступенькой его карьеры, давно уже тяготил Курвеша. Несвижский оказался ничемным человеком. Он в Артуре не менее бесполезен, чем в Петербурге: до сих пор не сдан ни один миноносец, и дела фирмы опять висят на волоске. Была еще одна причина неприязни к руководителю дальневосточного филиала: в Петербурге Курвеш убедился, что Ксаверий Антипович под всяким предлогом вытеснял его из своего дома, а Людмила не смела этому противодействовать. Получив вызов Безобразова, Юрий Николаевич твердо решил использовать поездку, чтоб расстроить помолвку своего соперника.

Курвеш шатался по цехам, отыскивая предлог для ссоры. Он очень изменился за последние годы. Его юркая фигура теперь не выглядела прыткой: походка стала степенной, лицо — солидным, а взгляд — властным.

Он чувствовал себя ограбленным, обворованным самым бессовестным образом. Не его ли покровительством держится здесь этот человек? И разве сейчас не XX век? Разве девушка не вправе располагать собой, не вправе делать выбор по своему вкусу? Отец навязывает ей этого маниака, страдающего тихим помешательством, и она обязана покориться? Нет, тысячу раз нет! Он слишком много времени потратил на ухаживанье, чтобы отступить от нее. Все так славно шло на лад... Если у девчонки не хватает мужества сопротивляться упрямству отца, он ей поможет. Этот телепень слишком часто оказывается у него на дороге. Он смахнет его, как слизняка.

Курвеш остановился у слесарных тисков. «Так-то, папаша, похоже, что вы останетесь с носом. Вы, говорят, лучший русский судостроитель, но вы ничего не понимаете в женской психологии. Такие

плюгавенькие мужчины, как этот щуплый полячишка, не трогают женского сердца...»

К нему подошел мастер с вздернутыми на лоб очками:

— С приездом вас, Юрий Николаевич! Ян Казимировича не встретили? Собрались цеховые старосты...

— На заводе парламент разводить? — рассердился Курвеш. — Это еще что за баловство?

Мастер по-овечьи мотнул головой, чтоб сбросить очки на нос, и угодливо залебезил:

— Парламент, истинный господь, парламент. Избаловались вконец, замучился я с ними. На Морском, видите, не выплатили командировочных, так они волнуются.

— Пойдите, не выплатили командировочных? Прекрасная идея! Пожалуйста, распорядитесь отменить и у нас. Мы будем их выплачивать только тем, кто поедет на концессию.

Мастер с опаской огляделся и стал протирать внезапно вспотевшие очки.

— Осерчают. Ян Казимирович, напротив, обещал прибавку...

— Нашелся благодетель! Видать, что не из своего кармана... Всех в мастерские, и чтобы я больше не слышал о сборище!

Он торопливо пошел из цеха, бросая вокруг себя придирчивые взгляды. Все шарахались от него в стороны, стараясь не попадаться ему на дороге.

Разногласия между инженерами начались еще при постройке артурского отделения. Завод был разделен на две половины. На берегу залива располагалась корабельная сторона, состоящая из корпусной и медницкой. На купленном позже участке помещались механическая — единственное фундаментальное здание, сарай, изображавший литейную, и кузница. Они были как бы самостоятельными заводиками. Это оказалось неудобным, и Несвижский распорядился сломать между ними заборы.

Курвеш отменил это распоряжение: в корабельной работал озлобленный деревенский люд, и соединять ее с механической, куда хлынули буйные городские

мастеровые, значило соединять огонь и порох.

5

Ян Казимирович бродил по улицам Артура, меланхолично размышляя о дикой шутке, которую сыграла с ним жизнь. Он приехал сюда только проектировать завод, а застрял навсегда. Курвеш был назначен заведывать местным отделением, а оказался в Петербурге и, не зная судостроения, сделал головокружительную карьеру. Он держит себя форменным хозяином и ведет дело к катастрофе. Кто подменил этого человека? Грубый, вызывающий тон Курвеша, раньше такого милого и любезного, удивил Несвижского. Неужели удача так портит людей?

Он обогнул Тигровый Хвост и остановился, восхищенный: перед ним стояла вся эскадра, выкрашенная в праздничный белый цвет. При всем своем критическом отношении к морскому ведомству он не мог не залюбоваться судами. Усилиями лучших людей тут была собрана могучая эскадра. Первым стоял красавец «Цесаревич», рядом с приведенным из Америки «Ретвизаном». Несвижский знал, что они считаются лучшими броненосцами в мире и что японцы свой тип «Миказа», собственно, скопировали с них. Жаль только, что они строят пять таких броненосцев, а тут только два!.. Но «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь» — совсем неплохие суда. До создания типа «Цесаревич» они были самыми мощными броненосцами. Они и теперь уступают ему в скорости, но не в силе. Даже тяжелые, неуклюжие «Пересвет» и «Победа», непригодные из-за малого хода к крейсерской службе, сравниваются с второстепенными японскими броненосцами в эскадренном бою.

Несвижский повернул к заливу. Он проходил мимо эскадры, и ему казалось, точно корабли плывут к нему навстречу, а он, стоя на мостике, принимает парад, пропуская их мимо себя.

«Все убеждены, что японцы не посмеют. Но, если им дорога жизнь, они посмеют... Теперь или никогда: их программа закончена, наша — нет. Сей-

час у них единственный шанс. Через год, когда к этой эскадре прибавится «Суворов», «Александр», «Бородино», «Орел»... Не говоря уже о находящихся в пути «Осляби», «Авроре» и миноносцах, не говоря о воздушной мине и о моей подводной лодке...».

Он машинально обернулся к заводу, где хранились его проекты. Сколько может натворить дел такая скорлупка, пробравшись на неприятельский рейд. Раньше, чем кто-нибудь догадается, где притаилась опасность, можно потопить полэскадры. Лодка проходит мимо броненосцев, а никто даже не подозревает, какой страшный враг находится тут рядом под водой. Никому не приходит в голову, что высовывающаяся из воды трубка — не что иное, как глаз нового, страшного оружия, придуманного человеческим гением, чтобы вернее уничтожать себе подобных. Глаз, через который можно все видеть, оставаясь невидимым!

Миновав убогий Николаевский бульвар, Ян Казимирович свернул к казначейскому плацу, поеживаясь от холода. Февраль в Артуре похож на петербургский апрель. При ясном небе южное солнце так припекает, что из домов выходят, распахнув тужурки. Но стоит задуть доброму норд-осту, как появляются полушубки и валенки.

На углу Арсенальной из кабака вывалилась ватага оборванцев, и не успел инженер опомниться, как около него забушевал яростный бой.

Несвижский попытлся, чтобы обойти дерущихся. В это время один из них упал. Его стали топтать ногами.

Ян Казимирович остановился. Нападение нескольких на одного взбесило его. Несмотря на свой глубоко мирный характер и физическую слабость, он не сдержался и, бросившись вперед, закричал:

— Что делаете, мерзавцы?

Ватага посмотрела на его щуплую, неказистую фигуру и вокруг себя. По пустынной улице неторопливо шагала единственный прохожий. Быстро переглянувшись, двое кинулись навстречу инженеру. Упавший воспользовался этой передышкой, чтобы встать на ноги.

— Пустите! — заорал он.

Прохожий поднял голову и, сразу оценив положение, устремился вперед. На ватагу он налетел с ловкостью человека, привыкшего к потасовкам. Он схватил одного поперек туловища и, размахивая им, как хворостинкой, стал описывать перед носом остальных круги. Они попятились и, увидев вдали сбегавшихся на шум людей, бросились в переулок.

Несвижский почти любовался ловкими движениями парня. Пощипывая медные усики, инженер возбужденно пробормотал:

— Чем мне отблагодарить вас?

— Мне бы работенку, чтоб не мотаться по морю.

— Так вы моряк? — сказал Несвижский, горячо протягивая своему защитнику руку, — поступайте ко мне на завод.

— Чудеса! — пробормотал парень, беря тонкую кисть всей пятерней, — понадобилось отдубасить полдюжины шалопаев, чтобы получить работу.

Внезапно он разжал пальцы.

— Вы уже отблагодарили меня, отняв отца, — проговорил он, гневно всматриваясь в инженера.

Несвижский растерянно отступил.

— Я? Вашего отца?

— А когда я попросил за его увечье, меня выгнали с завода.

Инженер опустил голову, подавленный обвинением.

— Почему вы не обратились ко мне? — запинаясь, проговорил он, растерянно глядя на матроса. — Я выдам семье пособие, а вам определю хорошую плату. Не отказывайтесь. Вы глубоко обидите меня.

Лавров задумчиво повернулся на каблуках.

— Ладно. Я слишком долго ищу работу.

6

В механическом цеху подручный читал у своих тисков найденную листовку.

— Нас заманили за десять тысяч верст, — тянул он, украдкой оглядывая слушателей, — и лишают обещанной платы, чтобы заманить еще дальше...

— Сюда и собралась самая голь, — возбужденно прервал бородач-чернорабочий. — На полтину и в Питере не больно размахнешься. Стал бы я ради нее сюда переть!

— Семейным гроб! — вмешался другой. — Я уже три года в мастерские произведен и все те же восемь гривен огребаю. А жить теперь на две семьи. Без командировочных кто бы поехал.

— Значит, больше не стоишь, — оборвал незаметно подошедший машинист. — Нашелся мастерской, гайки отвинчивать! Почему мне три целковых отваливают?

В толпе произошла заминка. Рабочие исподлобья смотрели на машиниста.

— Ты, дядя, — мастак. Про тебя что говорить. Может, ты и пятерку стоишь, — с хитрой улыбкой ввернул слесарь. — Золотой ты для начальства человек. Не зря к Горчице ходить повадился. А вот я — слесарь первой руки считаюсь, а все равно больше рубля двадцати не выжать.

Машинист сердито проворчал что-то и пошел к стеклянному тамбуру машинного отделения. Среди все возрастающей толпы послышались возгласы.

— Наловчились казну грабить и за нас принялись!

— Им только спусти, они всю шкуру с тебя спустят!

— Во Владивостоке, на Сибирской дороге, да где хошь, — больше зарабатывают.

— Стрёма, — послышалось предостережение.

Все обернулись. Подручный вздрогнул, уронив прокламацию. Сверху угрожающе нависла фигура Курвеша.

— А ну, по местам! — свирепо крикнул он, спускаясь с лесов, и его лицо побагровело до того, что родинка на правой скуле растворилась в румянце.

Курвеш быстро приближался к угрюмо стоящей толпе. Внезапно заметил оброненную листовку. Живо нагнулся и поднял ее.

— Прокламация? — удивленно выдохнул он, бледнея.

Он быстро пробежал ее глазами и, схватив ближайшего рабочего за плечо, сурово спросил:

— Ну, признавайся, где взял?

— Ты меня не тряс, — хмуро ответил тот, осторожно беря руку инженера.

— Ах, так, — прохрипел Курвеш, не выпуская плеча. — Как зовут?

Рабочий разжал его ладонь с такой силой, что он слегка вскрикнул.

К сборищу, запыхався, спешил Несвижский. Курвеш истерично крикнул:

— Сейчас же вызвать полицию!

— Но что тут такое произошло?

— Вот, полюбуйтесь! — Курвеш сунул ему в лицо смятый листок. — Вчера старосты отказались по моему требованию разойтись, а сейчас... Вот результат вашей мягкотелости! Этот субъект распространял!

Несвижский оторопело взглянул на рабочего.

— Лавров, вы! — только и смог он произнести.

Ивану передалось волнение изобретателя. В нем происходила жестокая борьба. Отрицать — значит наводить подозрение на других. Возьмут его — и концы в воду, а начнутся поиски — могут добраться до всей организации, которая, очевидно, здесь здорово срудует. Но до чего ему не везет! Никак не мог устроиться, а когда, наконец, удалось, влип ни за что, ни про что. И в какой момент? Когда Кити с минуты на минуту должна родить. Правда, последние дни мать при ней почти неотлучно и Катоку часто заходит. Но в таком состоянии один испуг может привести к несчастью...

Он исподлобья огляделся. На него было устремлено несколько десятков выжидательных, пытливых глаз. Потупясь, он хмуро отвернулся.

Несвижский, все время внимательно наблюдавший за ним, убежденно сказал:

— Это не он. Я ручаюсь.

— Он может ответить сам, без адвоката, — теряя самообладание, закричал Курвеш. — Слушай, ты поедешь на концессию?

Лавров отрицательно мотнул головой. Инженер зло бросил:

— Кажется, ясно. Организованное сопротивление...

— Да он только второй день работает, — пробормотал Несвижский.

Курвеш посмотрел на него сузившимися, как у кота, глазами и, не удостоив ответом, быстро направился к телефону.

7

Несвижский вышел во двор и побрел между неуклюжими постройками. Работа давно кончилась, и мастерские поражали безмолвием и неподвижностью. Только кое-где вспыхивали языки огня над горнами, и радужным фейерверком разлетались искры под молотами оставленных на сверхурочные кузнецов.

Изобретатель уныло оглядывал жалкие, убогие строения, носившие громкое имя «цехов». Тритоны, наверно, обиделись бы, что эти амбары названы их именем. Дела фирмы поправились, но скупость, очевидно, — вещь неисправимая. Стоило продавать владивостокские конуры, чтоб обзаводиться здесь такими же! Земли отхватили добрую версту, благо она здесь дешева, и разбросали по ней жалкие шалаша. Не сумели даже отлить выхлопную трубу для машины миноносца, пришлось требовать ее из Петербурга.

Его мысли вернулись к печальному происшествию в механической. Как он ни старался не думать о нем, но оттолкнуть все это от себя было выше его сил.

«Нет, нет, с такими глазами не врут. Лавров не виноват. Я должен был настоять. Замуруют парня в тюрьму и сделают из него, чего доброго, и впрямь... А что, если он?.. В нем что-то такое, какая-то гордость, вернее... Что ж тут невероятного, в их положении... Да и не только в их... Разве я сам... Эх, хотел бы я встретить живого революционера и потолковать с ним по душам...»

Несвижский вдруг резко остановился. У корпусной копошилась чья-то согнутая фигура. Человек не то притаился, не то прятал что-то меж сложенным штабелями корабельным лесом. Инженер стал тихонько подкрадываться к нему.

— Ты кто такой? — крикнул он, хватая за плечо согнувшегося человека.

Тот вздрогнул и рванулся с места. Несвижский от неожиданности выпустил его плечо и отступил шаг назад.

— Ты что тут делаешь?

Рабочий пытался выдавить улыбку, стараясь спрятать что-то под блузу. Ян Казимирович вглядывался в него, сурово шевеля своими медными усиками.

— Я узнаю тебя, ты с отцом был в ремонтной бригаде «Паллады». Вам дали заработать вдвое против других, не говоря о квартирных, о суточных. Плохо же, Кузьмин, ты благодаришь за все это.

Тот все еще делал безуспешные попытки засунуть что-то под блузу.

— Ты знаешь, что за это тебя в Сибири сгноят?

— Похоже, что я и теперь в Сибири, — равнодушно проговорил тот, наконец.

— Ах, так! — гневно воскликнул Несвижский. — Ладно, узнаешь, как поступают с поджигателями! Можешь не прятать спички, не вывернешься.

Он повернулся к проходной.

— Поджигателями? — переспросил Кузьмин. В голосе его было столько неподдельного изумления, что инженер остановился.

— Покажите, что у вас в руке, — повелительно воскликнул он, переходя почему-то на «вы».

Кузьмин с минуту колебался. Несвижский сделал угрожающее движение.

— Что ж, берите... — тихо произнес тот, протягивая руку.

Инженер взял из разжатого кулака несколько скомканных листов бумаги. Расправив их, он стал удивленно читать.

— Это вы писали? — хмуро спросил он, следя за выражением лица рабочего.

Кузьмин кивнул. Несвижский гневно спросил:

— Рабочим не выплачивают квартирных и командировочных? Неправда...

— Но тогда каждый, прочитав, посмеялся бы.

Ян Казимирович был, видимо, поражен логичностью этих слов.

— Я проверю все это. Вам же рекомендую оставить Артур.

Видя недоверчивую улыбку рабочего, он прибавил:

— Я похлопочу, чтоб вам выдали на дорогу, согласно контракта.

Кузьмин поправлял вздернутую блузу.

— Не стоит беспокоиться, мне через несколько дней призываться.

8

Когда старик Кузьмин, вымыв руки, запирает инструментальный ящик, собираясь идти обедать, к нему подошла группа мастеровых; один из них без обиняков выпалил:

— Не смотришь ты, Илья, за сыном. Придет, видать, его своим судом прочитать.

— Что случилось? — с тревогой спросил тот.

— Твой Филька у каталей—главный поводырь. Известно, их специальность—поднять да бросить, ну, и заработки, конечно, нежирные. Надеются, что все их поддержат, по случаю невыплаты нам по контракту.

— У него, видишь, за всех душа болит, — добавил другой. — Наше дело без волынки выгорит. Сколько лет за Корсаковым обиды не знали. Он задаст виновным вздрючку.

Кузьмин наспех накинул короткое драповое полупальто и направился к выходу. Старики пошли рядом с ним, возмущенно галдя.

— Сборка хотела ему кости намать, только слесаришки за ним клонят.

— Чего эти жиятятся?

— Больно ученые, все с книжками валандаются. Никого еще книжки до добра не доводили.

Найдя сына, старик передал ему разговор в цеху. Тот досадливо отмахнулся:

— Наверно, бородачи с токарной или сборки, мы на них не надеемся. Уж какие стачечники, коли в Питере у многих — свои домики, огороды, скотина!

— Задаром им что ли это достается?

— Другие горбятся не меньше, а даже семейство не прокормить.

— Послушай меня, Филья, это тебе не Питер.

Филат собирался ответить, но в мастерской раздался шум, и выбежавший паренек крикнул:

— На «Тритоне» волянка! Рабочих в участке выпороли!

9

В механический цех «Тритона» шмыгнул длинноволосый рыжий монтер с завязанным глазом. Найдя подручного, недавно читавшего прокламацию, он наклонился к нему:

— Сбегай в мастерские Морского, найди Фильку Кузьмина. Скажи, пусть к часу выводит народ.

— Ворота заперты, никого не пускают даже в корабельную. — прошептал подручный.

Одноглазый бросил злой взгляд на машинный тамбур.

— Поручи мне настоящее дело, — умоляюще попросил мальчик. — Я справлюсь.

Одноглазый недоверчиво поскреб за ухом.

— Ты машиниста сын?

Мальчик кивнул.

— А против бати пойдешь?

Подручный отступил. Монтер усмехнулся.

— Трусишь? Гудок надо дать, только и всего.

Мальчик облегченно вздохнул. Одноглазый пошел к выходу.

На стоявшем в ремонте «Петропавловске», растирая в сто первый раз краску, волновался Филат. Он бился с подшипниками рулевой машины, и не раз ему казалось, что они готовы. Но, провертывая намазанный синькой вал и отвинчивая гайки, он каждый раз убеждался, что верхние половинки лежат неплотно: пятна горошинками рассыпались на правой стороне. Он попробовал зажать подшипники на новых прокладках: пятна неожиданно оказались у самых кромок. С ожесточением он опять и опять точил шабор.

Кузьмин услышал торопливые шаги на палубе, и по трапу стал спускаться человек. Он загремел вниз куда-то рядом в машинное отделение, затих на некоторое время, потом появился у иллюминатора.

— Тыфу, чорт, как вы тут работаете? — выругался одноглазый, заглядыва-

вая в горловину. — Как ты себе здесь, крестничек, шею еще не свернул? — он оглянулся и, понизив голос, прибавил. — В мастерских—что в котле. Плохую службу сослужит хозяевам порка.

Он долго приманивал себе что-то под ноги, и его голова очутилась, наконец, в иллюминаторе.

— Как ты пробрался? — спросил его Кузьмин.

— А я, крестничек, через забор перемахнул.

Филат взглянул на него с уважением. — Придется ломать ворота. А с кем ломать? На «Тритоне» только пороху, что механическая. Корабельный — весь от сохи или переселенцы. Есть там, правда, слесаря, но мало их на такую ораву, еще побьют их, чего доброго. А как назло, забрали паренька, на которого я крепко надеялся.

— Ты что панику разводишь? — довольно отвернулся Кузьмин, — живы будем — не сдадим. На худой конец, я проберусь туда.

— Люблю строптивых, — улыбнулся одноглазый. — Мне только этого и надо, тут батя твой справится. В час дадим гудок. Ты со слесарями поднимай хай — и к воротам. Мы навалим с другой стороны. Значит, слушай гудок!..

Он поднялся на палубу и беспокойно посмотрел на часы.

«Скоро час, сарвется», — уныло подумал он, торопясь к механической.

Подручный переживал такое же беспокойство. Устроившись недалеко от машинной будки, он делал вид, что размечает дыры, украдкой поглядывая, не выйдет ли куда-нибудь отец.

Но тот лениво дремал на табурете, время от времени он открывал сонные глазки, подливал масло в масленки и снова успокаивался. Мальчик в нетерпении гнул и дергал кронциркуль, пока не сломал его. Часы показывали без пяти час, а отец и не думал выходить.

Вдруг подручный улыбнулся. Он подзвал проходившего паренька и долго что-то шептал ему. Тот, поняв, наконец, рывком бросился к тамбуру и крикнул:

— Бочку с маслом разбили!

Машинист побежал на двор. Пока он, как наседка, кудахтал над своими бочка-

ми, подручный поднялся на лестницу. Бодрый, переливчатый призыв свистка сперва тихо, потом во весь голос извещал о начале забастовки.

10

Заслышав сирену, старики помрачнели. Они поняли, что, завладев гудком, забастовщики наполовину выиграли сражение. Этот призыв дойдет сразу до всех, и его привычная сила сделает свое дело.

Раньше, чем они успели сговориться о чем-либо, на них налетела молодежь. По холодильным трубкам, которыми все вооружились, ясно было, что она уже побывала на сборке. Бесцеремонно размахивая ими перед носом работающих, они гнали всех от станков, переводя отводки на холостой ход.

Старики уступили. Они не думали, что их авторитет среди этих голоштанников так мал. Им угрожали, как мальчикам, и чувствовалось, что при сопротивлении эти буяны не задумаются пустить трубки в ход.

Но уступить — не значит сдаться. Старики делали вид, что складывают инструмент, дольше обыкновенного скребли грязь с рук, мыли лицо, причесывались, переодевались, словно собирались на бал. Как только инициаторы ушли снимать другие цеха, старики спокойно дернули отводки, и станки опять покорно завертели. Увидев вдруг, что цех работает, рабочие, не успевшие еще уйти, растерялись. Спрятавшиеся в разных норах мастера сразу осмелели и, выскочив из своих убежищ, стали гнать к станкам. Испугавшись, что начальство видит их не у своих мест, многие бросились назад.

— Обманщики! Бросай работу! — закричали проходившие медники, заметив их проделку.

Стариков выгнали из механической. Чтоб прекратить доступ в цех, перед дверьми разлили смолу.

11

В литейном неурочный гудок вызвал замешательство.

— Эх, чорт, — невольно выругался формовщик, — кабы подождали малость! Волюнки теперь не оберешься...

Грохнула калитка.

— Что, вам особое приглашение? — возмущенно кричали забастовавшие. — Выходи!

— Но, братцы, металл... — робко и сокрушенно пролепетал кто-то.

Одноглазый взобрался на опоку.

— Несколько лет назад старика Лаврова убили, теперь его сына у наместника выпороли. А вам металла хозяйского жаль!..

У жарко дышавшего ковша столпились две группы. Расплавленный чугун, как факел, озарял лица спорящих.

— Братцы, мы же не против! — скулили литейщики. — Разовьем металл, и айда...

— Пока мы с вами канителмся, жандармы припрут!

В окна полетели камни, и становилось все тревожней, когда кто-то крикнул:

— Полундра!..

Все шарахнулись в стороны. В ковш полетел болт. От прикосновения холодного к плавке рвануло. Кругом рассыпался грохот. Кто с радостью, кто с тоской наблюдал, как в брызгах металла истекал огненными струйками на-смерть раненный ковш.

На корабельной стороне слесаря нервничали и торопили. Филат видел, как люди лезли на мачты миноносцев, чтоб разобрать, что делается на механической. Наконец, он не выдержал и полез сам. Не успел добраться до боевой рубки, как разглядел у литейной толпу. Завыл задорным голосом гудок, и из мастерской метнулся народ... Кое-где выходили уже навстречу, кое-где была заметна борьба.

Кузьмин, приложив руки рупором, закричал:

— Шабаш! Механическая вышла!

Гудок уже услышали. Из машинных отделений, из кочегарок, из трюмов бежали работающие на судах слесаря, подбирая по дороге болты и гайки. С обеих сторон рабочие устремились к воротам.

Как лава, надвинулась толпа на забор. Преграда, так лелеянная Курвешом, не выдержала. Ворота были сорваны с петель вместе с задвижкой. Но проход показался узким. Как искру в минный склад, кто-то бросил:

— Долой забор!

— Забор! Долой забор! — дружно ответили десятки людей.

Забор был сметен, точно сделанный из картона.

Движение стало диким, необузданным. Корабелы метались без толку, блуждая по заводу. Группа котельщиков набрела на машинное отделение, не зная, как остановить машину; один схватил во дворе полудюймовую водопроводную трубу и сунул в мелькавший, как диск, маховик. Трубу вырвало из рук котельщика, его швырнуло к стене с такой силой, что он остался лежать, оглушенный ударом. Труба зазвенела в маховике, завилась уродливой стружкой и вылетела, удавившись в потолок.

Шум, грохот, визг заставили котельщиков растеряться. Но вслед за этим вспыхнула волна возмущения. Даже машины заодно с хозяевами!

В конторке начальника цеха кто-то увидел Курвеша. Все бросились туда. Поняв, что его ждет, он быстро запер железную дверь и проворно навалил на нее шкафы, столы, стулья. Разобрав, что он пытается вызвать по телефону полицию, молотобойцы, тяжело размахнувшись молотами, ударили в три руки по дверям и переборкам. Дробный гул эхом прокатился по Тигровой горе, точно шла обычная клепка.

Курвеш понял безвыходность своего положения: полиция не отвечала, электрики перерезали провода. С бешеным поймавшего зверя он хватался за разбросанные всюду изделия, пытаясь приспособить что-нибудь для защиты. Молотобойцы методически дубасили тремя молотами по дверям. Переборка дала трещины. Дверь слетела с петель. Сейчас сдвинут шкафы и ворвутся.

Курвеш устремился к окну. Раскрыв его, он стал на ступ и высунулся на улицу, озираясь по сторонам. Слыша треск отодвигаемой мебели, он попытался повернуться, чтоб при прыжке упасть

на ноги. Кто-то с улицы заметил его и кинул в него камнем. Брызнула кровь, капая за белоснежный воротничок. Ворвавшиеся мастеровые нашли его застрявшим в окне и понесли к прессам.

12

Одноглазый не знал, что творится на корабельной. Как только он убедился, что работа прекращена, он с группой механиков устремился к заводской конторе для предъявления требований. Там их встретил Несвижский, узнавший обо всем от мастера.

Он смело вошел в толпу, обычным жестом дергая медные усики. Сотни людей ему что-то кричали. Он поднялся на цыпочки, чтобы его все видели, и заткнул уши, давая понять, что не будет слушать, пока не успокоятся. Затем, повелительным жестом притягивая к себе внимание, крикнул:

— Давайте представителя! Объяснимся!

Вокруг снова закричали. Уловив, в чем дело, он опять поднял руку и, восстановив тишину, громко сказал:

— Вы меня знаете, братцы? Честью клянусь, ему ничего не будет.

Вперед смело вышел одноглазый. Толпа раздалась, оставив около них круг, как на арене.

— Вербуют угрозами к чорту на кулички, отменяют квартирные, командировочные и прочие льготы по контракту...

Несвижский болезненно поморщился:

— Я написал в Петербург. Пока я на заводе, условия будут соблюдены.

— Местные чернорабочие, — продолжал монтер, отбрасывая мешающие волосы с вспотевшего лба, — получают полтинник в день.

Несвижский твердо сказал:

— Прибавим.

— Мастеровые тоже получают мало.

— Прибавлю и мастеровым, как обещал. Все?

— Восемичасовой день! — выкрикнул из рядов звонкий голос Кузьмина, уже давно с нетерпением поглядывавшего на одноглазого. Его перебил другой:

— Курвеша!..

— С ним без вас разделяются корабельцы, — крикнул подбежавший клепальщик.

Несвижский во всю ширину своих слабых ног устремился на корабельную. За ним понеслись остальные.

Толпа несла Курвеша к прессам. Как доисторические чудовища, выстроились они в ряд на низких фундаментах, безразлично жуя своими неумолимыми челюстями медь, железо, сталь. При виде их грозных ножей Курвеш, до того владевший собой, закричал таким отчаянным голосом, какой способен исторгнуть из горла только ужас перед смертью.

Услыхав крик, Несвижский побежал быстрее. Смело раздвигая рабочих, он пробрался к прессам и, очутившись рядом с Курвешем, прикрыл его собой.

— Что делаете, братцы? — с силой крикнул он. — Кровь ли вам нужна? Сколько сгноят за это?

Эти простые слова остановили корабельцев. Воспользовавшись заминкой, изобретатель привычным взмахом рычага остановил пресс. Подоспевший Кузьмин крикнул:

— Товарищи, что затеяли? Опомнитесь!

Несвижский взял ослабевшего путеца под руку и повел через толпу, стараясь укрыть от тумачков, обильно рассыпаемых по дороге.

13

Учебный плац пестрел народом. Кучки ежеминутно собирались и рассыпались. Полицейские нерешительно проходили взад и вперед, не решаясь трогать многочисленную толпу.

— Зря мы тут канителюмся, — подозрительно глядя по сторонам, говорил Филат. — Шпиков пропасть! Заметут.

— Что ты, крестничек, пристал, — с досадой перебил одноглазый, поправляя повязку. — Есть в цехах люди, как пить дать, есть, да друг друга боятся.

— А тут-то мы что выстоим?

— Может, нацупаем кого. Должны в народе вертеться наши. Сегодня что натворили? Организованность надо внести. В цехах бурлит, там кто-то шурует.

А кто? На одном заводе, а что в лесу дремучем.

— У тебя сегодня соберутся...

— Соберутся!.. Раз, два — и обчелся... Со всех бы мастерских главарей, эх, и заварили б мы кашу!

— Что заваривать собираетесь, кашевары? — подошел к ним знакомый монтер. — Не круто бы вышло.

Он оглядел их молчаливые, заговорщицкие физиономии, покачал головой и отошел.

— Темнеет, — спохватился старик. — Тебе еще в Старокитайский. В бараки зайди, в «Райском уголке», наверно, народ толчется. Может, кого и обнаружишь...

Филат пересек плац и углубился в кривые переулочки крепости. Вдали, распустив крылья куполов над слеповатыми наседками-домиками, причудливым коршуном плавала церковь. Перекосившиеся крошечные окошечки деревянных построек и промасленная бумага фанз испуганно таращились на прохожих. В комнатах зажигались огни, и через окна видна была убогая утварь живущих. Нескладный деревянный стол, лавка, пара табуретов, колченогая кровать...

— Все—дело наших рук, и все—в чужие карманы, — сердито думал Филат. — По двенадцать часов в день шпарим, а одеться, обуться не на что.

Он перешел мост через Лун Хе и зашагал по густо заселенным проулкам Старокитайского города. Тут ютилась беднота, которая не в состоянии была оплатить угол ближе к заводу.

Филат вошел в жалкий, крытый прогнившими досками барак. В большом сарае тесно стояли койки, посредине — стол и лавки. С трудом протискиваясь между козел, хлопотала сухая, как вобла, неопрятная женщина.

— Где народ? — спросил Кузьмин.

— Не говори ты мне об этом народе, — сердито ответила женщина. — Уйду я от них, чтоб глаза не глядели. Живут хуже собак, кожа да кости, клопов покормить нечем, а туда же — бунтовать!..

— А тебе-то, тетка, что до этого? — удивленно спросил слесарь.

— Как что? А как я их накормлю всех сразу? Может, ты, мне посуду дашь? А спать они где будут, горемычные?

Филат, озадаченный, присел на скамейку.

— Драка сегодня у них будет, помняни мое слово. На каждую койку—два хозяина. Когда рабстают, — так у одного смена кончилась, другой уж на работу ушел. Вались и дрыхай. А сегодня вдвоем к койке припрутся...

Слесарь долго сидел, молча прислонившись к чьему-то изголовью. Потом тихо поднялся и медленно вышел из барака.

14

Кузьмин возвращался из Старокитайского города задумчивый и грустный. Он спешил к дому одноглазого, надеясь, что испытание он, наконец, выдержал и что сегодня его пустят на собрание, а не ушлют в пикет дозорным.

Неожиданно остановился, прислушиваясь. Со стороны Орлиной горы шли люди. Кузьмин быстро нырнул в подворотню. По их сторожким, крадущимся шагам он почувствовал чужих.

Шаги приближались. Хриповатый голос учил:

— Разобьемся, подходи с разных сторон. Пристроился где — и жди сигнала. А придет время — лови. Чтобы всех до единого...

Они прошли так близко, что слышно было их настороженное сопение. Сгустившийся мрак проглотил их, как только они удалились на несколько шагов. Филат перепрыгнул через забор и бросился задами к дому одноглазого.

«Захлопнут их, как в мышеловке» — цепenea, подумал он.

Выйдя на хорошо знакомую улицу, он остановился, внимательно осматривая каждый забор.

«Будто никого. Успею...»

Он быстро направился к стоящему в стороне двухэтажному домику. Но по мере того, как подходил, ноги сами собой замедляли шаг. Тишина казалась подозрительной и настораживала.

— Исчезли, как сквозь землю. Где они могли задержаться?

Он миновал знакомый домик. Пройдя шагов десять, быстро оглянулся, нагнувшись к мостовой: чья-то голова, высунувшись из калитки, внимательно следила за ним. Он сделал вид, что поправил сапог, и двинулся дальше.

«Кончено, — камнем легло в душе. — Успею предупредить батю, или он уже там?»

У перекрестка оформилась новая мысль:

«А другие? Может, еще не прошли? Тут я их увижу».

Ему пришлось стоять недолго. Послышался отдаленный шум. Он становился все ближе. Филат спрятался в под'езд дома. Мимо прошла кучка людей. Разглядел, что вели только двоих.

«Промахнулись, сволочи, — со смешанным чувством горечи и облегчения подумал он, скрываясь в своей засаде.— Поторопились. Но батя и одноглазый влипли».

Выждал, пока затихли шаги, и опять вышел на перекресток предупредить остальных.

15

Ян Казимирович шатающейся походкой брел по заводскому двору. Он несколько дней не ложился, тщетно пытаясь поспевать за ходом событий. Но по «Тритону», как злой дух, носился Курвеш и везде предупреждал его. Появление ненавистного петербургского инженера всюду осложняло дело. Вместо успокоения и мира он вносил в цеха вражду и конфликты.

Навстречу Несвижскому попала толпа женщин. Не успев еще понять, как они проникли на завод, он был окружен ими.

— За каки таки грехи? — наседала молодая, бледная девушка с тусклыми глазами. — Двадцать два года на заводе, и никакой прорухи!

— Что ты сделал с моим мужем? — кричала другая. — Тридцать лет задарма работали, тридцать лет с голеду пухом. Тюрьмой благодаришь?

— За какие такие грехи? — наседала третья. — Кого он убил? Кого ограбил? За что его горемычного в участке пороли?

— Пороли? — инженер стал медленно пятиться назад.

— На что жить будем? — напирала женщины. — За что кормильцев-полицейцев от нас отняли? Чем восемь ртов набить?

Несвижский ворвался в контору. Он влетел в кабинет Курвеша, задыхаясь.

— Среди мастеровых идут повальные аресты...

— Это дело пристава, — лениво обернулся Юрий Николаевич.

— Но кто донес приставу? Арестованы люди, которым я честным словом гарантировал неприкосновенность...

— Это была ошибка. Мы не вправе вмешиваться в дела полиции.

— А кто вмешивается и натравляет одних на других? Идет поголовная порка. Я надеялся уладить все мирным путем. Пока я управляющий...

— Вы уже не управляющий, — холодно перебил Курвеш. — До правления дошли слухи о вашей нераспорядительности и бунте.

— Бунте? — вскрикнул Несвижский. — Вы решили раздуть это в бунт?

— Будьте осторожней в выражениях, — предостерегающе поднялся Курвеш. — Сам наместник признал это бунтом. Поэтому и порют всех, как настоящих бунтовщиков.

Несвижский вышел из конторы.

«Конец. Так скоростижно, так неожиданно рухнуло с таким трудом созданное дело. Все надо начинать с начала».

Он поплелся из конторы, внезапно почувствовав непреодолимую слабость. Теперь в Петербург... Разве у него не осталось там самое важное в жизни, близкое, дорогое существо?

И вдруг на него точно обрушилась гора. Что он ей скажет?

С тех пор, как он с ней обручился, пришлось заглянуть в иной мир, о существовании которого он раньше не думал. Тридцать лет он не знал, что такое нужда, и считал, что, имея руки

и голову на плечах, можно ее не опасаться. Людмила заставила его понять, что все зависит от масштабов. Его благосостояние происходило от того, что потребности были до смешного ничтожны. Каждый разговор с невестой выводил его из этого счастливого самообмана. Он с удивлением увидел, что человеку, собирающемуся жениться, нужно столько всякой всячины, что накопленные за предыдущие годы сбережения растают, как льдинки в печи. То, что он считал обеспеченностью, по масштабу Людмилы выглядело только нищетой. Она не мыслила свою будущую жизнь без выезда, приемов и сотни разорительных вещей.

Несвижский потер слезящиеся от бессонницы глаза и беспомощно оглянулся.

«С чем я приеду в Питер? — с отчаянием подумал он, замедляя шаг. — Сколько надежд она возлагала на мое изобретение, уверенная, что оно даст то, что она называет обеспеченным существованием. А я лишился даже службы...»

Он нерешительно остановился, еще раз робко оглянулся по сторонам и повернул к чертежной. У самых дверей он услышал быстрые, нагоняющие шаги.

— Я забыл взять у вас ключи от шкафов, — прозвучал за его спиной голос Курвеша. — Жаль было бы ломать замки.

— Ломать замок? — обернулся изобретатель. — Как только я возьму свои чертежи...

Курвеш приставил козырьком руку к глазам и посмотрел на нырявшее в залив красное, словно распаренное, солнце.

— Для них и здесь место прекрасное.

— Но в конторе мне показалось... — пробормотал Несвижский. — Может, я ослышался? — с надеждой воскликнул он.

— Нет, вы не ослышались. Вы, точно, уволены. Но это никак не касается ваших проектов.

— Не касается моих проектов? — растерянно проговорил изобретатель.

Курвеш нетерпеливо передернул плечами.

— По договору изобретение остается за «Тритоном».

— Так вы приступите к постройке дока? — внезапно просяив, пролепетал Несвижский, отдавая ключ.

— «Тритон» не брал на себя никаких обязательств, — ответил Курвеш, створачиваясь. — В договоре об этом ничего не сказано.

Глава VIII

День Марии

1

В кабинет наместника несмело вошел начальник морского штаба контр-адмирал Витгефт, — как всегда, румяный, чистенький, аккуратный.

— Рапорт от командующего эскадрой, ваше превосходительство, — произнес он, медленно подходя к столу и взглядывая на наместника, чтоб угадать его настроение. — Вице-адмирал Старк просит разрешения принять меры предосторожности ввиду перерыва дипломатических сношений с Японией.

— Жаль, жаль, что сам не пришел, — раздраженно воскликнул Алексеев. — Я б ему прописал меры предосторожности...

Он взял рапорт и зеленым карандашом, хорошо знакомым всем канцеляриям Дальнего Востока, написал крупными жирными буквами поперек листа: «Преждевременно».

Витгефт положил перед ним еще одну бумагу:

— Начальник порта опять запрашивает — каковы ваши предначертания насчет постройки дока. Порт-Артур без гарнизона...

Наместник усталым жестом отмахнулся от него:

— Гарнизон? А флот на что? Флот, батенька, флот все решит. Неужели, Вильгельм Карлович, вы забыли китайскую кампанию? Вы, кажется, принимаете Японию за Англию... — Он подошел к окну и стал любоваться выходящей на рейд эскадрой. — Богатыри! Неужто макаки способны будут нанести этим красавцам такие повреждения, что бу-

дет надобность в доке? С китайцами чуть ли не одними канонерками разделились, а их было 400 миллионов.

— Но японцы заказывают крейсера и броненосцы в Англии...

— Полноте! Китайцы тоже накупили в Европе этих дорогих игрушек. Ни одна просвещенная держава не вооружит варваров. Им сбывают хлам. Их флот — пышная декорация, не больше!

Начальник морского штаба покорно наклонил голову.

— А личный состав? — настойчиво продолжал Алексеев. — Дайте азиатам хоть английский флот, они его утопят в первый же шторм или же при первом маневрировании собьются в кучу и протаранят друг дружку...

Витгефт молча откланялся и вышел. Дожидавшийся в его кабинете вице-адмирал Старк вопросительно оглянулся, услышав его шаги.

— Правы, правы, голубчик, что не пошли. Не в духе. Разнес бы! Вот...

Витгефт протянул ему рапорт с резолюцией. Вопреки его ожиданию, командующий флотом не огорчился.

— Вот и хорошо, — беспечно произнес он, складывая бумагу. — Что гора с плеч.

— Рапортчику к делу надо бы, — не решительно сказал начальник штаба, вопросительно глядя на командующего.

— Зачем же, Вильгельм Карлович, если отказали? — Он наклонился и продолжал вполголоса: — Сегодня, 26 января, день Марии. Сами знаете — супруга именинница. В этой глуши... Как лишать ее радости?.. Наместнику лучше знать, скоро ли война. Тепер я спокоен! Жду вас к обеду...

2

День установился мрачный. В Артуре погоду создавал наместник, а он с утра был не в духе. Поэтому, когда к адмиральской пристани подошел пароход с японским консулом из Чифу, никто из чиновников не оспаривал чести доложить об этом.

Но неожиданно все изменилось. Алексееву подали телеграмму из Петербурга. Последнее время он после получения

депеш из столицы мрачнел, но сейчас вышел из кабинета радостно возбужденный. И когда ему доложили о консуле, он благосклонно кивнул и велел пригласить его отобедать.

«Если на западной стороне Кореи, — писал ему царь, — японский флот с десантом или без одного перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны. Надеюсь на вас. Помогите вам бог».

У под'езда остановилась коляска архиепископа. Алексеев вышел ему навстречу.

— Спешу порадовать ваше высокопревосходительство, — почтительно загудел большой, громоздкий архиерей, здороваясь: — В храме отгорожено лучшее место для наместника его величества и его свиты.

Алексеев усадил архиепископа в кресло и углубился в обсуждение вопроса об ограде, которую его святейшество пытался начертить пальцем на столе.

— В Петербурге, владыко, — вкрадчиво произнес он, кося глазом, — место его величества выделено особо.

Архиепископ поморщился.

— Желание вашего высокопревосходительства будет уважено, — смиренно сказал он. — Храм господень помнит ваши щедрые давания. Нигде духовные пастыри не нуждаются так в поддержке светских властей, как в этом языческом крае.

— Ассигнование на собор Николая Чудотворца уже сделано, владыко, — сказал наместник, вставая, и архиепископ удалился. Алексеев, окончательно развеселившись, подошел к висевшей на стене карте. Алексеев улыбулся. Его думы прервал ад'ютант, доложивший, что представитель судостроительной фирмы просит аудиенции.

— Что? — удивился наместник, и его рачьи глаза стали еще выпуклее. — Да как он смеет, наглец! В Сибирь упеку мерзавца!

Хорошее настроение непоправимо расцвелось:

— Два года не могут сдать полтора десятка миноносцев! Гнать его, прохво-

ста, в шею... Сбывать всякий хлам... Чтоб духа его не было...

Он сердито взял карточку просителя.

«Алексей Николаевич Курвеш. Где-то я слышал такую фамилию».

Он припоминал, собрав в складки пухлое, точно опухшее, лицо.

— Забыл, пошлите его сюда...

«Да, где-то я его видел», — вспомнил он, оглядывая вертлявую фигуру просителя, с вылинявшими наглыми глазами.

— Ну-с, что скажете? Я третий год, кроме бестолковщины, ничего не вижу.

Курвеш молчал, выжидая, пока наместник «отойдет».

— У японцев сотня миноносцев, а у нас одиннадцать штук! — Заметив, что пришедший хочет что-то возразить, Алексеев почувствовал нервное подергивание правого глаза. — Да знаете ли вы, что Сахалин отсюда недалеко?

Курвеш учтиво произнес:

— От души скорблю, что клевета составляет волноваться ваше высокопревосходительство. — Он сделал паузу, наблюдая за разглаживающимся лицом грозного собеседника. — Завод «Тритон», уже раз облагодетельствованный вами, смело отдает свою судьбу в руки вашего высокопревосходительства. Судостроители Петербурга знают, что никто для них не сделал столько, сколько адмирал Алексеев.

Все это было сказано с таким под'емом, что наместник смягчился. Показывая на кресло, он устало закрыл лицо рукой.

Курвеш сел, неуверенность сменилась апломбом:

— Английские «Виккерс» и «Армстронг», немецкий Крупп, французский Крезю, — говорил он, не забывая смягчать голос густым раствором сиропа, — все это частные предприятия, но это не мешает им строить лучшие броненосцы. У нас, за исключением единичных светлых умов, этого не понимают. Отечественная частная промышленность не щадит средств на опыты и все же не встречает сочувствия. Малейшая неудача, неизбежная вначале, ставится нам в упрек. Я ехал сюда с уверенностью, —

закончил он медовым, баюкающим голо- сом, — что наместник его величества все сделает для развития отечественного судостроения. — Он уверенно вынул па- кет и, положив его на стол, добавил: — Мы повергаем к вашим стопам проекты крейсеров «Жемчуг» и «Изумруд», впол- не достойных украсить вашу эскадру.

При виде сиреневого квадратного кон- верта наместник мгновенно вспомнил.

— Хорошо, хорошо, я рассмотрю на досуге, — добродушно выпроваживал он просителя, улыбаясь при воспоминании о «проектах», скрытых в пакетах фирмы «Тритон».

3

Против Алексева составила коали- ция из самых влиятельных министров — военного, морского, иностранных дел и финансов. Но, хорошо зная своего цар- ственного племянника, адмирал настэй- чиво прививал ему свою волю. Союз с Безобразовым помог ему организовать Комитет по делам Дальнего Востока, никому, кроме императора, не подчинен- ный и никого, кроме Алексева, не слу- шавший. Выделение наместничества, то- же не подчиненного правительству, за- вершало победу.

Японцы боялись слышшего могучим северного соседа и заискивали перед ним. Он хочет расправиться с Китаем — пожалуйста, пусть только возьмет их в компаньоны. России — Манчжурия, Япо- нии — Корея. Дальше еще не шли их вожделения. Но их все еще считали не- опасными дикарями и делиться с ними не хотели. Японский посланник аккурат- но доносил микадо о своих переговорах с царским министром иностранных дел:

11 августа 1903 г.: — Граф Ламз- дорф по поводу июльской ноты смог принять меня только сегодня. Ответил, что он внимательно изучил проект, но вследствие недельного отсутствия госу- даря по случаю маневров не мог пред- принять по этому делу никаких шагов.

27 августа: — Граф Ламздорф со- общил, что государь изволит выйти за границу и на это время министры бу- дут отсутствовать.

9 ноября: — Я виделся с графом

Ламздорфом. Он сказал, что по случаю болезни императрицы его величество не занимается теперь делами...

22 ноября: — На мои настроения граф ответил, что в субботу тезоименит- ство наследника престола, в воскресе- сенье — никаких дел не делается, а в понедельник граф будет занят другими делами.

15 января 1904 г.: — Я пытался получить сведения насчет решения сего- дняшнего совещания. Граф сказал, что решение не будет послано государю, по- ка соответствующие министры не будут приняты его величеством. Я указал, что промедление нежелательно и даже опас- но. Граф ответил, что дни установлены, как выше означено, теперь невозможно переменить их.

18 января: — Граф говорит, что вполне оценивает важность настоящего положения. Что же касается срока от- правления ответа, то граф говорит, что точный срок назначить невозможно, ибо это всецело зависит от государя.

4

Японский консул был немало удивлен блестящим приемом, устроенным ему на- местником. Но еще больше, пожалуй, удивился радушию флотских офицеров сопровождавший его секретарь. Он только заикнулся о желании полюбо- ваться на эскадру, и ему тотчас любез- но предоставили катер. Он обехал во- сточный и западный бассейны; выслу- шивая суждения о броневых плитах «Баяна» и небронированных бортах остальных крейсеров. С японской учти- востью он внимательно все оглядывал и в меру хвалил.

Он кланялся, благодарил добродуш- ных хозяев и вечером, весьма доволь- ный, уехал с консулом на пароходе, куда погрузились все японцы, жившие в Артуре.

А когда горизонт закрыл от них порт и окружающие горы, к пароходу подо- шел японский крейсер и принял на борт консула и его секретаря. Последний, с чувством облегчения сбросив чужую одежду, надел мундир офицера морско- го генерального штаба. Поспешно на-

правившись к начальнику эскадры, он передал ему карту, где была точно нанесена диспозиция русского флота.

Внезапный вывоз консулом артурских японцев несколько озадачил Алексеева и переполошил его штаб. Осторожный Старк попросил разрешения выслать в разведку к островам Шантунг и Клифорд два быстроходных крейсера. Наместник, считавший отмену своей резолюции недопустимым уроном престижа, написал:

«Высылать по одному крейсеру с 28 января».

Чтоб избавиться от надоедливых приставаний, он разрешил собрать на «Петропавловске» флагманов для выработки мероприятий по охране эскадры.

— Займитесь, Вильгельм Карлович, — милостиво отпустил он начальника морского штаба. — Да, кстати, надо назначить новую комиссию для приемки миноносцев. Бэг с ними. Времена тревожные. Своими средствами исправим, коли что...

5

Витгефт покорно направился к пристани. Четвертая комиссия! Пронски фирмы. Сколько звону задал «Тритон» последний месяц. Лучше бы тратили на добросовестное строительство и не доводили бы рабочих своей скаредностью до эксцессов. Никто не решается взять на себя ответственность за такой хлам, хоть все принимают подарки фирмы. Придется принять, коль нашли доступ к сердцу наместника.

Он сел на катер. Вид могучих броненосцев с грузными башнями и торчащими стволами двенадцатидюймовок действовали на него умиротворяюще. Японцы ведь и раньше прерывали дипломатические сношения. Это, может быть, просто уловка... Все же его аккуратная натура всем существом протестовала против неподвижности этой грозной силы. Какая неосмотрительность, недопустимая беспечность! Пожалуй, верно, не посмеют, но лучше развести пары...

Катер огибал нос «Полтавы». Зоркий глаз начальника штаба заметил, что броненосец спустил сети заграждения от минной атаки. Это его порадовало, и он велел застопорить машину.

— У вас сети? — ласково сказал он командиру, поднимаясь на палубу. — Всем бы так, да наместник медлит...

Улыбка мгновенно исчезла с лица командира, точно ее слизнуло ветром. Мысль, что он не угадал желаний начальства, видимо, обеспокоила его. Избегая взгляда начальника штаба, он пробормотал:

— Вероятно, старший офицер перестарался...

Витгефт задумчиво произнес:

— Отчего же, положение тревожное.. Будь моя власть... — Он запнулся, оглянувшись нерешительно по сторонам, и продолжал уже другим тоном: — Владивостокские бы крейсера сюда... «Кореец», «Варяг» нивесть где. Да и док все не начат...

Командир мычал что-то нечленораздельное, беспокойно ворочая головой, точно ему жал туго накрахмаленный воротник. Неожиданно он, пробормотав извинение, повернулся и быстро пошел по палубе.

Витгефт проводил его удивленным взглядом и побрел по трапу. Уже сидя в катере, он заметил на броненосце суматоху. Команда поспешно убирала сети. Витгефт стал оглядывать другие суда. Там сети валялись на палубах. Их, видимо, приготовили для спуска, но, боясь не угодить наместнику, сложили пока у бортов. Начальник грустно покачал головой. В случае нападения все будут о них спотыкаться. Хотя, пожалуй, верно: до наместника дойдет — в такие сети угодишь...

Он еще раз внимательно осмотрелся. Ему показалось, что на эскадре заметно какое-то оживление. По палубам снова ли офицеры, у бортов, точно в ожидании, качались шляпки. На «Петропавловске» суета была особенно заметной. Вглядевшись, Витгефт увидел, что броненосец поднимает якоря.

«Куда это Старк без спросу собрался? — удивился он. — Да и «Паллада», кажется, трогается».

Беспокойство его, впрочем, скоро улеглось. «Петропавловск» подошел ближе к адмиральской набережной для более удобного общения с берегом, а «Паллада» бросила якорь на его место. Вит-

гефт велел подойти к флагманскому броненосцу.

— Что в штабе, Вильгельм Карлович? — окружили гостя офицеры.

— Нового мало, — спокойно ответил он, направляясь к адмиральской каюте.

— А японцы? Почему уезжают японцы?

Витгефт досадливо отмахнулся и скрылся в люке. Прощаясь позже с офицерами, он бросил им, сходя в свой каютер:

— Войны все-таки не будет.

6

Оживление на судах артурской эскадры не было вызвано разрывом дипломатических сношений, об этом многие даже и не знали. Офицеры готовились к именинам Марии Старк.

Обычно в день 26 января у Старка собиралась вся знать.

Ожидался там и наместник.

Именины рождали раздоры.

— Подежурь за меня, — умолял лейтенант кормовой башни загадочно-го друга. — Я не могу не быть на балу!

— Пустое. Поздравь телеграммой и сошлись на дежурство.

— Пойми, мне надо там быть! Нужно кое с кем повидаться. Я давно жду случая...

— Ищи дураков! — насмешливо ответил тот, отклоняя горячие мольбы.

К вечеру корабли опустели. Только на палубах стоявших под парами миноносцев, выделенных для дозорной службы, маячили офицеры, изобретая способ попасть на берег. На одном из них командир в пустынной кают-компании набрел на мичмана.

— Что же это вы?

— Нездоров, дизентерия, — сокрушенно ответил юноша, — боюсь кислой миной расстроить веселье.

Командир радостно потер руки и ушел к себе. Мичман озадаченно посмотрел ему вслед: «Чему это он так обрадовался?» Через четверть часа к нему подошел вестовой:

— Ваше благородие, пожалуйста к командиру.

Мичман через силу поднялся. Вестовой соболезнующе посмотрел на искаженное болью лицо офицера.

Командир встретил его в полном параде:

— Я не хотел мешать молодежи немного развлечься. Очень жаль, что вы остались, — он смущенно замялся, — но, коли так, прошу остаться за меня часок-другой.

— Охотно, господин кавторанг.

— Вот и великолепно. Если я задержусь, распорядитесь завтра прислать катер.

— Все будет исполнено.

— Опасений сегодня никаких, — он поморщился и, схватившись за живот, прислонился к поручням, сжав колени. — Простите, и меня проклятая мучает.

Он осторожно пошел к двери, широко расставляя ноги, и через силу продолжал:

— В Петербурге, говорят, подписано соглашение. Его величество будет сегодня в Эрмитаже на спектакле. Ну, а нам и бог велел...

7

Лавров расхаживал по комнате, баюкая на руках ребенка. Девочка жалобно кричала, морща маленькое личико. Ваня тревожно нагнулся к окну, высматривая жену. Скоро на корабль, влепят ему за опоздание несколько нарядов, на военной службе не очень церемонятся. Никогда с ней не случалось такого, не могла же она забыть, что давно пора кормить дочурку. Не приключилось ли что с ней?

В сенях завозились, и в комнату вошла соседка, занимавшая вторую половину избы. Жалостливо посмотрела на Ваню, взяла плачущую девочку, переменяла пеленку и сурово сказала, глядя в угол:

— Надо бы няньку поискать, — кормилицу.

— Это еще зачем? — в смутной тревоге остановился Лавров.

— Не вернется твоя Катя. Все ялошки стрекача задали.

Лавров замахал на нее руками:

— Типун те на язык! Китисан?

Женщина желчно сплюнула.

— Сам понимать должен, не маленький. Не поедет — заклюют ее свои. В городе такое творится! Кто рад, что можно задарма у них барахлишко скупить. А кому слезы...

Она положила ребенка в корзину, заменявшую люльку, и ушла. Ваня тупо уставился на свою дочь. Вылитая мать. Такое же нежное личико, те же черные раскосые глаза. Неужели она может бросить девочку и его? Заключают... Катоку? Нет, не может быть.

Лавров надел бушлат, бескозырку и вышел на порог, вглядываясь в прохожих. Надвигавшиеся сумерки окутывали все серым покрывалом. Ваня задумался. Личное горе незаметно отодвинулось и уступило место другому. Ифак, катастрофы ждали, ждали, а она нахлынула, когда в нее уже перестали верить... И обрушилась она прежде всего на него.

— Пойти к Катоку? Нет, лучше подождать. Пусть решает сама.

Вернулся в комнату и, швырнув фуражку в угол, сел около девочки, стараясь развлечь ее. Вдруг его голову обхватили знакомые ладони. Он почувствовал прикосновение дрожащих губ и почти одновременно ощутил горячие капельки слез.

— Кити, что с тобой? — он взял ее руки и усадил ее на колени. Она тихо, беззвучно плакала, пряча лицо в его полосатой тельняшке. — Ты не уедешь, правда?

Китисан истерично всхлипнула.

— О, если бы ты видел маму! И все они грозятся...

— А брат? Неужели и он?..

— Брат ни на кого не смотрит и все молчит. Ах, Ваня, вот он идет. Это за мной..

Лавров угрюмо поднялся. Катоку тихо вошел в комнату. Глаза его были печальны и смотрели вниз.

— Прощай, Вань, — его рука безжизненно поднялась. — Кити, здесь твоя Япония.

Лавров схватил его за руку.

— Останься! Хищники везде одинаковы: они перегрызлились из-за Китая, тебе-то что?

Катоку медленно поднял свои печальные глаза.

— Нет, Вань. Все ездят, Катоку ездит.

Он вытер слезы и, быстро повернувшись, вышел из комнаты.

8

Мягкая южная ночь опустилась над рейдом, раскрыв звездный зонт над океаном.

В машинном кубрике «Паллады» шли приготовления ко сну. За столом все еще сидели машинисты и резались с минерами в козла с таким ожесточением, точно и не собирались сегодня ложиться.

— Пора бы и прикончить, — нерешительно предложил чей-то голод.

— Устал отталкиваться целый день? — насмешливо бросил в ответ один из игроков.

— Ты что в бутылку лезешь? — отозвался нехотя тот. — Устав уставом остается.

— А стенки потеют по уставу? — спросил игрок, кидая со злостью кость на стол. — Гаврики! Захватили лучшие места и лопочут.

— Всю ночь! Так и текет под тебя, — сердито поддержал его минер. — У кого рундуки по борту — ночи напролет мотаются...

— А всамделе, ребята, с чего оно течет? — миролюбиво спросил первый. — Сталь — она нешто пористая?

— В голове у тебя пористо, — вмешался показавшийся на трапе Лавров.

— И как ты, чортов внук, ухитряешься так поздно возвращаться? Попадешь вахтенному, он обласкает.

— Что на берегу слышно, пловец?

— Смотрите, узнаете, — огрызнулся Лавров, прыгая с последних ступенек трапа прямо на свой рундук, — может, у отъезжающих японцев заодно подешевле что и приобретете.

Он улегся на рундук. Разговор перешел на прежнее.

— С «Цесаревича» ребята не жалуются. На броненосцах служить хорошо. Адмиралы, музыка, не то что наша Палаша.

— «Цесаревич» во Франции строился, — опять вмешался Лавров, выглядывая со своей койки под трапом, — у нас, известно, половину разворуют.

— Ты языком мели, да меру знай, — предостерегающе остановил его рыжий строевик. — Не нашего это ума дело. Наловчился на берег без увольнения. Смотри, доплянешься!

— Осел ты, и больше ничего, — спокойно обрезал его Лавров. — Всех тут японцы перетопят, и страшать нас нечем. А что казнокрады флот строили, теперь даже в газетах пишут.

— Ты что кислоту разводишь на сон грядущий? — налетел на Лаврова рябой минер. — О сырости речь, а ты — японцы...

— А ты мозги расправь. Отчего течет? Между обшивкой и броней листы пробковые полагаются, а строители их прикарманили.

— Наслушался дребедени и несет чепуху, — огрызнулся минер, смущенный знаниями машиниста. — На «Ретвизане», «Боярине», на «Варяге» течи, небось, нет.

— Потому и нет, что за границей куплены, — спокойно сказал ему Лавров. — Я сам на судостроительном работал и дела эти во как знаю.

— На судостроительном? — ехидно подхватил рыжий. — Может, господин инженер, ответ дадите, почему это на «Пересвете» при стрельбе заклепки поываливались? Может, вы своими ручками деревянные заклепки натыкали?

Вопрос о деревянных заклепках, видимо, задел всех. Даже игроки бросили кости и столпились около Лаврова, забрасывая сердитыми вопросами. Он ожесточенно огрызнулся, гневно сверкая глазами из-под мохнатых бровей.

— Потому и валятся, что казнокрады вместо заклепок деревянные ставили.

— А где рабочие были? Сами строители, что ли, заклепки ставили? — напирал рыжий.

Неожиданно в спор ворвался чей-то спокойный голос:

— Братва! А сколько стоит ленточка от бескозырки?

Голосы медленно повернулись к крайней койке. Там раздевался белесый, тщедушный парень, аккуратно складывая в сетку портки. Он ловко вставил свой нелепый вопрос, воспользовавшись паузой, и все расслышали его, несмотря на тихий голос.

— Ты что, Кузьмин, встречаешь? — недовольно проворчал рыжий минер.

— Нет, ты скажи, сколько стоит матросская ленточка?

Никто не знал, сколько может стоить такая пустяковина. Кочегар мрачно буркнул:

— Заладил. Ну, копейки три либо пять.

— То-то. Семь гривен казна за нее платит.

Матросы были поражены. Кузьмин спрятал ноги под одеяло, расправил лежавший у изголовья засаленный томик Максима Горького и, вздохнув, сказал:

— Вот и рассудите, сколько народу наживается на одних матросских ленточках.

В кубрике снова загалдели. Кузьмин понял, что боя не избежать. Он отложил книгу и повернулся на койке. Он неохотно вступил в спор, считая его опасным и ненужным. Смелый, решительный тон Лаврова удивил его и даже показался подозрительным, тем более, что тот слыл баламутом. Но, наблюдая, как на него напирают, он решил помочь неосторожному, но, может быть, стоящему парню.

— Что ж, товарищи, — тихо сказал он, заставляя и матросов притихнуть, — разве не слышали вы, как рабочий бастовал и боролся против всего этого произвола? Разве вы не знаете, сколько народу загнали в сибирские рудники?

Его слова произвели неожиданное впечатление. Он уловил пылливый взгляд, который метнул на него Лавров. «Может, так и лучше, — подумал он, — выявим, кто чем дышит».

— О рабочих что говорить, — согласился рыжий. — Мы до флота и сами все больше по заводам обретались, знаем.

— Рабочие живут хуже каторжников! — крикнул Лавров, и Кузьмин по

звещающему голосу понял, чем тот взволнован. — Недавно посадили тридцать рабочих за то, что они не захотели тут остаться... В участке всех пороли.

И без всякой связи, почти без передышки, он продолжал, переходя все к более высоким нотам, рискуя оборваться, пустить петуха.

— И все у нас на-авось, кое-как безмозгло. Не зря же японцы Артур покинули, а мы стоим без паров, офицеры на балу у адмиральши паркет натирают.

Теперь эти слова дошли. В кубрике повисла напряженная тишина. Игравший в козла минер отложил кости и задумчиво бросил:

— Надо бы доложить вахтенному офицеру. Япощки сегодня, верно, барахлишко задарма спускали — не иначе смываются.

— Он те по морде обласкает, вот и весь разговор, — мрачно буркнул кочегар, — разве матрос голос имеет?

— А я прямо к командиру пойду, пусть докладает адмиралу, — сорвался с места машинист, — стоим без дозора, при полных огнях, не дай бог, подберется кто.

Он быстро выскочил из кубрика. Матросы молча принялись раскладывать по рундукам тюфяки, кося глазом на трап. Когда на нем показался машинист, все, как по команде, повернули головы.

— Братва, а из офицера и впрямь никого нет, — выпалил запыхавшийся машинист, спускаясь вниз. — Вахтенным мичмана оставили, да и он в уют-компани коньяк глушит.

— Чай, обидно ему, все у Старка пьянствуют, а он отдувайся, — крикнул Лавров.

— Значит, и адмирала нет на месте?

— И на броненосцах нет начальства?

Матросы растерянно смотрели друг на друга.

— Что ж они, сукины дети, с нами делают?

— Давайте, братва, не ложиться, — выкрикнул чей-то голос.

— Кто, ребята, побойчей, давай тихонько на палубу. Выставим свою вахту.

— К комендорам надо сбегать, пусть у орудий дежурят.

— Куда вы, товарищи! — попробовал было Кузьмин окликнуть их, но Лавров остановил его:

— Не мешай. Для славы андреевского флага я и сам пальцем не шевельнул бы. Но дать японцам перепоганить столько народу для удовольствия своего микады...

Он энергично взмахнул рукой и устремился к трапу. Кузьмин покачал головой и огляделся: матросы поспешно одевались. Он взял томик Горького, повертел его в руках и, отложив, полез к изголовью за брюками.

— Надо бы, коли так, предупредить другие кораб...

Резкое сотрясение, и вслед за ним глухой тяжелый удар оборвал говорившего. Матросы лавой кинулись вверх.

9

Темная январская ночь в Артуре.

В бухте, точно надвигаясь на берег, колышутся контуры судов. Изредка прозвучит окрик часового, или, посвистывая, пронесется ветер, перекатывая прибрежный песок. Сверкнет ракета с Электрического утеса, нырнув в волну, или взоввется луч прожектора, щупая горизонт. И опять все тихо.

На рейде весело гсрит сотня судовых фонарей. Броненосцы освещены точно на параде: «Петропавловск», «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава», как иллюминированные, раскачиваются на нахлестывающей с моря волне. Каждый вершок их борта защищен толстой, хорошо испытанной броней. Сотни разнокалиберных пушек готовы ежеминутно отразить дерзкую попытку—потреть их покой.

Семь броненосцев! На всем тихоокеанском побережье ни у кого нет семи броненосцев. У Японии шесть, у Китая, Кореи по два-три. Только у России в Тихом океане семь броненосцев. Да семь строится еще в Петербурге. И пять плавают в Черном море. Можно спокойно качаться на морской зыби. Кто посмеет? Кто?

Правда, у Японии шесть броненосных крейсеров. Но разве сравнишь броненосца с крейсером?

носный крейсер с броненосцем? И разве на Тихом океане не плавают четыре русских броненосных крейсера, три во Владивостоке, один в Порт-Артуре? В далеком Петербурге не строят броненосных крейсеров. Зачем? Суррогат. Лучше закладывать броненосцы.

Япония, естественно, обходится небольшими судами. Ей не по карману броненосцы. Она ищет спасения в количестве. У нее семнадцать легких крейсеров. В Артуре только пять. Что же, не они ведь решают исход боя. Один меткий выстрел двенадцатидюймовки — и от легкого крейсера останутся только...

Смешные японцы. У них больше сотни миноносцев, но что такое миноносец? Пигмей, подползающий к великану в ночной тьме, чтоб выпустить в незащищенную подводную часть мину или утопить суда, подбитые в бою артиллерией. Бой решается не этими малютками, а броненосцами.

Темна ночь в Артуре.

Ветерок гонит теплую волну с моря. Подумать только: Балтийский флот сейчас закован льдами! Даже Черное море покрыто у берегов густой ледяной корой. Только тихоокеанский флот гордо покоится на морской волне в легкой дреме.

Мелькают уходящие в дозор «Бесстрашный» и «Расторопный». Какие они маленькие и жалкие рядом с «Цесаревичем» или «Ретвизаном». Как скорлупки!

Миноносцы скрываются во мгле. Почему отправили «Расторопного»? Его минные аппараты и машины еще не испытаны. На нем даже не подобран экипаж. Из четырех командоров трое еще не присланы. Сигнальщиком стоит матрос, не знающий ни одного сигнала. В машинном отделении и кочегарке ученики и строевые матросы не умеют отличить гайку от цилиндра. При команде наполнить цистерну водой трюмные не знают, какой край открыть, и напускают воду в трюм вместо цистерны.

Но что может угрожать такой могучей эскадре? Разве флот не защищен артиллерией окружающих фортов, не говоря уже о судовых пушках? Электрический утес, Золотая гора, Тигровый Хвост охраняют узкий проход в порт.

«Новый мир», № 9

Тишину ночи всполошил какой-то грохот. Это китайцы встречают новый год. Резкий треск сжигаемого фейерверка и разрыв хлопушек будоражат окрестности. Провожаемый адским шумом и трескотней, старый год должен увести с собой всех бесов и духов. Порой кажется, будто где-то далеко шумит война, идет повсеместный штурм. Но, кроме праздничной трескотни, ничего не слышно.

Кто-то точно шныряет меж судами. Вернулись миноносцы? Да они несут красные и белые огни — сигналы артурской эскадры. Ярко горящий маяк освещает им дорогу, слабо мерцающие буи предупредительно указывают форватер. Но почему они вернулись? Да их не два, а больше. Не чужие ли?

Где-то сердито заворочались дула пушек. Оклик часового с кормы броненосца:

— Кто идет?

В ответ слышится преестественная русская брань. Густо матерятся свои. Да и как могло быть иначе? Кто посмеет?

Глухой сильный взрыв потряс воздух, заглушив китайские хлопушки.

10

Гул взрывов мало беспокоил жителей Артура. Носились слухи, что этой ночью на судах предполагается учебная стрельба, и многие не ложились спать, чтоб полюбоваться на ночные маневры.

К порту, к Золотой горе и Тигровому Хвосту тянулись компании подвыпивших. Обилие именин делало эту ночь праздничной. Стрельба при звездах в красивой бухте казалась подгулявшим забавным зрелищем. Вместе с именинниками они карабкались на горы или располагались на берегу, споря с соседями из-за места.

Рейд все еще горел сотнями судовых ламп. Между убаюканными ленивой волной броненосцами и крейсерами шныряли огоньки вертявых миноносцев. На палубы выскакивали люди, бросаясь к плутонгам, но в суматохе только мешали друг другу. Одна «Паллада» сразу ощерилась дулами пушек и дала

залп. Изломанные линии искр взлетали вверх, точно чирикали гигантскими спичками. Воздух гулко взревел. Миноносцы засуетились.

— Прелесть какая, — восторгались в публике. — Какая мощь!

На флагманском судне сверкнули лучи боевых фонарей, побродили по заливу и грозно уперлись в небо. Это значило: прекратить огонь. Выскочивший флаг-капитан метался по палубе, отрывая от пушек прилипших к прицелам командиров.

— Да что это, словно у них там паника, — хмуро произнес кто-то на набережной, — в одних кальсонах, прости, господи, бегают!

— О, это наместник! — убежденно сказал дородный мужчина в пелерине. — Решил проверить бдительность и дал сигнал раньше времени.

— На то и маневры, Мари, чтоб застигнуть врасплох. — авторитетно подержал его военный, — успокаивая сию разволновавшуюся спутницу.

Пальба затихла. Не успокоилась одна «Паллада». Она приняла на себя весь первый натиск миноносцев и теперь накренилась на борт и поникла на якорях, клюя носом. По палубе носились матросы, отдраивая полуортики и заряжая орудия. В плутонгах раздавалась глухая команда, и снопы огня вылетали из орудий.

Тишину всполюшил второй взрыв. На «Ретвизане» потух свет. Корабль подпрыгнул и тяжело закачался. Рев орудийных залпов повис над рейдом. Боевые фонари все еще глядели вверх, но на них никто уже не обращал внимания. «Ретвизан», медленно склонившись набок, огрызался, как раненный зверь, дав залп из мелких орудий вдоль залива. Крупными стрелять он не мог — в мирное время их было запрещено заряжать.

— Смотрите, смотрите, в этого попало! — говорила раскрасневшаяся именинница, поднимаясь на цыпочки.

— Это он притворяется, что получил повреждение, на маневрах всегда так, — наставительно произнес ее спутник.

Вертявые миноносцы все еще снова-таки между судами. На «Цесаревиче» вах-

тенный начальник заметил их. Дудки бойко заиграли «Отражение минной атаки». Борты ошетинились. Но команда не успела отразить минную атаку. Её этому не учили. Японские миноносцы проникли уже в проход между броненосцем и «Аскольдом». Не обращая внимания на дула двенадцатидюймовок, они летели вперед. Резко зацокали по ним пулеметы. Они в упор выпустили мины.

«Цесаревич», содрогнувшись, повалился на правый борт, затем стал крениться на левый. Вторая мина прошла у него под кормой. Броненосец зашатался и повис на якорях, ныряя подбитым носом. Его башни яростно осыпали залив снарядами, бестолково ворочая орудиями. Диферент на нос мешал ему брать прицел, но он оглушал рейд выстрелами, мечась на привязи, как цепной пес.

Крен «Цесаревича» заметили с берега. Жутко было смотреть, как погружался правый борт, заставляя команду цепляться за что попало. Казалось, вот-вот броненосец перевернется. Многим стало не по себе.

От одной группы отделился артиллерийский офицер и вскочил на дрожки. На него удивленно оглянулись.

Офицер велел скакать к начальнику крепостной артиллерии. Спрыгнув у знакомого подъезда, он постучал. Ему открыли и провели в переднюю.

— Что случилось, господин поручик? — вышел к нему недовольный генерал.

— Нападение японцев, ваше превосходительство...

— Поручик, сегодня офицеру простиительно выпить, но забываться не рекомендуется. Вы перполошили моих гостей. Советую итти проспаться.

— Ваше превосходительство, на рейде стрельба. Разрешите открыть огонь с береговых батарей.

— Сегодня, поручик, назначено не то стрельба, не то маневры у моряков. Нас это ни в какой степени не касается. К тому же вы, как артиллерийский офицер, должны знать, что крупнокалиберные орудия у нас смазаны по-зимнему, а мелкие до рейда не достанут. В случае

необходимости наместник известил бы нас заблаговременно.

Генерал холодно кивнул. У него тоже был прием в этот вечер. Услышав выстрелы, дамы начали нервничать, а тут еще пьяный поручик пугать вздумал.

Офицер удрученно побрел к порту. Он тоже слышал, что будет ночная стрельба. Но не могут же броненосцы крениться от учебных холостых снарядов? И все эта вечная распря между морскими и сухопутными. Все руководствуются слухами, друг о друге ничего не знают. А вдруг японцы распространяют эти слухи?

С Золотой горы испуганно взметнулась к звездам ракета. Глухо, как подземный гул, зарокотал Электрический утес. Артиллерийская гора грозно заворчала глазами прожекторов. Эскадра разводила пары.

«Ретвизан» первый снялся с якоря. Он направился в гавань, но нос его спускался все ниже, он приткнулся в проходе к берегу. Он казался громадным зверем, пришедшим сюда на водопой.

— Д-да, вид у него... — нерешительно заметил кто-то на берегу.

— Крен, сударь, достигается затоплением тех или иных отсеков, — разъяснил сосед. — Если надо изобразить, что броненосец поражен в корму, в нее впускают воду через кингстоны. Чтобы натуральной выглядело...

Через сорок минут подняли пары на «Цесаревиче». Броненосец с креном в семнадцать градусов пошел в гавань. Он управлялся одними машинами, рулевое управление было залито водой. Проскакивая мимо загородившего узкий проход «Ретвизана», он, точно израсходовав последние силы, беспомощно приткнулся рядом с ним к отмели. С креном на нос, «Цесаревич» встал, точно с поникшей головой.

11

В тот же день «Кореец» вышел из Чемульпо с обычной почтой в Порт-Артур. У острова Иодольми он встретил эскадру контр-адмирала Уриу, шедшую в двух кильватерных колоннах. Не зная

о перерыве дипломатических сношений, канонерка спокойно продолжала свой курс, равнодушно рассекая волны Желтого моря.

Когда «Кореец» проходил с левого борта японских крейсеров, колонны раздались, стараясь пропустить его посередине. При этом удивленные комендоры заметили, что с японских орудий сняты чехлы, а у минных аппаратов стоит полный боевой комплект прислуги.

«Кореец» повернул. За ним вдогонку помчалась торпеда. Командир пробил боевую тревогу. Вторая торпеда прошла за кормой.

В 4 ч. 40 мин. в водах Желтого моря прогремел первый выстрел. «Кореец» дал полный ход, рискуя взлететь на воздух от разрыва своих престарелых котлов. Скрипя и содрогаясь, ворвался он на рейд, переполошив всех стоявших в Чемульпо стационаров.

Немного спустя на крейсер «Варяг» был доставлен японский пакет:

«Сэр! Ввиду существующих враждебных действий между правительствами Японии и России — я почтительно прошу вас покинуть порт до полудня 27 января. В противном случае я буду обязан открыть против вас огонь в порту.

Имею честь быть, сэр, вашим покорным слугой.

С. Уриу.

контр-адмирал, командующий эскадрой японского императорского флота».

«Покорный слуга» — Уриу караулил выход и высаживал трехтысячный десант для занятия Сеула. Иностранцев он бесцеремонно попросил покинуть рейд. Оскорбленный ультиматумом, командир английского крейсера заявил, что откроет огонь по каждому, кто посмеет нарушить международные законы, дающие право убежища в нейтральном порту. Надеясь на его вмешательство, русские корабли не использовали ночь для прорыва.

Утром иностранцы решили ограничиться протестом и убраться по добру по здорову с рейда. Лондон не хотел мешать своей союзнице, и англичанин забыл о своих гордых словах.

— Эх, мать честная! — уныло говорили на юте «Варяга» матросы. — И раскатают же нас косоглазые!

— Надо было ночью прорваться, — шептались офицеры в кают-компани. — Бросить на произвол судьбы... Неслыханно! — негодовали решительные.

— «Кореец» бы затопить. Какой прорыв с такой допотопной черепахой?

— Надеяться на американцев и англичан! Будто не они натравили Японию!

Никто не способен был принять какое-либо решение. Командир «Варяга» мог воспользоваться своим правом — подождать, пока ультиматум пред'явят ему через корейское правительство. Выход в море облегчал щекотливое положение иностранцев. Японцы не решились бы открыто пренебречь международными законами, и пока русские корабли на рейде — японцы не посмели бы открыть огонь. Если бы затянуть переговоры до ночи, быстроходный крейсер мог ускользнуть.

Был и другой спасительный выход: русски́ посланник имел право воспользоваться именно «Варягом» для отъезда из Кореи. Если бы он поднял на нем свой флаг, японцы вряд ли рискнули посягнуть на дипломатического представителя, покидающего свой пост.

Но в 11 часов утра «Варяг» начал сниматься с якоря. Длинный белый корпус между двумя тонкими изящными мачтами и яркозеленая подводная часть придавали ему вид нарядной яхты. На шканцах выстроился экипаж. Заунывное «Коль славен» повисло над рейдом. Англичане, французы, американцы высыпали на палубы своих крейсеров любоваться людьми, идущими на смерть.

«Кореец» заставлял итти самым малым ходом, отнимая единственный шанс на успех. «Варяг» не имел брони, способной устоять против артиллерийского огня, все его спасение было в быстроходности.

Без десяти двенадцать начался неравный бой. Расчетливые японцы в «Корейца» даже не стреляли. Зато «Варяг» от снарядного вихря, обрушившегося на него, сразу потерял способность управ-

ляться. Огонь вывел из строя всю прислугу бакового орудия, разбил мачты и трубы. Командный мостик был снесен. Через жадно ощерившиеся ниже ватерлинии пробойны шумно врывалась вода, затопляя трюмы и отсеки. Через полчаса крейсер с исковерканными бортами и горячей палубой повернул назад, в Чемульпо. «Кореец» бесполезным конвоиром следовал за ним. Восторженные крики «банзай» провожали их.

12

Наместник проснулся, солнечный луч ударил в глаза. Он потянулся и протяжно зевнул. Его большое тело горбом обрисовалось под парчевой никидкой.

Дежурный камердинер, чутко карауливший его пробуждение, заслышав сопение в спальне, быстро вошел. Началась привычная суэта одевания. Наместник любил пышность и во всем старался подражать азиатским властелинам.

В обычный час Алексеев приехал в свое управление. Он не заметил ничего нового. Встревоженные лица? Он привык, что его выход тревожит. Нервное настроение? Видно, какая-нибудь неисправность, ждут фитилей.

Ему доложили, что настойчиво добивается аудиенции кавторанг, прибывший с эскадры с докладом. Он сделал любезное лицо, как всегда, когда принимал флотских.

— Ваше высокопревосходительство, японцы совершили нападение на нашу эскадру, — доложил кавторанг, едва переступив порог.

Наместник откинулся на спинку кресла.

— Что?

В вопросе не было испуга или беспокойства. В нем сквозило недоумение.

— Вчера ночью японские миноносцы, никем не замеченные, ворвались на рейды и выпустили мины в «Палладу», в «Ретвизана» и в «Цесаревича».

Алексеев внимательно разглядывал его. Не пьян... Что же за дичь он несет? Спятил! Вот он, результат япономании... Накричать... А вдруг он, дей-

ствительно, сошел с ума? Может подействовать возбуждающе, еще, пожалуй, приключится приступ бешенства... Говорят, они опасны в таком состоянии...

Кавторанг добросовестно рассказывал подробности, не замечая, с каким странным выражением смотрит на него наместник. Он опасался водопада брани, ждал самых ужасных ругательств, рукоприкладства, наконец. Но его слушали молча, и кавторангу стало казаться, что его красноречие нашло доступ к сердцу адмирала. Он уже представлял себе зависть офицеров, награду...

— Голубчик, спасибо, спасибо, — перебил его наместник, глядя на него все тем же странным взглядом. — Я все вполне себе представляю. Как ваше самочувствие?

Кавторанг учтиво поблагодарил.

— Хватит, родной, хватит, отдохните. Я понял. Я все понял. Не напрягайте больше своей памяти. Да. Да. Напали японцы. «Цесаревич», «Ретвизан», — как же, понял. Вернитесь на свой корабль... или... постоит... Советую, даже прошу, возьмите отпуск. Скажете, я разрешил.

— Но уверяю, ваше превосходительство...

— Да, да, изложите на бумаге, — уже нетерпеливо, с оттенком испуга, сказал наместник. — Идите, сейчас же напишите рапорт...

Кавторанг стоял, глупо бормоча благодарность. Он стал пятиться к дверям, кланяясь. Когда он, открыв задом дверь, вывалился в приемную, там оказалось уже много просителей, с любопытством разглядывающих его, чтоб угадать по лицу о настроении дальневосточного сатрапа. Кавторанг прошел через толпу, как сквозь строй.

«Уф! — вздохнул наместник, выпроводив назойливого просителя. — Ну и фрукт!.. — Он опять прочитал полученную вчера телеграмму императора и, подойдя к большой карте Дальнего Востока, ткнул пальцем в робко теснившиеся у побережья острова: — Вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны...»

13

На рейде стояла сумятица. Разведочные японские крейсера показались на горизонте, а эскадра из-за разнотипности судов не в состоянии была сняться с якоря. Как только стало рассветать, начали разводиться пары, но корабли с водотрубными котлами типа «Цесаревич» могли это сделать в 40 минут, а броненосцам типа «Петропавловск» для этого требовалось 12 часов.

Командующий эскадрой в волнении стоял на мостике, всматриваясь на восток. Он ждал возвращения посланного в разведку крейсера «Боярин». На обратном пути тот может наткнуться на неприятельский отряд, и стоящая на якорях эскадра даже не сумеет помочь ему.

На Золотой горе взвился сигнал. Командующего требовали к наместнику.

«Начинается, — с тоской подумал Старк, — не терпится. Враг у ворот, а ему все нипочем».

Готовый спокойно итти под неприятельские снаряды, он почувствовал, как сжалось у него сердце от одной мысли о визите к Алексееву.

Не успел адмирал доехать до берега, как с моря показался «Боярин». Когда он приблизился, разобрал поднятый им сигнал:

«Вижу неприятеля в больших силах».

Команды бросились на места. Флагкапитан, волнуясь, велел готовиться к с'емке с якоря. Неприятельская эскадра самонадеянно приближалась, ожидая, очевидно, застать переполох и смятение. Флагкапитан поднял сигнал:

«Севастополю быть головным».

Японцы открыли огонь с дальней дистанции. Русские суда не были еще выкрашены в боевой цвет. По белым корпусам, резко выделявшимся на береговом фоне, легко было пристреляться. Попадания начались сразу. Пока эскадра снималась с якоря, многие корабли успели получить повреждения.

Старк удрученно вошел во дворец наместника. Он постарел за эту ночь. Его пугало больше всего, что Алексеев и не пожелает выслушать оправданий.

Во дворце по нервным движениям и напряженным лицам адъютантов и штабистов Старк понял, что наместник еще не отошел и весь гнев обрушит на него. Он перекрестился и переступил порог.

Наместник сидел у телефона, хмуро слушая донесение о приближении японцев. Из героя он вдруг превращался в труса, из повелителя Востока в осажденного полководца без войск. Он прищурил правый глаз и моргнул им, чтоб остановить подергивание.

Издали гулко донеслись залпы тяжелых двенадцатидюймовок. Им отвечали вяло: эскадра, видимо, не решалась начинать бой без своего начальника и стояла под выстрелами неприятеля на якорях.

Алексеев с сожалением отложил трубку. Он бросил косо́й взгляд на Старка и отпустил его движением руки, боясь, что если заговорит, то не сумеет остановиться.

Старк бегом достиг катера и помчался к эскадре. Он подошел к «Петропавловску» и поднялся в боевую рубку. Над флагманским броненосцем взвился сигнал: «Открыть огонь».

Эскадры быстро сближались. Японцы смело шли под береговые батареи, точно знали, что орудия фортов беспечно смазаны по-зимнему. Но, хотя гарнизон жил еще в городе, на Артиллерийской горе успели изготовить десятидюймовки, и они внезапно загрохотали.

На японской эскадре произошло замешательство. С возвышенного берега, с крепостными дальномерами, легко было взять прицел. Броненосец «Фуджи» завертелся на месте, пуская густые клубы пара. Неприятель стал поворачивать, надеясь увлечь артурцев за собой.

Хотя «Баян» и «Новик» были несколько подбиты, артурская эскадра, ободренная крепостными батареями и отступлением японцев, заторопилась за ними. На флагманском броненосце подняли сигнал: «Преследовать неприятеля».

Но не успели быстроходные «Аскольд» и «Новик» броситься вперед, как на Золотой горе подняли флаг «ф». «Ферт» означал отмену предыдущего приказа.

Офицеры переглянулись. Они понимали, что наместнику сейчас не до боя. Малейший успех мог окружить командующего боевым ореолом. Но чтоб вернуться самому, Алексееву нужно было отыгаться на Старке, выставив его виновником вчерашней катастрофы.

Эскадра стала поворачивать к гавани. Командующий, сгорбившись, вышел из боевой рубки. Он даже не мог с уверенностью сказать, были ли попадания в японские корабли, а у него два подбитых крейсера. В довершение беды «Севастополь» при выходе столкнулся с «Полтавой», и у нее появилась течь. Миноносцы тоже, словно умышленно, наскокивали друг на друга. В другое время наместник донес бы в Петербург, что эти пробоины также от японских снарядов. Но теперь он обрушит и это все на его голову. Ему и так уж не терпится. Он точно боится остыть.

Старк уныло сел в катер и направился ко дворцу.

— Поздно рвение показывать изво-лите, — встретил его Алексеев. — Именинами занимаетесь... Долг и присягу забыли..

Старк покорно ссутулился, пригвожденный слушать. Он решил, что благо-разумнее всего дать наместнику перекипеть. Но того это покорное молчание еще больше взорвало.

— Не пощажу! — закричал он, горя-чась все больше. — На чины и звание не погляжу! Всеподданнейше донесу государю!

Он брызгал слюной, задыхался, выпученные глаза лезли из орбит, одутловатое, точно опухшее, лицо стало страшным.

Старк испугался, как бы наместник не допустил сейчас чего-нибудь непоправимого, чего нельзя будет стерпеть. Он попытался отвлечь его:

— Осмелюсь обратить внимание вашего превосходительства на внезапность, — почтительно произнес он. — Документально могу установить, что в 10 часов был еще на корабле. Мое присутствие на эскадре... — он сбивался от страшного, прыгающего взгляда выпученных рачьих глаз.

— Сейчас, сейчас! Сию минуту извольте оправдаться! Вашей ноги больше не будет на эскадре! Вы ее опозорили! Осрамили перед всем миром! Упеку под суд! На благовоззрение императора!

Старк не выдержал. Он глубоко вздохнул и жестко произнес, вскипая злобой:

— Всему есть границы, ваше превосходительство. Надеюсь, вы узнаете свой автограф?

Он вынул из мундира рапорт о необходимости принять меры предосторожности и издала развернул его. Огромные зеленые буквы предательски кричали: *Преждевременно*.

Несколько секунд оба адмирала зорко наблюдали друг за другом. Теплое январское солнце смотрело в окно, играя золотом погон. Беззаботные чижи и синицы скакали с ветки на ветку, как будто бы ничего не произошло и не могло произойти в этом мирном, цветущем краю. А в просторном, отделанном лучшими архитекторами кабинете дворца два человека, бледные и дрожащие, стояли друг против друга. Казалось, эти два увешанные орденами адмирала, забыв все привитое цивилизацией, схватятся врукопашную, как схватывались в старину их предки, и, катясь по земле,

царапаясь и визжа, начнут борьбу за нужный им документ.

Наместник окончательно потерял власть над собой. Потом взгляд его стал осмысленней. Он сделал несколько шагов. Старк быстро отступил, спрятав рапорт в карман.

Наместник сел за стол, и обычная притворная улыбка, выработанная долгими годами придворной жизни, заиграла на его лице.

— Простите, батенька, горяч. Идите, идите с богом, раскатайте этих нехристей. Уважьте старика.

Старк вышел. Он быстро миновал приемную и, бегом спустившись с лестницы, вскочил в экипаж. Только тут он вздохнул с облегчением, вытирая обильный пот с лица и шеи.

Первый гул войны пронесся над Дальним Востоком. И флот, на который была вся надежда в этом поединке, сразу потерял два броненосца, канонерку и четыре крейсера — «Палладу», «Баян», «Новик». «Варяг». Кроме них, в Шанхае остался в плену непредупрежденный «Манчжур» и во льдах Инкоу стоял заброшенный «Сивуч»...

А во Владивостоке оказался запертым отряд лучших быстроходных броненосных крейсеров,

Легенда

ИГОРЬ СТРОГАНОВ

Когда это было?
Прощанье и трепет мотора,
и АНТ краснокрылый
взлетает по знаку стартера?
Над утром столицы
летит многотонная птица...

Там — трое пилотов —
три жизни, три воли, три силы.
Сквозь льды и широты
к нам их голоса доносило.
Когда это было?
Сегодня — их слава покрыла.

Легенда встает
над машиною ширококрылой.

Снега и утесы.
И вновь — ледяные покровы.
Летят на торосы
полярные кайры и совы.
Ледовым покровом
стреножено гневное море.
А в небе — легенда
пульсирует в мощном моторе,
что в схватке с циклоном
покорен умам непреклонным.

Три летчика славных
проходят пустым небосклоном,
и в эту минуту
полет их, повернутый круто,
лег трассою новой
по сталинскому маршруту.

Где стужей стозвонной
лохматое небо свисало,
где летчик бессонный
и рукопожатье штурвала —
сквозь ветер упрямо
проходит радиограмма
с приветом вождя,
чтобы сердцем быть принятой прямо

Их утро встречает
блестящей морозною пылью.
Циклоны качают
обросшие стужею крылья,
но радио краткой
ложится строкою в тетрадке,
но АНТ отвечает,
что все, как и прежде:
«В порядке».

За льды и за воды,
за скалы! И там на Востоке
мелькают заводы,
рыбалки, шоссе, новостройки!
И на берегу берегут
пограничные части
все счастье народов,
все наше советское счастье!

Мчат трое пилотов,
три жизни, три воли, три силы.
Сквозь льды и широты
к нам их голоса доносило.
Когда это было?

Сегодня — их слава покрыла.
Легенда встает
над машиною ширококрылой.

Трепещет она
у героев на радостных лицах,
о ней ордена,
как зарницы, сверкнули в петлицах,
от красной Москвы
молодой и счастливой столицы,
на крыльях молвы
полетела она за границу.

Хорошее дело!
Над сушей, над морем, над льдами,
где полюс согрело
горячее красное знамя —
летели, как надо,
сквозь тучи попрежнему трое,

уже над Канадой
знакомые наши герои.

Легенда встает,
вновь о славе троих повторяя...

Но мчится в полет
краснокрылая птица другая,
Там тоже герои...
Легенда не видит покоя.

Герои летят
высоко в краснокрылой машине.
Герои не спят
никогда на дрейфующей льдине.

Легенда над ними
под солнцем встает, вырастая,
и новое имя
правдивыми шепчет устами.

Родина

А. ГОЛЬДБЕРГ

Родина, — мой воздух, без тебя
Задохнулся бы я в сумраке зверином,
Где отец простреленную спину
Не унес от каторги, где я,
Битый православным кулаком
За горбатый нос и за Христа,
Думал: зарастет моя мечта
Лебедой на кладбище глухом!
Не сидеть мне в классе! А не раз
Снилось мне... братва со мной бежит
И никто меня не дразнит — жид,
Из рогатки мне не целят в глаз...
Вот уже гимназия видна...
Я кричу: — Ребята, веселей!..
И уходит сон. И тяжелей
Бьется сердце...
Холод... тишина...
В этот миг, мне кажется, дотла
Кем-то я смертельно обворован:
В этот миг я слышу песню снова,
Горе-песню — птицу без крыла...
— «Плачь и покорися, иудей!
На груди твоей полуживой
День и ночь стоит городской.
Плачь и покорися, иудей!..»

Песня падает штыка острее...
Окровавленное бандой дикой,
Детство кончилось с предсмертным
криком

Над убитой матерью моей.
И тогда мне вырвать захотелось
У Моисея бороду. Тогда
Сжала кулаки моя беда,
Кровь моя на улицах горела,
Но следы ее вели вперед...
Но в дороге горькой и суровой
Я услышал дружеское слово,
Видел родины моей восход...
— Снова я на прошлое смотрю.
Приходя к родительским могилам,
Я пишу на памятниках милых
Имена бойцов и говорю:
Кем ты вновь рожден, не забывай,
Как далось тебе такое счастье.
Всюду успевай принять участие,
Все дыханье родине отдай.
И живи как бы последний миг:
С непокорной, с неоглядной силой.
Так, чтоб всю вселенную знобило
От шагов решительных твоих.

Песня о соколах

А. МАЛЫШКО

Не к добру, как видно, птицы
Вдруг замолкли спозаранку,
В небе сизый дым клубится,
Тучи выползли, как танки.

На горе сосна кривая
Дрогнула под самый корень, —
Значит, буря! Гром играя,
Прокатился по-над бором.

Дуб качнулся головою
В небе. И в изнеможеньи
Чайка бьется над водою,
Чайка молит о спасеньи.

Значит, буря! С побережья
Взвился к небу зоркий сокол,
Он крылом горячим режет
Тучи сизые.

Широкой
Грудью ударяет против
Ветра и дождя, и тучи.
— Ой, вы, бурные широты,
Грома грозные созвучья!

Молодой крылатой силой
Бьется в тучах-исполинах,
Но дожди не замутили
Глаз горячих соколиных.

Выше! В тучи, в злые недра!
Чтоб ветра тебя не сбили!
Только ветер встал, как недруг,
Сильные ломает крылья.

Перья ветер вырывает,
Соколиным пухом вея,
Птица наземь упадет,
Сердцем храбрым холодея.

Со слезой в глазу горючей
Смятый бурей,
Сбитый громом.
Сокол падает из тучи
Посреди аэродрома

Жаль дорог ему высоких,
Незаконченных полетов.
... Повстречался сбитый сокол
Перед вечером с пилотом.

Встал пилот, послушал стуки
Сердца,
Протянул он к птице руки
И погладил тихо крылья.

Поднял раненую птицу
Над ручьями голубыми,
Дал он соколу напиться
Перья сокола он вымыл.

—пей из рук моих ты воду
Да не падай перед боем!
Оба птичьего мы рода —
Может, братья мы с тобсю.

Он сказал, вошел в кабину
И повел рукой могучей.

И рванулась ввысь машина
От земли — и прямо к тучам.

Падал дождь, слабея. Орды
Туч развеялись далеко.
Самолет под солнцем гордый
Подымает громкий клетот.

Ты плыви, мой друг, в полете,
Чтоб ветра тебя не сбили!

... Хоть ветра идут напротив,
Нерушимы наши крылья!

Он плывет тропой высокой,
Он кружит под небом ясным.
Комсомолец! Гордый сокол!
Сын страны моей прекрасной!

Перевел с украинского
НИКОЛАЙ БРАУН.

Сказка о красном воине и волке

Г. ЛИТВАК

Вот и вечер. Спи, сынок!
Чтоб уснуть мальченка мог,
Я над сыном посижу,
Сказку сыну расскажу.

Дело это было летом
За Донцом-рекой,
Вдоль густого очерета
Ехал воин молодой.
Едет воин... Только слева —
Что такое? — видит, дым.
Небо вдруг побагровело,
В зареве стоят сады.
Едет воин, напевая,
Натянув поводья слабо,
На боку его кривая
Чуть побрякивает сабля.
Едет воин... Видит вот:
Люди с вилами бегут,
Впереди их лютый волк
Удирает через луг.
Удирает прямо в лес,
Всаднику наперерез,
Жирный весь, и серый весь,
А в зубах его обрез.

Спи, мальченка! Вредный волк
Ночью темной и глухой
За Донцом колхоз поджег.

Только воин верховой,
Как увидел волка, ловко
На дыбы коня поднял,
Круто повернул на волка
Верного коня.
Конь над степью пролетает,
И, пригнувшись, молодой
Воин саблю вынимает,
Машет саблею кривой...

Догоняет воин волка,
Как подымет саблю, только
Раз... и наповал
Зарубил он волка, молча
В крапиву густую волчья
Покатилась голова...

Спи, послушный хлопчик мой!
Говорят, что батько твой
В стороне той летом был,
Волка он и зарубил.

Маляр

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Он шел веселым, шумным городом,
А город лаской привечал.
Кистей растрепанные бороды
Просились к крышам от плеча...

А в слободе, где дом под вязами
Пригнулся суриком плеча,
Одна девченка синеглазая
Выходит милого встречать.

Любовь пройдет по тонкой лесенке,
По синим тропкам вечеров...
И он запел тихонько песенку
Про вологодских маляров.

Как высоко над эстакадою
Стремянка лебедью плыла,
Как шли ударными бригадами
Вершить рабочие дела.

И под рукой, к труду привычную —
Ой, вологодцы-мастаки! —
Цвели белилами наличники,
Желтели охрой косяки.

И свеже-выкрашенными крышами
В закат гляделись вечера.
Он тихо пел, лишь ветры слышали,
Простую песню маляра.

Партизанские рассказы

Н. КОСТАРЕВ

КОНЕЦ ИВАНА ШЕВЧЕНКО

Хороши сопки в Уссурийском крае — синие, высокие, упирающиеся в небо, уходящие к океану; над ними плавают легкие облака, лес кедровый и лиственный, нетронутый, шумит — разговаривает с собой, раскачиваясь широкими иглистыми лапами, наклоняясь вершинами...

Хороша и дремуча уссурийская тайга!

По ней, крадучись, ходят огненно-полосатые уссурийские тигры; бродит добрый медведь; лосиха с лосятами прячется; клыкастый кабан роет глубоко теплую, вкусную землю...

Хорошо пахнет приморская тайга ландышами и черемухой, и белыми вишнями.

Непроходимая тайга!

Хорошо в ней партизанить. Но и врагу в ней скрываться тоже не плохо.

Много в этой тайге легло краснопартизанских головушек...

Иван Шевченко, из деревни Славянки, родился и вырос в этой дремучей тайге. Четыре года он в ней партизанчил, известный всему Приморью своим бесстрашием.

От Амура до Японского моря знала партизанского командира тайга; знали его и враги: и маленькие, злые японцы, и русские белогвардейцы, и длинные американцы в шляпах, приплывшие из-за океана: на четвертом году прослы-

шали о нем и каппелевцы, получавшие ненами скудное жалованье из штаба японской экспедиционной армии. Разгромленные под Волочаевкой не знавшим ни одного поражения Блюхером, они катились по Приморью к океану, задерживаясь, чтобы только передохнуть в японской охранной полосе. Здесь и находил их, и вылавливал, и бил их партизанским способом, по частям. Иван Шевченко со своим конным отрядом. А чтобы лучше разведать врага, силу его и как к нему подойти, Шевченко всегда сам ходил в разведку, часто даже забираясь переодетым в расположение вражеских частей.

Собираясь в эту разведку и забросив свой летучий отряд в Прохоры, он заскочил в Славянку: подкормился там с ординарцем у матери; взял полушубок у отца-ворчуна, почесавшего, в укор неугомонному сыну, то место у себя, по которому его били белые шомполами...

— Не кори, отец, помню... — сказал и улыбнулся ему Иван всем своим открытым и веселым лицом.

Вывернул тулуп старика мехом наружу. Надел.

Мать его, старая и почти слепая, провожая его и ощупывая, говорила ему на дорогу: «Что ты, сыночек, надеваешь шубу навыворот, замерзнешь...».

— Эх, мамо, не шуба человека греет, а человек шубу!

Сказал так, затянулся ремнем покрепче, пошутил еще со старухой, обнял

ее на прощанье, сел на коня и ускакал с ординарцем. Из Славянки проехали они в Евсеевку, а потом Иван оказался один на той стороне железной дороги, в большом казацком селении Воскресенка.

В'ехал он туда уже под утро, когда допевали последние охрипшие петухи и начинал подыматься в тихом розовом зимнем воздухе серыми столбами дым из заботливых бабьих хат.

За гумнами, на поскотине, встретил он мужика, спросил его:

— Есть капеля?

— Нема!.. — сказал мужик, озира-ясь.

«Врет со страху!» — подумал Шевченко и задами и огородами проехал глубже в деревню. В кустах у ключа привязал коня, распустил полы полушубка, отстегнул кушак и спрятал его в карман, а вместо него повязался опояской; проверил барабан револьвера и только потом перелез через высокую жердину изгороди и пошел по огороду к мазаной большой избе. Подошел. Разом рванул примерзшую дверь. Шагнул вместе с белым облаком в хату. Огляделся. Снял шапку, перекрестился в белый угол хаты с иконами и расшитыми красными повойниками; увидел трех офицеров на лавке, напротив, и четвертого, ходившего по комнате.

Все оглянулись на него.

Ходивший остановился и спросил грубо:

— Чего тебе?

— Подводчик, ваше благородие, от коменданта.

Остановившийся что-то буркнул зло и снова, захватив рукой раздувшюся щеку, заходил из угла в угол Сидевшие напротив, за столом, продолжали спое: один — чистить револьвер, другой наклонился над миской и стал есть; третий растянулся на лавке. Все это сразу охватил своими быстрыми глазами Иван. Он приготовился слушать... Но офицеры перестали говорить: наступила какая-то нехорошая, ждущая чего-то тишина. Только продолжал выстукивать каблуками длинный офицер в погонах штабс-капитана, прохаживающийся взад и вперед...

Кто-то подошел снаружи к двери; чуткое, настороженное ухо Шевченко уловило, как там, за дверями, стучали валенками, обивая снег. Вот, заскрипев на обледенелых петлях, широко распахнулась дверь, и вместе с морозом в горницу вошла молодуха с ведрами на комысле.

Шевченко, увидев ее, насторожился.

Молодуха повернулась с ведрами к лавке, стала их ставить и вдруг,глянув, узнала отчаянного партизана.

— Ой, Шевченко! — крикнула.

Загремели ведра. Полилась вода...

Офицеры повскакали с лавок. Но Шевченко их опередил — выхватив наган, закричал:

— Сдавайтесь, сволочи!

Трое подняли руки. Но четвертый, тот, что ел, опустил руку на браунинг, лежавший возле.

Быстрый Шевченко нажал гашетку самовзвода, и курок нагана глухо пробил в остановившейся гишине невзорвавшийся пистон.

Офицеры, как в столбняке, продолжали стоять с поднятыми руками. Но рука, лежавшая на браунинге, шевельнулась. Тогда Шевченко стал нажимать гашетку револьвера, целясь прямо в того, за столом... И еще шесть осечек, одна за другой, отщелкали, повернув барабан полным кругом.

Оглянулся Шевченко...

Длинный офицер, стоявший впереди с поднятыми руками над повязанной головой, рванулся к нему. Шевченко, как палкой, ударил его наганом по голове и выскочил из хаты. Бросился по огороду к кустам: побежал, проваливаясь в снег и прыгая.

Сзади стали стрелять...

«Только бы до кустов» — подумал. Добежал до изгороди, уже перекинул правую ногу. — только бы левую — и в кусты, и на коня, а там — мать родная тайга! Но что-то ударило, точно поленом, по ноге, под коленную чашечку. Упал с изгороди в снег. Ткнулся головой, мелькнуло: «Не добежал...» Повернулся в снегу. Схватился за раненую ногу. Хотел подняться — не смог. Надавая навзничь, подумал: «Конец».

Оттуда бежали, крича...

Посмотрел бесстрашный Шевченко на свои безоружные руки, зажимавшие простреленное, бьющее кровью колено. Выговорил про себя: «Значит — конец! — Потом — громче, обнимая на прощанье глазами тайгу: — Товарищи! Партизаны! Родные!».

Но никого из своих не было.

И никто не услышал.

И начал тогда тяжело подыматься Иван Шевченко. Поднялся во весь свой высокий и молодой рост: точно поднял на плечи всю свою партизанскую четырехлетнюю судьбу и понес ее, шагнув здоровой ногой на бегущих; что-то злое, отчаянное закричал навстречу врагам.

Те, на-бегу, снова стали стрелять, а когда добежали, стали колоть...

...В тот же день вечером привезли Ивана Шевченко, истерзанного, в Спасский гарнизон и сдали на гауптвахту; его бросили в одну из грязных камер и заперли. Начальник гарнизона и комендант города не верили, что попал им в руки Шевченко: они послали за матерью.

Прошли сутки.

Все приходили и заглядывали новые люди удостовериться — верно ли пойман неустрашимый партизан Иван Шевченко, славянский. Многие из врагов знали его веселое, улыбчивое лицо и, удостоверившись лично, уходили довольные. А он лежал исколотый, растерзанный, и ни одного звука не услышала стража за целые сутки. К вечеру принесли ему кусок черного хлеба и котелок с горохом. Он не прикоснулся к еде. Он лежал на полу, забившись в угол, как волк. Тело его, должно быть, ныло, но он не чувствовал боли: притупились, омертвели все физические ощущения. И только ясная его голова, как бы отделенная от тела, продолжала жить — мыслями и чувствами. Ему не хотелось умирать: он еще многому мог научиться и многое отдать от своего молодого душевного изобилия. Но от него требовалось уже немного — собрать всю силу воли, чтобы выдержать последнюю боль. А страх — он его просто не знал. Бесстрашие передалось ему в наследство от Ефима Антоновича

Шевченко, отца его, бывшего солдата русско-турецкой кампании: этот семидесятилетний старик, когда его взяли белые в девятнадцатом году в спасскую контрразведку, колотил в железную дверь камеры и кричал в волчок: «Требую справедливости!» А когда испуганный шомполами дубовской Борисовец, сидевший вместе с ним тоже заложником за своих сыновей, пытался его уговоривать: «Убьют тебя, расстреляют...», — старый солдат еще больше свирепел и стучал по окованной двери огромным своим волосатым, изъеденным оспой, кулаком и кричал на всю камеру, на весь коридор: «Ничего не боюсь: ни пули, ни огня!».

Вот таким же вышел и Иван, сын его — партизан: только бесстрашие сына, сохраняющееся и сегодня в чудесной народной памяти — долгое это бесстрашие; и сила Ивана Шевченко, накопленная для него отцом и дедом, была другая — бескорыстная и разумная сила, как и горячая кровь его, пролитая на родную приморскую землю; как и молодая жизнь его, оплодотворившая ее...

Уже свечерело. Принесли огарок свечи и воткнули его над дверью.

«Как в вагоне» — подумал Шевченко и тяжело, смутно забылся.

Так прошла ночь. И настало утро. Опять принесли кипяток и кусок черного хлеба. И опять ни до чего не дотронулся Иван, только сказал конвойному: «Забери все, и вчерашнее тоже: отдай в общую камеру».

А в полдень пришли старики Шевченки — мать и отец Ивана.

Мать его, старая и больная, едва доплелась до гарнизона, поддерживаемая под руки заботливым и верным ее стариком, дорогим ее Ефимом Антоновичем... Как подошла она к ивановой камере, схватилась за решетку черными своими, сморщенными от тяжелой крестьянской работы, руками, только и могла выговорить едва слышно: «Сыночек мой... Сыночек мой...».

Шевченко, связанный по рукам и по ногам, не мог сразу подняться, он только пошевелился.

— Мамо, мамо, не плачьте!.. — выговаривал через силу.

Старик-отец зашумел вдруг около решетки, закричал:

— Здорово, сынку!

— Здравствуй, отец!.. — сказал Иван, улыбнулся, приподнялся еще немного, передвинулся к двери поближе.

Старик увидел его раны, — задрожал весь старик, сделался синий от злобы:

— Эх, и разделали тебя, сынку, гады!

Глаза старика, старого солдата, налились слезами. Но ни одной не уронил на вражескую землю — проглотил слезы старик; в себя спрятал тоску, заглушил, — только еще громче закричал на весь арестантский коридор, чтобы слышали его враги, чтобы знали отца Ивана Шевченко:

— Что ж ты сплеховал, партизан?!

— Не я, отец, сплеховал: патроны подвели...

Не выдержал тут больше старик. Заплакал. Заплакал от обиды.

А бедная мать все что-то шептала, да только не слышал Иван, а потом сказала погромче:

— Что ж тебе предоставить, дитятко?

— Да ничего, мамо...

Мать просунула руки свои костлявые в решетку двери, взяла Иванову голову в руки: подержала его так за кудрявые черные волосы. «Дитятко мое родное...» — простионала. Потом отпустила сыновнюю голову и пошла, пошатываясь, по заплеванному коридору гауптвахты, держась за своего старика, роняя из-под красных, больших век молчаливые слезы...

— Перестань, Евдоха! Крепись, старуха... — говорил он, ведя ее к выходу.

Проводил старик мать до дверей, вывел во двор. Воротился старик к Ивану, посмотрел на него сухими глазами, спросил его громким шопотом:

— Что им переказать от тебя, сынку?

Хорошо улыбнулся Иван, всем лицом улыбнулся, радостно так посмотрел на отца:

— Скажи им... — начал и остановился. — Все, что видел, скажи...

— Ладно, сынку!

Замаялся старик. Хотел еще что-то сказать. Хотел уходить...

— Давай, поцелуемся, сынку! — вдруг неожиданно вышло. Подхватил сквозь решетку подмышки Ивана длинными своими, еще сильными руками. Притянул к себе.

В этом мужественном поцелуе не отец с сыном прощался — прощалось крестьянство таежное, партизанское с командиром Иваном Шевченко...

... Подошел сзади конвойный, рванул старика от решетки, толкнул его: «Уходи, — закричал на него, — уходи, говорят!..».

Старик зашумел, засопротивлялся...

Подскочил еще конвойный и они его волоком, пиная, вытащили из коридора; треснула где то дверь, грохнул ружейный приклад; кто-то охнул и закричал дико, — и снова скрипнула, хлопнула дверь...

Стало опять тихо.

Иван сжал зубы, прислонился к каменной стене головой, — заныло сердце от душевной боли. Не шевелясь, так присидел до вечера с закрытыми глазами.

Вечером конвойный опять принес огарок свечи. Зажег. Заглянул в решетку. Открыл камеру. Поставил на пол крынку молока и положил сверху большой пшеничный калач. Сказал: «Старики твои тебе оставили...» Хотел итти. Шевченко его остановил:

— Постой... Возьми обратно... Передай пленным красноармейцам, смотри у меня, передай! — А про себя подумал: «Мне оно ни к чему: зря переводить добро, а им еще нужно жить, нужны силы...».

Конвойный забрал все и ушел.

Иван остался опять один со своими мыслями; голод совсем не мучил его — только невероятная легкость всего тела и холодная ясность в голове! Много думал о матери: было жаль ослепшую старуху, проведшую всю свою жизнь в тяжелой крестьянской работе и не видевшую ни одного светлого дня отдыха... Любил он ее очень: захотелось пожить для нее, чтобы согреть эту старость... Хотелось кому-то поручить за-

боту о ней. Мысли сталкивались, толпились, мешая друг другу, потом разбегались куда-то и снова плавным течением шли одна за другой...

Так прошла бессонная третья ночь.

И наступило незаметно опять утро...

Загремел замок. Открылась дверь. Его забрали и повезли за гарнизон. Там его, связанного, вывели на дорогу и поставили лицом к тайге.

Палач Теряшкевич закричал ему сзади:

— Беги, Шевченко! Отпускаем тебя, иди к своим партизанам...

Иван поднял голову и увидел синие сопки, родную тайгу. Задрожало у него сердце от жалости — пошевелил ногами Иван, переступил, спутанный, как конь... А они сзади целились в него и стреляли... И упал Иван, пробитый пулями, в ту сторону головой, где была родная тайга.

Простреленное, изуродованное до неузнаваемости, тело Ивана Шевченко положили на дровни и повезли в город Спасск. Там выставили напоказ в гарнизонной часовне, чтобы смотрело крестьянство Приморья и радовалось... Но никто не приходил на площадь и никто не радовался, и никто не верил,

что действительно погиб красный партизан и бесстрашный герой Уссурийского края — Иван Шевченко.

Прошло ровно пятнадцать лет.

Старики Шевченки попрежнему живут в своей таежной деревне: они уже совсем дряхлые и, когда идут на могилу к сыну, держатся друг за друга.

... Тогда они — на четвертый день, получив разрешение. — забрали тело сына-героя из Спасского гарнизона и увезли его в свою родную деревню; когда везли его в розвальнях, мать все время держала его связанные руки в своих, точно хотела его мертвые руки отогреть своими старческими руками, — все не хотела отпустить их, расстаться с ними... Когда привезли тело Ивана, мать руки ему развязала и ноги ему развязала и обмыла ему раны сама. А старик вырыл яму на кладбище.. И уложили сына в могилу. Потом пересадила старик молодую зеленую елочку на могилу.

И теперь елка хороша растет — кудрявится, шумит своими широкими лапами, разговаривает с Иваном...

ВСТРЕЧИ С СЕРГЕЕМ ЛАЗО

1

— Теперь спать, товарищи, спать!..

Он собрал со стола крошки, сложил дбухверстку, подписал приказ о наступлении, поданный ему адъютантом полевого штаба, и, засунув все свои бумаги и карты в планшетную сумку, встал из-за стола — такой высокий, что почти уперся кудрявой черной головой в потолок юрты; снял шинель со стены и, стараясь не задеть на полу раскиданные ноги ординарцев, давно уже храпевших во все носозые завертки, пробрался в угол, к кошме, разделяющей, как поломом, юрту на две половины. Найдя там незанятый кусок войлока, он втиснулся между бойцами, положил под голову сумку и накрылся шинелью. Через минуту кто-то из штабных позвал его:

«Сергей!». Но ответа уже не было: командующий фронтом спал мертвым сном молодости среди ног и голов ординарцев, вместе с ними, тут же на полу, на кошме.

Это и был Лазо.

Он вошел в юрту и, чуть картавя, произнес теплым, грудным голосом приветствие:

— Здравствуй, товарищи!

Все невольно улыбнулись и стали здороваться с ним за руку.

Он приехал на фронт, в нашу группу, один, даже без ординарца. Привязав к частокону коня, он вошел, нагибаясь, в низкую дверь юрты и сразу же, сбросив шинель, уселся за маленький стол, вытащил из полевой сумки большую карту, разложил ее, разгладил и предложил начать заседание штаба.

Все сели.

Предстояло дальнейшее наступление наших частей на Забайкальском фронте. Цель наступления — станция Борзя. Исходное положение — здесь, в нашей группе, на левом фланге, а по-за горами, правым флангом, назначалось обходное движение кавалерийским полком Метелицы в глубокий тыл неприятеля. Это была диспозиция наступления, предложенная командующим фронтом, — нам сейчас оставалось только обсудить детали операции, то-есть тактические действия отдельных частей.

Все время, пока говорили командиры, Лазо делал пометки в блокноте: большим круглым почерком писал и писал, только по временам отрываясь и слушая, и поглядывая на говорившего.

Из-за края кошмы — с другой, хозяйской половины юрты — время от времени появлялись детские головы, круглые, точно с паричками из черных жестких волос, подстриженных в кружок, и немигающими треугольными глазами смотрели на сидевших за столом незнакомых людей. Вот они увидели длинную кожаную коробку у ног Сергея. Сначала к ней протянулась одна смуглая ручонка. Потом осмелела другая... А потом и еще две, совсем крошечные ручки. И малыши, покинув полог и завладев коробкой, стали ее обследовать; вскоре они ее открыли и занялись содержимым...

Командиры частей уже наговорились и наспорились, последнее слово оставалось за командующим... — И тут он увидел ребят на полу и свой бинокль в их руках.

— Кругляши!.. Чингисхань!.. Что вы со мной делаете?!..

И он схватил свой драгоценный и неразлучный Цейс. За кобуру еще держался коричневый малыш. Сергей подумал: оставить им поиграть? Но была уже ночь, и давно коптила керосиновая лампа на столе.

— Ну, потомки, — пора вам спать... и тебе тоже! — и забрал у малыша кобуру.

Выглянуло из-за полога большое, скуластое лицо женщины; она захватила к себе сразу всех ребятишек, сделал как-

то по-женски ловкое, круглое движение рукой; ребятишки исчезли за войлоком.

Командующий протер трубы своего Цейса, бережно вложил его в футляр, захлопнул кобуру, улыбнулся по-мальчишески, подмигнул сидящим за столом, точно говоря: «...а ведь слушают нас, все понимают!» — и, чиркнув на блокноте, оторвал и передал через стол записку: «Чингисханэв больших не выпускать за пределы юрты до начала наступления».

Потом сам заговорил..

И казалось, не о том он заговорил, что надо, а будто о другом: о шестидесяти тысячном корпусе чехэв, протянувшимся враждебными эшелонами по нашей стране; о слабом сибирском пролетариате без фабрик и заводов; о немцах и мировой войне... А когда кончил, улыбнулся и сказал: «Теперь — спать, товарищи, спать!..», — обнаружилось с очевидностью, что говорил он о том, что нам нужно — и сегодня и завтра: и в наступлении нашем, и в обороне, а главное — в развитии революции, в ее большой стратегии и тактике.

... До начала наступления оставалось три часа. Надо было взять у сна эти короткие часы: штабные разлеглись по углам, по лавкам, а кто на полу, как Лазо... Командиры вышли один за другим из юрты в ночь, в монгольскую степь и, подтянув подпруги у седел застоявшихся коней, поскакали к своим частям.

В юрту все время входили ординарцы, стуча сапогами; не переставая, пел телефон на подоконнике, и телефонист, передавая приказы по частям, чтобы перекричать всех говорящих по фронту, чтобы заставить остальных слушать, кричал: «Говорит штаб командующего!». Там, на время, переставали, и тогда он залпом, монотонно читал приказы. Так проходило несколько минут, а потом он опять кричал: «Я — штаб командующего!..». Входили новые ординарцы, привозили пакеты. Дежурный по штабу будил очередного связиста или ожидающего из части; ординарец вскакивал, гремя сапогами, еще полный сна и, задев шашкой, спящих, выходил из юрты.

Так шли эти три часа.

Товарищ Лазо спал, завернувшись в шинель, подложив ладони под голову и подогнув длинные ноги.

... Туман застилал монгольские степи. По увалам, в черноте оврагов лежали, притаившись, красногвардейские цепи, лицом к Манчжурии. В цепях не курили и даже не разговаривали — ждали утра и сигнала к наступлению. Предутренний майский холод вызывал дрожь, зубы стучали, и винтовка казалась холодной и тяжелой, как железный лом.

Так прошла ночь и наступило утро. Но туман был так густ, что второго бойца по цепи не было видно. Где-то пробивалось и не могло пробиться солнце.

Из тумана вынырнул всадник. За ним другой... И еще всадник. Первый — черный, с большими глазами и тонкими усиками, с детскими смугло-румяными щеками, покрытыми пушком, — неторопливо сошел с коня. Длинную его кавалерийскую шинель охватывал через плечо тонкий ремень, на котором висел чуть не до земли желтый футляр бинокля.

Всадник пошел вперед и сразу пропал в тумане. Два других всадника остались в цепи...

Прошел еще час ожидания. Наконец, солнце пробилось через туман, и — легкий и розовый, согретый туман стал постепенно таять и вскоре совсем растаял. Тогда вся зеленая степь, уходившая волнами вдаль Монголии, открылась бойцам: справа синели далекие горы, за которыми должен был проходить кавалерийский полк Метелицы — в тыл семеновцам, в тыл станции Борзя; а от гор на север желтел, горбатятся и медленно поднимаясь, Чингисханский вал, его пересекало высокое железно-дорожное пологно, по которому словно бежали телеграфные стлбы к горизонту.

Все смотрели туда — туда надо было наступать...

Второй всадник выехал на холм. Он остановился и застыл, с рукой, поднятой щитком над глазами. Всадник был немолод; резкий его профиль отливал

бронзой на восходящем солнце, и белые, падающие почти до плеч волосы кудрявились. Он смотрел вдаль, вперед, и левая его рука свободно покоилась на ремне серебряной чеканной шашки.

... Цепи ждали только сигнала, цепи лихорадило нетерпением. Но сигнала все не было — Метелица, значит, еще не зашел в тыл.

И вот — показались неприятельские броневики: сначала один черной лентой возник далеко у горизонта и стал вырастать. Вот он отделился от черноты горизонта и стал ясно виден, и тогда мы все услышали протяжный гул снаряда высоко над нами, потом доплыл до нас густой, плотный бас орудийного выстрела, и за ним сразу — раскатистый взрыв бризантного снаряда, поднявшего землю фонтаном.

За первым броневиком показался второй...

Броневики стали бить снарядами, нащупывая наши цепи, приближаясь, заходя нам во фланг. Наша батарея ответила первыми рычащими гранатами.

Бойцы, лежавшие в цепи, в маленьких открытых ямках, подняли головы, обрадовались, повеселели... Но не долго это продолжалось; кто-то неумный поставил батарею в расположение нашей второй цепи, и, когда неприятельские броневики, нащупав батарею, обрушились на нее всей силой своего огня, — они стали бить и по пехоте, лежащей незащищенно, по обеим сторонам четырех линейно расположенных трехдюймовых полевых орудий.

Пехота стала редеть, еще тронувшись с места: уже понесли раненых, поползли сами бойцы...

Подбили одно орудие.

Артиллеристы, чтобы вырваться из огня и переменить позицию, завели упряжки коней в овраг и, подхватив орудия на передки, понесли по увалу, гремя щитами, снарядными ящиками. За ними, дребезжа, ринулись санитарные линейки.

И тогда-то, не выдержав флангового обстрела по оврагу, грома снявшейся артиллерии, стали подниматься из лежачков бойцы: сначала по-одному, а потом группами, а еще через мгновение —

уже вся пехота, как стадо, не оглядываясь, побежала...

Всадник на холме оглянулся — Каларандашвили увидел бегущую цепь, рванулся с конем, опередил ее и, вздыбив коня навстречу бегущим и подымая шашку над головой, закричал:

— Назад, назад! Разрубаю буду!!

Кто залег в страхе под копытами боевого коня, кто остановился: около гневного старика с поднятым клинком образовалась кучка бойцов. Но другие продолжали бежать...

Неприятельские броневики, заметив отступление, перенесли огонь в тыл. А передние в панике уже добежали до третьей цепи, сорвали ее, подняли, и она побежала за ними.

... Лазо лежал в цепи мадьярского батальона с наведенным на полосу синих холмов биноклем и спокойно продолжал наблюдать: он ждал сообщений от Метелицы, сигналов оттуда. Мадьярская цепь была выброшена далеко вперед, и командующий, находясь здесь, не знал еще о панике в тылу.

Подскакали к цепи два всадника...

Первый — седой — закричал, наклоняясь к Лазо:

— Товарищ командующий, возьмите коня! Слезай, ординарец...

Ординарец медлил: он испугался земли... И коня было жаль. Но сверкнули глаза грозного старика, и ординарца точно сдуло с седла.

Лазо оглянулся: поднял молодое лицо на Каларандашвили, понял, что неладное что-то произошло в тылу. Приподнялся на колени, громко сказал, чтобы слышали:

— Я с ними останусь, товарищ Каларандашвили!

Потом тихо спросил:

— Что там такое?

И, когда узнал, вытащил из сумки блокнот, написал несколько строгих слов приказа. Передал Каларандашвили:

— Это отправьте начальнику штаба со своим ординарцем!

Ординарец схватил приказ, метнулся на седло и сразу пропал в ложнине.

Лазо доверчиво улыбнулся отчаянно-му старику: он узнал его на фронте и

полюбил за верность революции и за храбрость. Сергей поднялся с келен:

— А сами скачите туда: задержите своим эскадром бегущих. Оставайтесь на фланге прикрывать артиллерию. Не давайте нас обойти вон оттуда...

Каларандашвили привстал на стременах, посмотрел вокруг, сказал негромко:

— Я с тобой остаюсь, Серго...

Лазо посмотрел на него — понял; ему захотелось обнять сурового старика, но слова он выговаривал серьезные:

— Нет, не останешься, товарищ Каларандашвили.

— Есть, товарищ командующий!

И старик, повернув круто коня, покакал — прямой, тонкий в талии и широкий в плечах, с развевающейся гривой седых волос.

... Мадьяры окапывались молча: ждали кавалерию... Солдаты мировой войны — они знали, что такое кавалерия в степи! Командир батальона велел притащить в середину второй пулемет. Сам лег за левой треногой.

Лазо продолжал смотреть в черные трубы бинокля, наведенные на желтую степь, как жерла маленьких пушек.

Монгольская степь клубилась паром, прогреваемая высоким и сильным солнцем, — огромная золотая чаша, наполненная тишиной, только изредка разрываемой отдаленными орудийными выстрелами.

Казалось, война была далеко...

Но вот уже показалось облако войны над землей: оно стало расти, приближаться...

Лазо его первый увидел. А потом увидели все и услышали, когда загудела земля: конница подымалась на мадьяр по волнообразной степи тремя эшелонами — в дыму, в криках, в вопле, в сверкающих клинках.

Лазо оглянулся на цепь.

Мадьяры лежали, вцепившись в винтовки; в чужой, непонятной и близкой стране они видели башни своих тихих городов за холмами, и вот уже опять они не видели ничего. Только этот высокий, залитый солнцем купол неба и желтую китайского золота степь, утоптанную поколениями кочевников, звеня-

щую бронзой под копытами вражеской конницы...

Лазо посмотрел на часы на руке, посмотрел на коней, совсем близких теперь, и, не подымая головы, махнув рукой командиру, негромко сказал:

— Давай!

И здесь мадьярский батальон услышал:

— Ннэт!!

Лазо повернул голову, улыбнулся: он знал мадьярского командира, он верил в него.

Это командирское «ннэт!» успокоило сразу всех, успокоило руки, горящие от нетерпения. Над батальоном теперь уже подымался храп конной лавины; казалось, ледяной холод шевелил позвончики у людей, лежащих в цепи.

Храп коней, красные околыши бескозырок, чубы на ветру и закрученные усы семеновского казачья, — все это телело, надвигалось на нас!

... И вот, когда — наконец-то! — снизу закричал и залился навстречу, прямо в пасти коней, и запрыгал сдвоенный «Гочкис» — бойцы посыпали в играющие мускулами груди коней залпы винтовочных выстрелов.

Лазо поднялся над пулеметами — высокий и стремительный, как выпущенная в небо стрела.

2

Через два года я снова увидел Сергея Лазо...

Это была короткая встреча, но незабываемая; вызванные подпольным обксом партии из приморской тайги, шли партизаны к Владивостоку, окружали его; голые сопки его задувал, заносил январский тайфун, заваливал его улицы снегом.

Уже не было адмирала Колчака в Сибири; чехи, спасая свою шкуру, сдали его вместе с захваченным в Самаре и наполовину разграбленным русским золотом — черемховским шахтерам. Уже часть Забайкалья и весь хлебородный Амур и Приморье были в руках красных. Оставался только Владивосток. Но он был наполнен еще многими из «четырнадцати наций», участвовавших в

интервенции на Дальний Восток; он был наполнен еще богатством — шерстью, автомобилями, французским шевро, американскими винтовками «Ремингтон» и канадским обмундированием, которого хватало бы на целую армию. В городе еще оставались колчаковские офицеры, но солдат уже не было — они все или перешли к нам, или разбежались...

В Золотом Роге, у кромки полузамерзшего рейда, на океанский пароход «Орел» грузились гардемарины.

Черный, острый форштевень корабля, чуть накренившийся на левый борт, врезался, как гигантский топор, в синий лед. На льду бегали маленькие в черных бушлатах фигурки, бросавшие на пароход патронные ящики, белая кормовая стрела поднимала полевую пушку, из толстой, желтой, с черным кантом трубы серебрился дымок.

Пароход грузился спокойно — никакой суеты.

К парапету набережной подходили рабочие и смотрели угрюмо, злыми глазами на людей на льду: в этом тихоокеанском русском порту за годы интервенции они видели многое, но никак не могли привыкнуть... Они видели, как чехи увозили к себе сибирских коров, забранных у крестьян, — даже подойники не забыты ими. Они видели на крышах воинских эшелонов этой странной армии широкие, деревянные, еще не потерявшие запаха смолы, крестьянские телеги; в вагонах — дубовую и ореховую мебель, увозимую из русских городов; видели много закрытых американских вагонов, груженных автомобильными шинами...

Русские рабочие молча провожали очередной пароход, отплывавший с музыкой и военными кликами.

Они могли только ждать приказа... Им сказали делегаты подпольного профсоюза: не работать, не двигать вражеских воинских эшелонов, наступать на врага забастовкой.

... В этот утренний час затрещал и понесся, ныряя по горбатой Светланке, мотоцикл с прицепом... По пустой, огибающей бухту улице он помчался в Гнилой Угол.

Вскоре оттуда показались отряды американской пехоты; рослые дяди в высоких меховых шапках, в защитных пальто и огромных, мехом наружу, перчатках с меховыми расгубами прошли по главной улице города до вокзала и расставили по многочисленным ее углам патрули. Короткие автоматические ружья они держали подмышкой. За ними появились японские солдаты с высокими собачьими воротниками на желтых шинелях и с примкнутыми штывками на винтовках.

Американские солдаты шутили, смеялись громко, показывая мохнатыми руками на японцев, они поворачивались широкими спинами к ледяному ветру, закуривая сигареты.

Японцы стояли поодаль, косились на беспечных американцев, страдая от злого сибирского холода.

В этот час решалась наша судьба: без выстрела мы должны были войти в город.

На Русском острове находилась офицерская школа — около двух тысяч профессионалов войны; вооруженные пулеметами и орудиями, они еще не сказали своего последнего слова.

И вот туда-то, к офицерам, был послан подпольным комитетом партии Сергей Лазо.

... Лазо вернулся оттуда днем.

Весь мокрый от соленой воды залива, холодный от морского ветра, но веселый, возбужденный только-что одержанной победой, голодный, не спавший несколько ночей, переодеваясь возле раскаленной плиты и жадно жуя булку, — все это разом, не останавливаясь, одновременно он нам рассказывал:

— ... Я им сказал: вы — офицеры русские! За кого вы боретесь?.. За генерала Розанова, за пьяницу и труса, спрятавшегося от народного гнева в японском штабе... давно продавшегося им... За кого вы? Русские люди, молодежь русская — за кого вы?! Вот я к вам пришел один, невооруженный: вы можете взять меня заложником... убить можете... Этот чудесный русский город — последний на вашей дороге! Вам

некуда отступить: дальше — чужая страна... Чужая земля... и солнце чужое...

— Солнце везде одинаково!

— Нет, солнце, поднятое над японским штабом, — это наше солнце, это — чужое солнце...

— Вы землю у нас украли!

— Нет, мы только ее передали законным владельцам: вы — сибиряки и знаете это лучше, чем кто-либо... На этой земле живут ваши матери, сестры, невесты — здесь ваша родина, а не там! Вернитесь к ним, они ждут вас...

— Ваша родина — ад!

— Вы разрушили церкви!

— Вы надругались над русской душой!

— Нет, мы русскую душу не продавали по заграничным кабакам, мы ее не меняли на золото и заморские пушки... Мы не наемными, мы собственными руками защищаем нашу землю; мы грудью нашей, мы нашей жизнью будем бороться за родину против иноземного нашествия!.. Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому!

Здесь переломилось напряжение недоверия: все эти вооруженные сибиряки — учителя, студенты, граждане сибирских городов, сыновья врачей, инженеров, чиновников и просто служилой интеллигенции, — все они по-своему, конечно, любили свою сибирскую родину. Колчак уже не было и не было его армии. Но осталась Сибирь, сибирские города... Вот перед ними большевик — их враг! Но эта живая легенда Дальнего Востока, эта неистребимая партия коммунистов и неумирающая советская власть! Это — реальная сила: за ними сопки, за ними — взятые уже города...

На что решиться?

Под ними каменная земля острова; кругом Японское море и чужие люди... С кем им пойти?

—... А я им говорил: одни мы — большевики — не боимся глядеть правде в глаза и не боимся говорить ее открыто: ну, вы повернетесь к нам оружием, значит — бой!

— Здорово! — кто-то сказал.

Кто-то из нас, нетерпеливый, спросил:

— Ну, и что же они?!

Сергей уже кончил переодеваться. Натянул сапоги, пристукнул каблуком. Накинул шинель, посмотрел на красную звездочку на левом рукаве:

— Ага, бабушка, пришла? Спасибо! — сказал он сторожике.

— Как же они? — еще раз повторил нетерпеливый.

— Была кутерьма сначала. Все кричали. Какой-то прапорщик лез на меня с наганом. Да его скрутили: нашлись разумные головы — проголововали винтовками за нас... Сейчас грузятся на катера, будут скоро в городе.

И Лазо пошел к автомобилю.

Мы все вышли за ним, погрузились в машины и двинулись через Первую Речку, по круто поднимающейся, через горы, Китайской улице, в город, и, когда поворачивали со Светланки на Алетскую, мы услышали в тонком холодном воздухе звенящую медь оркестра и глухой ровный шаг офицерских батальонов, идущих к штабу крепости, где уже разместился наш военный совет.

3

И еще почти через год...

Было это за границей, в Китае, в большом манчжурском городе — гнезде международных контрразведок, с русской полицией в китайской форме — остатками белых армий.

В этом городе, с разрешения китайских властей, но без каких-либо гарантий безопасности, мы организовали комитет по реэвакуации белых офицеров: нам нужно было вырвать из этой среды все, что в ней еще оставалось честного, способного понять свои заблуждения, вернуться к нам и драться в рядах Амурской Народной Армии против Семенова.

Нам нужно было дезорганизовать тыл атамана Семенова — лишить его притока безработных офицеров.

... Через неделю или немного больше пришел к нам необычный и странный посетитель — старик в засаженной робе — и попросил его выслу-

шать. Разговаривая, он доставал из карманов разные бумажки, разглаживал их большой, твердой ладонью рабочего и показывал нам. Из них мы узнали, что он — маневровый машинист депо станции Муравьев-Амурская Уссурийской железной дороги. А когда мы стали его расспрашивать — как он попал в Манчжурию и почему он хочет на Амур, — он рассказал нам о Сергее Лазо, о его гибели — как его сожгли в топке паровоза бочкаревы...

— ... Это было в апреле, вскоре после японского выступления. Как-то днем он с кочегаром сидели в тени паровоза, поставленного под воду. Пришел пассажирский поезд из Владивостока. Сзади у него была прицеплена японская почтовая теплушка. Японские солдаты откатали дверной щит, им было видно из-под паровоза все — к теплушке подошел наряд бочкаревых. Стали что-то вытаскивать тяжелое в мешках. Они подумали — патроны для бочкаревых, которые те получали от японцев в таких же почтовых мешках. Но мешки потащили в их сторону, к ним — к паровозу. Притащили мешки, бросили. Окружили паровоз конвоем, его с кочегаром погнало от будки... Один мешок подняли на паровоз. Развязали... и он увидел Сергея Лазо: его кудрявую черную голову, его смуглое лицо — кто его не знал на Дальнем Востоке?!.. В будке паровоза началась борьба: он, должно быть, был сильный — не давался им, он уперся руками в раскаленную топку...

Больше он ничего не знает!

Он бежал... за кордон, в Манчжурию... Здесь он скитается несколько месяцев. Голодает, измучился. Просит его отправить на Амур, к своим... Мы его отправили на Амур. С курьером мы послали в штаб Народно-Революционной Армии его показания, записанные секретарем комитета товарищем Ф. И. Машанским.

... Офицер этот, бочкаревец, не пришел больше; зачем он к нам приходил — так и не удалось выяснить...

Но зато все остальное мы узнали: Андреев, наш товарищ, начальник Никольско-Уссурийского военного района, после установления тридцативерстной нейтральной зоны вдоль железной дороги в Приморье возвращался во Владивосток в поезде русско-японской согласительной комиссии. На станции Евгеньевке — в Спасске — вышел на перрон погулять, был схвачен белогвардейцами, брошен в японскую комендатуру при станции и там исчез... Теперь мы узнали, что товарищ Андреев был за-

душен в подполье этой японской караулки, раздет до-гола и труп его ночью вывезли за город, на огороды.

Мы узнали, что страшный конец наших товарищей — Лазо, Луцкого и Сибирцева на станции Муравьев-Амурской — дело рук этой же банды бочкаревых. Так же, как и убийство товарища Уткина, председателя согласительной русско-японской комиссии, — в японском поезде и под японской охраной, проведенное совершенно открыто бочкаревыми.

Счастье

Поэма

АНАТОЛИЙ ГАИ

1

Весна метала зóвы.
Был мох лучами взрыт.
И слепнувшие совы
Кляли ее навзрыд.
Они вцеплялись в кедры,
Они бросались вкось.
Но греющие ветры
Прошли тайгу насквозь.

И в ночь голодным валом,
Подбрюшья волоча,
Шли выпи по увалам
И выводки волчат.
Шла рысь, свистели кобры,
И, не страшась врагов,
Косматые изюбры
Несли кресты рогов.

А вдалеке, за палом,
Где сумрак свеж и густ,
Широким, пятипалым
Рос мочковатый куст.
Как руки человечьи,
Он вытянул листы.
Над ними каждый вечер

Свистели в лад клесты.
Дуб ветви вскинул в воздух,
Скрестил, как зубья вил...
Всплывали луны к звездам
И опадали в ил.
Они едва касались
Листвы каймой тугой.
И звезды угасали,
Взрываясь над тайгой.

2

Всплыла из-за тумана
И в эту ночь луна...
Но и при ней — обманна
Глухая целина.

В трясилах ржавых тонет
Ли-чана зыбкий след.
Над левою ладонью
Скрипит его браслет¹⁾.
Ни поутру, ни ночью
Смертельной худобы
Не прикрывают клочья
Издранной дабы²⁾.

1) Деревянный браслет — талисман, носимый искателями жень-шеня.

2) Нищенская одежда из синего полотна.

Передник, как клещами,
 В костлявый в'елся торс,
 И выцвел за плечами
 Барсучьей шкуры ворс.
 ... У голубого моря
 В его родном Чифу ¹⁾
 В тот мир ушла от мора
 Жена с детьми. В тифу
 И сам — считал он трупы.
 И бил шальной манзà ²⁾
 Его — горящей трубкой
 В потухшие глаза.
 В них блеска не осталосьь.
 Ли-чан покинул дом,
 Влача сухую старость
 Натруженным хребтом.
 С тех пор скупое счастье

И молодость искать
 Сквозь зной
 И сквозь ненастье
 Гнала его тоска.
 Она — неутолима.
 Но дух лесов и гор
 Его обводит мимо
 Целебных трав и кор...

Где скат отрогов дальних
 Туманом занесен, —
 На подопревший тальник
 Ли-чана валит сон ³⁾.

¹⁾ Отдаленный район Китая.

²⁾ Хозяин-богатырь.

³⁾ В основу изложения сна Ли-чана положен один из вариантов распространенной среди китайцев легенды о богатыре по имени Жень-Шень. Легенда утверждает, что произрастание целебного корня жень-шень идет, якобы, от крови, пролитой богатырем в схватке с тигром — духом лесов и гор.

Внезапно ветер падкий
 В вершинах пихт завыл,
 И сдвинулись распадки
 Под гулкий клик совы.

Сова кричит все чаще.
 И дух лесов и гор —
 Пятнастый тигр из чащи
 Выходит смел и горд.
 На внешнем половодье
 Могуч и сыт пока,
 Крутым хвостом поводит
 По царственным бокам.
 И вдруг глядит спесиво:
 К нему через пустырь
 Идет Жень-Шень —
 Красивый
 Веселый богатырь.
 Он давнюю охоту
 На духа гор ведет...
 И хищною икóтой
 Перекосился тот.

Скользит по мягкой хвое
 Жень-Шень вперед плечом,
 Свистя над головою
 Сверкающим мечом.
 Но тигр к нему с уступа
 Одним прыжком взлетел —
 И падает у дуба
 Клубок сплетенных тел.
 Зверь сжался...
 Пасть открыта —
 И меч летит в оскал!..
 Тайга дрожит от рыка.
 С низин до крайних скал.

Но под ударом лапы
 Жень-Шень осел пластом,
 И кровь струею слабой
 Затихла под листом.
 Когда же темь опала
 За розовый восток, —
 Зеленый, пятипалый
 Из ила встал росток...

4

Заря плыла к болотам.

Ли-чан открыл глаза.
 С холодным крупным потом
 С него текла роса.
 И, сразу вспомнив тупо
 Тяжелый вещий сон,
 В траву — к подножью дуба —
 Рывком метнулся он,
 И перед ним — за палом,
 Где сумрак свеж и густ,
 Широкий, пятипалый
 Возник целебный куст.

Ли-чан упал, как плаха,
 И из последних сил
 Истошным криком страха
 Над ним заголосил:
 «Дели меня на части,
 Я — чистый человек!..
 Не отымай же счастья,
 Продли мой слабый век!..
 Душе грехи противны,
 Нет помыслов худых...
 Слова мои правдивы, —
 Пан-цуй¹⁾, не уходи!..»

¹⁾ Китайское название жень-шеня.

В траве поникли зовы,
 И отголосок смолк.
 Опять кричали совы,
 И выл в долине волк.
 Казалось — горы пали
 И свет зари потух,
 И шел из темной пади
 Пятнастый хищный дух...

... Дрожа, поднять решился
 Ли-чан горящий взгляд.
 Нетронутым светился
 Его целебный клад...
 И, не дыша, скребенкой
 Копал он. И теплей,
 Чем первого ребенка,
 Ласкал пучок стеблей.

5

На супеси вспотелой,
 Спалив побегу трав,
 Легло вразвалку тело
 Шипящего костра.
 Рыжела постепенно
 В манерке гладь воды...
 Ли-чан от мутной пены
 Глаза не отводил.
 Поправив корень справа,
 Налево перешел,
 Добавил для приправы
 Пантовый порошок...

Коснулся запах резкий
 Расширенных ноздрей.
 Мясистые обрезки
 Ли-чан клал на мездре,
 Мешал в крови марала¹⁾,

¹⁾ Крупный, особо жизнеспособный олень.

Добытой из рогов,
И, чтоб не покарала
Орда лесных богов, —
Он льстил им, через силу
Молитвы бормоча.
И ночь над ним скользила,
Как лезвие меча.

А он, — едва из тучи
Луна опала в ил, —
С мездры кусок пахучий
Горячим ртом словил.
За ним — другой и третий
Ловил, глотал, давась!..
Пусть, как в предсмертном бреде,
В зрачках — слепая вязь,
Пусть корчит боль покуда, —
Вскипела в жилах кровь.
Уже свершилось чудо:
Он молод, он здоров!..

... Но жажда сушит горло.
Ли-чан пополз к реке
И сник, остатки корня
В недвижной сжав руке...

6

Тайга сквозила в пàдях.
Не мог ее покров
Укрыть затишье впадин
От солнца и ветров.
Над мхом гремел зовущий
Фазаний переклик.
И сквозь сырую пушу
Прорвался яркий блик.

Ли-чан привстал от света.
Над ним — просторный день,

И мягкий шорох веток,
И чьей-то фанзы тень.
А рядом...
Кто вскопал их?
Иль все еще в бреду
Он видит — пятипалых
Густых кустов гряды?
И не одну: другая,
Еще!.. Кругом жен-шень!..
Кто столько счастья знает, —
Какой юцайди-жень¹⁾?!

... Он здесь!
Подходит с тростью, —
Скрипят его улы²⁾.
«Пэн ю ни хаб!³⁾» — над гóстем
Радужный блеск луны:
«Исходит день четвертый,
Как ты лежишь без сил.
Тебя едва не мертвым
Сюдя я приносил...
Но жив ты... Крепни смело,
А встанешь — хватит дел!..»

Ли-чан оторопело
В лицо ему глядел:
«Я раб твой, жив пока ты
И твой достойный род,
Богатый из богатых...»
Но усмехнулся тот:
«Здесь нет юцайди-женя,
Давай вдвоем стеречь
Плантацию жень-шеня
Колхоза «Красный Меч!..»

¹⁾ Буквально — богатый человек.

²⁾ Кожаная обувь.

³⁾ Здравствуй, приятель!

7

Осыпал август щедро
 Свой золоченый град
 На жимолость, на кедры,
 На дикий виноград.
 И небо навесное
 Все гуще, все плотней
 Окутывало зноем
 Садоk живых корней.
 Их завязь набухала,
 Хрустела завитком
 И разрывалась алым
 Стремительным цветком...

Но взять, на сотни глянув,
 И одного нельзя...
 А сколько бы даянов¹⁾
 Дал за него шань-цзя²⁾!
 И нищета б летучей
 Бедой ушла при них...
 Как схваченный падучей,
 Ли-чан к гряде приник.
 Рукой, не чуя ссадин,
 Он скреб над корнем мох...

Веселый оклик сзади
 Его, как плеть, ожег:
 «Ты этот корень сгубишь
 На опий, на ханшин³⁾...
 А мы за них накупим
 Колхозникам машин.
 Мы счастье наше сами
 Творим, и каждый рад...
 Богаты мы... А с нами
 Теперь и ты богат.

¹⁾ Китайский доллар.

²⁾ Торговец.

³⁾ Китайская водка.

Ты — под советским кровом,
 Здесь наше — все кругом...
 Ужель ты станешь кровным
 Себе и нам — врагом?..

Как будто смятый ветром,
 Клонясь наперевес,
 Ли-чан побрел за кедры
 И в зарослях исчез.

8

Над зеленью опушек
 С утра, дымясь слегка,
 Как рыхлые пампуши,
 Катились облака.
 И плотной вереницей
 Они, на всем ходу
 Перевалив границу,
 Темнели на виду.
 Там пар долин, кидаем
 Сухих ветров хлыстом,
 Стелился над Китаем
 Безрадостным пластом.
 Там крылись жохлым дерном
 Пустынные поля...

А здесь — легла просторно
 Советская земля.
 Под небосвод высокий
 Дыша теплом, полна

Животворящих соков, —
 В большом цвету она.
 И, словно вновь родившись,
 Забыв о тяжких днях,
 Раз на нее вступивший,
 Не мог уйти бедняк!..

... Ли-чан в глухом смятеньи,
Уже лишаясь сил,
Вторые сутки тенью
Вдоль пади колесил.

Он обходил, темнея,
Плантацию вокруг,
И снова перед нею
Оказывался вдруг.
И, наконец, по тропке
Прошел... На влажный мох
У фанзы сел и робко
Сказал через порог:
«Вернулся я...
Пусть поздно,
Но тяжело одному..
Где добрый друг «Кол хбза»?
Сведи меня к нему!..

9

Шел проводник подлѣском.
Спешил за ним Ли-чан,
Прислушиваясь к плеску
Соседнего ключа.
Даль впереди сияла, —
И розовая синь
Зарю напоминала
В неведомом Цзянси¹⁾.

... Когда багровым шаром
День потухал в пыли,
Как зарево пожара,
Она вилась вдали.
Казалось на рассвете —
Из-за ее лучей
Нес эхо криков ветер

И грозный лязг мечей.
И, гулом обрастая,
Сквозь сумрак мча слова,
Крылатая, простая
Летела с ним молва —
О том, что крыши пагод
В Цзяньси — уже в огне,
Что скоро пеплом лягут
Они во всей стране,
Что встали дружным станом
С оружием бедняки...

И с хрустом у Ли-чана
Сжимались кулаки.
Он жадно слушал чудо,
Гремевшее вдали...
Но отстоял оттуда
Чифу за сотни ли.
И он — в тисках. И рядом —
Манзы всеильный дом
С Конфуцием, с оградой,
С оброком и кнутом.
Их сила хищным зверем
Сплела — тяжкà, грубà —
В тенетах суеверий
Безгласного раба...

10

... По-над хозяйским лугом
Хозяйский вился тракт,
И за хозяйским плугом
Шел, сам не свой, батрак.
Не допахав, торопко
Спешил он — для детей
И для жены похлебку
Сварить из жолудей.
Но в фанзу птицей канув,
Уже вершà дела,

¹⁾ Провинция Центрального Китая.

Шныряла смерть по канам¹⁾
 И корчила тела...
 В тоске считал он трупы.
 И бил шальной манза
 Его горящей трубкой
 В потухшие глаза...

... — Да нет!
 То была пыль в них
 Из-под колес: везли
 С полей автомобиля
 В колхоз — зерна кули.
 — Гляди, считай их до ста,
 До тысячи — не счастье!..
 Всегда здесь пайзы²⁾ в досталь
 И рис в избытке есть.
 И ни манза, ни боги
 Не вырвут их из рук!..

Проходит по дороге
 Твой многолицый друг:
 Уверенна походка,
 И взмахи рук круты.
 — Гляди, — твои погодки,
 Идут в рядах!.. А ты?!

... С уборки — в клуб бригады
 Прошли под гонга звон.
 «Китайской серенадой»
 Встречал их патефон.
 И в первый раз без страха,
 Забыв про сорок лет,
 Ли-чан широким шагом
 Ступил за ними вслед.

11

И краше, и нежнее
 Цветной наряд весны,
 Когда глаза влажнеют
 От жгучей новизны.
 Когда почует тело
 Тепло друзей вокруг,
 И в лад спорится дело
 Твоих горячих рук.
 И под рубахой потной,
 Вздывая мышц игру,
 Волнуется свободно
 Расправленная грудь...

Ли-чан едва трехсотый
 Кончал свой трудовень.
 А ночь через высоты
 Уж заносила тень.
 Она не понимала,
 Что чужд Ли-чану сон.
 Ему казалось мало
 Того, что сделал он.
 За буйный трепет в жилах,
 За радость видеть свет —
 Он отдал бы всю силу
 И весь остаток лет!..

В тот вечер, на летучем
 Собраньи у пруда,
 Ли-чан был признан лучшим
 Ударником труда.
 Он вышел в круг из тени,
 Чтоб много говорить!..
 Но выдохнул в волнении
 Одно лишь слово: «Жить!..»

¹⁾ Отопленные нары в фанзе.

²⁾ Культура, возделываемая в китайских колхозах на советском Дальнем Востоке.

«Понятно!..» — председатель
 Сверкнул зрачками глаз. —

Жить — стало быть, приятель, —
 Работать... Мы как-раз
 В правлении оценили
 Твой труд. Итог такой:
 Послать тебя решили,
 На промысел морской...»

12

Полеты лун крেনятся
 С восхода на заход,
 И если их тринадцать, —
 То, значит, пробил год.
 И значит — перемены...
 Привыкший к чудесам,
 И тот их бурной смене
 Подчас дивится сам.

Была у моря пустошь...
 Теперь — вдоль берегов
 Улов морской капусты
 И сизых жемчугов.
 Шампуньками ¹⁾ прикатан,
 Спуск стался полотном...
 Колхозная бригада
 Просматривала дно.
 Но к ночи шло ненастье,
 И ветер бортовой
 Уже вцепился в снасти
 И выл над головой.

... Загар смуглел на коже
 И бронзой отливал.
 И, с изваяньем схожий,
 Ли-чан глядел на вал:
 «Подходит шторм, ребята,
 А план срывать нельзя...»

¹⁾ Легкие китайские лодки.

Успеем сделать пятый
 Заплыв еще — и взять...!

И, не докончив фразу,
 Нырнул, отдав концы.
 За бригадиром сразу
 Ко дну пошли ловцы...
 Метался с ревом бычьим
 Тайфун еще лютей,
 Но, как ни рвал, добычи
 Не вырвал у людей.
 Лишь к Хакодате, с пеной,
 Внесенной на волну,
 Как тусклую иену,
 Швырнул со зла луну.

13

Волна еще брэнчала
 Швырком последних брызг.
 Не спалось... От причала
 Шел предрассветный бриз.
 Уж зыбь на перекате
 Дышала холодней,
 И пограничный катер
 Пронес огни над ней.

Опять легла над бухтой
 Проверенная мгла...
 Но кто-то к складу будто
 Скользнул из-за угла?

В нем жемчуг...
 Кто ж во мгле там
 Крадется в этот час?..
 Ли-чан рванулся следом,
 К удару изловчась,
 И замер, ожерелье
 Знакомое узнав:

Все так же, ожирелый,
Его носил манзэ.

«Ли-чан мой! Ты ли ожил,
Глазам моим представ?..
Ты, кажется, моложе
И ростом выше стал...
А я — не тот уж трижды,
Худой мой час пришел:
Сбываю, катер выждав,
Сюда парчу и шелк.
Тем и живу...»
«А к складам
Какой попал судьбой?»
«Ли-чан, подумай... Ладом,
Ведь, жили мы с тобой!..
«Нет!.. Суд вели исправно
Вам красные в Цзяньси...
Здесь от меня подавно
Пощады не проси!..».

И рыхлых плеч суставы
Свела жгутом рука.
К посту погранзаставы
Ли-чан погнал врага.

14

Манзэ притворство бросить
Пришлось, — не повезло!..
Хрипел он на допросе
Растерянно и зло:

... И сник под правой мезью
Затравленный шакал.
А потрясенный вестью
Ли-чан — на стан шагал.
И, подымаясь в гору,
Все думал об одном,

Как будет, — будет скоро
Колхоз в Чифу родном!..

Он шел...
Вставало море.
Оно звало, влекло,
Сверкая на просторе,
Как звонкое стекло.
Цвели его крутые
Под солнцем берега,
Для друга — обжитые,
Лихие — для врага.
И ветром созреванья
Неслось за рубежи
Могучее дыханье
Земли, познавшей жизнь.
Почуяв издалече
И слив его с своим, —
Друзья вздымали плечи,
Овеянные им...

15

В падь — снегопадом чаек
Опал морской закат.

... Костров не замечая,
Ли-Чан глядел за скат:
«Там невзначай, в бреду
Границу перешел,
И, пришлый, не чужую —
Свою страну нашел.
Меня гнала в ненасты
И в зной моя беда...
И здесь узнал я счастье
Свободного труда».

Кругом гуляли рьяно
Ловцы, закончив лов.

Варили ужин. Пряный
Дым вился от котлов.
Казалось, неустанный
Вдвойне гремел прибой.

Хабаровск.

И над востоком — в травы
Ночную тень клоня,
Вставала величаво
Заря большого дня.

Стихотворение

А. ГОЛЬД

Поэзия — мое сердцебиенье!
Иди в народ — стань силой превра-
щенья!

Друзьям в походе храбростью явись.
Перед врагом могилой обернись.
И к другу с пересохшими губами
Целительной водою приложись.
Будь грузчику добавочным плечом
Влюбленному — крылатым словарем.
Множь радость матери над колы-
белью.

За гробом пой, коль умер человек,
Который славно потрудился век,
Не песню тяжкую, а песню о веселье,
О родине великой, полной сил,
Чти память друга голос мой земной:
Подснежником, винтовкой и киркой,
Будь музыкой Москвы за рубежами.
Буденовцем сквозь пламя прорывайся,
Качай дубы, и песней оставайся...

Люди и факты

1. И. ЭКСЛЕР — СССР — Северный полюс — Америка. 2. ВАДИМ ОХРЕМЕНКО — Преданность

СССР — СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС — АМЕРИКА

И. Экслер

Среди множества асфальтовых дорог, расходящихся во все стороны от Москвы, есть одна, которую следовало бы назвать Американским шоссе. Издавна дорогу эту зовут Щелковской, начинается она от Черкизова, от Преображенской заставы. Выйдя из города у строящегося гигантского стадиона, она прорезывает далее русские села, выглядящие под самой Москвой почти так же, как и за тысячи километров от нее: на горизонте чернеет стена соснового леса, на зеленых низинах пасутся коровы, сверкают на солнце озера.

Веками прокладывались пути на Москву из северных дремучих лесов. Один из них проходил тут, по Щелковской дороге, по которой сейчас едут на Щелковский аэродром, — тот самый, с которого две краснокрылые птицы начали свой легендарный полет через Северный полюс в Америку.

Можно часами шагать по чуть прижатой траве аэродрома, по его широкой бетонной дороге, и все же ни глаз, ни самое лихое воображение, ни исторические реминисценции — ничто не в состоянии заставить вас перебросить мост от этих низин и берез к скалам Сиера-Невады, к зною Калифорнии — к миру почти потустороннему для нашего восприятия.

Однако же: на широкой бетонной дороге аэродрома стоит краснокрылая пти-

ца, ее трехлопастный серебристый винт вертится, в ее чрево только-что забрались три летчика.

Представляют ли себе эти три человека все величие того, что они хотят совершить?

Кто они, эти люди? Какими красками напишет их художник будущего? Что скажут о них мыслители и историки, когда будут подводить итог эпохе?

Сейчас нам, современникам, выпало полной грудью дышать ароматом этих дней, быть счастливыми свидетелями и участниками легендарных событий.

18 июня 1937 года самолет «АНТ-25» вылетел со Щелковского аэродрома, держа курс на Северный полюс и далее в Северную Америку. Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов, Георгий Филиппович Байдуков и Александр Васильевич Беляков составляли экипаж этого самолета. Потребовалось несколько десятков секунд для того, чтобы самолет, пробежав по бетонной дорожке, оторвался от земли и ринулся вперед, в свой чудовищный прыжок с континента на континент. Однако для того, чтобы эта краснокрылая птица могла совершить такой прыжок, советской авиации и всей советской стране пришлось много и упорно работать.

После того, как Герой Советского Союза, полярный летчик С. А. Леваневский сделал в 1935 году неудачную попытку совершить беспосадочный перелет Москва — Сан-Франциско через Северный полюс, — Советский союз продолжал неутомимую исследовательскую деятельность в Арктике, поставив себе задачей в кратчайший срок основательно изучить центральный полярный бассейн и сделать его доступным для советских самолетов.

13 февраля 1936 года товарищ Сталин — непосредственный вдохновитель всех начинаний по исследованию Арктики — вызвал к себе начальника Главсевморпути Отто Юльевича Шмидта и виднейших напих летчиков во главе с С. Леваневским и М. Громовым для обсуждения вопроса о безопасности трансполярных полетов. Товарищ Сталин, — как рассказывает нам на страницах «Правды» О. Ю. Шмидт, — настойчиво подчеркивал на этом совещании, что, как ни важны трансполярные и другие крупные перелеты, — мы должны беречь людей и полеты должны разрешаться только в том случае, если приняты все меры для уменьшения риска.

Экспедиция О. Ю. Шмидта на Северный полюс и была одной из таких мер. Перед этой экспедицией, небывалой по своему размаху и дерзкой по своему замыслу, стояло много серьезнейших научных задач. Но зимовка, которую экспедиция должна была высадить на полюс, должна была, кроме чисто научной работы, обеспечить безопасность полетов в центральном районе Арктики. Зимовка должна информировать пролетающие самолеты о погоде в районе полюса и служить им дополнительной радиостанцией для связи с материком, а, в случае необходимости, и для пеленгации, то-есть определения курса по сигналам радиостанции зимовки.

Нам незачем здесь перечислять все этапы экспедиции О. Ю. Шмидта, блестяще выполнившей возложенное на нее задание и высадившей на полюсе четверку храбрецов, которые до сих пор находятся в полном здравии на своей дрейфующей льдине. Важно лишь отметить, что дрейфующая станция «Север-

ный полюс» является одним из основных элементов безопасности трансполярных перелетов.

Гигантские усилия, огромные средства, затраченные страной социализма на завоевание полюса и создание этой станции, окупятся сторицей, когда трансполярная воздушная линия СССР — Северный полюс — Америка станет реальным фактом.

К подготовительным мерам, обеспечивающим безопасность и надежность трансполярных перелетов, следует также отнести совершенный в 1936 году замечательный беспосадочный перелет гг. Чкалова, Байдукова и Белякова от Москвы до острова Удд. Он был совершен на самолете «АНТ-25» — той же самой машине, на которой Чкалов и его спутники отправились год спустя в свой перелет через полюс в Америку.

Таким образом, три героя прекрасно знали свою машину...

Самолет «АНТ-25» имеет свою историю. Он был построен в 1932 году со специальными исследовательскими целями. Его отличительные особенности: очень удлиненные крылья и прекрасная обтекаемость. Однако неправильно было бы думать, что самолет, сконструированный проф. А. Н. Туполевым и его учениками пять лет назад, стартовал в свой легендарный перелет 18 июля таким же, каким он был выпущен в свое время с завода.

В 1932 году этот же самый самолет имел дальность полета всего только 7,5 тыс. километров, его скорость равнялась 155 километрам в час. Мотор его был без редуктора, винт — деревянный. Крылья самолета имели обычную для металлических самолетов гофрированную форму.

Лишь в процессе дальнейших испытаний, в результате упорной двухлетней работы, какая выпала на долю инженеров ЦАГИ (Центрального аэро-гидродинамического института) и летчика-испытателя, Героя Советского Союза Михаила Громова, — самолет «АНТ-25» все более и более совершенствовался. На моторе была установлена система шестеренок, соединяющих вал мотора с валом винта так, что винт получил воз-

можность вращаться с меньшим количеством оборотов, чем вал мотора. Это увеличило полезное действие винта. Мощность мотора была увеличена до 960 сил, что в свою очередь увеличивало дальность полета самолета почти на полторы тысячи километров.

Гофрированная поверхность крыльев была превращена в гладкую. Это увеличило дальность полета еще на две тысячи километров.

Если к этому прибавить, что деревянный винт был заменен металлическим, что радиатор был переделан, что поверхность и рули самолета были покрыты особыми красками и лаками (увеличивающими дальность полета), — мы увидим, что легендарный самолет «АНТ-25» в течение двухлетней упорной работы конструкторов и пилота стал совершенно неузнаваем.

В таком модернизированном виде «АНТ-25» был в 1934 году предоставлен Громову, Спирину и Филину для совершения рекордного полета дальности по замкнутому кругу. К этому времени рекорд дальности полета по замкнутому кругу был равен 9.600 километров и принадлежал французам Боссуэро и Росси. Громову и его спутникам удалось побить рекорд французов: «АНТ-25» находился в воздухе 75 часов и прошел 12.411 километров. Скверная погода не позволяла продолжить этот полет, но в баках самолета находилось еще по крайней мере 300 кило горючего.

Так как СССР в то время еще не состоял членом ФАИ (Международной авиационной федерации), этот рекорд не был официально зарегистрирован.

Весь мир пристально следил за движением краснокрылого «АНТ-25». Миллионы людей, печать, радио, не только на родине отважных пилотов, но и буквально во всех концах земного шара, неотступно наблюдали за героическим самолетом...

Сейчас в некотором отдалении от события, рассматривая горы советских и иностранных газет, перечитывая теле-

граммы, очерки и рассказы журналистов, наблюдавших в эти дни за простыми и скромными тружениками, кто бы это ни был, — шофер нью-йоркского такси, парижский рабочий или боец в Испании, — приходишь к выводу, что даже мы, журналисты, по долгу службы своей имевшие подробнейшую информацию, все же не представляли себе всей силы интереса и сочувствия, какое вызвал всюду полет «АНТ-25».

Когда мы читали спокойные, лаконичные телеграммы с борта «АНТ-25» — «Все в порядке», — мы все же еще не знали всего. Только сейчас, когда в нашем распоряжении записки Георгия Байдукова, можно себе представить обстановку полета. Вспомните то место в рассказе Байдукова, опубликованном в «Правде», где описывается тревога на самолете. Белжов замечает, что откуда-то бьет авиационное масло. Все трое действуют молниеносно, все трое словно дополняют друг друга, каждый умеет не только работать, но, если нужно, — повиноваться товарищу. А тяжелые минуты обледенения самолета? «Только бы не обледенеть» — эта мысль не покидала Байдукова все время. Ему кажется, что самолет «падает куда-то в ущелье между облаками». Но — «чувства к чорту: они обманчивы в таких делах», — восклицает Байдуков и пристально смотрит на приборы, веря только им...

«АНТ-25» победно пересек Баренцово море от Кольского полуострова до западных берегов Земли Франца-Иосифа, миновал самый северный остров архипелага — остров Рудольфа, достиг полюса и шел от полюса 2 тысячи километров над неизвестной человеку полосой Ледовитого океана — «полюсом недоступности», — прилегающим к Американскому континенту.

Выйдя к острову Патрика и мысу Рис Пойнт на северном побережье Канады, «АНТ-25» появился над Америкой. У форта Симпсона в Британской Колумбии самолет пересек Скалистые горы и вышел на побережье Тихого океана.

Так летел и летел он вдоль берега Тихого океана. Дойдя до залива Тиллемук в штате Орегон, «АНТ-25» по-

явился над территорией Соединенных Штатов. После 63 часов 25 минут непрерывного пребывания в воздухе «АНТ-25» совершил посадку на аэродроме Барракс близ Портланда (штат Вашингтон).

Впервые в истории самолет соединил два материка по кратчайшей линии. Большевики совершили подлинное чудо: они второй раз открыли Америку!

Путь Чкалова, Байдукова и Белякова был нелегким. Но героическая тройка преодолела все трудности и, несмотря на все коварство арктической стихии, вышла победителем. Над Баренцовым морем самолет прошел на высоте 2.500 метров, у Земли Франца-Иосифа — на высоте 4.000 метров, а дальше еще выше — 6.000 метров.

Самолет обледеневал три раза, из них один раз обледенение было таким значительным, что над «АНТ-25» нависла угроза гибели.

Более 15 часов летел «АНТ-25» со слоем льда на крыльях. Полет на большой высоте требует кислорода, чтобы компенсировать им разреженность воздуха. Экипаж «АНТ-25» пользовался кислородными приборами только в течение 10 часов полета. Затем все запасы кислорода иссякли...

Сейчас мы уже знаем, как вел себя героический экипаж, преодолевая все опасности. Мы уже знаем, как чкаловский экипаж преодолел и обледенение, и кислородное голодание, и встречу с циклонами.

Трое советских людей, не щадя сил, боролись со стихией и победили ее.

Перелетом советского самолета «АНТ-25» человечество словно поднялось выше на голову. Чкалову, Байдукову и Белякову устроили в Америке триумфальную встречу. Ликовал Советский Союз, ликовала Америка, ликовало все человечество, если не считать, разумеется, фашистских варваров, которые позорно скрывали победу советских летчиков перед своим народом.

Не успели, однако, отгреметь овации всего мира по адресу Страны Советов и

ее доблестных летчиков, совершивших легендарный полет через Северный полюс в Америку, как три других советских летчика — Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов, Андрей Борисович Юмашев и Сергей Алексеевич Данилин — на другом, точно таком же, самолете вылетели в новый беспосадочный перелет из Москвы в Америку через Северный полюс. Экипаж второго «АНТ-25» поставил перед собой задачу уже не только перелететь Америку, но и побить мировой рекорд дальности полета без посадки.

Мысль о подобном перелете преследовала Михаила Громова уже давно. В прошлом году Громов, Юмашев, Данилин собирались совершить беспосадочный полет из Москвы в Бразилию (Южная Америка). Полет этот не состоялся, так как правительство Бразилии испугалось большевистского самолета и отказало нашим летчикам в визе.

И Громов, и Чкалов обратились к правительству с просьбой разрешить перелет через полюс в Америку одновременно. Лететь они собирались вместе. Чкалову, однако, удалось вылететь раньше, так как из-за болезни Громова подготовка второго самолета несколько задержалась.

Чтобы побить мировой рекорд дальности, пришлось проделать огромную экспериментальную работу с целью увеличить дальность полета. Несмотря на то, что самолет был готов к отлету, — в течение трех недель шла упорная борьба за облегчение самолета. Облегчить самолет на один килограмм означало пролететь дальше на три километра.

Громов со свойственной ему пунктуальностью начал проверять все имущество самолета. Прежде всего были удалены специальные резиновые баллоны, находившиеся в крыльях самолета и придававшие ему пловучесть. Громов, кстати сказать, не очень верил в эти резиновые баллоны. Он считал, что самолет, коснувшись воды, обязательно стал бы на нос. В этом случае люди наверняка бы вымокли. Затем, в случае вынужденной посадки, экипаж очутился бы в лодке, без радио и без пищи.

— Я не думаю,—говорил нам Михаил Громов в эти горячие дни подготовки к полету,—чтобы можно было долго просуществовать в этой лодочке. Все равно, и в лодке наше положение привело бы нас к одному концу...

Эти резиновые приспособления весили 80 килограммов.

С великой тщательностью был проверен и аварийный запас продовольствия. У Чкалова он весил 165 килограммов,—Громов решительно сократил его до 90 килограммов. Если считать, что каждый член экипажа потреблял бы в день 3.400 калорий, запас продовольствия, оставленный на борту самолета, все же можно было бы растянуть на полтора-два месяца.

Аптека весила 10 килограммов. Громов решительно облегчил ее до полутора кило. Без колебания он выбросил из самолета и спиртные напитки: вода, охлаждающая мотор, была смешана на половину со спиртом и могла, в случае нужды, заменить спирт. Теплой одежды и спальных мешков было взято только два комплекта на троих.

Все это значительно облегчило самолет. И все же его полетный вес был больше полетного веса чкаловского самолета на 270 кило. Произошло это потому, что Громов взял больше горючего. Общий полетный вес самолета составил 11,5 тонны. Бензина было взято 6.180 кило.

Придираясь к каждой мелочи, анализируя все данные испытательных полетов, Громов пришел к выводу, что тяжелая бензиновая смесь даст большую экономию в горючем. Тщательно исследовав этот вопрос, он выяснил, что правильно составленная бензиновая смесь может дать еще не менее 600—800 километров дальности...

Так и было сделано.

Было очень трудно выбрать хорошую погоду для старта. Но вот день старта назначен. 12 июля 1937 года в тихое ясное утро самолет «АНТ-25» вылетел с того же Щелковского аэродрома. Маршрут Громова пролегал несколько восточнее маршрута самолета Чкалова. Громов прошел остров Колгуев, Новую Землю, Землю Франца-Иосифа, Север-

ный полюс, остров Патрика, остров Бенкса, пересек Скалистые горы и вышел на побережье Тихого океана вдоль Сиэттля. Пройдя Сан-Франциско и Лос-Анжелос, громовский «АНТ-25» снизился почти у самой мексиканской границы, вблизи Сан-Джасинто (штат Калифорния).

Не миновал циклона и Громов. Часа через два после того, как его самолет отлетел от Новой Земли, впереди на горизонте показалось светложелтое продолговатое пятно.

То был циклон!

Этот циклон можно было обойти. Но для обхода нужно было потерять много времени. Тогда о рекорде, значит, нечего было и думать. Громов рискнул и пошел напрямик. Чтобы избежать обледенения, он забрался как можно выше, стараясь избежать кучевых облаков, особенно опасных для самолета. Итти на большой высоте было легко, потому что на борту самолета находилось много кислорода—почти на 30 часов полета.

Как рассказывал нам Михаил Михайлович уже по возвращении из Америки, экипаж чувствовал себя в полете все время прекрасно. И Громов, и Юлашев, и Данилин много ели, отдыхали столько, сколько хотелось.

— Кислород, — говорит Громов, — сохранял наши силы. У нас был прекрасный аппетит. Спали мы очень немного, но, очевидно, больше не требовалось.

За весь полет Громов спал три часа, Юмашев — два часа. Что касается Данилина, тот совсем не спал, только дремал. Тем не менее он чувствовал себя отлично и много работал: радировал, занимался вычислениями, следил за ориентировкой.

«Развлечение» доставляли экипажу только циклоны. Но и они, являясь, конечно, сильным препятствием, мало беспокоили пилотов.

— Мы настолько тщательно готовились к ним заранее, — рассказывает Громов, — настолько сильно уже это пережили, что наше настроение в самый момент борьбы было лучше, чем это мог бы представить себе посторонний наблюдатель.

Прошли первые сутки полета, изредка в окошко среди облаков была видна земля — льды, все те же бескрайние полярные льды. Но вот впереди показались какие-то скалы. Это был уже остров Патрика, начало Америки. Показалась безжизненная ровная тундра Канады, испещренная озерами и реками, леса и Скалистые горы.

Поздней ночью громовский «АНТ-25» находился на пути между Сан-Франциско и Лос-Анжелосом. Затем он пересек Кордильеры и, оставив позади Лос-Анжелос, продолжал путь прямо на юг. Впереди лежала мексиканская граница — продолжать полет дальше на юг для увеличения дальности было невозможно.

Пришлось вернуться обратно и через 62 часа 17 минут после старта в Щелкове совершить посадку в пяти километрах от селения Сан-Джасинто... Когда экипаж вылез из самолета после почти трехсуточного в нем пребывания, оказалось, что летчики не потеряли даже слуха, то-есть не оглохли временно, как это бывает в длительном полете. Но они едва стояли на ногах и пошатывались.

— Это было, — рассказывал нам, улыбаясь, Михаил Михайлович, — обычное небольшое пошатывание, которое всегда бывает даже после плавания на корабле, который претерпевает качку...

Громов, Юмашев и Данилин покрыли по прямой линии 10.200 километров и по кривой около 11.500 километров. Рекорд летчиков Кодоса и Росси (Франция), достигнутый ими в 1933 году, когда они пролетели по прямой 9.104 километра, был побит!

Навсегда войдут в историю имена сталинских соколов, проложивших новый воздушный путь через полюс. Имена Громова, Чкалова и их спутников известны сейчас всему миру. Мы гордимся этими богатырями.

Валерий Павлович Чкалов. Еще до того, как его имя стало известно миллионам людей, Чкалова знали в авиационной среде как человека отчаянного и безудержно смелого. Среднего роста,

широкоплечий, он родился в одном из самых живописных уголков Волги — в Василеве (ныне переименованном в Чкаловск). Детство свое он провел на реке, здесь он себя закалил, научился хорошо плавать и нырять. Потом стал работать на землечерпалке, в судоремонтном затоне. Попал в Горький, поступил в авиационные мастерские слесарем.

В Горьком он впервые поднялся на самолете в воздух. Еще в военной школе он проявил себя человеком отчаянной смелости. Первый, на свой страх и риск, стал он летать брющим полетом и делать «пике».

Вскоре Чкалов начал работать на авиационном заводе. Испытание скоростных истребителей стало его специальностью. Тут было где разгуляться и чкаловской дерзости, и чкаловской выносливости. Он проделывал с новыми машинами такое, что наблюдавшие за ним с земли только ахали.

В 1935 году, после демонстрации на Первомайском параде нового истребителя, Чкалов был представлен товарищу Сталину. Знаменитые сталинские слова о том, что жизнь летчика дороже нам любой машины, были сказаны во время этой встречи.

Год спустя Чкалов, Байдуков и Беляков совершили свой знаменитый перелет по сталинскому маршруту от Москвы до острова Удд. Уже тогда всем стало ясно, что наряду с безграничной храбростью и выносливостью Валерий Павлович обладает подлинным летным талантом. Одной из его специальностей стала, если можно так выразиться, борьба с циклонами. Блестящий мастер, виртуоз посадок в любом месте и в любой обстановке, он совершил невозможное, сумев снискаться на крохотной полоске острова, который носит теперь его имя.

Будущий поэт еще воспевает замечательную жизнь Чкалова, боровшегося со стихией, находившегося в слепом единоборстве с циклоном на высоте нескольких тысяч метров. Мы еще не раз услышим имя этого волгаря...

Его спутник — Георгий Байдуков — родился в Сибири, на глухом полуострове, в семье железнодорожника. Бай-

дуков является одним из лучших советских специалистов по слепым полетам.

Штурман Александр Беляков — один из выдающихся штурманов нашей военной авиации, мастер аэронавигации, тонкий и глубокий знаток ее. В недавнем прошлом он был руководителем кафедры штурманского дела в Военно-воздушной академии им. проф. Жуковского. Можно смело сказать, что опыт двух его полетов с Чкаловым — от Москвы до острова Удд и от Москвы до Портланда в Соединенных Штатах Америки — дал ему столько, сколько не даст иному штурману целая авиационная жизнь.

Спокойный, методичный человек этот поражает своим умением логически мыслить и молниеносно принимать решения в любой обстановке. Может быть, эти замечательные штурманские качества сделали Белякова таким наблюдательным человеком, каким мы его знаем в качестве автора путевых заметок, которые он вел во время поездки по Америке и Европе.

Михаил Михайлович Громов принадлежит к числу летчиков старшего поколения. Читатели «Нового мира» (см. книгу восьмую за 1937 г.) уже имели возможность в специальном очерке ознакомиться с личностью этого человека. Это освобождает нас от необходимости писать о нем в этой статье подробно. Мы уже рассказывали о том, что Михаил Михайлович отдал несколько лет своей жизни на испытание и усовершенствование самолета «АНТ-25». Немало опасностей испытал Михаил Михайлович со своими спутниками уже во время подготовки к полету. Так, во время одного из испытательных полетов испортился мотор. Самолет шел с полным грузом бензина на небольшой высоте в облаках и тумане. Сесть было невозможно. Когда Михаил Михайлович решил открыть аварийные клапаны, чтобы вылить горючее и, облегчив этим машину, спланировать на землю, оказалось, что клапаны не действовали. Лишь после ряда усилий открылся один правый клапан, и бензин начал заливать крылья самолета, фюзеляж, про-

никая в кабину и отравляя своими парами экипаж.

Так как бензин выливался только с одной стороны, машина, повалившись на левое крыло, готова была удариться о землю... Оставалось бросить машину и прыгнуть на парашютах. В самую последнюю минуту Михаил Михайлович решил включить на несколько мгновений мотор. Опасность воспламенения разлившегося бензина при работающем моторе была велика, но все обошлось благополучно. Самолет выровнялся и дотянул до зеленого луга... Когда в другой раз испортился мотор, Михаилу Михайловичу пришлось добираться до ближайшего аэродрома на высоте в 25 метров.

Таких случаев в практике Михаила Михайловича было много. И не раз он спасал жизнь себе и своим спутникам тем, что, хладнокровно, трезво учитывая положение, принимал верное решение.

Спутник Громова Андрей Борисович Юмашев замечателен тем, что является одновременно и одаренным летчиком, и талантливым художником. Юмашев побил несколько мировых рекордов по поднятию груза на самолете на высоту.

Что касается штурмана Данилина, то этот скромный труженик и большой специалист своего дела уже много лет работает в качестве аэронавигатора.

Нам вспоминается скромная квартира Сергея Алексеевича Данилина, телеграфный аппарат, на котором он тренировался перед полетом. А на полке среди книг стояла книга по штурманскому делу, написанная человеком, который здесь же рядом сидел и с методичностью школьника, готовящегося к трудному экзамену, выстукивал точки и тире азбуки Морзе.

В 1920 году, 19-летним юношей, увлекшись авиацией, пришел Сергей Данилин в аэросъемочную фотограмметрическую школу Красного воздушного флота. Он стал затем одним из первых и тогда еще немногих аэронавигаторов в нашей военной авиации. Когда началось изучение слепых полетов, Данилин сразу же овладел этим искусством.

Несколько раз Данилин летал за границу в качестве штурмана советских во-

енных эскадрилий, наносивших официальные визиты. Он проводил тогда машины по заранее намеченному маршруту, точно по проложенному курсу, ни разу, невзирая на дурную погоду, облачность и туманы, не сворачивая с пути.

Так же летел Данилин в Америку. Он был уверен в себе, уверен в точности приборов. Не было ни одного такого часа в полете, когда экипаж «АНТ-25» не знал бы, где он находится.

Данилин говорит о своей работе так: «В полетах мои чувства бывают упряты так далеко, что они перестают быть видимыми не только для окружающих, но даже и для меня. В слепом полете, особенно, я просто отказываюсь от своих чувств, ибо доверяться им никак нельзя. Тогда я живу только приборами и своими знаниями, верю только в них.

До сих пор они меня не подводили».

Полетами Чкалова и Громова перед всем миром снова была продемонстрирована мощь и неисчерпаемая сила советской авиации. Стали серьезно говорить об организации регулярного воздушного сообщения между Европой и Америкой через полюс.

После этих двух блестящих полетов, после того, как на полюсе свободно опустилась целая армада советских воздушных кораблей, — трансарктическая воздушная линия уже не является больше чем-то фантастическим. У советской авиации есть все возможности для организации такой линии. И в Европе, и в Америке давно уже существовала мысль об организации таких линий. Англия еще 6 лет тому назад снарядила «Британскую арктическую экспедицию воздушных сообщений», которой было поручено изучить возможность организации воздушной линии Англия — Канада. Избегая длинного и опасного пути через Атлантический океан, эта линия связала бы Канаду с метрополией быстрой и удобной связью. Эта экспедиция два года работала на восточном побережье Гренландии. Летчик Гронау, член этой английской экспедиции, совершил тогда

перелет с острова Сильт через Исландию и Гренландию на Лабрадор. Через Исландию и Гренландию совершил также свой исследовательский перелет 1933 года американский летчик Чарльз Ландберг.

Но все эти полеты не проходили через центральный арктический район. Без наличия станции на Северном полюсе полеты через центральную Арктику были невозможны. Если лететь от Москвы до Сан-Франциско через Атлантический океан, нужно пройти 14 тыс. километров; через Тихий — 19 тыс. километров. Через Северный полюс это расстояние уменьшается до 9.600 километров.

Чтобы возить пассажиров, почту и грузы, незначать совершать беспосадочные полеты, какие совершили Чкалов и Громова. Повидимому, на будущей линии СССР — Северный полюс — Америка более подходящими окажутся скоростные многоместные самолеты.

Недалеко то время, когда остров Рудольфа, Земля Франца-Иосифа, мыс Барроу или город Фербенкс на Аляске окажутся промежуточными аэродромами на этой линии.

Существует ряд вариантов этой линии. Для обслуживания линии, для полной безопасности движения самолетов придется организовать запасные авиационные базы на льду. Опыт зимовки «Северный полюс» подтверждает полную возможность организации этих баз. Так как льды все время дрейфуют, — базы эти будут передвижными. Предполагают, что передвижные радиобазы, передающие сведения о погоде, будут находиться на танках-амфибиях, могущих ползать на льду и переплывать разводья. Придется, повидимому, усилить также сеть существующих радиостанций на берегах обоих материков.

Флагштурман экспедиции на Северный полюс Герой Советского Союза И. Т. Спирин утверждает, что воздушная линия сможет бесперебойно функционировать даже во время полярной ночи. В полярную ночь, оказывается, легче вести самолеты, чем в полярный день. В условиях лета, то-есть сплошного полярного дня, небо в Арктике почти всегда закрыто облаками, и самолетам

приходится идти вслепую, только по приборам. Зимой же, во время полярной ночи, небо бывает ясным значительно чаще, чем летом. Штурманы самолетов смогут легко ориентироваться по звездам.

12 августа со Щелковского аэродрома стартовал гигантский самолет «Н-209», на котором Герой Советского Союза С. А. Леваневский, пилот Н. Г. Кастанаев, штурман В. И. Левченко, бортмеханики Г. Т. Побежимов, Н. Н. Годовиков и радист Н. Я. Галковский вылетели в беспосадочный перелет через Северный полюс на Аляску.

Сейчас мы уже знаем, что этот большой четырехмоторный самолет попал в

беду. На его розыски брошены огромные силы. «Н-209» разыскивают и с американского, и с советского берегов. Партия и правительство не останавливаются ни перед какими затратами, а наши героические летчики — ни перед какими трудностями, чтобы разыскать пропавший самолет и своих друзей.

Мы уверены в успехе поисковых работ, проводящихся в масштабе, который под силу только стране социализма. Беда, в которую попали Леваневский и его товарищи, ни в коем случае не ставит под сомнение идею трансарктического воздушного сообщения. Советские скоростные многомоторные самолеты будут реять над Арктикой, соединяя регулярным воздушным сообщением два континента.

ПРЕДАННОСТЬ

Вадим Охременко

Ударил второй звонок. Кузьма Иванович переложил старое грушевое кнутовище из правой руки в левую и обнял сына. Крепко дважды поцеловались, затем еще раз.

— Ну, Платоша. — тихо сказал отец, — спасибо тебе за все и за службу твою спасибо... Держись высоко, а земли не забывай!

Поезд тронулся. Сверкнув лакированными крагами, летчик вскочил на ступеньку. Махнул рукой:

— Есть!

Клубами дыма застлало перрон.

И вот уже только рубиновый огонек мерцает вдали...

Лошади, дружелюбно пофыркивая, толкали Кузьму Ивановича теплыми мордами в шею и грудь.

Взнуздал. Аккуратно сложил полотняную кормуху. Сгреб остатки сена. И, усевшись поудобнее, разобрал вожжи:

— А ну, хлопцы!..

Колеса гулко застучали по булыжной мостовой.

Сразу за станцией лежали наполовину скошенные поля. Вечером прошел дождь. Все вокруг было насыщено крепким, чуть горьковатым запахом гречишного меда.

Кузьма Иванович свернул с шоссе на мягкий укатанный проселок и в тишине, наступившей разом, услышал, как где-то далеко-далеко — за рекой — еще чукал уходящий экспресс.

Улыбнулся, подумав о сыне:

«Эх, Платоша!».

Сегодня приехали они на станцию задолго до поезда. Гуляли рядышком по перрону. Сын, молодцеватый, плечистый, с тремя кубиками в голубых петлицах,

с браунингом у пояса, шагал скромно и деловито, — отец видел: все оборачивались и подолгу глядели им вслед.

Выпили в буфете две бутылки пива. Потом зашли в парикмахерскую, побрились: Кузьме Ивановичу подревняли волосы на затылке, подстригли усы.

От особой гордости сладко щемило сердце, все в Платоне казалось каким-то новым, обаятельным: манера расплачиваться, говорить с людьми, выравнивать плечи...

Кузьма Иванович осторожно провел двумя пальцами по выбритой щеке. Еще часа полтора назад сидели они рядом в белых креслах...

Кони неспеша поднимались в гору. Колхозник передвинул сено повыше, к задней грядке, и лег навзничь.

Было приятно, оставшись наедине с самим собою, перебирать в памяти события последних дней.

Вот не дальше как позавчера доставили ему во двоо из колхозного амбара сто сорок пудов зерна — аванс за трудни. Платоша, снявши френч, кинулся выгружать шестипудовые чувалы. Как он их метал, как подшвыривал!.. Нагромоздили в кладовой целый штабель...

Легонько покачиваясь, поскрипывая, двигался воз. Над головою мягко лучились звезды. Кузьма Иванович безошибочно признал Большую Медведицу, Волосожар.. Подумал: «А ведь Платоша-то там, под звездами, как у себя дома...» Он почти явственно представил себе самолет, плывущий в страшной, недостижимой выси. Крохотная серебряная стрекозка...

И какая-то глубокая, полная особого значения тревога всколыхнула сердце.

Привстал, не отрывая взгляда от блестящего купола...

А что, если совершить?.. Уж сколько раз думано об этом, передумано. Неясные стремления уступали место неодолимой потребности, властному призыву. Ах, если бы можно сделать это сейчас, сию минуту, для самого себя, для своего сердца, чтобы никто не видел... Воздушный вихрь над головою Большая Медведица, под ногами — земля...

И сразу полночные звезды стали ближе, теплей.

Он засмеялся в темноте, перебрисил ноги за грядку, щелкнул кнутиком.

— Эй вы, буланы!

Кузьма Иванович долго ворочался на кровати, чадил едкой махрой. Потом поднялся, босиком подошел к лежанке, разбудил жену.

— Вот что, Федосья, дело есть... Ты ведь активистка, не как-нибудь, должна понять...

Женщина слушала, тревожно расширив глаза.

— Живем мы, сама видишь, очень великоленно, сын в командирах... Понятно? Через эту, через радость, раскрыта моя душа. скажи мне сейчас: «Иди, Кузьма, войю, наступает враг на советские земли»,—пойду и в атаку кинусь, считая это за счастье... Я преданность свою должен доказать, и не то, чтобы перед народом, а так, вроде как для себя... Преданность, доверие...

— Преданность, это хорошо, — протянула Федосья, — а что ж делать-то?

— Что делать? Прыгать я решил, вот что!

Жена подняла плечи:

— Куда прыгать?

— Ясно куда, — на землю!

— А откуда?

Кузьма Иванович раздраженно махнул рукой:

— Ну, откуда люди прыгают, не понимаешь, с неба...

И добавил деловито:

— Не так же прямо, а с парашютом...

Федосья поняла, отшатнулась в испуге:

— Ой, лишенько, а мы-то как же, семья?!

Кузьма Иванович сосредоточенно закручивал толстенькую цыгарку.

— При чем тут семья... Если охота есть, прыгайте...

Он решил твердо: прыгну!

Утаить подобное намерение от колхозников было трудно. Секретарь правления колхоза, к которому пришел Степаненко за официальной справкой, первый разболтал об этом повсюду. И вскоре уже все село знало:

— Кузьма-бригадир задумал прыгать из-под облаков!

Особенно пронзительные указывали даже место приземления — Воронью балку.

Было досадно: кто подхихкивал, кто тыкал пальцем, кто предостерегал, а кто просто считал своим долгом при каждой встрече заводить специальные «парашютные разговоры».

Кузьма Иванович легко прошел медкомиссию, — в сорск шесть лет он еще свободно выкашивал за день полтора гектара ячменя и «крестился» двухпудовой гирей. Но перед колхозником стояло другое препятствие: в районном городке не было парашютной станции. Здесь только сравнительно недавно организовали кружок, построили вышку.

Степаненко подумал: «Как бы то ни было, подготовку сдавать надо».

Основная молотба подходила к концу, с осенней пахотой в его бригаде дела обстояли блестяще. Правление разрешило Кузьме Ивановичу отлучиться через два дня на третий.

...Даже сам руководитель не смог удержаться от смеха, когда высоко, на платформе парашютной вышки впервые появилась неуклюжая фигура в смазных сапогах и вышитой сорочке.

Степаненко прыгнул, широко расставив ноги, прижав руки к груди.

И ребята неожиданно умолкли: таким торжественным, мужественным и величавым было лицо старого колхозника...

... К восьмому дню занятий пришло радостное известие. Для завершения учебы кружковцев прибывают из области инструктора и самолет «У-2».

Председатель колхоза Матвей Чижик встретил Кузьму Ивановича у конюшни, — люди возили навоз. Отвёл в сторону, смущенно пожевал губами.

— Ты слушай, Кузьма. Мы с тобою почти старики... Зачем нам, того-этого, в молодняцкое дело соваться. Агитация?.. И так хватит, всякому понятно. Смешно, брат... И не то, чтобы смешно, а, того-этого, не стоит... Года не те! Неужто в самом деле прыгнешь?

Уперся пристальным взглядом в самую душу, такой славный, седенький, — вместе четыре года партизанили, строили советскую власть.

Усмехнулся Кузьма Иванович, погладил Чижика по плечу:

— Не понимаешь ты, Матюша, моего сердца. Вот, пока не прыгну, не могу я себя считать полным человеком...

Чижик кивнул ласково, отошел. Но, видно, не понял.

... В тот же вечер, тихонько скрипнув дверь, заглянул в хату конторщик Оноприенко.

Повел разговоры о том, о сем. Стал уходить, — картуз завалился под лавку. Нашел. Долго вытирал рукавом. И вдруг выдал, заикаясь:

— А знаете, Кузьма Иванович, смешные слухи по селу идут, будто вы прыгать собираетесь, что ли. И потом, между прочим, должок за вами существует, тридцать четыре рубля сорок копеек. Помните, поросенка взяли...

И ухмылялся, а у самого глаза — юльвивые, собачьи.

Степаненко понял. Молча переглянулся с младшим сыном Федькой. У того, в заветной коробочке, рублей пятьдесят было, копил на велосипед. Мальчуган достал, отсчитали тридцать четыре сорок.

Кузьма Иванович, собрав в горсточку, подал вежливо:

— Получайте.

И вспыхнул от гордости, перехватив задорный взгляд мальчишки.

Оделся тщательно, во все новенькое. Зашнуровал хромовые ботинки. Прощелся по хате со скрипом.

— Ну, Федосья, пора...

Жена замигала глазами. Обнялись крепко.

— Смотри ж там, осторожней!..

Зарыдала. Кинулась к сундуку, схватила шерстяной платочек, серый, в черную клетку.

— Возьми, наверху-то, поди, холодно...

Был девятый час утра. Солнце сушило ночную росу на цветках клевера. Посреди огромного дымящегося поля нетерпеливо подрагивал зеленый самолет.

Кузьма Иванович, в кожаном шлеме, обтянутый широкими ремнями, взбирался на заднее сидение. Скуластый, суровый, усатый, он был похож на средневекового рыцаря.

Летчик обернулся, прищурил глаза:

— Ну как, папаша, прошлый раз не мутило?

Колхозник кивнул:

— Ничего!

И опустил тугие квадратные очки.

— Пршли?

— Давай!

Взревел пропеллер. Побежали, оторвались, взмыли над полем. Самолет набирал высоту. Едва заметно щекотало в груди, подкатывало к горлу. Кашлянул. Отчаянно захотелось курить. Сунул было руку в карман, однако вспомнил: нельзя.

Наклонившись, глянул вниз. Там, медленно вращаясь, проплывали полосы вспаханных и сжатых полей. Ласково сверкала речушка. Всмотрелся. У правого крутого берега четко виднелась черная скорлупа. Понял — рыбалка.

Прошептал с тихим торжествующим смехом:

— Окуней ловишь, прохвост!..

Но вот — определил по звуку, по содроганию — как-то тише, ровнее пошла машина. Летчик поднял руку.

Кузьма Иванович привстал. Ветер хлестанул в лицо, упруго уперся в плечи, затеребил тесемки шлема...

Жилистыми руками Кузьма Иванович перебирал стойки, тросы. Встал. На секунду остановилось сердце: вот сейчас...

И тотчас сердце застучало вновь упрямо, твердо.

Скосил глаза влево. Знак подан. Разжал руки и уверенно шагнул в пространство.

Машина прогремела над головой. Необычная легкость, голубая пустота, стремительное падение...

Почти машинально, заученным жестом, потянул кольцо. Но только не рванул, а именно потянул — мягко, похозяйски, как бы не испортить.

И кремовый цветок, шурша, вырос за спиной, молниеносно расцвел — шелковая громадная чаша.

Дернуло подмышками и выше колен. Старик повис в воздухе, как ему показалось, неподвижно. Только теперь он глянул вниз, и сумасшедшим восторгом зашло сердце.

Осенние поля, яркие, солнечные,плыли навстречу.

И вдруг, хохоча, крикнул что-то чудное, не то слышанное когда-то давно, не то сказанное им самим минуту назад:

— Окуней ловишь, прохвост!..

Легкий ветерок относил его к темнеющим баштанам. Кузьма Иванович стал готовиться к приземлению. Он уже ви-

дел: перед соломенным куренем, размахивая шапкой, стоял старик-сторож, а к дынным грядам, навстречу парашюту, с яростным визгом неслась лохматая овчарка.

Вот они, шершавые стебли, янтарные дыни-дубовки... Побежал, мягко упал на колени... И, разом вскочив, крикнул осатаневшей собаке:

— Пу-у-ушла вон, стерва!..

Областной инструктор подошел первым, — Кузьма Иванович уже разбираал на грядках спутанные стропы.

Инструктор глянул и, широко улыбувшись, стиснул руку колхозника:

— Больше ничего сказать не могу!

Уже вечерело, когда бригадир подходил к родному селу.

Пастухи, хлопая бичами, гнали череду. Ржаво пылила глинистая дорога. Дремали над прудом старые вербы. Утки мирно покрывали в осоке.

Кузьма Иванович неторопливо шел вдоль плотины.

Девушки с коромыслами, увешанные мокрым бельем, поднимались за плотину. Увидели. Остановились, как вкопанные. В глазах — восторженное любопытство.

Седоусый бригадир кивнул им и прошел мимо, застенчиво прикрывая левой рукой маленький голубой значок парашютиста.

За рубежом

1. Р. ПЕРЕСВЕТОВ — Он пал под Мадридом 2. ОГЮСТЕН АМОН — Французская пресса

ОН ПАЛ ПОД МАДРИДОМ

Р. Пересветов

†

Трудно поверить в смерть этого человека, которому уже столько раз удавалось ускользнуть из ее силков. Еще совсем недавно Ганс Баймлер вместе с Фрэнком Питкерном — специальным корреспондентом «Дейли Уоркер» — осматривал передовые позиции у Касса дель Кампо. Баймлер доставал из кармана подробную карту Мадрида, когда марокканская пуля прошивистела у самого его виска.

— Счастливо отделались, — сказал Питкерн, — наклонись вы еще немного, и батальон имени Тельмана потерял бы своего комиссара.

— О, мне еще ближе приходилось встречаться со смертью, — ответил Ганс со своей обычной спокойной усмешкой...

Четырнадцатилетним подростком Ганс Баймлер приехал в Мюнхен из маленькой баварской деревушки Вальдтурн в Верхнем Пфальце. Чтобы облегчить своему отцу — мелкому деревенскому ремесленнику — заботы о семье, Ганс поступил учеником на металлургический завод. После этого он работал слесарем на паровозостроительном заводе и на знаменитой гамбургской верфи «Блом и Фосс». В 1913 году он вступил здесь в союз металлистов и завязал первые связи с социалистической молодежью. При-

зыв в армию заставил Баймлера прекратить работу на производстве. Почти всю мировую войну он провел в качестве матроса на военном тральщике. Во время стоянок в портах Баймлеру иногда удавалось возобновлять контакт с товарищами и получать от них революционную литературу для распространения среди матросов своего корабля.

Жестокая дисциплина, царившая в германском флоте, и привилегированное положение офицерской касты вызывали большое недовольство среди матросов. Уже в 1917 г. это недовольство прорвалось наружу в виде волнений на линейном корабле «Принц-регент Леопольд». Суровая расправа, учиненная над экипажем этого корабля, расстрел двух матросов и осуждение остальных «бунтовщиков» на длительные сроки тюремного заключения еще больше озлобили матросскую массу.

В ноябре 1918 г. германские моряки отомстили за себя и за товарищей, отказавшись подчиниться приказу морского командования о выступлении против английского флота. Перевес был на стороне англичан, и нападать на них в этих условиях значило идти на верный разгром. Матросы стоявших в Киле и Вильгельмсгафене военных судов не захотели рисковать своей жизнью ради «спасения чести кайзерского флота» и подняли флаг восстания. Активным участником этого восстания был и корабельный унтер-офицер Ганс Баймлер.

В Киле матросы разоружили реакционных офицеров и свезли их на линейный корабль «Гессен». Выбранный ими совет матросских депутатов должен был решить — пустить ли их ко дну вместе с кораблем или отпустить на волю. Левая часть матросов, среди которых был и Баймлер, была за потопление. Но социал-демократические ораторы высказались против этого предложения. Большинство депутатов были революционерами только на словах, а на деле заняли колеблющуюся позицию.

Баймлер и группа его товарищей покинули Киль и отправились к себе на родину в Мюнхен. Здесь также были созданы советы рабочих и солдатских депутатов, в которых большинство принадлежало, однако, оппортунистическим элементам. Но Ганс Баймлер знал, что ему делать. Еще в ноябре 1918 г. он вступил в союз спартаковцев, а затем и в коммунистическую партию.

Молодой моряк проявлял большую активность, выступая на многочисленных митингах и собраниях с разоблачением реакционной политики социал-демократического правительства Эберта — Носке, ставшего центром притяжения всех враждебных революционному пролетариату сил. Баймлер призывал рабочих не выпускать из рук оружия, чтобы дать отпор душителям революции. Не будучи опытным оратором, он, однако, всегда умел находить убедительные слова, понятные каждому рабочему.

«Я увидел Ганса Баймлера впервые в 1919 г., — вспоминает мюнхенский рабочий Зепп В., — на одном собрании незадолго до установления советской власти в Мюнхене. Он принимал горячее участие в дискуссии и ясно обрисовывал путь, по которому должен был идти германский пролетариат в своей борьбе. Его речь взволновала меня и открыла мне глаза. Я был тогда членом независимой социал-демократической партии и начал постепенно сознавать, что только молодая компартия находится на правильном пути»...

Но коммунистическая партия не была еще тогда достаточно сильной, чтобы повести по этому пути массы. Она не имела прочной опоры среди крестьян,

составлявших большинство баварского населения. Все же неожиданное вооруженное выступление белогвардейцев в Мюнхене и приближение карательных отрядов палача Носке ускорили ее приход к власти. Баварские рабочие ответили на наступление реакции провозглашением Баварской советской республики.

Призыв молодого советского правительства записываться в ряды Красной армии для организации отпора белым бандам встретил горячий отклик среди трудящихся. Вернувшиеся с фронта солдаты опять достали свои винтовки, рабочие потянулись к складам оружия. Ганс Баймлер одним из первых записался в ряды бойцов.

Около местечка Дахау, в пятнадцати километрах от Мюнхена, разгорелись особенно ожесточенные бои. Ганс Баймлер вместе с горсточкой бойцов, среди которых находился и его близкий друг — пулеметчик Фриц Дрессель, до последней минуты оставался на боевом посту, задерживая продвижение белых банд к столице Баварской советской республики.

Но героические усилия бойцов уже не могли спасти красный Мюнхен. Значительное техническое и численное превосходство сил противника, предательская политика социал-демократии, колебания «независимцев» и анархистских лидеров и, наконец, ряд промахов и ошибок, допущенных руководством компартии, привели к падению Баварской советской республики. Белые вступили в Мюнхен. Начались аресты, чего не удалось избежать и Гансу Баймлеру.

Два года проведены были после этого в баварской тюрьме в Шенефельде. Отбыв заключение, Баймлер вернулся на производство и с голсовой окунулся в партийную и профсоюзную работу.

Рабочие паровозостроительного завода в Мюнхене выбрали его в свой завком. Одновременно Баймлер ведет работу партийного агитатора, докладчика на деревенских собраниях, вербовщика новых подписчиков для партийной печати.

Весной 1925 года баварские коммунисты впервые после шестилетнего пребывания в подполье получили возмож-

ность широко развернуть свою агитационную деятельность. Орган компартии стал теперь выходить открыто, и коммунистические ораторы могли свободно выступать на собраниях без опасения быть немедленно арестованными.

В день президентских выборов коммунисты Мюнхена собрались в партийном комитете, чтобы заслушать доклад о результатах партийной работы в отдаленных деревушках Верхней Баварии.

«Дело подвигается, мы идем вперед», — воскликнул тогда Ганс Баймлер, обрадованный достигнутыми партийными успехами. Впоследствии его товарищи не раз слышали, с каким бурным восторгом повторял он эти слова.

Бодрое настроение Ганса, которым он заражал всех окружавших его людей, еще больше укрепилось после совершенной им в том же году поездки в Советский Союз — вместе с первой германской рабочей делегацией.

Первым советским городом, который увидел Баймлер, был Ленинград. Сердечная встреча, устроенная немецким гостям ленинградскими рабочими, произвела огромное впечатление на делегатов. Они были глубоко растроганы теплым приемом, который показывал, с какой искренней дружбой относятся русские рабочие не только к ним, но и ко всему германскому рабочему классу.

Семь недель провела делегация в Советском Союзе. За этот сравнительно короткий срок делегаты, конечно, не смогли получить исчерпывающего представления о жизни громадной страны, но того, что они видели, было достаточно, чтобы выяснить самое главное.

Вернувшись в Германию, Ганс Баймлер принял участие в отчетной кампании на предприятных, прошедшей с громадным успехом. Мюнхенские рабочие засыпали Баймлера бесчисленными вопросами, и нередко собрания затягивались далеко за полночь.

Более 1 300 докладов сделали делегаты по всей Германии. Буржуазная и социал-демократическая печать принимали все меры к тому, чтобы замолчать результаты этой поездки, и отказывалась печатать отчеты об этих собраниях. Тогда делегация издала сама сто-

тысячным тиражом печатный отчет о своем пребывании в Советской России. Его раскупили так быстро, что пришлось выпустить еще два издания.

Вступив на путь репрессий по отношению к вернувшимся из Советской России делегатам, социал-демократические вожди исключили многих из них из партии и профсоюзов. Но Баймлеру это не угрожало. Еще в 1923 году профсоюзные бюрократы исключили его из союза металлистов, как коммуниста. Вскоре после возвращения из Советской России областной комитет германской компартии возложил на Баймлера руководство профсоюзной работой в Южной Баварии. На этом посту он проработал около трех лет. В 1928 году компартия поручила ему работу руководителя партийной организации в Аугсбурге.

Аугсбургская организация стала вскоре одной из самых передовых в Баварии. Авторитет компартии среди рабочих рос с каждым днем. Она была теперь их вождем в многочисленных забастовочных боях, становившихся все более ожесточенными по мере обострения экономического кризиса. Вместе с тем росла и личная популярность Баймлера. Он завоевал доверие не только среди рабочих, но и в средних слоях населения. Во время выборов и других кампаний мелкие торговцы и ремесленники охотно делали взносы в «избирательный фонд компартии» и никогда не отказывали в ночлеге приезжавшим из Мюнхена активистам.

В феврале 1932 года Ганс Баймлер едет в Берлин на собравшуюся в чрезвычайно ответственный политический момент конференцию германской компартии. Экономический кризис все более углубляется, усиливая нищету и разорение трудящихся слоев населения. Чувствуя себя бессильной сдержать растущее недовольство масс, буржуазия видит свое единственное спасение в приходе к власти фашизма.

Эрнст Тельман предостерегает партию от недооценки этой угрозы и выдвигает задачу сплочения всех антифашистских сил для борьбы против общего врага, как главное требование момента. Пред-

видя приближение новых ожесточенных боев с противником, Центральный комитет компартии еще раз проверяет свои кадры, отбирает самых достойных и поручает им наиболее ответственные участки работы. Пожимая руку Баймлеру, Эрнст Тельман сообщает ему о решении ЦК перевести его в Мюнхен в качестве политического секретаря всей баварской организации.

Работа на этом ответственном партийном посту в стране, где зародилось гитлеровское движение, требовала большой выдержки. Провокации и убийства были тогда обычным явлением. Но Ганса нельзя было запугать. Он умел стойко защищать дело рабочих и, опираясь на их поддержку, давать достойный отпор врагу. Популярность Баймлера росла с каждым днем.

«... Я видел его в Мюнхене марширующим во главе демонстрации, — вспоминает мюнхенский рабочий С. — Рядом с ним шли его товарищи Сепп Гетц и Фриц Дрессель, впоследствии зверски убитые фашистами. Полиция оцепила площадь. Одним прыжком Баймлер перескочил через перила и взобрался на цоколь памятника. Тысячная толпа окружила его. Жены рабочих поднимали сжатые кулаки: «Рот фронт, Ганс!». Все лица сияли: это был их Ганс. Ганс Баймлер сумеет дать отпор этим цепным собакам! И он не жалел гневных, бичующих слов по адресу «блустителей порядка», расчищавших дорогу фашизму. Я видел его на собраниях в Штраубинге, Аугсбурге, Пассау. Всюду, где бы он ни появлялся, он вызывал любовь и воодушевление масс, потому что он говорил с народом на его языке, знал его нужды...».

В этом же году рабочие послали Баймлера своим депутатом в рейхстаг. В это время фашисты уже подбирались к власти, и компартия перестраивалась, готовясь перейти в подполье. В ноябре 1932 г. в Мюнхене собралась областная партийная конференция.

«Несмотря на плохое состояние здоровья, вызванное длительной болезнью, — вспоминает один из участников этой конференции, — Баймлер приехал на конференцию, чтобы в об-

стоятельном докладе обрисовать задачи партии в борьбе против фашистской опасности. Многим из нас он как следует «вправил мозги» и по-товарищески разъяснил, в чем были наши ошибки. В его критике не было никакого сомнения, которое могло бы нас обидеть, и, напротив, она еще больше усилила наше доверие к нему».

Баймлер призывал товарищей не поддаваться на провокации фашистов, становившихся с каждым днем все наглее. Время для решающих боев еще не наступило. Нужно было сохранить силы, чтобы в неутомимой повседневной борьбе за завоевание большинства рабочего класса подготовить победу над врагом. Когда это будет сделано, палачи не уйдут от расплаты.

Выступая в последний раз перед трудящимися Мюнхена на легальном открытом собрании в цирке «Кроне», Ганс воскликнул: «Мы еще встретимся с ними в Дахау». Он хотел этим сказать, что придут времена, когда германские пролетарии будут бороться с фашизмом с таким же ожесточением, с каким дрались в окопах Дахау против белогвардейского сброда палача Носке.

2

Когда Гитлер захватил власть, Ганс Баймлер был уже на нелегальном положении. Еще 10 марта баварский министр внутренних дел Вагнер передал по радио приказ полицейским и жандармским властям «немедленно арестовать всех коммунистических и социал-демократических активистов». Но, несмотря на все усилия полиции, аресты и облавы не дали ожидаемых результатов. Большинство руководящих партийных работников перешло на нелегальное положение еще 30 января — в день назначения Гитлера рейхсканцлером.

Ганс Баймлер был не из тех людей, которые падают духом. Преданный сын партии, неутомимый боец и организатор, он отдавал все силы дальнейшему укреплению партийных кадров, подготавливая и инструктировал молодых членов партии, проверяя их способность перестроить методы борьбы в соответствии с новыми условиями.

Фашистские ищейки прилагали огромные усилия, чтобы напасть на след Баймлера. Вскоре им удалось арестовать одного руководящего работника мюнхенской организации, на которого было возложено распространение подпольной литературы. Необходимо было срочно найти ему заместителя. Для этой цели партией был заблаговременно намечен один товарищ, которому Баймлер должен был передать соответствующие инструкции.

Явившись в условленное место в назначенный час, Баймлер передал этому товарищу необходимые директивы. Беседа подходила уже к концу, когда к ним вдруг подкатил полицейский автомобиль, в котором сидело шесть агентов полиции. Ганс Баймлер и его спутник были тут же арестованы и привезены в мюнхенский полицейский президентум.

«Мы поймали Баймлера, мы поймали Баймлера», вопили чернорубашечники. В тот же день они подвергли своего пленника самым зверским истязаниям и пыткам. Вот как описывает сам Баймлер свое первое знакомство с фашистскими методами обращения с заключенными:

«Меня привели в расположенный под лестницей маленький полутемный чуланчик, освещенный крохотной лампой. Обстановка состояла из черного канцелярского стола и походной кровати, на которую был брошен соломенный тюфяк.

Дверь за нами заперлась. Наручники с меня сняли.

— Шапку и пальто долой!

Я подчинился приказанию и сбросил верхнюю одежду на постель.

— Быстрее пошевельвайся, — последовал новый окрик, — пиджак, жилет, штаны, все снимай.

Едва успел я раздеться, как меня повалили на стол. Ноги повисли в воздухе.

— Ложись, как следует! — крикнул «начальник» и, схватив одной рукой мою голову, зажал ее, словно железными щипцами, подмышкой, другой рукой закрыл мне рот.

Я успел еще услышать: «Начинай», как на меня уже посыпались удары.

Меня били до тех пор, пока я уже не мог издать ни звука. Получил ли я

шестьдесят или семьдесят ударов резиновой дубинкой, или еще больше, я не знаю, ибо потерял сознание. Очнулся я на полу возле стола. Пот струился по моему лицу. Я не в состоянии был держаться на ногах.

— Надеть штаны, да поживее, — рявкнул один из бандитов. Опершись одной рукой о край стола, я стал другой рукой натягивать одежду. Каждое движение причиняло нестерпимую боль, и мне стоило больших усилий удержаться от стонов.

— Ну, что, забыл ты сейчас, что ты депутат рейхстага? — спросил меня экзекутор.

— Так вы меня за это били? — проговорил я.

— И мало тебе еще, — прокричал кто-то.

В тот же момент меня снова бросили на стол и опять начали избивать, пока я вторично не потерял сознание.

— Хватит, — услышал я. — Ну, а теперь ты доволен? — цинично усмехнулся один из истязателей.

Я промолчал.

«Что будет дальше?», сверлило в моем мозгу. Я был готов ко всему, понимая, что ярость этой банды все усиливалась. Надежды на то, что я уйду от них живым, не было никакой. Мне не дали даже передохнуть. Едва кончилась порка, меня снова потащили по лестнице наверх к «белому залу». Дикая орда штурмовиков, расположившись на лестнице, повидимому, устроила себе развлечение из моего избивания, прислушиваясь отсюда к тому, что происходило внизу.

Мое появление было встречено гиканьем, руганью и криками:

— А парень-то жив еще! Чего вы с ним церемонитесь? Добейте его!».

Но немедленная расправа не входила, очевидно, в расчеты мучителей. Вспомнив слова Баймлера «о встрече в Дахау», они решили поместить его в толькочто устроенный в этом городке концентрационный лагерь. Едва только Баймлер переступил порог лагеря, как чернорубашечники нацепили ему на шею плакат с издевательской надписью: «Добро пожаловать в Дахау!»

Баймлера поместили в карцер, устроенный в бывшей общественной уборной. Сюда каждый день являлась орда чернорубашечников. Они избивали и пытали Баймлера:

«Дверь распахнулась, и шесть бандитов во главе с убийцей Штейнбрэннером ворвались в мою камеру. Их черные кепки были сдвинуты набекрень, а мокрые, свисшие на лицо волосы доказывали, что они успели «жарко» поработать.

— Ложись, — закричал Штейнбрэннер.

В то время, как четверо меня били, двое в такт выкрикивали: «Рот фронт!», «Да здравствует Москва!», «Да здравствует Тельман!», «Да здравствует мировая революция!».

Каждый из этих зверей нанес мне по меньшей мере 40—50 ударов. Но этого им было еще мало. Я должен был, как школьник перед учителем, подставлять им то левую, то правую руку, чтобы они могли еще по десять раз ударить меня нагайкой по пальцам, затем столько же раз по ладоням... Мои пальцы после этого так распухли, что я несколько дней не мог ими пошевеливать».

Так продолжалось изо дня в день. Но едва ли не самой страшной пыткой для Баймлера были стоны его товарищей. В том же карцере, разделенном перегородкой на несколько камер, подвергался истязаниям городской советник Мюнхена Иосиф Хирш. Там же были замучены ближайшие соратники Баймлера — секретарь баварского комитета коммунистической партии Сепп Гетц и коммунистический депутат баварского ландтага Фриц Дрессель.

Когда Дрессель был уже мертв, палачи привели Баймлера в его камеру, чтобы показать ему труп его друга.

«Это было самое страшное переживание в моей жизни, — вспоминал Баймлер впоследствии. — У моих ног на каменном полу лежал истерзанный, покрытый большими ссадинами труп моего многолетнего друга и боевого товарища Фрица Дресселя. Левая рука была откинута назад, на локте три глубоких пореза, кухонный нож валялся рядом.

Все было ясно. Неслыханными пытками довели они его до самоубийства,

как они это ежедневно пытались сделать со мной, Гетцем и Хиршем...

— Так, — сказал негодяй, исполнявший в лагере обязанности коменданта, — так, теперь ты видишь, как это делается. Ты не должен думать, что тебя привели к твоему другу, чтобы ты на него еще раз взглянул и попрощался с ним. Ты должен был только посмотреть, как это делается, и убедиться, что он не был таким трусом, как ты».

В камеру Баймлера принесли веревку и столовый нож. «Не для хлеба», цинично пояснил палач.

У Ганса Баймлера была железная воля и несокрушимая революционная выдержка.

«Заклученный Баймлер налицо», — рапортовал он каждый раз на утренней проверке. Тюремщики приходили в бешенство. «Долго ли ты еще будешь налицо?» — спросил его однажды главарь чернорубашечников Штейнбрэннер, а комендант лагеря прямо заявил: «Если завтра к пяти утра ты не покончишь с собой, мы убьем тебя сами».

Баймлер вспомнил, что как-раз в этот день, двенадцать лет тому назад, у него родился сын, и ответил: — Я не хочу этого делать сейчас, потому что моему сыну сегодня исполняется двенадцать лет. Я не хотел бы, чтобы мой мальчик всякий раз вспоминал в этот день, что его отец покончил самоубийством».

И вот в тот момент, когда у Баймлера, казалось, оставалось только два, в сущности, одинаковых выхода, сознание борца подсказало ему третий.

«Я не хотел умирать так, как умер Фриц Дрессель, — писал Баймлер в своих воспоминаниях об этом дне.

Товарищ Гетц, которому я сообщил накануне о своем решении бежать ночью, предостерегал меня: «Ганс, не делай этого, — сказал он, — ты попадешься». Однако я твердо знал, что ни в каком случае не наложу на себя руки, и не хотел, чтобы меня зверски удавили в этой темной, грязной дыре. Я решил бежать в ту же ночь. Лучше погибнуть под их пулями».

На окне бывшей уборной не было таких крепких решеток, как в других помещениях. Измученный ежедневными

истязаниями, Баймлер нашел в себе, однако, силы выбраться из камеры, преодолеть тройную линию проволочных заграждений (через одну из них был пропущен электрический ток) и высокую каменную стену.

На следующее утро комендант лагеря должен был с яростью констатировать, что заключенный Баймлер и не повесился, и не был «налицо».

3

Обитатели лагеря были разбужены в этот день раньше обычного пронзительными гудками сирены. Несмотря на холод и дождливую погоду, их выгнали из барака в одном белье и построили в шеренги на учебном плацу.

«Мокрые и дрожащие от холода, простояли мы там с 6 часов утра до 2 часов дня, не смея пошевелиться, — рассказывал впоследствии один из бывших заключенных этого лагеря Сепп Виммер. — Однако причина тревоги не была никому известна. Постепенно стал просачиваться слух, будто Ганс Баймлер бежал. Мы отнеслись к этому с недоверием. Не хотела верить этому и администрация, решившая, что он обязательно спрятался где-нибудь внутри лагеря. Одиннадцать часов продолжались поиски. Проходя потом под охраной караульного мимо арестантского барака, в котором должен был сидеть Баймлер, я заметил, что на одном из окон этого барака, обычно заколоченном, одна доска была сбита и свешивалась вниз. Но мы никак не могли преодолеть наши сомнения и продолжали опасаться за жизнь Баймлера. Лишь после того, как все поиски оказались безрезультатными, караульные подтвердили нам факт побега. При этом мне запомнились слова одного чернорубашечника: «Лучше бы убежали пятьсот других заключенных, чем именно этот Баймлер». Это показывает, как сильно они его ненавидели. Но мы, конечно, ликовали и гордились своим Гансом».

Не меньший переполох вызвал этот побег и в Мюнхене. Вся мюнхенская полиция и отряды штурмовиков и чер-

норубашечников были брошены на розыски беглеца. Не найдя Баймлера, они решили отомстить его близким. Желю еще до его побега арестовали и посадили в женскую тюрьму. Теперь арестовали и двенадцатилетнего сына. Его насильно поместили в Вассербургский исправительный дом.

Узнав в тюрьме о бегстве мужа, Сента Баймлер тоже не хотела верить этому сообщению. Она была убеждена, что чернорубашечники убили его и теперь заматают следы. Но новая партия заключенных, среди которых была одна женщина, арестованная по подозрению в соучастии в этом побеге, подтвердила: «Да, Ганс на свободе».

Между тем Баймлер в это время был в Мюнхене. Выбравшись незамеченным из лагеря, он увидел проезжавший мимо воз с сеном и поплелся сзади него. Так прошел он по улицам Дахау. Опознать же его теперь, действительно, было нелегко. Но виноваты в этом были сами фашисты. В результате чудовищных истязаний, которым он подвергался со дня своего ареста, Баймлер настолько утратил свой обычный облик, что даже его ближайшие друзья, к которым он явился в Мюнхене, узнали его только по голосу. Они приютили Ганса на короткий срок. Вскоре товарищи по партии нашли для него более надежную квартиру. Так прожил он несколько недель. Все же полиция, повидимому, что-то пронюхала. Однажды утром она неожиданно оцепила улицу, на которой жил Баймлер. Но Ганс был слокоен. «У меня теперь есть наготове два револьвера, — говорил он, — нет, живым они меня не возьмут».

Полицейские ищейки, должно быть, не имели достаточно точных сведений и пошли по ложному следу. Они подвергли тщательному обыску один из соседних домов и, не найдя там ничего подозрительного, прекратили дальнейшие поиски. Товарищам, подготовлявшим нелегальный переход Баймлера через границу, удалось, наконец, добыть автомобиль и организовать отъезд Баймлера из Мюнхена.

Они уже выехали за пределы Баварии, когда непредвиденная случай-

ность чуть было не привела к провалу всего предприятия. У автомобиля лопнула шина. Недостаточно опытный шофер не мог без посторонней помощи исправить повреждение. Но сопровождавшие Ганса товарищи не растерялись. Выдав себя за видных работников национал-социалистской партии, они заставили проходивших мимо штурмовиков починить машину. Дальнейший путь прошел уже без всяких осложнений.

С помощью самоотверженных друзей Баймлер пробрался через границы нескольких государств. В СССР он получил, наконец, возможность отдохнуть и поправить расшатанное здоровье. У нас он написал свои воспоминания «В гитлеровском концлагере Дахау», получившие за границей широкое распространение, как первый потрясающий документ о зверствах фашизма.

Едва восстановив свои силы, Баймлер поспешил целиком отдать их на борьбу с фашизмом. Центральный комитет германской компартии посылает его в ряд европейских стран для ответственной политической работы среди германских эмигрантов.

Баймлер по собственному опыту знает, с какими опасностями и лишениями сопряжено бегство из гитлеровской Германии, как важно, очутившись в чужой стране, найти друзей, получить совет и помощь. Теперь он сам оказывает эту поддержку тысячам своих соотечественников, ободряет упавших духом, помогает им найти кров, пищу или работу. Это оказывается далеко не легкой задачей.

Работа Баймлера в этот период требует большой осторожности и бдительности. В среде эмигрантов нередко пробираются агенты гестапо, которых нелегко бывает сразу разоблачить. Но Баймлеру помогает его большой опыт в политической работе и знание людей. Подосланные фашистской полицией агенты делают попытку заманить его в ловушку, чтобы тайно увезти через границу. Но их план срывается.

Отдавая все свои силы работе среди эмигрантов, Ганс Баймлер в то же время принимает горячее участие в орга-

низации широкого движения за освобождение Эрнста Тельмана, Осецкого и других заключенных антифашистов. Он собирает обширный документальный материал для опровержения наглого заявления фашистского министра юстиции Фрика о виновности Тельмана в «убийстве четырехсот национал-социалистов». Эта работа, однако, так и осталась незаконченной по независявшим от Баймлера причинам.

4

Как только в Париж пришла весть о мятеже генерала Франко и о поддержке, оказанной ему итальянскими и германскими фашистами, Баймлер отправился с делегацией МОПР в Испанию, чтобы выяснить, что могут сделать для республиканцев рабочие других стран.

Он помог республиканским властям в Барселоне расследовать провокационную деятельность гитлеровских агентов в Испании. Обнаруженные в германском консульстве в Барселоне и в помещениях фашистских торговых фирм документы дали неопровержимые доказательства существования в Испании германского шпионского центра и участия Германии в подготовке фашистского мятежа.

Баймлер отлично понимал, чего добились фашистские поджигатели в Испании. Победа мятежников должна была бы привести к усилению фашизма во всем мире и подготовить благоприятные условия для осуществления захватнических планов Гитлера. Борьба испанского народа за свободу стала, таким образом, делом всех бойцов против фашизма. Баймлер был охвачен горячим желанием как можно скорее принять участие в этой борьбе.

Баймлер немедленно принялся за организацию «центурии Тельмана» — первого вооруженного отряда германских антифашистов. Основное ядро этого отряда составили закаленные в борьбе пролетарии-эмигранты, участвовавшие раньше в мировой войне и в революционных боях или служившие в

рейхсвере. Они передали свой опыт изъясвившим желание отправиться на фронт молодым антифашистам.

Несмотря на то, что бойцы «центурии Тельмана» были люди разных убеждений — среди них были коммунисты, социал-демократы, бывшие члены христианских профсоюзов и беспартийные, — они составляли единую, крепко спаянную группу.

«Нас всех объединяет одно великое стремление нанести поражение фашизму. За это борются все товарищи, независимо от партийной принадлежности, с одинаковым самопожертвованием и энтузиазмом. Поэтому мы с гордостью написали на нашем знамени имя Тельмана, который дает нам всем, к какой бы партии мы ни принадлежали, пример революционной стойкости, целеустремленности и несокрушимой воли», — писали бойцы «центурии Тельмана» в своей фронтовой газете «Роте штурмфане» («Боевое красное знамя»).

В рядах центурии оказались представленными все роды оружия. Тут были саперы и специалисты по подрывным работам, артиллеристы и танкисты. Своими знаниями они оказывали помощь менее опытным дружинникам каталонской милиции. С первых же дней совместной борьбы против общего врага между ними установилось самое крепкое боевое содружество.

«Кое в чем испанские товарищи и разнятся от нас, — писали немецкие бойцы в той же газете, — но все мы искренно восхищаемся их мужеством и подлинно революционным духом самопожертвования. наших германских бойцов на фронте часто ставят в пример, но мы не должны впадать в самомнение, ибо мы еще многому, даже очень многому можем поучиться у наших испанских друзей. Мы боремся с ними плечом к плечу за общую цель, и, когда испанские товарищи нам повторяют: «Потом, когда мы разобьем в Испании фашизм, мы поможем и вам в Германии прогнать к чорту гитлеровских бандитов», — мы знаем, что это не пустые фразы. Наши испанские товарищи понимают, почему мы боремся вместе с ними. Фашизм можно разбить только

с помощью интернациональной солидарности».

Руководимая Гансом Баймлером «центурия Тельмана» участвовала в самых ожесточенных боях под Тардьентой, на арагонском фронте. После смелой ночной атаки она овладела важным стратегическим пунктом — горой Еремита. Во время боев Ганс Баймлер всегда был в первых рядах с винтовкой в руках или за пулеметом. Невзирая на ураганный огонь противника, бойцы центурии выбили фашистов из хорошо укрепленных позиций и с пением «Интернационала» преследовали врага.

Эти первые победы стоили, однако, серьезных жертв. В боях на арагонском фронте центурия потеряла шестнадцать человек убитыми.

«Наблюдая отвагу этих немцев, я подумал о Тельмане. Он может гордиться этими смелыми людьми». — заявил каталонский генерал Фаррас, один из выдающихся офицеров испанской армии, с первого же дня перешедший на сторону республики. Вскоре после этих боев «центурия Тельмана», первая из сражающихся против мятежников интернациональных отрядов, была отмечена республиканским командованием высокой наградой. Военная комиссия Барселоны вручила ей почетное боевое знамя.

Когда Мадрид оказался в опасности, Ганс Баймлер со своим отрядом немедленно отправился на его защиту. Жители Барселоны устроили теплые проводы уезжавшим бойцам.

Баймлер прибыл в Мадрид в тот момент, когда там уже началось формирование Интернациональной бригады из эмигрантов разных национальностей. Тысячи революционных борцов из фашистских стран с опасностью для жизни перебирались через границу, чтобы попасть в ряды Интернациональной бригады. «Центурия Тельмана» вошла теперь в состав вновь организованного батальона имени Тельмана. В эти дни из Германии пришла весть о казни Эдгара Андраэ. По предложению Баймлера был сформирован еще один батальон — имени казненного товарища.

Ганс Баймлер был назначен заместителем Николетти, главного комиссара Интернациональной бригады, политическим комиссаром немецких батальонов. Когда натиск мятежников стал особенно яростным, Интернациональной бригаде поручили защиту одной из важнейших позиций в Университетском городке. Баймлера можно было видеть в самых опасных местах. Показывая пример отваги, он требовал ее и от других. Его популярность среди бойцов росла с каждым днем. Вот что рассказывают о нем находившиеся на мадридском фронте товарищи:

«... Руководимый Людвигом Ренном батальон имени Тельмана стоял около Мараносы — к югу от Мадрида, когда Ганс Баймлер посетил вторую Интернациональную бригаду.

Встретив Баймлера по дороге, один товарищ сказал ему, что на передовых линиях есть раненые, но их некому убрать, так как в этом районе в данный момент нет ни одного походного лазарета. Ганс Баймлер тут же приказывает своему шоферу ехать вперед в темноту ночи. Незнакомая местность полна опасностей. Можно заехать в расположение противника. Но раз раненым необходима немедленная помощь — Ганс Баймлер должен ее оказать. Ему удастся найти раненых и в своем автомобиле отвезти их в госпиталь.

На другой день Баймлер уже в Араваке. Он приехал на эту выдвинутую вперед позицию, чтобы посетить немецкий батальон имени Эдгара Андра. Все командиры и политработники собрались на крестьянском дворе. Мирно светит солнце. Если бы взрывы снарядов не потрясали воздух, можно было бы забыть, что враг находится на расстоянии всего нескольких сот метров. Беседуя с товарищами, Баймлер рассказывает им о положении на других участках фронта. И заканчивает свою речь словами:

«Борьба на фронте трудна. Мы должны быть готовы пожертвовать своей жизнью. Но разве не рискуют также своей жизнью наши друзья в странах фашизма, на нашей родине, в Германии, борясь в подполье за народное дело?»

Вместе с ними мы разгромим фашизм!».

Когда он произнес последние слова, зловещий рокот заставил всех поднять голову. Эскадрилья тяжелых бомбардировщиков «Капрони» довольно низко пронеслась над собравшимися. Высоко в небе реют охраняющие ее истребители.

... День спустя Ганса Баймлера можно было видеть у ворот Университетского городка, на площади Монклоа. Отсюда идут дороги на Араваку и Хумеру. Но пробраться туда невозможно. Мятежники непрерывно поливают окрестности Мадрида артиллерийским и пулеметным огнем.

Баймлер стоит около нагруженного гранатами грузовика. Они предназначены для Интернациональной бригады, которая испытывает острую нужду в боевых припасах. До поздней ночи Ганс Баймлер не оставляет попыток прорваться сквозь огонь. Кругом рушатся дома, падают люди, но он и не думает отказываться от своего плана. В полночь грузовик прибыл к месту назначения.

В момент самой ожесточенной бомбардировки, когда под огнем артиллерии и авиации мятежников рушились рабочие кварталы, Баймлера нередко можно было встретить среди развалин разгребавшим обломки домов, из-под которых он извлекал раненых женщин и детей.

«Почему они разрушают этот город?» — спросил его один рабочий, и Баймлер ответил:

«Потому, что они знают, что они никогда в него не войдут».

В другой раз, направляясь с комиссаром батальона имени Тельмана Францем Фелоу (Луисом) на занятые этим батальоном позиции, Баймлер увидел большое количество лежащих у дороги людей. Это были тяжело раненые из колонны анархистов. «Немедленно пришлите сюда все наши автомобили», приказал Баймлер.

«А если у нас теперь будут свои раненые, — робко спросил санитар-немец, — то на чем мы их будем возить?».

«У нас, к счастью, еще нет раненых, а тут лежат испанские товарищи. Что же, ты хочешь оставить их без помощи», — сухо ответил Баймлер, и санитар в смущении опустил голову.

Не будучи военным по профессии, Баймлер, однако, считал, что, как политический руководитель, он обязан быть всегда вместе с бойцами на передовых позициях.

В эти дни Баймлер буквально ни на минуту не покидал окопов. Он обходил один участок фронта за другим, ободряя бойцов, разъясняя стоящую перед ними боевую задачу. В минуты затишья он тут же в окопах проводил с ними беседы о наиболее острых проблемах идущей в Испании борьбы и международной политики. Он заботился о каждом отдельном бойце, независимо от его партийной принадлежности, и уделял особенно много внимания тем из них, кто находился на самых передовых линиях под непрерывным огнем противника.

... Это был тот же самый враг, который преследовал его в Германии. Сказанные Баймлером в цирке «Кроне» слова, наконец, сбылись. Они снова встретились. Правда, не в Дахау, а под Мадридом.

Но времена изменились! В 1919 г. в окопах Дахау сражалась только горсть мужественных бойцов, которой неоткуда было ждать подкрепления. Здесь он боролся плечом к плечу с передовыми рабочими из других стран, которые научились помогать друг другу, чтобы нанести поражение общему врагу.

В своей походной записной книжке Ганс Баймлер несколькими краткими строками отмечает важнейшие этапы этой борьбы, ее радости и тревоги. 22 ноября, нанося сокрушающие удары противнику, батальон имени Тельмана теряет сразу двух своих руководителей: храброго комиссара батальона Вильгельма Вилле и лейтенанта Альфреда Керра. Но уже на следующий день бойцам этого батальона удается выбить мятежников из укрепленных позиций.

«22/XI—36 года. Вилле и Альфред Керр получили тяжелые ранения и сегодня умерли. Вилле был ранен уже

в третий раз, теперь в нижнюю часть живота.

22/XI—36 года. В 7 часов утра атака на красный и белый дома в Паласете. Весь день шли тяжелые бои. В 3 часа 45 минут белый дом занят первой ротой батальона имени Тельмана под руководством Алекса Мааса. Он тяжело ранен, пуля пробила легкое.

24/XI—36 года. Наши итальянцы снова атакуют красный дом. Фашисты делают попытку захватить обратно белый дом. Их атака отбита.

26/XI—36 года. Батальон имени Эдгара Андрэ сменил бойцов батальона Тельмана в белом доме. Я навещал Алекса Мааса и очень доволен его состоянием. Опасность, повидимому, уже миновала.

27/XI—36 года. Принято решение создать немецкую бригаду путем соединения батальонов Тельмана и Андрэ. День был трудный, но мы все время сдерживаем их натиск. Они не пройдут. Моральное состояние товарищей — превосходное, с испанцами — тесный контакт. Мне передали, что Алексу Маасу стало хуже. Помчался в больницу и рад был убедиться, что он все же вне опасности. Районный комитет испанской компартии организовал торжественное собрание в честь наших пулеметчиков. Вечером один самолет сбросил над городом семь бомб — на женщин и детей.

28/XI—36 года. В 9 часов утра в помещении школы снова происходило собрание пехотных частей. Освальд получил револьвер в награду за проявленную им смелость при захвате белого дома. Митинг прошел хорошо...

Я поручил перевести речь товарища Сталина на VIII съезде советов. Завтра будем ее обсуждать.

Вечером выступал на мадридской радиостанции, чтобы разоблачить перед германским пролетариатом ложь гитлеровских фашистов».

На этом записи обрываются.

В эти тревожные дни враг прилагал все усилия к тому, чтобы посеять панику среди республиканцев, подорвать сплоченность их рядов и сорвать помощь, которую оказывали им передовые

рабочие других стран. Фашистские радиостанции в Бургосе, Риме и Берлине начали распространять по всему миру сообщение о взятии Мадрида.

Чтобы опровергнуть эту ложь, испанские профсоюзы предложили находившимся в Мадриде германским антифашистам Людвигу Ренну, Густаву Реглеру, Баймлеру и комиссару батальона имени Тельмана Луису выступить по радио на немецком языке.

Но Реглер не смог приехать, Ренн совсем охрип, Луис не успел подготовиться к выступлению; решено было, что говорить будет один Баймлер. Это была его последняя речь.

«... Фашистские радиостанции, — говорил он, — рассказывают вам о больших демонстрациях женщин, собравшихся якобы перед военным министерством в Мадриде, чтобы потребовать немедленной сдачи столицы. Это наглая ложь. Нужно слышать, что говорит население Мадрида, как отзываются женщины о фашистских преступниках из Бургоса, Берлина и Рима. Они говорят: «Если они убивают нас и наших детей своими 150-килограммовыми бомбами, то они делают это из мести и отчаяния, потому что наши мужья сопротивляются им с таким героизмом и берут инициативу в свои руки».

Можно было бы только пожелать, чтобы рабочие предприятий Сименса, Борзига и Круппа или заводов Средней и Южной Германии прислали сюда несколько делегаций для получения правильной информации о положении в Мадриде и во всей Испании. Однако в теперешней Германии это неосуществимо.

Какое участие принимаем мы, германские антифашисты, в борьбе против этих бандитов?

Мы разоблачаем подлинных организаторов фашистского мятежа — Гитлера и

Муссолини, которые снабжают генерала Франко оружием, боевыми припасами и самолетами. Перед лицом этих фактов весь международный пролетариат и антифашисты всего мира обязаны были активно выступить на защиту испанского народа. Миллионы трудящихся уже с первого дня мятежа дали великолепные примеры солидарности, посылая своим испанским братьям деньги, медикаменты и продовольствие. В то же время тысячи иностранных антифашистов пришли к выводу, что они должны доказать свою солидарность с испанским народом тем, что с оружием в руках встанут на его защиту. Они согласны отдать свою жизнь в этой схватке, ибо они убеждены, что начатая международным фашизмом борьба является угрозой для всего мира...

... все бойцы единодушно сознают, что дело, за которое мы боремся, есть дело всех наших братьев и сестер в Германии, Италии, Польше, Португалии, Югославии и Венгрии. Защищать испанский народ значит бороться за мир.

Вперед, товарищи, — таков наш лозунг! Мадрид, Испания должны стать могилой фашизма!»

Вернувшись на фронт, Ганс Баймлер на следующее утро спустился в окопы с докладом товарища Сталина. Он провел с бойцами беседу об историческом значении Сталинской Конституции.

Воспользовавшись минутой затишья, Баймлер решил перебраться на другую линию окопов, находившуюся раньше под сильным обстрелом. Он уже вышел из окопа, когда притаившиеся снайперы мятежников опять начали стрелять. Разрывная пуля пробила ему грудь, но Ганс еще нашел в себе силы поднять руку, сжать кулак и крикнуть товарищам боевое приветствие:

«Рот фронт!»

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА

(Из книги Огюстена Амона и ХУЗ «Хозяева Франции»¹).

Огюстен Амон

ОТ РЕДАКЦИИ:

Свобода печати во Франции была в числе прочих демократических свобод утверждена Конституцией 1875 г., положенной в основу государственного устройства Третьей республики.

Французская пресса свободна лишь формально; на самом деле она служит господствующему классу, т.-е. крупной буржуазии, подчинившей себе и финансирующей почти всю так называемую «большую прессу», т.-е. все крупные газеты.

Огюстен Амон, известный социолог, написавший ряд трудов по вопросам экономики, политики, литературы и рабочего движения, выпустил сейчас вто-

рой том капитального труда под названием «Хозяева Франции» (первый том вышел в 1936 г.); эта книга о французских финансовых магнатах и их влиянии на разные области политики, экономики и хозяйства страны.

Амон показывает, что у «хозяев Франции», так называемых двухсот семей, т.-е. финансовой олигархии страны, есть свои слуги и ставленники во всех областях деятельности, в том числе в прессе.

Приведенная здесь в сокращенном виде глава из книги «Хозяева Франции» рассказывает о способах капиталистического управления прессой во Франции.

Общие соображения

При изучении большой информационной прессы и крупных журналов приходится констатировать, что финансовая олигархия овладела ею так же, как она овладела банками, страховыми обществами, транспортом, промышленностью, — короче говоря, всем тем, что определяет экономическую жизнь страны.

Писатели и журналисты воображают, что они свободны. Это не так. Свобода выражения мысли ограничена у них волей руководителей данной газеты, журнала или издательства. А руководите-

ли — либо члены феодальной финансовой олигархии, либо их платные слуги.

Все это вполне понятно, так как подлинная свобода индивидуальности может существовать только тогда, когда установлено экономическое равенство. Там же, где существуют бедные и богатые, там не может быть и речи о свободе выражения мысли.

Мы говорим на пороге нашего исследования о французской прессе: она несвободна, она порабощена.

Даже так называемые газеты мнений, примыкающие к различным партиям, финансово зависимы от своих хозяев. Разве не приходится им идти на компромиссы, прежде чем добиться признания, популярности и т. п.?

¹ Augustin Hamon.—Les maitres de la France. Editions Sociales Internationales. Paris. 1937.

Есть, однако, газеты, примыкающие к крайне левому направлению, которые могут справедливо утверждать, что они независимы от крупного капитала и его давления. К несчастью, однако, им приходится прибегать за материалом к агентствам, которые в свою очередь целиком в руках финансовой олигархии.

Порабощение прессы так же старо, как сама пресса. Так было во все времена. Для нашего времени характерна, однако, еще одна черта, а именно: индустриализация прессы. Раньше крупный капиталист покупал путем почестей или денег журналистов, которые затем руководили своими газетами в интересах и на субсидии своих хозяев.

Теперь финансовый капитал создает сеть газет, журналов подобно тому, как создают сеть бакалейных или аптекарских магазинов. Во главе этих «трестов» он ставит директоров, которые в свою очередь набирают штат служащих, т.-е. журналистов. Как и в бакалейных магазинах, служащие — журналисты — поставлены за газетный прилавок не для того, чтобы выражать свои мысли и идеи, не для того, чтобы комментировать события в соответствии со своим мнением.

Нет — они поставлены там для того, чтобы выражать идеи той группировки, которая содержит журнал, т.-е. те идеи, которые служат политическим интересам данной группы.

Случается иногда, и даже довольно часто, особенно с корифеями журналистики, что они на самом деле согласны с теми мыслями и мнениями, которые выражают. Это происходит по той простой причине, что либо по своему положению и родственным связям и интересам они уже относятся к владельческой группе, либо привычка стала у них второй натурой. Помимо непосредственной денежной оплаты журналистского труда, капиталисты нашли еще способ оплачивать услуги журналистов за счет публики. Существуют награды в виде орденов и почетных знаков, шефство в академиях, похвальные рецензии на их работы (т.-е. реклама), литературные премии и т. п. Постепенно определенная группа журналистов и писателей убеждается, что ее

пьеса ставится в театрах, по сценариям делаются фильмы, книги покупаются издателями. И таким образом создается группа, уже не только продающая свое перо, но идеологически близкая интересам своих хозяев и ревностно обслуживающая их.

Этой системой подачек и определяется низкое качество нашей современной прессы.

Основная трудность в изучении прессы и ее хозяев в том, что по закону 1867 г. общества, акции которых не котируются на бирже, не обязаны издавать официальные отчеты и балансы. Поэтому газеты, чьи акции, как правило, не котируются на бирже, могут с легкостью скрывать имена своих истинных хозяев. Таким образом, коммерческая изнанка прессы и финансовые и промышленные интересы хозяев прессы тщательно скрыты от глаз широкой публики.

К тому же существует еще одно препятствие на пути к познанию подлинных хозяев той или иной газеты или журнала. Дело в том, что владельцы газет очень часто меняются, газеты переходят из рук в руки, причем редакционному аппарату остается при «смене направления» или уйти, или принять те идеи, которые соответствуют интересам нового хозяина, т.-е. нового капиталиста — владельца данной газеты.

Перейдем к непосредственному знакомству с прессой и прежде всего с агентством «Гавас».

Агентство „Гавас“¹

Агентства, поставляющие газетам информацию, возникли в прошлом веке. Такие агентства существуют в каждой крупной стране. В Англии основное агентство — «Рейтер». В США владельцы газет организовали на кооперативных началах агентства «Ассошиэтед пресс» и «Юнайтед пресс». Во Франции главное агентство — «Гавас». Кроме этого, есть и другие агентства, однако, как правило, они специализируются по экономико-финансовым вопро-

¹ Основано в 1835 г. — Ред.

сам. Таковы, например, агентство Фурнье, агентство информации, агентство «Экономик э Финансьер». Некоторые из этих агентств имеют свою газету или издают информационные бюллетени, на которые подписываются крупные предприятия.

В каждой стране правительство субсидирует главное агентство информации, так как оно служит для него средством распространения в стране и за границей нужной правительству информации. Отсюда ясна и огромная политическая роль главного информационного агентства.

Гавас существует уже больше столетия. Сфера его деятельности распространяется не только на Францию, но и на другие страны, особенно хорошо поставлена информация Гавас в Южной Америке, где оно успешно конкурирует с северо-американскими агентствами.

Капитал агентства Гавас в настоящий момент составляет около пятисот миллионов франков. Оно имеет два отдела: информационный и рекламный. Последний отдел был создан позднее. Его назначение—удовлетворить современные нужды в рекламе и покрывать расходы отдела информации, которые намного больше дохода этого отдела.

Агентству Гавас удалось монополизировать коммерческую и финансовую рекламу самых крупных парижских газет и большого числа провинциальных газет. Реклама приносит Гавас ежегодного дохода около двадцати миллионов франков. Кроме того, Гавас субсидирует некоторую часть прессы, в зависимости от ее значения. Подобным образом Гавас создало благоприятные условия для распространения газет «Матэн», «Журналь» и «Эко де Пари» и т. д.

Реклама так неразрывно теперь связана с информацией, что о ней даже нельзя отдельно говорить.

Председатель правления агентства Гавас—Леон Ренье¹; до 1936 г. дирек-

тором агентства был Пьер Гимье¹, которому предложили подать в отставку.

Для того, чтобы дать читателю представление о влиянии Гавас на провинциальную прессу, приведем следующий пример: в октябре 1934 г. агентство получило контроль над издательством «Минерва». Для этого оно сперва объединилось с Издательством современных газет и журналов, которое издает еженедельник «Эв», служащий иллюстрированным приложением к большому числу провинциальных газет. А через некоторое время оказалось, что 3 150 (всего их 10 000) акций издательства «Минерва» принадлежат Леону Ренье и ему же — 1 700 акций Издательства современных газет и журналов, 500 акций газеты «Пти Дофинда» (Гренобль), по 250 акций «Радикал» и «Пти провансаль» (Марсель) и 250 «Пти меридиональ». Итого, в руках Гавас оказалось 6 100 акций, а в руках старого правления «Минерва» — 3 950 акций. Хозяином «Минервы» стал Гавас.

Помимо этого. Ренье заранее договорился о сотрудничестве с целым рядом газет издательства «Минерва», в том числе с «Журналь де Руан», «Депеш дю сантр», «Прогрè де ля Кот д'ор», «Журналь де ля Сарт» и др. Таким образом и получается, что это частное акционерное общество, носящее официальный характер и субсидируемое Французским банком, превратилось в могучее орудие в руках финансовой олигархии для дальнейшего порабощения прессы.

„Информационная“ пресса

«Журнè эн дистриэ ль». «Конфедерация французской промышленности» имеет свой ежедневный орган—га-

¹ Леон Ренье — крупный капиталист, занимающий не последнее место в системе «двухсот семей». — Ред.

¹ Пьер Гимье, будучи директором агентства Гавас, сумел подчинить себе не только всю прессу, всецело зависящую от финансовой рекламы, распространяемой через Гавас, но и оказывал закулисное влияние на французскую политику. Особую поддержку он оказывал правым кабинетам и щедро финансировал фашистские организации, считая их своей опорой в ожесточенной борьбе против партии народного фронта. — Ред.

зету «Журнэ эндюстриэль». Это открывенный орган крупного капитала. Познакомимся с его руководством.

Клод Жозеф Жинью — ответственный редактор, бывший депутат парламента от Луары и близкий друг Пьера Лавалья. Когда Лаваль был премьером, он был его экономическим советником. Среди руководителей газеты мы находим таких крупных капиталистов, как Пьер Гуно (химия), Альфред Ланбер-Рибо (бани, фабрикант оружия), Этьен Фужер (текстиль), Поль Ледерлэн (уголь, металлургия), и многих других.

Итак, «Журнэ эндюстриэль» вполне подходит для предназначенной ей роли защитницы интересов магнатов промышленности.

«Бюллетень о-ва экономического исследования и информации». Это ежедневное издание «Комитэ де форж», вначале основанное и руководимое Андрэ Франсуа Понсе. По содержанию и направлению бюллетень рассчитан не на широкую публику, а на членов общества, особенно на магнатов металлургической промышленности.

«Тан». Анонимным акционерным о-вом с капиталом в 1 250 000 франков, владеющим этой газетой, руководят следующие люди: председатель о-ва — Адриен Эбар, из богатейшей семьи Эбар, его заместитель Эммануэль Руссо, крупный угольный и железнодорожный магнат и др. Политическое направление «Тан» регулируют два директора-редактора: Жан де-Кастэн, представляющий интересы угольных магнатов, и Эмиль Миро — интересы тяжелой индустрии.

Акционерное общество «Тан» совершенно официально принадлежит к крупнейшим финансовым и промышленным группировкам в стране.

Статьи в «Тан» являются продуктом пера опытных журналистов, умеющих умно и так, чтобы не слишком било в глаза, толковать и комментировать события в соответствии с заданиями своих хозяев. Передовые в «Тан» всегда анонимны, не будем раскрывать имена их авторов, хотя они несомненно весьма пикантны. Во всяком случае 25 лет тому назад Андрэ Тардые постоянно пи-

сал передовые в «Тан», причем такого качества, что еще тогда Жорес его справедливо заклеил. А в то время позиции «Тан» были сравнительно более объективны, чем сейчас.

Многие читатели полагают, что «Тан» — самая серьезная из французских газет и что, читая ее, можно лучше разобраться в тонкостях мирового политического и экономического положения. Увы! Это только иллюзия. «Тан» замалчивает те вещи, которые идут вразрез с политикой правящей верхушки, ее корреспонденты максимально тенденциозны, информация о событиях извращается и искажается под предлогом... недостатка места. И приходишь к заключению, что француз не имеет возможности быть хорошо осведомленным в области внешней политики, если он будет читать «Тан».

В числе постоянных сотрудников «Тан», кроме Жака Барду¹ и Жозефа Бартелеми², следует упомянуть еще Владимира д'Ормессон, о котором мы скажем ниже при описании газеты «Фигаро».

«Журналь де деба». В течение многих лет XIX века эта газета была конкурентом «Тан».

Однако уже в начале XX века первенство окончательно было закреплено за «Тан». «Журналь де деба», как и «Тан», рупор промышленных и банковских кругов. В этой газете представлены интересы Ротшильда, вдовы Коти и, наконец, де-Ванделя, председателя «Комитэ де форж».

«Фигаро». Эта газета за время своего существования пережила много перемен и превращений. Теперешняя «Фигаро» не имеет ничего общего с остроумной, скептической «Фигаро» прошлого века. «Фигаро» превратилась в светскую газету, за последние шестнадцать лет она раз шестнадцать переходила из рук в руки. Контрольный па-

¹ Ж. Барду — член Академии гуманитарных и политических наук, крупный финансист, владелец колониальных предприятий и электрических компаний. — Ред.

² Жозеф Бартелеми — профессор права, тесно связан родственными узами с «200 семей». — Ред.

кет акций «Фигаро», т.-е. фактически вся газета, принадлежит вдове Коти, теперь жене румынского консула в Париже—Котнарэану.

Три человека выполняют политику газеты: Люсьен Ромье, Владимир д'Ормессон и Анри Вонован. Все трое—профессиональные журналисты, принадлежащие по своему социальному положению к высшему сословию. Граф Владимир д'Ормессон к тому же сам крупный помещик и капиталист. Д'Ормессон ведет отдел внешней политики в «Фигаро».

«Э н ф о р м а с ь о н», «К а п и т а л ь», «А ж а н с э к о н о м и к э ф и н а н с ь е р». Газеты, о которых мы говорили выше, не рассчитаны на широкую публику. Они относятся к прессе, обслуживающей среднюю и высшую буржуазию и аристократию. Это «избранная» пресса для «избранной» публики. К этой же «избранной» прессе относятся, хотя они и менее влиятельны и обслуживают, пожалуй, менее влиятельные круги, «Энформасьон», «Капиталь» и «Ажанс экономик э финансьер».

«Энформасьон» — вечерняя ежедневная политико-финансовая газета. Интересует, главным образом, биржевиков. Она хорошо делается и дает серьезную иностранную информацию. Это орган банка Лазара.

«Капиталь» — тоже ежедневная газета, рассчитанная на средние банковские круги. Издается агентством, носящим то же название.

«Ажанс экономик э финансьер» издается одноименным агентством. Ежедневный бюллетень. В ней так же, как и в «Капиталь», сотрудничают видные политические деятели, так как обе эти газеты весьма щедро оплачивают их статьи.

Перечислим некоторых постоянных сотрудников двух последних листков: Жозеф Бартелеми из «Тан», сенатор и бывший министр, Жозеф Кайо, сенатор и председатель комиссии по иностранным делам, Анри Беранже, Поль Бастид, Жорж Бонне и многие другие. Оба листка находятся под контролем Ротшильда, Шнейдера и Лазар-Моргана.

«Э к о д е П а р и» — орган, занимающий промежуточное место между газетами, перечисленными выше, и теми, которые обслуживают широкую публику. «Эко де Пари» издают «избранные». Политика «Эко де Пари» откровенно про-фашистская и про-капиталистическая. Наиболее известен постоянный сотрудник «Эко де Пари» Анри де Кериллис.

«П т и п а р и з ь е н». Эта газета принадлежит к разряду большой информационной прессы, обслуживающей всех, проникающей к самым скромным домашним очагам, где газета поедает под видом светоча культуры. «Пти паризьен» основана в 1876 г. Луи Андрие, в 1884 г. перешла в руки Жана Дюпуи и с тех пор осталась собственностью семейства Дюпуи.

На первых порах радикальная «Пти паризьен» уже в начале XX века стала черно-реакционной. Ее владельцы — Пьер и Поль Дюпуи — стремились сосредоточить в своих руках целую сеть популярных газет и журналов. Они основали серию еженедельников: «Мируар дю монд», «Мируар де спор», «Мируар де ля рут», «Сине-мируар», «Же фе ту», «Сванс э ви», «Омниа», «Диманш иллюстрэ», а также большую, обильно иллюстрированную газету «Эксцельсьиор», посвященную главным образом светской жизни. Однако в построении этой обширной системы ежедневных газет братья Дюпуи натолкнулись на противодействие агентства Гавас, видевшего в них конкурентов. Последовала долгая, многолетняя борьба Гавас с Дюпуи, закончившаяся в 1936 г., так сказать, вничью; силы противников оказались приблизительно равными, и обе стороны сохранили пока свои позиции. Информация «Пти паризьен» всегда про-фашистская. Особенно ярко это сказывается на информации об Испании а раньше—на статьях о войне с Абиссинией.

«П а р и м и д и» и «П а р и с у а р». Обе газеты контролируются Жаном Пруво и Жозефом Бегэном. Бегэн — магнат сахарной, бумажной и шерстяной промышленности. Пруво — крупный владелец текстильных предприятий.

Они же издатели и владельцы светско-театрального еженедельника «Комедиа» и газеты «Энтрансижан».

«Пари миди», «Пари суар», «Пти паризьен» и их отпрыски составляют по существу два газетных треста, стоящих на страже интересов крупнейших капиталистических трестов и под маской объективизма проводящих реакционную политику.

«Матэн». Газета даже не дает себе труда придавать своей информации хотя бы внешнюю личину объективизма. Это настолько явственно, что иногда комментарию «Матэн» идут совершенно вразрез и явно противоречат напечатанным тут же телеграммам.

«Матэн» — собственность богатейшей семьи Бюно-Варилла. «Матэн» проводит резко антисоветскую, про-фашистскую политику. Неприкрытая реакционность «Матэн» оттолкнула от нее читателя. За последние несколько лет ее тираж, а следовательно, и влияние сильно уменьшились.

«Журнал», «Жур», «Либертэ». О газете «Журнал» упоминалось выше, в связи с агентством Гавас. Директор газеты — Пьер Гимье. Иностранная политика в «Журнал» освещается Сен-Брисом (псевдоним Луи де-Сен-Виктор де-Сен-Бланкара), сотрудником «Фламбе» — органа фашиста де-ля-Рока. Направление «Журнал» отсюда ясно.

«Жур» — руководится Леоном Бэйльби, ставленником «двухсот семей». «Либертэ» находится в руках Андре Тардые и Пьера Теттанже¹. Последний руководит «Женес патриот» и является одним из ближайших сподвижников полковника де-ля-Рока. После этого надеяться на правдивость этой газеты не приходится.

«Амидю пепль». Основана покойным архимиллионером парфюмером Коти. Сейчас она в руках его вдовы — г-жи Котнареану и попрежнему служит интересам финансовой олигархии страны и фашистским партиям.

¹ Как сообщалось в иностранной прессе, в начале мая с. г. «Либертэ» куплена гитлеровским агентом во Франции, фашистом Дорио. — Ред.

Политическое руководство в газете осуществляет Жорж Мандель, депутат от Жиронды, бывший министр в кабинете Лавалья. Главный редактор — заядлый фашист Жан Рено. Таким образом, редакция здесь представлена самым блестящим образом.

Конфиденциальные бюллетени

Здесь речь идет о весьма любопытном, с точки зрения социологии, виде прессы. Это серия газет — дискретных бюллетеней, названных одним юмористом «конфиденциальными», так как они имеют чрезвычайно маленький тираж. Количество читателей и подписчиков далеко не покрывает цифру тиража, никогда не превышающего двух-трех тысяч экземпляров.

Официально они служат дополнением к большой прессе. На самом деле, выходя приложениями к крупным ежедневным газетам, эти бюллетени только лишний раз выражают мнение и интересы руководящих капиталистических группировок.

Характерно, что на эти бюллетени-газеты подписываются все дипломаты, крупные финансисты и люди, занимающие большие государственные посты.

К числу газет такого типа относятся «Ом либр», «Пти блё», «Ордр», «Авенир» и «Виктуар». Все они служат крупным газетам материалом для цитирования в больших статьях и обзорах печати. «Ом либр» пишет..., «По словам «Виктуар»...», «В беседе в статье в последнем номере «Пти блё...», — подобные фразы не сходят со столбцов «большой» прессы, что, однако, не делает пять «конфиденциальных» газеток более правдивыми и не позволяет затушевать истинное их назначение.

Религиозная пресса

Отдельную группу составляет религиозная пресса — как ежедневная, так и периодическая. Она рассчитана на католическую клиентуру города и деревни.

Любопытным образом и очень обдуманно строятся эти газеты, прикрывающиеся для завлечения читателя самы-

ми разнообразными личинами. Католическая церковь лицемерно заявляет, что оно ее приемлет людей различных идейных и политических направлений, и поэтому она, наряду с откровенно шовинистскими, реакционными и консервативными изданиями, выпускает газеты псевдо-демократические, псевдо-республиканские.

Официоз епископата газета «Круа» — орган магнатов духовенства. В таком же духе газета «Семэн релижвез» — официальный орган епископата. Одновременно издается множество еженедельников: «Пелерэн» — религиозный журнал для женщин, «Этюд» — орган иезуитов, рассчитанный на интеллигенцию, и др.

Кроме этих газет, есть еще целая серия приходских бюллетеней, так как каждый приход во Франции обязан еженедельно печатать свой официальный бюллетень. Бюллетень этот выходит под редакцией местного кюре и издается за счет пожертвований верующих. Таким образом, страна как бы стянута обручем печатного слова католической церкви.

Выборы, однако, показали, что за последние годы произошла настолько резкая радикализация масс, что приходские бюллетени, несмотря на всю точность замысла, цели своей не достигают.

Вполне естественно, что пресса не может быть влиятельной, если она абсолютно не соответствует настроениям народных масс.

Характерно, что клерикальная печать замалчивает все о Советском Союзе. Об экономике, науке, искусстве, быте, внешней и внутренней политике СССР читатели этих газет знают столько же, сколько о Марсе. Изредка, правда, клерикальные листки печатают какой-нибудь клеветнический вымысел об СССР. Несмотря на то, что во Франции нет официальной партии католиков, католическая пресса строится так, точно она печать католической партии.

Следует упомянуть здесь еще о газетах, носящих название «Нувеллист»; их не менее пятнадцать, имеющих одно и то же название с различием только по городу: «Нувеллист д'Альзас», «Нувеллист де Лион», «Нувеллист де Бре-

тань» и т. д. Все «нувеллисты» принадлежат крупным капиталистическим или католическим семьям.

Периодические издания

Для того, чтобы понять характер прессы, существующей в капиталистических условиях, где писатель и журналист покупаются за большую или меньшую сумму, надо прежде всего ознакомиться с теми, кто их оплачивает, т. е. с владельцами прессы. Поэтому мы будем разбирать периодическую печать по тому же принципу, по какому мы описывали ежедневную прессу.

«Г р э н г у а р». Газета принадлежит к группе изданий Ораса де-Карбучиа, родственника Кьяппа¹. К этой группе относятся общества, издающие «Ревю де Франс», «Эдиссон де Франс» и «Сосьете де публикасьон». Все эти издания, хотя и отличаются друг от друга, составляют единый блок, потому что держатели акций у них те же самые.

Основной владелец акций, который, следовательно, держит в руках и всю группу, — Орас де-Карбучиа. Кроме него: банк Ротшильда — 95 000 франков, Мишель Лазар (представитель банка Лазар) — 50 000 франков, граф де Вочюэ — 25 000 франков, Габриель деля-Рошфуко — 119 000 франков, банк Родоканачи — 70 000 франков, семья Маврокордато, — родственники покойного фабриканта оружия Базиля Захарова, — 20 000 франков. Это — представители финансового капитала. Тут же, впрочем, богато представлена и французская аристократия.

Основная цель изданий Карбучиа, объединяющего, как мы видели, интересы как финансового капитала, так и остатков земельной аристократии, не коммерческая. Эта группа издает свои органы пропаганды, которые могли бы представить внушительную силу в борьбе с политическими и экономическими противниками. А что они могут нанести чувствительные удары, это прове-

¹ Жан Кьяпп был руководителем охраны и префектом полиции. После скандального дела Стависского, в котором он был замешан, его сняли. — Р е д.

ренный факт: достаточно вспомнить как «Гренгуар» буквально уничтожил Салангро, несмотря на то, что было доказано, что напечатанный на страницах «Гренгуара» материал — чистойшей клевета¹.

Такие периодические издания, как «Грэнгуар», «Ревю де Франс», «Ревю де Пари», «Ревю де де монд», «Вандемьер», «Шок», «Кандид», в большинстве собственность финансовой олигархии; направление этих органов резко реакционное.

«Ревю де Пари» принадлежит семьям Фельс и Кальман-Леви, т.е. ветви семьи Ротшильдов. Сюда же относится и «Ревю де де монд» — воплощение консерватизма. «Шок» по своему ярому фашизму и недоброкачественности информации является прямым конкурентом «Гренгуар». «Кандид», маскирующийся личиной литературно-художественного еженедельника, тоже проводит фашистские идеи. То же самое можно сказать о менее популярной и имеющей значительно меньший круг читателей «Вандемьер».

Таков авангард капиталистической прессы, необходимый финансовому капиталу для его повседневной борьбы с растущими силами партий народного фронта.

Провинциальная пресса

Провинциальную прессу можно разделить на три основные группы: газеты, имеющие влияние в целой провинции, газеты, имеющие влияние в одном департаменте, и, наконец, еженедельники, имеющие гораздо меньшую сферу влияния, скажем, не более кантона или сельской общины.

Провинциальные еженедельники в большинстве случаев принадлежат церкви или местным политическим деятелям, содержащим их в избирательных целях. Почти все без исключения они

¹ Речь идет о травле, приведшей к самоубийству радикал-социалиста Салангро, министра внутренних дел первого кабинета народного фронта. Фашистский листок «Грэнгуар» ложно обвинил Салангро в дезертирстве во время войны 1914 — 18 гг., что было опровергнуто авторитетной комиссией.

существуют не на доходы, а на субсидии. Исключение составляет, пожалуй, периодическая пресса, принадлежащая церкви, так как последняя умеет оказывать такое давление на крестьян и местных торговцев, что они начинают покупать ее издания.

Большие провинциальные еженедельные газеты выходят главным образом в районах, более отдаленных от столицы, на юге Франции.

Вполне естественно, что все провинциальные газеты, стоящие так же, как и парижские, на страже интересов финансовой олигархии, пытаются принять участие в разделе доходов от торговой и банковской рекламы. На этом фронте они и сталкиваются с агентством «Гавас». «Гавас» с помощью своего еженедельника «Эвр» и агентской сети, прибрал к рукам поставку информации почти во всех французских провинциальных городах. «Гавас» также организует и рекламу в провинциальных газетах. Он может по своему усмотрению регулировать их бюджет, что позволяет ему свободно управлять их политикой, непосредственно зависящей от того, кто ее оплачивает.

В Лилле (север Франции), кроме религиозной газеты «Крота», выходит три еженедельные газеты: «Ревей дю нор» — демократическая газета, «Эко дю нор», с вечерним изданием, и «Гран эко дю нор де Франс». Кто является хозяином первой, — неизвестно, последние две — консервативные, принадлежащие крупным провинциальным банкам. «Эко дю нор» можно даже назвать откровенно реакционной газетой.

На юге Франции мы имеем «Пти марсей», «Марсель матэн», «Марсель суар» и «Пти провансаль». «Пти марсей» принадлежит семье крупных марсельских коммерсантов и паромщиков, газета марсельских капиталистов, проводящая их политику; то же можно сказать и о газетах «Марсель матэн» и «Марсель суар»; они отличаются только тем, что их владельцы почти исключительно паромщики, магнаты морских торговых путей. «Пти провансаль» называет себя радикальной газетой, тем не менее она не стесняется выступать

против партий народного фронта. Выяснить, кто ее владельцы, — не удалось.

«Депеш де Тулуз» — большая демократическая газета с хорошей информацией и квалифицированными статьями на международные и внутренние темы. Ее постоянный сотрудник — Леон Жуо. «Депеш де Тулуз» производит очень приятное впечатление объективности с оттенком левизны. Это, однако, не лицо газеты, а чрезвычайно тонко и ловко составленная личина. Подбор постоянных авторов, за исключением Жуо, таков, что ни один из них не высказывает чисто левые мысли, все — либералы со стремлением к незначительным изменениям, а не к переменам в существующем строе. Им очень хорошо удается в либерально составленных фразах, не называя вещи своими именами, тонко, завуалированно агитировать читателей в защиту интересов крупного капитала. Это несколько не удивительно, если принять во внимание, кем являются владельцы «Депеш де Тулуз»: Это семья Сарро, Бомон и др. богатые и влиятельные группировки, занимающие крупные государственные посты во Франции и в ее колониях (Альбер Сарро был губернатором Индокитая).

«Депеш де Тулуз», разрываемая между желанием не потерять свою лево-радикальную клиентуру и обслужить интересы своих хозяев, попала в чрезвычайно затруднительное положение в освещении на своих страницах гражданской войны в Испании. Она печатает, главным образом, сухую информацию о событиях на театре войны и позволила себе несколько предостережений правительству «не следовать примеру СССР» в отношении Испании, т.е. призывает к тому, чтобы предоставить Италии и Германии свободу действий.

На юге Франции выходит еще реакционная «Экспре дю миди» — орган старой земельной аристократии, феодально-реакционная светская газета. В Монпелье выходит сколок с «Экспре дю миди» — газета «Эклер», с ней конкурирует более левая «Пти меридиональ», принадлежащая крупным виноделам.

Одна из самых старых французских провинциальных газет, «Журналь дю Руан», — орган банкирской семьи Лафон.

Издательство „Ашетт“

Издательство «Ашетт» играет огромную роль в жизни французской прессы, так как является почти монопольной организацией по продаже и распространению.

Это одновременно библиотека, издательство и организация по распространению.

В последние пятнадцать лет издательство «Ашетт» захватило в свои руки монополию на продажу печатных изданий (книги, журналы, газеты) в киосках, на всех вокзалах, станциях и полустанках Франции¹. Эта монополия приносит огромные доходы и позволяет дому «Ашетт» не только сразу же подавлять какую-либо конкуренцию, но и осуществлять свою собственную цензуру применительно к той печатной продукции, которую он продает. К этому предприятию «Ашетт» умудрилось присоединить и обслуживание шоссейным транспортом, т.е. доставляет продукцию во все города, села и деревни страны.

Издательский дом Ашетт был основан в 1864 г. и в 1919 г. реорганизован в анонимное общество. Его капитал исчисляется приблизительно в 238 миллионов франков (по подсчету 1935 г.). 500-франковая акция «Ашетт» приносит ежегодно 85 франков, т.е. 17 процентов дохода. Владельцы «Ашетт» связаны тесными семейными узами; в основном это акционеры Парижского и Нидерландского банка. Председатель «Ашетт» — Эдион Фурз, владеет крупными бумажными предприятиями, управляющий Парижским и Нидерландским банком. Вице-председатель акционерного общества — Эмиль Торо, он же председатель правления Парижского и Нидерландского банка. Глава администрации «Ашетт» Орас Финали одновременно является директором того же банка.

¹ До издательства «Ашетт» эта монополия принадлежала библиотеке и издательству Марпон и Фламмарйон. (Примеч. автора).

Все эти лица связаны и родственными узами.

В числе руководящих лиц издательства «Ашетт» следует упомянуть Луи Ашетт, родственника основателя издательства. Всеми своими корнями руководство «Ашетт» уходит в среду крупной буржуазии и аристократии, что и определяет социальную роль, какую издательство играет в стране.

Заключение

Знакомство с современной прессой Франции и ее связями с капиталом ясно показывает, что за редким исключением она вся в руках финансовой олигархии страны, попросту говоря, в руках «двухсот семей». Эта олигархия завладела сильнейшим орудием давления на массы в своих интересах.

Для того, чтобы сильнее укрепить свои позиции, финансовые магнаты со-

здали свои агентства по рекламе, по распространению информации и свои агентства по продаже и распространению печатного слова. Таким образом, мы видим целую систему организаций, связанных между собой для единой цели — держать общественное мнение под пятой интересов хозяев французской экономики. Все пущено в ход для этой основной цели, и все же она не достигнута. Более того, можно прямо констатировать, что в общем этот замысел потерпел полный и окончательный провал.

Можно утверждать, что, несмотря на всю власть и силу денег, невзирая на энергию своих ставленников, пыгавшихся создать общественное мнение, благоприятствующее их интересам, магнаты капитала, хозяева французской экономики провалились в своей попытке стать хозяевами французского общественного мнения.

Наука и техника

1. Проф. А. В. ШЕСТАКОВ — Как создавался учебник истории СССР. 2. Проф. Н. ЗУБОВ —
Большевики — завоеватели Северного полюса

КАК СОЗДАВАЛСЯ УЧЕБНИК ИСТОРИИ СССР

Проф. А. В. Шестаков

Материалистическое понимание истории составляет основу всех произведений величайших гениев человечества — Маркса и Энгельса.

Огромный путь борьбы и побед, пройденный партией большевиков под руководством Ленина и Сталина, был всегда и неизменно озарен опытом истории. Программа, тактика и стратегия партии большевиков вырабатывались и повседневно проверялись историческими примерами. Борьба, которую мы сейчас ведем за построение коммунистического общества, должна быть также освещена опытом прошлого.

Вот почему одной из важнейших политических задач является ознакомление широчайших масс трудящихся с историей. История поможет им лучше разбираться в друзьях и врагах, в их классовой сущности, в методах уничтожения вражеских сил. Опыт истории научит трудящиеся массы лучше ориентироваться в происходящих событиях, увереннее смотреть в будущее, понимать задачи партии. Так будет ускорено осуществление великой задачи человечества — построение коммунистического общества.

Работая над созданием учебника по истории СССР, его составители были воодушевлены мыслью о том, что это будет первая, пусть скромная, попытка ознакомить граждан Союза ССР с его

замечательной историей, замечательной прежде всего потому, что только в нашей стране трудящиеся добились уничтожения капиталистического общества и построили социализм.

Еще при царизме, во времена подполья, большевики-пропагандисты преподавали историю в рабочих кружках. Для занятий в кружках имелись особые программы по истории, которые знакомили кружковцев с французской буржуазной революцией 1789 г., с революцией 1848 года, с Парижской Коммуной, с историей крепостничества и революционной борьбы в России. Широко развернув пропаганду исторических знаний путем разного рода лекций, бесед, статей в общей печати, наша партия уже в годы гражданской войны, борьбы с интервентами поставила вопрос о создании учебника истории. Ознакомление трудящихся масс с историей прошлого нашей страны становилось все более и более повседневным делом армии партийных пропагандистов и преподавателей истории. Вести это преподавание без учебника было очень трудно. Первым таким учебником вскоре стала книжка М. Н. Покровского — «Русская история в самом сжатом очерке», вышедшая в 1920 г. (1-я—2-я части).

Из письма, написанного В. И. Лениным Покровскому, известно, что Ленин был недоволен этим учебником. По су-

ти дела, Ленин предложил в этом письме Покровскому переработать книжку таким образом, чтобы учащиеся знали факты (в письме это подчеркнуто дважды), чтобы не было «верхотливости» (подчеркнуто В. И. Лениным), чтобы учились сравнивать старую науку и новую.

К сожалению, Покровский не сумел выполнить этих указаний В. И. Ленина и не произвел коренной переработки своего учебника, добавив лишь несколько таблиц по хронологии, назвав их «синхронистическими». Учебник остался в том же виде, в каком он был издан вначале, затем много раз был переиздан, являясь очень распространенным пособием по истории в сети народного образования, партийного и общего просвещения.

Ошибочные исторические концепции в работах Покровского уже давно обратили на себя внимание партийных и исторических научных кругов. Так, еще в 1923 году, когда вышла третья часть «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровского, в Институте красной профессуры историками был устроен специальный диспут об этой книге. Покровскому было указано, что его концепции, и в частности его установка о «торговом капитализме», противоречат тем указаниям, которые находятся в трудах Маркса. Но критика, исходившая от учеников Покровского, была очень робкой и неуверенной. Сам Покровский отстаивал свои установки и в новых изданиях учебника вносил лишь отдельные частные исправления, оставляя неизменными свои основные положения и особенно свою теорию о «торговом капитале в шапке Мономаха».

Прошел ряд лет. На историческом фронте все чаще и настойчивее начали раздаваться голоса против основных положений в работах Покровского. Это особенно сказалось в дискуссии 1929 г. об общественно-экономических формациях в России. Однако критика установок Покровского и в этой дискуссии рядом его учеников велась с неверных, антимарксистских позиций. Например, один из таких критиков предложил изменить установки Покровского о перио-

дизации истории СССР новым ее делением на десять общественно-экономических формаций. Это предложение явилось абсолютно немарксистским, неленинским, обнаружилось, что критикующие Покровского далеко стоят от марксизма и указаний Ленина и Сталина по основным вопросам истории. Однако дискуссия 1929 г. все же была не бесплодной. Она заставила многих историков более углубленно изучать работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и в конечном счете приблизиться к правильному решению исторических вопросов.

В 1931 г. появилось чрезвычайно важное письмо И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — «О некоторых вопросах истории большевизма». В этом письме товарищ Сталин разгромил антимарксистские, антиленинские установки, которыми были пронизаны бывшие тогда в ходу учебники по истории партии. Ошибочные установки, на которые указал товарищ Сталин, несомненно, имелись тогда и у историков СССР. Письмо товарища Сталина выправляло уклоны, имевшиеся как у историков партии, так и у историков СССР.

Вскоре партия вплотную занялась вопросами преподавания гражданской истории в школе. Наркомпрос в то время все еще держался взглядов, сводившихся к изгнанию истории из школы и замене ее обществоведением. Партия решительно осудила эту линию Наркомпроса. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. было указано, что учебники и само преподавание истории в школе «носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».

К этому же времени относится попытка создания новых учебников по исто-

рии СССР в соответствии с вышеприведенными указаниями партии и правительства. Вскоре обнаружилось, что взявшиеся за составление учебников «историки» не только не освободились от неверных, антимарксистских, антиленинских установок Покровского в области истории СССР, но внесли в нее еще более вредную отсебятину. Эти «составители» пытались протащить в ряде положений такие теории исторического процесса, которые были только на руку врагам народа. Среди них был ответственный руководитель по составлению учебника по истории СССР Ваняг, его соавтор Пионтковский и другие, ныне разоблаченные как враги народа, как агенты бандита Троцкого. Конспекты учебников этих вредителей были подвергнуты жестокой критике товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым, которые представили ЦК партии и СНК Союза ССР свои «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР». Разгром школы Покровского и троцкистской агентуры имел решающее значение для выправления линии исторического фронта. Постановления партии и правительства, касающиеся истории, которые последовали после «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР», представленных товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым, легли в основу работы авторов, включившихся в марте 1936 г. в конкурс на лучший учебник по истории СССР для начальной школы. Указание жюри конкурса о непременно включении в этот учебник элементов всеобщей истории и истории народов Советского Союза предопределило схему «Краткого курса истории СССР». Указания товарища Сталина составителям учебников по истории партии, опубликованные в 1937 г., обеспечили правильную периодизацию истории СССР XX века при переработке учебника.

«Краткий курс истории СССР» был составлен коллективом профессоров и преподавателей кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института имени А. С. Эбенова. Над учебником работали также преподаватели других высших и средних

учебных заведений, а также и учителя начальных школ. Текст учебника составляла особая бригада авторов, работавшая под непосредственным руководством профессоров А. В. Шестакова и Н. Г. Тарасова, обеспечившего правильное решение методических вопросов учебника и подбор иллюстраций.

Кроме того, текст учебника неоднократно проверялся учителями начальных школ с точки зрения его доходчивости для учеников третьего и четвертого классов начальной школы.

Чтобы шире использовать методический опыт, были приглашены к сотрудничеству историки-методисты других учебных заведений. С их помощью были обследованы учебники истории для начальных школ — французские, английские, немецкие, датские, чехословацкие, шведские, американские, один японский учебник, а кроме того, большое число учебников русской дореволюционной школы. Разработанные ими показатели методической ценности тех или иных сторон изученных учебников были сейчас же использованы составителями текста. Наиболее удачным с методической стороны был признан французский начальный учебник истории.

Во время посещения Советского Союза французским министром народного просвещения г. Жан Зей в 1937 г. ему был поднесен от имени составителей «Краткий курс истории СССР» с надписью, в которой указано, что французский учебник истории для начальной школы, с его четкой и ясной методикой, был использован составителями «Краткого курса» как ценное методическое пособие из всей литературы этого рода.

Изыскания методистов-историков могли установить чрезвычайно важную дозировку насыщенности учебника историческими именами, датами, географическими понятиями, количеством не только слов, но и знаков в уроке, с постепенным увеличением их по мере роста школьников. Это во многом содействовало тому, что новый учебник оказался наиболее доходчивым при его изучении детьми. Огромную пользу в этом же направлении со-

ставителям учебника оказали сами дети. У собранных на проверку уроков детей составители учебника сами, как школьники, ждали ответа на вопрос:

«Поймут или не поймут?»

Детская аудитория дала ответ: учебник перегружен большим количеством дат, имен, понятий. Их трудно усвоить, еще труднее сохранить в памяти. Учебник надо было сократить, упростить. Это было в начале июня 1936 г. До срока конкурса оставалось менее полутора месяцев. Учебник был переделан и закончен к сроку — к 15 июля 1936 г. В нем насчитывалось до 14 печатных листов против 20 печатных листов, указанных в условиях жюри конкурса. Но об этом сожалеть не приходилось. Наоборот, учебник необходимо было еще более сократить. При переделке учебника в 1937 г. удалось довести его размеры до 10^{1/2} печатных листов текста, т.-е. почти до половины того объема учебника, о котором говорилось в постановлении жюри конкурса.

В первом варианте учебника, представленном на конкурс, были некоторые детали, оживлявшие текст. Для более впечатляющего показа тех или иных исторических фактов, событий или лиц составители брали литературные отрывки, стихотворения, иногда исторические анекдоты и т. д. Применялась и историческая выдумка. Так, например, в одной из глав было рассказано о том, как однажды утром Екатерина II получила большой пакет от русского посла из Франции и когда она разорвала этот пакет, то с ней произошла истерика, так как посол писал, что во Франции началась революция. Ход французской буржуазной революции затем был показан в учебнике в форме переписки между Екатериной II и ее послом во Францию. Тот факт, что французский король и Мария-Антуанетта, готовясь к бегству из Франции, имели русские паспорта, был известен составителям и раньше. Но самый характер описания событий революции, изложение их в виде переписки Екатерины II и ее посла, было особым методическим приемом авторов, их выдумкой.

Правительственная комиссия указала,

что детей не следует приучать к такого рода непроверенным историческим сведениям. В учебнике не должно быть также никаких выдумок, которые затуманивали бы основное содержание курса. И мы с этим вполне согласились. Правильно было и другое указание Правительственной Комиссии — об изъятии из учебника различного рода «литературных украшений», которые могли бы отвлекать внимание детей от основного содержания текста учебника.

Но это последнее обстоятельство — снятие из учебника материала беллетристического характера — вовсе не означает, что учитель в работе с учениками не должен применять этих материалов, как могущих содействовать усвоению школьниками истории. Учитель обязательно должен ввести дополнительные рассказы по урокам учебника, иллюстрируя их отрывками из романов, повестей, очерков, стихотворений и т. д. Учебник дает учащемуся знание только совершенно необходимых важнейших исторических фактов и понятий и объясняет ему важнейшие исторические события и их связь. Без помощи учителя усвоить материал учебника дети не смогут.

Что же нового имеется в учебнике в отношении методологических установок, которые вновь внесены в историю как в науку? Как конкретизирована в учебнике борьба партии с искажением истории Покровским и его школой?

История русского народа в учебнике является основным стержнем, но вместе с этим новый учебник знакомит учеников и с историей других народов СССР, чего в других курсах истории досих пор не было. У Покровского не только в «Сжатом очерке», но и в большом курсе «Русская история с древнейших времен» нет ни одной главы, которая бы излагала историю отдельных народов Советского Союза, как субъектов истории. В новом «Кратком курсе истории СССР» есть рассказ и о древнейших государствах Закавказья и Средней Азии, и о походах Чингисхана, и о государстве Тамерлана с центром в Средней Азии, и по истории Украины и Белоруссии, начиная с древнейших славян,

родоначальников русского, украинского и белорусского народов, и кончая их историей в советский период. Несмотря на то, что новый учебник значительно отличается в показе истории отдельных народов Советского Союза не только от буржуазных учебников, но и от учебников Покровского, и в нем все же имеется ряд недоделок именно в этом вопросе, на что и было указано в постановлении жюри конкурса от 22 августа 1937 г. Лучшему изложению истории народов СССР мешали два обстоятельства: во-первых, недостаточная изученность истории этих народов, отсутствие марксистских работ по истории народов Средней Азии, Закавказья, Сибири, Белоруссии и др., во-вторых, недостаточная методическая увязка истории отдельных народов СССР с историей русского народа.

В новом учебнике значительно яснее, чем в учебниках Покровского, дан показ общественно-экономических формаций в истории СССР, при чем показ дан не в виде схемы, а облачен в надлежащих местах в историческую плоть и кровь. Рабовладельческая формация показана на примере древне-греческих городов в Причерноморье. Подробно дается развитие феодальных отношений, начиная с эмбриональных форм «вассалитета без ленов» в Киевском государстве IX — X вв. и кончая полным распадом феодализма в середине XIX в. Затем в учебнике дается показ капиталистической формации в ее основных стадиях промышленного и финансового капитализма. Социалистическая формация показана в разделе истории советского периода. На картинах истории строительства социализма дети под руководством учителя сами должны сделать вывод относительно новых общественных отношений, совершенно отличных от тех, что были раньше, в классовом обществе.

Из отдельных проблем, которые разрешены в новом учебнике, можно остановиться на следующих.

Не сразу была найдена четкая формулировка о прогрессивной роли христианства Киевской Руси. Из разъяснений, которые последовали в связи с по-

становлением о пьесе Демьяна Бедного «Богатыри», нам стало ясно, что в этом вопросе необходимо еще более уточнить положительную роль христианства как в деле собирания славянских племен в единое государственное целое, так и в перенесении греческой культуры в Киевскую Русь.

Развитие русского национального государства и начало самодержавия в учебнике трактуется также как прогрессивное явление. Централизованная государственная власть в северо-восточной Руси, энергично боролась с феодальной раздробленностью, объединяя разрозненные феодальные княжества в единое государственное целое, при чем была создана сила, противостоявшая монголо-татарскому игу. В основу этих положений легли указания классиков марксизма, «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» тт. Сталина, Кирова и Жданова и непосредственные поправки в учебнике Правительственной Комиссией. Дальнейшее расширение русского национального государства привело его к превращению в многонациональное государство, которое вело борьбу против волжских и крымских татар, против наседавших с запада Литвы и Польши. Эта проблема также разрешена в новом учебнике согласно указаниям товарища Сталина в его тезисах к докладу на X съезде партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Вопрос о борьбе с иностранными интервентами, начиная со шведских нападений на Новгородскую землю и налетов на нее немецких псов-рыцарей, закончившихся их разгромом на Чудском озере, и кончая шведско-польской интервенцией в начале XVII века, в учебнике освещен иначе, чем это имело место хотя бы в том же «Сжатом очерке» Покровского. Так, Покровский авантюриста, ставленника польских панов Ажедмитрия I изображал крестьянским царем, другом трудящихся масс. Это абсолютно неверно, это искажение исторических фактов.

В учебнике подчеркнуто, что все восстания масс в феодальный период истории, начиная с Киевского государства и кончая XIX веком, были стихийными

и обречены на неудачу, так как тогда не было пролетариата, который повел бы за собой на борьбу крестьянские массы, не было союза рабочего класса и крестьянства.

Покровский называл движение казачества на Украине в середине XVII в. буржуазной революцией. Это также неверно, так как на Украине были тогда типичные феодальные общественные отношения. Неверно трактовался Покровским вопрос и о присоединении Украины к России. В новом учебнике говорится, что присоединение Украины к России было выходом, наименьшим злом для украинского крестьянства и казачества, было освобождением от национального и религиозного угнетения украинского народа польскими панями.

Покровский изображал Петра I как деспота, пьяницу и т. д., повторяя до некоторой степени славянофильские установки в оценке деятельности Петра I. На самом деле, как это и показано в новом учебнике, Петр явился крупнейшей политической фигурой, преобразователем, который вывел Россию из экономической, политической и культурной отсталости, укрепляя государство помещиков и нарождавшегося класса купцов путем варварских и жестоких методов угнетения масс.

Целый ряд других вопросов, связанных с историей переломных моментов в России,—война 1812 года, декабристы, реформы 60-х годов XIX в., народничество, оценка рабочего движения 70—90-х гг. XIX века, роль Ленина, рассказ о событиях в Западной Европе в XIX в.—весь этот комплекс вопросов в новом учебнике дан также совсем по-иному, чем в учебниках Покровского. Что касается пореформенного развития, особенно буржуазных революций в России, то здесь составители нового учебника руководились указаниями товарища Сталина составителям учебника по истории партии и получили особенно большую непосредственную помощь от членов Правительственной Комиссии.

В «Кратком курсе истории СССР» учтены все указания Комиссии и по вопросам революции 1905 г. и второй бур-

жуазной революции и особенно по истории Октябрьской социалистической революции. Преодолевая искажение истории XX века Покровским и его школой, авторы нового учебника на основе указаний Правительственной Комиссии осветили важнейшие события XX века в значительной степени по-иному, чем это было в прежних учебниках и по истории партии.

Несмотря на все это, в учебнике имеется еще немало таких вопросов, которые требуют дальнейшего тщательного научного изучения и преодоления искажений истории, допущенных Покровским и его учениками. На это и указывает «Постановление жюри Правительственной Комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР» от 22 августа 1937 г.

Грозная обстановка назревающих мировых событий, заставляет нас все большее внимание обращать на историю, еще более энергично работать в этой области, воспитывая на примерах истории не только детей, но и взрослых. Учебник предоставляет эту возможность. Его следует использовать и для работы со взрослыми по пропаганде большевизма, составной частью которого является история.

Историческое воспитание трудящихся масс—большая политическая задача. Вопросы истории сейчас поставлены очень остро. Историей интересуются все, от мала до велика. Этот глубочайший интерес к истории вдохновляет нас, историков, к дальнейшей работе над проведением исторических знаний в массы, над созданием новых учебников, над научной работой по отдельным вопросам истории.

«Краткий курс истории СССР» получил большой политический резонанс. Это обстоятельство ободряет и обязывает авторов «Краткого курса истории СССР» еще энергичнее, под руководством партии и правительства, добиваться решения задач в области истории с тем, чтобы еще крепче развить наших врагов, с тем, чтобы еще быстрее завершить создание коммунистического общества.

БОЛЬШЕВИКИ — ЗАВОЕВАТЕЛИ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Проф. Н. Zubov

Экспедиция академика О. Ю. Шмидта вылетела из Москвы 22 марта 1937 г. в составе 4 тяжелых самолетов под управлением Водопьянова, Молокова, Алексеева и Мазурука и легкого самолета под управлением Головина. Эта экспедиция имела целью высадить в районе Северного полюса на дрейфующие ледяные поля Северного Ледовитого океана 4 человека: начальника станции Папанина, радиста Кренкеля, астронома Федорова и гидробиолога Ширинова, с научным оборудованием и запасами, рассчитанными на пребывание станции на льдине в течение года.

Экспедиция, пролетев по маршруту Москва — Холмогоры — Нарьян-Мар — Маточкин Шар, 18 апреля совершила посадку на острове Рудольфа — крайнем северном острове архипелага Земли Франца-Иосифа. Здесь еще в навигацию 1936 года специальной экспедицией на ледоколе «Русанов», возглавлявшейся И. Д. Папаниным, была установлена замечательная база для предполагавшейся экспедиции к полюсу. Остров Рудольфа, как база, был избран не только потому, что он расположен ближе всех других островов советской Арктики к Северному полюсу, но и потому, что поверхность ледника, его покрывающего, представляет хороший естественный аэродром. В начале 1936 года будущий маршрут экспедиции от Москвы до о. Рудольфа был, кроме того, проверен специальной экспедицией Водопьянова на двух самолетах. Во время этой экспедиции Водопьянов в целях разведки льдов долетал до 83° северной широты.

21 мая 1937 года самолет Водопьянова, имея на борту О. Ю. Шмидта, высадил на ледяное поле вблизи самого полюса четырех зимовщиков, немедленно начавших научную работу. С тех пор регулярно, по нескольку раз в сутки, метеорологические наблюдения переда-

ются с полюса на Большую землю и используются бюро погоды всего мира при составлении синоптических карт. Таким образом, 21 мая 1937 года — дата официального открытия первой советской полюсной метеорологической станции.

25 мая с о. Рудольфа на полюс вылетели остальные три самолета экспедиции. Самолет Молокова 26 мая прилетел и сел рядом с самолетом Водопьянова. 27 мая прилетел на полюсную станцию самолет Алексеева, который из-за непогоды вынужден был сначала сесть на другое ледяное поле. Наконец, 5 июня к полюсной станции подлетел самолет Мазурука, также предваритель-но опустившийся на другое ледяное поле.

Прилетом самолета Мазурука закончилась доставка оборудования полюсной станции. Станция смогла полностью развернуть свою работу. 6 июня самолеты экспедиции Шмидта возвратились на остров Рудольфа. Одна из машин — Мазурука — на случай оказания экстренной помощи зимовщикам осталась на зимовку на этом острове. Остальные четыре машины 25 июня благополучно возвратились в Москву, где экипаж экспедиции получил достойные награды за свой подвиг.

Посещения Северного полюса

До 1937 г. Северный полюс посещался 4 раза. Первый раз это было в 1909 г., когда американец Роберт Пири достиг полюса на саниах и собаках. Два раза Северный полюс был посещен в 1926 г.: первый раз американцем Бердом, долетевшим до полюса на самолете, второй раз Амундсенем, пролетевшим над полюсом на дирижабле по пути со Шпицбергена на Аляску. Наконец, в 1928 г. над полюсом побывала экспедиция Нобиле на дирижабле «Италия».

История борьбы Пири за достижение Северного полюса представляет собой эпопею непрерывного упорного труда на протяжении 20 лет.

Деятельность Пири, как полярного путешественника, распадается на два периода. Первый период, вплоть до 1896 г., был полностью поглощен изучением Гренландии. Потом Пири сделал обширные исследования совершенно до него неизученной северной Гренландии, приведшие к открытию, что Гренландия представляет собою остров, и, наконец, пересек ледяной щит Гренландии. Все это дало Пири громадный опыт в полярных исследованиях, позволивший ему ввести много целесообразных усовершенствований в практику полярных путешествий. Таким образом, когда Пири приступил к борьбе за достижение Северного полюса, он был вполне уже сформировавшимся полярным исследователем.

В истории Пири поражает его исключительная способность сосредотачиваться на достижении определенной цели и его исключительная выносливость. О самом себе Пири писал следующее: «Основным законом физики является положение, что всякое тело движется по линии наименьшего сопротивления. Но закон мало пригоден по отношению к непоколебимой воле человека. Что касается меня, то всякое становившееся мне на пути препятствие физического или морального свойства, — будь то льды в ледяной пустыне, полярное море или сопротивление общественного характера, — еще более принуждало меня осуществить принятое решение: достигнуть твердо поставленной цели моей жизни, если только моя жизнь окажется достаточно продолжительной для этого».

Этой основной целью Пири и было достижение Северного полюса, этой цели он посвятил 23 года своей жизни.

Для достижения Северного полюса Пири избрал так называемый американский путь к Северному полюсу, начинающийся от северных берегов Гренландии. Предшествовавшие попытки достижения Северного полюса на санях, предпринимавшиеся от Шпицбергена, в частности попытка Парри в 1827 г., и по-

пытка достижения Северного полюса от Земли Франца-Иосифа, в частности попытка Каньи в 1901 г., показали, что дрейф льдов в этих районах слишком значителен и представляет большие затруднения для достижения полюса. Первая попытка продвинуться к полюсу, предпринятая Пири в 1900 г. от северных берегов Земли Гранта, потерпела неудачу. Плохое состояние собак не позволило ему подняться выше $83^{\circ}54'$ северной широты. Уже в 1902 г. Пири возобновляет свою попытку. Он достигает $84^{\circ}17'$ северной широты, но из-за недостатка запасов возвращается обратно. 21 апреля 1906 г. Пири удалось дойти до $86^{\circ}6'$ северной широты. Опять у него нехватило запасов из-за вынужденной остановки у большой полыньи, преграждавшей ему путь к северу, и он вынужден был повернуть назад.

Последнее свое путешествие к Северному полюсу Пири совершил в 1908 г., когда ему было 53 года. Как и в предыдущую свою поездку, Пири на специально построенном корабле «Рузвельт» отправился к северному берегу Земли Гранта. Подготовка к выходу на Северный полюс велась всю зиму. Отправным пунктом был избран мыс Колумбия ($83^{\circ}07'$ северной широты) — самая северная точка Земли Гранта. От мыса Колумбия к полюсу пошло 6 белых людей, один негр Генсон, неизменный спутник Пири во всех его экспедициях, и 17 эскимосов. С ними было 133 собаки и 19 саней.

Уже до Пири в практику санных экспедиций была введена система так называемых вспомогательных партий, заключающаяся в следующем: вся экспедиция разбивается на несколько групп, причем постепенно отдельные группы, дойдя до заранее намеченных точек, возвращаются обратно. Ударное ядро экспедиции во время начальной части пути идет последним по дороге, уже проложенной идущими впереди вспомогательными партиями. Это ядро не несет на себе тяжестей и не выполняет тяжелых работ. На конечных остановках отдельных партий основное ядро меняет утомившихся собак и поломанные сани. Таким образом, вплоть до самого последне-

го этапа силы основного ядра остаются наиболее сохраненными.

Систему вспомогательных партий Пири довел до совершенства. Его экспедиция была разбита на 6 партий, из них 5 вспомогательных. В каждой партии было 4 человека. Вспомогательные партии шли впереди головной, прокладывая для нее дорогу и строя снеговые хижины для ночлега. Первая партия вернулась обратно, пройдя наименьшее расстояние. Последней прошла назад группа, возглавлявшаяся капитаном Бартлетом, командиром корабля «Рузвельт». Эта группа достигла $87^{\circ}48'$ северной широты.

Сам Пири, во главе основной партии, нагонял вспомогательные на их конечных остановках, меняя при этом уставших собак и поломанные сани.

6 и 7 апреля Пири был на полюсе, где и провел около 30 часов. За это время Пири обошел полюс со всех сторон и сделал много астрономических определений. Находясь у самого Северного полюса, он пытался измерить глубину океана, но, опустив 2743 м. проволоки, дна не достал. Впоследствии возникли сомнения, побывал ли Пири действительно на полюсе. Сомнения эти возникли потому, что последние 255 км. до полюса Пири покрыл за 5 переходов. При господствовавшем до последнего времени убеждении, что в центре полярного бассейна льды торосистые и трудно проходимы, это казалось маловероятным. Эти сомнения, широко обсуждавшиеся в печати, вынудили Национальное географическое общество в Вашингтоне назначить специальную комиссию для проверки всех астрономических определений Пири.

Эта комиссия, состоявшая из вполне сведущих лиц, тщательно разобрала все наблюдения Пири и все обстоятельства дела и пришла к единодушному заключению, что Пири действительно на полюсе побывал.

В своем дневнике Пири пишет: «Больше 20 лет эта точка земной поверхности (Северный полюс) была предметом всех моих стремлений. Все мое физическое и душевное состояние было посвящено этому. Много раз я ставил на кар-

ту свою жизнь и жизнь бывших со мною людей. Мое собственное состояние и средства моих друзей уходили на это дело. Эта экспедиция была моим восьмым путешествием в полярную пустыню. В этом путешествии я провел почти 20 лет из 23 между моими 30 и 53 годами, а промежуточное время, прожитое мною в цивилизованных странах, было, в сущности, заполнено приготовлениями к походам в ледяную пустыню».

Главным результатом путешествия Пири к Северному полюсу явилось доказательство, что во всяком случае между северной оконечностью Гренландии и полюсом никаких земель или островов не существует и что глубина океана у самого полюса во всяком случае больше 2743 м. Кроме того, экспедиция Пири собрала некоторые сведения о состоянии льдов в этом районе и также открыла, что полярные льды у берегов Гренландии движутся с запада на восток, направляясь в широкий пролив между Шпицбергом и Гренландией. Вот, в сущности говоря, все, что мы получили благодаря экспедиции Пири и чему он посвятил 23 года своей жизни.

Следующее по времени достижение Северного полюса было произведено в 1926 году. 9 мая этого года из бухты Кингсбей (северо-западное побережье Шпицбергена) вылетел к полюсу самолет Ричарда Берда. В 9 час. утра того же дня «Жозефина Форд» (так был назван самолет Берда в честь трехлетней дочери миллионера Форда, субсидировавшего экспедицию) находилась над полюсом. Произведя наблюдения и описав над полюсом круг, не совершая посадки, самолет в 9 час. 15 мин. повернул на Шпицберген, которого благополучно и достиг. 14 час. 40 мин. потребовалось Берду для достижения Северного полюса от Шпицбергена и для возвращения обратно на Шпицберген. Для того, чтобы достигнуть полюса от берегов Гренландии и вернуться обратно, Пири потребовалось около 2 месяцев.

11 мая того же 1926 года, т.-е. через два дня после перелета Берда, из той же бухты Кингсбей вылетел дирижабль «Норвегия», имевший на борту

16 человек, во главе с Амундсеном. Курс был взят прямо на север. 12 мая в 1 ч. 30 мин. по Гринвичскому времени дирижабль находился над Северным полюсом, а 14 мая в 7 час. 30 мин. утра «Норвегия» благополучно приземлилась на Аляске. В этой экспедиции не только был достигнут Северный полюс, но впервые Северный Ледовитый океан был пересечен по воздуху. Всего при этом пройдено около 3.400 морских миль.

Последняя по времени попытка исследовать приполярные пространства на воздушном корабле была предпринята в 1928 г. Это была итальянская экспедиция Нобиле на дирижабле «Италия». Во время этой экспедиции предполагалось детально исследовать с воздуха район между Шпицбергенем, Гренландией и Северным полюсом. Имелось в виду высадить в районе полюса на несколько часов партию научных работников для измерения глубины моря и определения температуры океана. Кроме того, предполагалось производство различного рода метеорологических, магнитных и электрических наблюдений. Для осуществления этой программы Нобиле решил производить перелеты по радиусам из Кингсбея. Первый перелет был предпринят 11 мая. Уже через 7 часов дирижабль из-за тумана вернулся. Второй перелет состоялся 15 мая и продолжался в общем 69 часов. Со Шпицбергена был взят курс к Земле Франца-Иосифа, потом к Северной Земле, отсюда на Новую Землю и обратно на Шпицберген. В общем по воздуху дирижабль сделал около 4.000 км.

По возвращении из этого перелета участники экспедиции стали энергично готовиться к третьему перелету. 23 мая в 4 часа 40 мин. дирижабль «Италия» вылетел со Шпицбергена и направился к берегам Гренландии, а оттуда к полюсу. 24 мая в 0 ч. 20 м. дирижабль был над полюсом. Но спустить людей на лед не удалось из-за сильного ветра. Покружившись над полюсом в течение двух часов, дирижабль взял курс на Шпицберген. 25-го в 10 час. 30 мин. на 81°20' северной широты и 24° восточной долготы произошла катастрофа, причина которой до настоящего вре-

мени не выяснена. Дирижабль быстро опустился на лед. При ударе об лед один человек был убит. У начальника экспедиции Нобиле были сломаны нога и рука. На лед было выброшено 9 человек. Остальные 6 человек были унесены вместе с дирижаблем в неизвестном направлении и погибли. Дальнейшие подробности катастрофы с «Италией» у всех еще свежи в памяти.

Несчастье, случившееся с итальянской экспедицией, взволновало весь мир. В течение короткого времени было послано 16 кораблей и 21 самолет. Шведский летчик Лундборг спас Нобиле. 12 июля советская экспедиция на ледоколе «Красин» под руководством проф. Самойловича спасла вначале Цаппи и Мариано, обнаруженных летчиком Чухновским, а затем еще пятерых участников итальянской экспедиции. На самолете Амундсена «Латам», вылетевшем на помощь Нобиле, погибли 6 чел., в их числе и сам Амундсен. Трое погибли на итальянском самолете, возвращавшемся в Италию.

Экспедиции Пири, как мы видели, дали сравнительно мало для понимания географических процессов в центре Арктики. Действительно, продвижение на санях по льду требует от участников экспедиции полного напряжения физических сил. Для научной работы остается мало возможности, тем более, что вес научных приборов ограничивает их количество, а хрупкие приборы для такого транспорта не приспособлены. Все же экспедиции Пири сыграли большую роль уже потому, что они разрешили основную географическую проблему: между Северным полюсом и Гренландией никаких земель и островов нет, у самого полюса океан достаточно глубокий, чтобы предполагать, что и по ту сторону вблизи полюса земель также нет. Что касается экспедиций Берда, Амундсена и Нобиле, то они по своему кратковременному побыванию у полюса особо ценных результатов не могли дать. Их значение не в том, что они достигли полюса (это уже до них было сделано Пири), а в том, что они показали возможность перелета самолетов и дирижаблей над льдами центральной части Северного Ледовитого океана. Лозунг

«достижение Северного полюса» при этих полетах был необходим лишь как средство для привлечения к этому делу общественного внимания и изыскания этим путем необходимых для организации экспедиций средств.

Экспедиция Нансена и ее открытия

Как известно, в 1878—79 гг. протекала знаменитая экспедиция Норденшельда на корабле «Вега», который впервые в истории полярных стран прошел Северным морским путем из Атлантического океана в Тихий. В те времена радио еще не было. А так как пройти Северный морской путь в одну навигацию экспедиции не удалось, а пришлось зимовать недалеко от Колючинской губы, то в 1879 году для поисков Норденшельда было организовано несколько спасательных экспедиций. Одна из таких экспедиций была организована на корабле «Жаннетта» под начальством де-Лонга. Достигнув Колючинской губы и узнав, что «Вега» уже ушла к Берингову проливу, де-Лонг, у которого были запасы на 3 года, решил использовать имевшуюся возможность для достижения Северного полюса. В те времена еще существовало мнение, что в летнее время полярные льды настолько разрежаются, что между ними сравнительно легко найти проходы вплоть до самого Северного полюса. Де-Лонг был настолько уверен в возможности достижения Северного полюса, что даже взял с собой медный ящик, на котором были выгравированы имена участников экспедиции. Этот ящик предполагалось оставить на Северном полюсе. Недалеко от острова Врангеля «Жаннетта» вошла во льды, и ее понесло вместе со льдами на северо-запад. 17 июня 1881 года, т.-е. через 21 месяц после начала дрейфа, «Жаннетта» была раздавлена льдами у Ново-Сибирских островов и пошла ко дну. Только части команды, после невероятных усилий, после многих приключений и лишений, удалось спастись. Как ни странно, гибель «Жаннетты» послужила отчасти поводом для организации самой замечательной полярной экспедиции конца прошлого столетия, а именно

экспедиции Нансена на корабле «Фрам». К этому времени Нансен уже приобрел громкую известность как полярный исследователь. Нансен по справедливости считался идейным вдохновителем всех современных полярных исследователей. Его смелость, граничащая с дерзованием, его физическая выносливость и непреклонная воля, его организаторские способности, железное здоровье и обширные познания остаются до сих пор непревзойденными среди полярников.

Когда Нансену было 17 лет, он уже получил звание чемпиона Норвегии по конькам на дальнее расстояние. Когда ему исполнилось 18 лет, он в состязаниях на одну милю побил мировой рекорд. В последующие годы он не раз выигрывал всенорвежские призы по бегу на лыжах по пересеченной местности. В 1888 году Нансен совершает свое замечательное пересечение Гренландии с востока на запад, что до него никем еще не было сделано. Таким образом, Нансен был очень хорошо подготовлен к полярным исследованиям.

«Жаннетта» была раздавлена льдами у Ново-Сибирских островов в 1881 году, а 3 года спустя на юго-западном берегу Гренландии были найдены вмержшими в лед вещи, бесспорно принадлежавшие участникам экспедиции «Жаннетты». Профессор Мон высказал мысль, что, очевидно, льдину с вмержшими в нее вещами пронесло течение через все полярные моря. Это мнение подтверждалось тем, что и раньше на берегах Гренландии и Исландии не раз находили разные предметы, выделяемые на побережьях Аляски. Эти предметы могли попасть к берегам Гренландии не иначе, как пройдя через весь полярный бассейн. Как только Нансен узнал о находках остатков экспедиции «Жаннетты» и о выводах проф. Мона, он выступил с чрезвычайно смелым и оригинальным проектом исследования полярного бассейна. Нансен писал: «Нельзя не прийти к выводу, что течение (в Северном Ледовитом океане) проходит или через полюс, или во всяком случае очень близко от него, где-то между Гренландией и Шпицбергенем. В таком случае дело обстоит очень просто. Надо

войти в течение по эту сторону полюса, где оно направляется к северу, и с помощью этого течения проникнуть в те области, куда все прежние исследователи тщетно старались попасть, идя против течения. Короче говоря, мой план состоит в следующем: я предлагаю построить судно, небольшое по размерам, но очень крепкое, такой величины, чтобы на нем поместились только запасы угля и провизии для 12 человек». Развивая далее свой план, Нансен указывал, что он не считает важным, пройдет ли экспедиция через полюс, или нет. «Достижение самого полюса, — писал Нансен, — не является нашей целью. Мы ставим себе задачей изучение неисследованных областей, окружающих полюс. С научной точки зрения, эти высказывания одинаково ценны, пройдет ли экспедиция точно через полюс, или же в некотором отдалении от него».

Летом 1893 года экспедиция Нансена на специально построенном по его указаниям знаменитым кораблестроителем Арчером корабле «Фрам» прошла из Норвегии в Карское море, пользуясь благоприятным состоянием льдов, обогнула мыс Челюскина и затем вошла в полярные льды к северо-западу от Ново-Сибирских островов, на $78^{\circ}50'$ северной широты и 134° восточной долготы. От этой точки начался знаменитый зигзагообразный дрейф «Фрама» приблизительно в северо-западном направлении, продолжавшийся почти три года. Навысшая широта, которой достиг «Фрам» во время своего дрейфа, равна $85^{\circ}57'$.

Как мы видели, Нансен не добивался достижения Северного полюса. Больше того, он говорил, что если даже корабль во время своего дрейфа окажется на 89° северной широты, то и то не имеет смысла оставлять корабль и пообовать достигнуть полюса по льду. Однако Нансен, как мы видели, был не только большим ученым, он был еще большим спортсменом. А лозунг — достижение полюса — был слишком соблазнителен. И вот, когда Нансен убедился, что судно пронесет мимо полюса, он решился на отчаянно смелую попытку. Вдвоем с лейтенантом Йогансе-

ном он покинул «Фрам» и, имея с собой 28 собак и продовольствия на 100 дней, пошел пешком к полюсу. В это время корабль находился на $84^{\circ}21'$ северной широты. 7 апреля 1895 года Нансен достиг $86^{\circ}14'$ северной широты. Севернее его еще не бывал человек. Дальнейшее продвижение на север было беспредельно. Дрейф льдов относил смелых путешественников на юго-запад, и Нансен проходил большое расстояние по льдам, мало изменяя свои географические координаты. Оставленный Нансеном «Фрам» продолжал дрейф на запад и северо-запад и в конце концов достиг $85^{\circ}57'$ северной широты, т. е. оказался только на 15 километров южнее той широты, до которой Нансен шел 23 дня ценой невероятных, героических усилий.

Широта, достигнутая «Фрамом», до сих пор остается рекордной для корабля, дрейфующего вместе со льдами. Как мы видели, Нансен повернул на юг 8 апреля 1895 года, находясь на $86^{\circ}14'$ северной широты и 86° восточной долготы. 6 апреля Нансен увидел группу островов, которую он назвал Белой Землей¹. Это была северо-восточная группа архипелага Земли Франца-Иосифа. Продолжая свой путь вдоль островов Земли Франца-Иосифа, Нансен и Йогансен в конце августа достигли острова Джексон, где и прозимовали, выстроив себе хижину из льда и камней и добывая себе пищу охотой на моржей и белых медведей. Только 10 мая 1896 года Нансен возобновил свое путешествие на юг, и только 17 июля он подошел с юга к мысу Флора (на одном из южных островов Земли Франца-Иосифа), на котором в это время зимовала английская экспедиция Джексона.

Нансен не достиг Северного полюса, но он в буквальном смысле этого слова открыл Северный Ледовитый океан. Он показал, что этот бассейн с глубинами

¹ Один из этих островов он назвал островом «Ева» в честь своей жены, другой остров — островом «Лив» в честь своей дочери. Как это было обнаружено в 1932 г. автором этих строк, «Ева» и «Лив» представляют собой один остров, и автор предложил назвать его соединенным именем «Евалив».

более 3 км. покрыт льдами, движущимися с востока на запад вдоль материкового склона Европейско-Азиатского континента. Он показал, что под полярными льдами (их толщина в ровных полях достигает 3—5 метров), прорезанными в разных направлениях покатыми холмами, старыми торосами, высотой до 8 метров, лежит сравнительно распресненный и очень холодный (температура до минус 1,8°) слой воды толщиной 100—200 метров. Ниже этого слоя расположен слой вод Атлантического происхождения, отличающихся высокой соленостью и высокой (до 2°) температурой, толщиной 700 метров и более. Эти воды проникают в Северный Ледовитый океан из Атлантического океана широким проливом между Гренландией и Шпицбергенем.

Особое внимание Нансен обратил на изучение свойств морских льдов и на законы, управляющие их движением. Нансен подметил, что льды в своем движении, вызываемом ветром, отклоняются приблизительно на 40 градусов вправо от направления ветра, и объяснил это явление влиянием отклоняющейся силы вращения земли. Эти наблюдения Нансена послужили основанием для современной теории ветровых океанических течений, разработанной Экманом. Нансен впервые обратил внимание, что так как льды тают, главным образом, сверху и нарастают, главным образом, снизу, то поэтому все посторонние тела, так или иначе попавшие в лед, в конце-концов оказываются на его поверхности. В результате поверхность льдов более загрязнена, чем все остальные части морских льдов. Нансен также впервые отметил почти полную безжизненность вод в центральной части Полярного бассейна. Известно, что первоисточником пищи в море является фитопланктон — мельчайшие растительные организмы и бактерии. Но для развития растений необходим солнечный свет. Только при солнечном свете растения способны разлагать углекислоту на кислород и углерод, обращая последний на построение своих тел. Центральная часть Полярного бассейна, по крайней мере на 90 проц., покрыта толстым слоем льда, почти не

пропускающего свет на глубины. Таким образом, несмотря на незаходящее в течение лета солнце, условия освещения под ледяными полями весьма плохие, и это влечет за собой бедность органической жизни. Действительно, плохое развитие растительного планктона влечет за собой почти полное отсутствие животного планктона, питающегося фитопланктоном и в свою очередь служащего пищей более крупным организмам. Этим объясняется отсутствие в центральной части Полярного бассейна рыб, тюленей, медведей и птиц. Нансен не только не встречал севернее 84° северной широты белых медведей и белых песцов, но даже не видел их следов. Пири не видел следов белых медведей выше 86° северной широты. Однако, на этой широте, при почти полном отсутствии жизни в воде под льдами и между льдами, Нансен обнаружил изумительное богатство органической жизни на поверхности ледяных полей и в лужах талой воды, покрывающих ледяные поля в летнее время. Отдельные льдины полей иногда выглядели так, будто они посыпаны мельчайшим порошком самых разнообразных оттенков. Этот порошок, при рассмотрении его под микроскопом, оказывался скоплением мельчайших организмов, главным образом диатомей — микроскопических кремневых водорослей. Это скопление микроорганизмов, причудливо окрашивавшее полярные льды, являлось немаловажным фактором летнего разрушения льдов. Благодаря своему темному свету микроорганизмы жадно поглощали солнечное тепло и подтаивали под собой глубокие лунки, которые к концу полярного лета пронизывали в некоторых местах насквозь даже толстые льды и тем способствовали их разрушению.

Во время той же экспедиции Нансеном было открыто одно из замечательнейших явлений природы. Океан состоит из слоев воды, отличающихся друг от друга по своим физико-химическим характеристикам, главным образом по температуре и солености, и очень трудно смешивающихся друг с другом. Как показали тщательные наблюдения Нансена, толщина этих слоев, а также их

расстояние от поверхности моря не остаются постоянными, а изменяются главным образом под влиянием приливо-отливных явлений. Как известно, уровень океана периодически то подымается, то опускается. Однако в открытых частях мирового океана эти периодические приливо-отливные колебания уровня не превышают 1 метра. Как показали исследования Нансена, подтвержденные последующими наблюдениями, во всех частях мирового океана вертикальные колебания глубинных слоев иногда достигают ста метров, и это повторяется два раза в сутки.

Нет ни одной области геофизики и океанографии северных полярных стран, которая не была бы так или иначе затронута и освещена в результате работ экспедиции на «Фраме». Это обстоятельство надо объяснить не только исключительными способностями Нансена, но также теми возможностями, которые давал для всякого рода исследований корабль экспедиции, с его удобным жильем и хорошо обставленными лабораториями. Кроме того, экспедиция Нансена продолжалась три года и имела возможность наблюдать возникновение, развитие и угасание всякого рода геофизических и океанографических процессов. Впоследствии Амундсен на корабле «Мод» предполагал повторить дрейф «Фрама», и, воспользовавшись тем же дрейфом льдов, пройти через полюс. Расчет Амундсена был очень прост. Раз «Фрам» вошел во льды Ново-Сибирских островов и его пронесло несколько южнее полюса, то надо войти во льды несколько восточнее, и тогда корабль пронесет через полюс.

В 1922 году судно «Мод» экспедиции Амундсена вошло во льды острова Врангеля и, продрейфовав 750 миль, сказалося в конце-концов у Ново-Сибирских островов, т.-е. у того пункта, откуда «Фрам» начал свой дрейф.

Несмотря на то, что широта, достигнутая «Мод», была очень невелика, научные результаты этой экспедиции были очень значительны. Объясняется это также тем, что на «Мод» были удобные лаборатории и что экспедиция пробыла во льдах почти два года.

Попытки русских

Как известно, знаменитый русский ученый М. В. Ломоносов посвятил много времени изучению возможности плавания вдоль великого Северного морского пути. Повидимому, он же первый из русских заговорил о достижении Северного полюса. В 1763 году он составил проект «о возможности достигнуть от Шпицбергена через Северный Полюс в восточное море». В этой записке он писал: «По всему видно и на самой высокой степени вероятности поставлено, что, считая отсюда, за полюсом есть великое море, в котором вода Северного океана обращается по силе общего закона от востока на запад». И далее «в отдалении от берегов Сибирских Северный океан в летние месяцы от таких льдов свободен, кои бы препятствовали корабельному ходу».

Основываясь на этих мыслях, Ломоносов настаивал на желательности предпринять плавание от Шпицбергена через Северный полюс к Берингову проливу. Таким образом, для Ломоносова достижение Северного полюса не было самоцелью и самый Северный полюс являлся лишь промежуточной точкой на пути через Северный Ледовитый океан.

Как мы знаем, предположение Ломоносова, что в центральной части Северного Ледовитого океана льды настолько разрежены, что не могут препятствовать свободному плаванию кораблей, оказалось ошибочным, хотя и господствовало в науке вплоть до конца прошлого столетия. Однако следует отметить правильность мысли Ломоносова, что воды Северного Ледовитого океана текут с востока на запад.

По предложению Ломоносова были снаряжены две экспедиции под начальством В. Чичагова. Это было в 1765 и 1766 гг. Обе эти экспедиции окончились неудачно, причем первая экспедиция достигла $80^{\circ}26'$, а вторая $80^{\circ}30'$ северной широты.

Следующей по времени попыткой достижения Северного полюса является попытка адмирала С. О. Макарова. Он выдвинул лозунг: «К Северному полюсу».

напролом» и предполагал, что если построить ледокол достаточной мощности, то на нем можно будет дойти до Северного полюса. В 1889 году на ледоколе «Ермак», который и до сего времени является одним из наиболее мощных наших ледоколов, Макаров вошел в полярные льды в районе к северу от Шпицбергена. В борьбе со льдами погнулись крепления корпуса и поломались винты «Ермака», и он смог дойти только до $81^{\circ}28'$ северной широты.

Полярные льды оказались не под силу даже такому мощному ледоколу, каким является «Ермак». После попытки 1889 года Макаров стал отрицать возможность пройти через полюс в Берингов пролив. Он считал, что наилучшее применение ледокола заключается в плавании к устьям Оби и Енисея, чем он рассчитывал удлинить время навигации в этих реках. С этой целью в 1901 году Макаров на «Ермаке» отправился вокруг Новой Земли. Однако у северо-западной оконечности Новой Земли льды в этом году были настолько тяжелые, что «Ермак» оказался зажатый в льдах почти на целый месяц, в устья Оби и Енисея не прошел и возвратился обратно. Идея применения сильных ледоколов для борьбы с полярными льдами оказалась скомпрометированной. Однако в наше время ледоколы с успехом применяются для проводки караванов вдоль Северного морского пути. Таким образом, несмотря на неудачу, дело, начатое Макаровым, принесло свои плоды.

Замечательно, что с попытками Макарова проникнуть к Северному полюсу на мощном ледоколе тесно связано имя великого русского ученого И. Д. Менделеева.

В своей записке, поданной 14 ноября 1901 года, т.-е. после второго неудачного плавания Макарова, министру финансов С. Ю. Витте, Менделеев указывал, что наиболее свободный водный путь в Ледовитом океане в летнее время нужно искать в двух направлениях — во-первых, около берегов Сибири и, во-вторых, в центре неизвестных частей Ледовитого океана, если там мало островов. Когда в 1897 г. адмирал Макаров выступил в печати со своим проектом

мощного ледокола, он встретил со стороны Менделеева поддержку. Однако, в дальнейшем Менделеев и Макаров сильно разошлись во взглядах. То, что Макаров считал впоследствии главным назначением ледокола, — обеспечение навигации в устья сибирских рек, — Менделеев считал слишком мало значимым для России, потому что уже до этого торговые корабли несколько раз удачно плавали в устья рек без какой бы то ни было помощи ледоколов. Менделеев настаивал на том, чтобы ему разрешено было на том же «Ермаке» сделать попытку безостановочно пройти к полюсу и к Берингову проливу. Это плавание он предлагал провести не напролом через льды, а по возможности по свободной воде, применяя, в случае нужды, для разрушения торосов и перемычек взрывчатые вещества.

В успехе своего предприятия Менделеев был настолько уверен, что писал: «Завоевав себе научное имя, на старости я не страшусь его посрамить, пускаясь в страны Северного полюса. Ведь мною руководит лишь надежда на конце жизни еще послужить на славу науки и на пользу России, где приобретенный опыт в жизни и науке найдет полное применение». «В заключение, — писал Менделеев, — повторяю еще раз, без смелых попыток, без разумных пожертвований нельзя надеяться успешно воевать с природой, как нельзя этого сделать и с людьми».

Как известно, предложение Менделеева в правящих кругах того времени сочувствия не встретило.

Первая и единственная русская экспедиция, которая ставила себе основной целью достижение Северного полюса, была экспедиция Г. Я. Седова. В это время Северный полюс был уже посещен Пири, но, как известно, это посещение, несмотря на категорическое утверждение Американского географического общества, что Пири действительно побывал на полюсе, широко оспаривалось в мировой печати. Некоторые газеты прямо называли Пири «обманщиком». В то же время, интерес к полярным странам благодаря экспедиции Пири возрос необычайно, тем более, когда стало из-

вестным, что Амундсен, после достижения Южного полюса, вновь собирается к Северному полюсу. Эти обстоятельства и дали повод Седову выступить с предложением об организации экспедиции для достижения полюса. Обращение Седова к правительству за помощью было безрезультатно. Тогда Седов обратился к частной помощи и, между прочим, к газетам. Был создан специальный «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран». 27 августа 1912 года экспедиция Г. Я. Седова на судне «Св. Фока» вышла из Архангельска. В состав экспедиции, кроме Седова, входили: географ В. Ю. Визе, геолог Павлов, художник Пинегин, бактериолог Ушаков и др.

1912 год был очень тяжелым годом по ледовым условиям. Экспедиция не смогла пройти дальше северного побережья Новой Земли, и 22 сентября 1912 г. в бухте, получившей название бухты Фока, под 76° северной широты и 60° восточной долготы экспедиция остановилась на зимовку. Зимовка была проведена в различного рода географических и геофизических работах. Только 3 сентября 1913 года льды, окружавшие корабль экспедиции, наконец раскрылись, и судно двинулось в дальнейший путь к Земле Франца-Иосифа.

За время своей первой зимовки экспедиция истратила большую часть своих запасов. Топливо, например, было совершенно на исходе. Были сожжены в топках срубы жилого дома, бань и сарая, затем ворвань и даже вторая палуба. Местом для зимовки на Земле Франца-Иосифа была избрана бухта Тихая на острове Гукера, как-раз то место, где сейчас находится прекрасная советская геофизическая обсерватория.

Во время зимовки Седов начал деятельно готовиться к путешествию на полюс. Положение экспедиции еще более ухудшилось вследствие появившейся цинги. В декабре захворал сам Седов. Тем не менее, несмотря на уговоры, Седов настаивал на экспедиции к Северному полюсу. «Я верю в свою звезду,— говорил он. — Если я слаб, спутники мои сильны. Наша цель — достижение

полюса — будет осуществлена. Я не могу вернуться без победы». 15 февраля 1914 года Седов, вместе с двумя матросами, Линником и Пустошным, на трех нартах, запряженных 20 собаками, отправился к Северному полюсу. Продвижение на полюс было очень медленное, а здоровье Седова все ухудшалось, и, в конце-концов, он не смог идти самостоятельно. Лежа на нартах, он следил по компасу за правильным движением к северу. 5 марта 1914 года Седов умер. На мысе Бророк на острове Рудольфа, там, где сейчас находится самая северная в мире метеорологическая станция, еще недавно служившая базой для замечательной экспедиции О. Ю. Шмидта, Седов был похоронен. 28 августа 1914 года, через два года после начала экспедиции, судно «Св. Фока» в жалком, беспомощном состоянии вернулось в одну из бухт Мурманского побережья. Так печально кончилась первая и единственная русская экспедиция, ставившая себе целью достижение Северного полюса.

Советский период освоения Арктики

Как только закончились гражданская война и иностранная интервенция, советская власть обратила самое серьезное внимание на изучение и культурно-экономическое освоение наших, до того заброшенных, северных окраин. Это освоение шло чрезвычайно планомерно и систематически. Постепенно наши корабли и наши научные форпосты—метеорологические станции и радиостанции—продвигались все далее и далее на север. На Баренцевом море начал развиваться большой промысловый флот, который до советской власти фактически не существовал. На берегах Северного Ледовитого океана появились разного рода промышленные предприятия. С каждым годом усиливались так называемые карские операции, перевозящие грузы из Европы в устья великих сибирских рек и обратно. Не меньшая деятельность развивалась на крайнем восточном секторе Советской Арктики. Были возобновлены регулярные рейсы

кораблей из Владивостока на Колыму. В систематическом и планомерном освоении Севера 1932 г. явился переломным. В этот год знаменитая экспедиция О. Ю. Шмидта на ледокольном пароходе «Сибиряков» прошла в одну навигацию из Архангельска во Владивосток, положив таким образом начало полному освоению Великого Северного морского пути. С тех пор ежегодно корабли проходят из Атлантического океана в Тихий и обратно, непрерывно увеличивая количество перевозимых грузов. Наилучшим показателем размаха освоения Арктики служит тот факт, что до прихода советской власти на всем побережье советской Арктики, начиная от Новой Земли и кончая Беринговым проливом, было всего 5 метеорологических станций. К 1937 году число этих станций возросло до 55. Замечательно, далее, что к 1937 году на всем необъятном побережье советской Арктики почти не осталось пункта, где можно было бы построить станцию севернее уже существующих, и почти не осталось районов моря, куда могли бы проникнуть свободно плавающие корабли севернее, чем это было сделано советскими научными экспедициями.

Одновременно с развитием сети метеорологических станций и работ научных экспедиций развивалась наша полярная авиация. Все острова советской Арктики были облетаны и посещены нашими самолетами.

На сделанном, однако, нельзя было остановиться. Развивающаяся экономика как советской Арктики, так и прилегающих к ней районов требовала все более глубокого проникновения в Северный Ледовитый океан и его океанографического и геофизического изучения. Действительно, в навигацию 1934 года в Арктике (считая от Новой Земли до Берингова пролива) плавало 85 кораблей, которые перевезли 80 тыс. тонн грузов. В 1935 году здесь плавало более 100 судов, которые перевезли свыше 200 тыс. тонн. В 1936 году в навигацию участвовало 160 кораблей, которые перевезли 277 тыс. тонн грузов. На 1937 год намечены еще более значительные перевозки.

Не менее быстрыми темпами развивалась наша полярная авиация. В 1935 г. ею было перевезено 250 пассажиров и 175 тонн грузов. В 1936 году число перевезенных пассажиров увеличилось до 6307, а количество перевезенных хозяйственных грузов — до 1063 тонн, причем было налетано 15 тыс. часов и около 2500 тыс. километров. Понятно, что столь большое развитие перевозок требовало надлежащего их обслуживания прежде всего в метеорологическом и ледовом отношении. Льды были и остаются главными врагами Великого Северного морского пути. Изучение законов их распределения и движения немыслимо без изучения тех процессов, которые зарождаются в самом сердце Арктики и в районах, удаленных от северных оконечностей полярных островов и потому свободных от искажающих влияний суши. Одно это настолько требовало организации станции на дрейфующих льдинах Арктики, именно постоянной станции, а не кратковременного посещения высоких широт, потому что только длительные наблюдения могут принести существенную пользу. Еще одна задача также настойчиво требовала устройства такой станции. Через Северный Ледовитый океан проходит не только Великий Северный морской путь. В дальнейшем предполагалось освоение Великого Северного воздушного пути, соединяющего наиболее коротким воздушным путем Москву с такими центрами Северной Америки, как Сан-Франциско, Ванкувер и Нью-Йорк.

21 мая 1937 года, как мы видели, экспедиция Шмидта не только достигла Северного полюса, но и организовала здесь постоянную метеорологическую и океанографическую станцию.

Оглядываясь назад на историю удачных и неудачных попыток достижения Северного полюса, нельзя не отметить прежде всего полное отсутствие плановости. Экспедиции не были связаны между собой ни преемственностью, ни систематичностью исследований. Бесконечно прав был Вайпрехт, один из руководителей австрийской экспедиции к Северному полюсу на корабле «Тегет-

гоф», который еще в 1882 году назвал эти экспедиции «международными гонками к Северному полюсу».

Для изучения полярных стран необходимы планомерные и систематические исследования. Мы видели, что наибольшие результаты из всех полярных экспедиций в Северный Ледовитый океан дала экспедиция Нансена, хотя она и не достигла Северного полюса. Но надо отдать справедливость, что экспедиция Нансена не дала всего того, что она могла бы дать, если бы она была соответствующим образом подготовлена. Одной из главных проблем Северного Ледовитого океана являются метеорологические процессы, развивающиеся в сердце Арктики. Эти процессы оказывают влияние на климат не только приполярных, но и умеренных широт. Известно, что время от времени из Арктики прорываются на юг холодные и почти лишенные влаги массы воздуха и распространяются далеко на юг, вплоть до тропиков. Они приносят нам в зимнее время ясные морозные погоды, а в летнее время — знойные и засушливые. Мы судим об этих процессах главным образом по их следствиям. Понятно, что для метеорологических прогнозов, краткосрочных и долгосрочных, необходимы длительные наблюдения как-раз в тех районах, где эти массы формируются. «Фрам» во время своей экспедиции производил весьма тщательные метеорологические наблюдения. Но в те времена радио еще не было изобретено, и поэтому Нансен лишен был возможности немедленно сообщать на Большую землю результаты своих наблюдений, где они могли бы быть использованы для составления карт погоды. Более того, когда впоследствии пробовали нанести наблюдения Нансена на соответствующие карты погоды, то из этого ничего не вышло. Действительно, во времена Нан-

сена сети полярных метеорологических станций фактически не существовало. Наблюдения Нансена оказались оторванными. Нельзя по наблюдениям в одной точке судить о процессах, совершающихся над большими пространствами земной поверхности.

Организация советской станции на Северном полюсе, как мы видели, не является делом случайным, а естественным продолжением всего того, что нами было сделано до сих пор по освоению Арктики. Эта станция как бы завершает один из этапов овладения Великим Северным морским путем и в то же время начинает новый этап — этап борьбы за овладение Великим Северным воздушным путем.

Буквально через несколько дней после организации этой станции Герои Советского Союза Чкалов, Байдуков и Беляков перелетели из Москвы через Северный полюс в Северную Америку. Это было 18—20 июня. Еще через несколько дней (12—14 июля) Герои Советского Союза Громов, Юмашев и Данилин повторили этот полет, долетев до Сан-Джасинто и установив при этом мировой рекорд дальности полета по прямой. Благодаря этим полетам Великий Северный воздушный путь стал осязаемой реальностью, и при организации и проведении этих замечательных полетов наша полюсная станция сыграла очень крупную роль, вполне оправдав свое существование.

Еще большее значение имеют наблюдения нашей станции для составления ежедневных карт погоды, а в дальнейшем, когда эти наблюдения обнимут достаточный промежуток времени и будут соответствующим образом обработаны, они послужат к еще более успешному овладению и Великим Северным морским, и Великим Северным воздушным путем.

Литература и искусство

1. Е. СИКАР — Шота Руставели и его творчество. 2. С. ЛЕЛИН — Неудачная биография для детей. 3. В. В. и Е. А. ЖУРАВЛЕВЫ — Николай Алексеевич Касаткин

ШОТА РУСТАВЕЛИ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Е. Сикар

Гениальная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», представляющая собой замечательнейший памятник художественной литературы грузинского народа, родилась в эпоху расцвета старой грузинской культуры XI—XIII вв., известную под названием «золотого века» Грузии. К началу этой эпохи Грузия временно освободилась от иноземного владычества и значительно расширила границы своей территории. Разрозненные и раздробленные княжества и уделы объединялись в мощное государство. Монархический централизм достиг наивысшего развития. Географическое положение Грузии на стыке Европы и Азии, между Востоком и Западом способствовало развитию торговых сношений и установлению тесных политических и культурных связей с другими странами.

В эпоху Руставели государством управляла царица Тамара, получившая известность покровительницы наук и искусств. В результате роста торговли с соседними странами развились различные отрасли народного хозяйства. Строились города. Упорядочивались старые и открывались новые пути сообщения, проводились мосты, дороги, каналы, орошавшие ранее бесплодные поля. Развивались художественные ремесла.

Политическое и культурное влияние Грузии охватило весь Кавказ, распро-

странилось по Малой Азии, достигая Византии. Богатства, стекавшиеся в страну в результате успешных военных походов и широкого развития торговли, позволили создать великолепные дворцы, прекраснейшие произведения искусства. Плодотворное взаимодействие арабской, персидской и византийской культур и быстро возраставшее экономическое благосостояние страны благоприятствовали освобождению народа от мрака средневековой религиозной идеологии и открывали перед ним широкие перспективы культурного развития. Своеобразные условия той эпохи привели к тому, что мощное культурное движение, известное под названием Ренессанса, дало в Грузии первые ростки гораздо раньше, нежели в Западной Европе.

Дошедшие до нас памятники древнегрузинского искусства этой эпохи свидетельствуют об исключительной самобытности, творческой смелости замысла и исполнения, о широком художественном диапазоне их авторов.

Литература этого времени соответствовала общему направлению эпохи, гармонировала с духом ее. Выдающиеся писатели, поэты, переводчики доводят грузинский язык до самого высокого совершенства, создают монументальные произведения, предвосхищающие многие идеи эпохи Возрождения. Литературные произведения «золотого века» прекрасно показывают, на каком высоком

уровне культуры уже тогда находилось искусство грузинского народа.

«Золотой век» Грузии, открывший широкий простор духовным силам грузинского народа, был ознаменован литературной деятельностью целой группы талантливых писателей и поэтов: романистов — Мойсей Хонели и Саргис Тмогвели, поэтов Чахрухадзе, Шавтели. Шота Руставели был лучшим представителем этого поколения, колоссом всей эпохи, совершеннейшим из всех мастеров художественного слова. Поэтическое творчество Руставели затмило творчество всех его предшественников и современников. Написанная им поэма «Витязь в тигровой шкуре» — альфа и омега всей его эпохи, она — лучший памятник «золотого века». Поэма поставила Руставели на пьедестал вечности, с которого его не могли свергнуть ни чужеземные завоеватели, отмечавшие каждый свой шаг в Грузии разрушениями, ни иконоборцы и схоластики, сжигавшие творение поэта. ни грузинские цари и духовные интерпретаторы, фальсифицировавшие поэму и стремившиеся придать ей религиозно-символическое значение.

Мы очень мало знаем о жизни Шота Руставели. Мы не знаем точно ни года рождения, ни года смерти великого грузинского поэта. Столетия унесли с собой в могилу тайну его жизни и, вероятно, тайну многих его произведений. Возможно, что эти исторические и литературные документы погибли в огне, который охватил страну при новых иноземных нашествиях монголов, учинивших разгром и расхищение всех культурных ценностей страны. «Золотой век» Грузии продолжался недолго. После смерти Тамары престол вначале наследовал ее сын Георгий, а затем дочь Русудань. Просвещенный католикос Антоний пишет: «...После смерти Тамары престол наследовал ее единственный сын, семнадцатилетний Георгий. А по смерти его правление царством приняла на себя Русудань, прекрасная по телу, но не наследовавшая тех блистательных качеств, необходимых для царя, которыми украшена была душа доблестной царицы — матери ее Тамары. Царствова-

ние Русудань ознаменовано было смутами внутренними и междуусобною войною...».

Грузия разделилась на несколько царств. В это время на территории Грузии появились внешние враги: новые правители не в состоянии были справиться с ними. Поражение следовало за поражением. Только в период царствования Русудань орды Чингис-хана три раза разоряли Грузию. Орды варваров уничтожили множество прекрасных творений искусства и науки этой исключительной эпохи в истории Грузии.

Единственным и вместе с тем самым достоверным документом о жизни грузинского поэта является его же поэма-роман «Витязь в тигровой шкуре».

В заключительных строфах поэмы Шота Руставели пишет, что он, написавший эти песни, — «мех безвестный из Рустави», т.-е. житель Ахалцихской провинции (Месхетии), бывшей в то время одной из культурнейших областей Грузии.

В эпилоге он также упоминает своих современников, талантливых писателей и поэтов, творчеством которых был ознаменован «золотой век» Грузии.

В прологе поэмы мы находим прямое указание, что поэт восхваляет и прославляет царицу Тамару «песней сладостно звучащей» как ее современник:

Воспоем Тamar, чей облик не изгладится
во взорах
И кому из слов высоких я уже сплетал
венки;
Мой тростник — перо поили черных глаз ее
озера.—

Пусть сердца пронзает песня, как
отточенный клинок!¹

Ясно проскальзывает автобиографическая черта в одной из вступительных строф, где говорится, что он (Руставели), как обреченный на любовь роком, хорошо понимает положение своих влюбленных героев, судя по себе самому. По словам поэта, «их беды составляют десятую долю его бед». Это сведение подтверждается сохранившимися в различных уголках Грузии многими легендами, песнями, стихотворениями о любовных злоключениях Руставели. Шота Руставели — любимейший герой гру-

¹ Перевод Г. Цагарели.

зинского фольклора. Народные изустные предания и легенды говорят о его рождении, детстве, отрочестве и юношестве, воспитании и образовании. Вся личная жизнь и литературная деятельность поэта самым подробнейшим образом отображена в изустной народной литературе, что также убедительно характеризует исключительную популярность поэта и любовь к нему самых широких масс.

Все содержание поэмы, с ее автобиографическими сведениями, и народные предания о поэте указывают на принадлежность его к среде, близкой к грузинскому двору, к кругам рыцарей-витязей, окружавших Тамару. Но на фоне политико-социального строя абсолютистской Грузии XI—XII вв. это не может быть критерием для определения его социального происхождения. В феодальной монархической Грузии социальное происхождение уже не играло доминирующей роли; среди приближенных ко двору были лица, занимавшие высокие государственные должности вплоть до министров, не принадлежавшие к родовой знати, возвысившиеся из низшего социального слоя благодаря своим задаткам, личным заслугам и таланту. Об этом прекрасно говорит и сам Руставели. Царская власть для него не является родовой привилегией. И Аснат — рабыня Нестан-Дареджан и Тариэля, перенесшая много невзгод, верно и преданно служившая им, чуть не погибшая под ударами кинжала из-за нежелания выдать вверенную ей тайну, становится свободным человеком, получает седьмую часть Индийского царства и может выбрать свободно себе мужа.

Царь сказал: «Аснат! Я знаю, ты болела
нашей болью,
И того, что ты свершила, смертный в мире
не свершал.
Золотой короны Инда отдаю седьмую
долю —
Управляй и будь послушна нам, как
преданный вассал!
Выбери свободно мужа. Правь подвластною
страною
И в согласьи с нашей волей царствуй
долгие года!».
Ниц упав, Аснат сказала: «Осчастливлена
тобою!
Верною твоей рабыней я останусь навсегда!».

По народной традиции, дошедшей до нас, известно, что Шота рано остался сиротой. Будучи на попечении у дяди-монаха, он был отдан им для первоначального обучения в руставскую церковную школу, откуда был переведен в Тберское монастырское училище. Пробыв еще несколько лет в двух известных учебных заведениях — в Гречи и в Икалтайской академии (в Кахетии), основанных при царе Давиде Возобновителе, Руставели был отправлен в Грецию для завершения образования.

В Афинах существовала грузинская семинария, в которую посылали учиться избранную грузинскую молодежь. Руставели в совершенстве изучил греческий язык и философию, углубил свое знакомство с персидским и арабским языками. Немало значило для него знакомство с греческой мифологией, с лучшими произведениями древних греков и римлян, с началами питтики и риторики. Возвратившись на родину, Руставели всецело посвятил себя литературной деятельности. Его стихотворения и оды привлекли к нему внимание молодой царицы Тамары. Последняя, желая поощрить талантливого одописца, назначила его своим казнохранителем и придворным поэтом. Находясь при дворе, Шота Руставели написал свой гигантский труд — поэму-роман в 50 песнях — «Витязь в тигровой шкуре». Поэма была встречена вполне сочувственно: читалась в первый раз в присутствии Тамары и ее вельмож. Руставели, осыпанный похвалами и богатыми подарками, получил еще в дар золотое перо. Но недолго продолжалось блистательное творчество и слава грузинского поэта. По некоторым легендам, молодой Шота Руставели полюбил свою же покровительницу. Поэту не прошло даром его безумное увлечение — он попал в опалу и вынужден был бежать из Грузии. Он поселился в одном из керу-салимских монастырей в качестве монаха. До сих пор в Грузии существует масса легенд, сказаний и песен о Руставели и его любви к Тамаре.

По другим грузинским версиям, чрезвычайно близким к истине, он еще в то

время навлек на себя ненависть господствующего духовенства. Независимый образ мыслей, смелое вольнодумство Руставели в религиозных вопросах, острая насмешка над богословами нарушали благополучие церкви. Это вооружило против него христианскую церковь в лице последователей схоластических учений средневековья, сделало невозможным дальнейшую творческую деятельность поэта. Этим также можно объяснить полное замалчивание его имени и творчества современными ему, духовного происхождения историками. По свидетельству грузинского митрополита Тимофея, путешествовавшего в конце XVIII века по «святым местам», Руставели погребен в иерусалимской церкви святого Креста, построенной грузинскими царями, где он видел могилу и портрет его на стене храма.

Настоящая всенародная слава пришла к поэту спустя столетия после его смерти. Но она утвердилась за ним прочно, окружила его имя почтительным ореолом. Начиная с XV века имя Руставели упоминается всеми грузинскими писателями и поэтами. Поэты в первых строфах своих творений обращаются к нему, словно к народной музе, спрашивают у него разрешения писать стихи, воздают ему свою высокую хвалу, свое поклонение. Поэма сделалась бессмертным образцом стихогворной речи. Она оказала мощное влияние на умы целых поколений.

Поэт XVII века царь Арчил в своем творении влагает в уста Шота Руставели:

«Я основа стиха, стихотворцы зиждятся на мне! Подобного мне нельзя нигде найти, если даже обойдут всю сущу, даже если чародей талисманом осветит тучами схваченное небо. Все стихотворцы должны меня считать своим главой, как израильяне первосвященника Аарона! Грузия полна мною, моя книга повсюду гремит!»

Другие поэты этого же века обращались к нему:

В твоих руках, о, Руставели, узды всех рук,
Дай разрешение вымыслу повести...
Руставели, прошу разрешения сказать,
Не гневайся и не разорьяй, прошу я!..

Его афоризмы, изречения и метафоры постоянно цитируют лучшие поэты, народные певцы. Герои поэмы сделались достоянием фольклора, о каждом из них имеется бесчисленное количество народных сказаний.

Грузинским фольклористам удалось собрать в различных районах Грузии более сорока вариантов поэмы Шота Руставели. Образы и художественные идеи великого поэта отразились в произведениях писателей, оказали глубокое, плодотворное воздействие на последующую литературу. Герой поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — Тариэль — стал любимым героем трудового народа, всенародно признанным вождем-победителем, носителем героических черт грузинского народа. О нем и его друге, соратнике герое Автандиле, Фридоне и других сложен богатейший народный сказ.

Узорным чеканным слогом, жизнерадостным лиричным ритмом начинается Шота Руставели эпигло поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Стройной вереницей героических перипетий, романтических приключений, битв, скитаний по разным странам разворачивается обаятельный, простой и глубокий сюжет о витязе в тигровой шкуре. В первой главе мы присутствуем на пышных торжествах. Ростеван — могущественный царь Аравии, завоеватель многих стран, — возводит на престол свою дочь, славившуюся умом и красотой, Тинатин.

Узел поэмы завязывается в результате спортивного пари: престарелый непобедимый Ростеван и его молодой полководец Автандил поспорили о том, кто из них более меткий стрелок и умелый охотник. На охоте победителем вышел Автандил. Отдыхая на берегу реки, приближенные Ростевана увидели плачущего несравненного «витязя в тигровой шкуре», который умчался на великолепном вороном коне, отказавшись от разговора с охотниками.

Таинственный незнакомец овладевает мыслями царя Аравии. Автандил, влюбленный в Тинатин, отправляется, по ее поручению, на поиски дивного и могучего «витязя в тигровой шкуре». Долго скитается он по далеким странам, живя охотой, и в конце-концов, после много-

численных скитаний и приключений, находит в пещере витязя Тариэля. Тариэль поведал о своем горе, которое привело его к скитаниям. Тариэль — любимый полководец индийского царя Парсадана. Возлюбленную Тариэля, индийскую царевну, красавицу Нестан-Дареджан, похитили: ее посадили в уютную ладью и отправили в далекое плавание по морю в неизвестные страны. Тариэль уже несколько лет неутомимо ищет ее по всему свету, борется со многими бедствиями и не находит ее. Автандил, заверив Тариэля в своей дружбе и преданности и обещав ему помочь в его поисках индийской царевны, возвращается в Аравию и сообщает Ростевану о слышанном. Затем, несмотря на печаль всего царского двора и гнев царя, оставаясь верен данному слову, он снова уезжает с твердым намерением найти Нестан-Дареджан. По пути Автандил вступает в битвы, совершает удивительные подвиги, спасает от опасности купцов. После долгих поисков в «царстве морей» — Гуланшаро — он находит следы красавицы, сближается с женой богатого купца и через нее узнает, что Нестан-Дареджан попала в плен к «каджам» и находится в неприступной каджетской крепости. Неприступный замок, защищенный огромным войском каджетского царя, был осажден тремя героями побратимами: Тариэлем, Автандилом и царем Мулганзаром Фридоном. Смелым и решительным натиском они вторглись с группой воинов в крепость и, освободив царевну, с триумфом возвратились в свои страны. После долгих странствий и походов поэма завершается свадьбой Тариэля с Нестан-Дареджан и Автандила с Тинатин.

Сказочные эпические мотивы поэмы, построенные на высокой нравственной основе, на житейской мудрости, на гармонии мысли и чувства, заражают и увлекают, неотразимо действуют на читателя. Несомненно, многие места поэмы навеяны реальными событиями, совершившимися на политической арене той эпохи.

В поэме Руставели мы находим намеки на отдельных реальных героев «зо-

лотого века», которых автор скрывает под арабийскими и индийскими одеждами. Так, сравнивая жизнь царицы Тамары с событиями, описываемыми в поэме, мы находим много сходных черт, позволяющих предполагать, что под именем главной героини Нестан-Дареджан подразумевается сама Тамара. Нестан-Дареджан, как видно из содержания поэмы, была единственная дочь индийского царя Парсадана. Тамара в свою очередь была единственной дочерью грузинского царя Георгия III, который, подобно Ростевану, блистал своим искусством стрельбы из лука. Воспитание Нестан-Дареджан царь Парсадан поручил сестре Давар; в свою очередь воспитание царевны Тамары было вверено Георгием сестре своей Русудань. Последняя воспитывала ее вместе с своим малолетним родственником по мужу, Давидом Сослани. Точно так же Нестан-Дареджан воспитывали с ранних лет вместе с Тариэлем. С детства возникает у них чувство любви и взаимной привязанности. Многие черты Тамары поэт, несомненно, передал также в образе Тинатин. По свидетельству грузинских летописцев, в Грузии была Тинатин, царица Кахетии, дочь царя Гуриеля. Мы можем предположить, что он с целью большей свободы поэтической фантазии, свободы в выражении своих личных взглядов и чувств перенес действие поэмы в другую идеальную местность. Черты же национального склада мыслей, характеры, обычаи, нравы, природа — вся эта внутренняя сторона говорит о грузинской жизни, о героях, олицетворяющих лучшие традиции грузинского народа, выражающих его воззрения и его мудрость.

По поводу сюжета произведения Шота Руставели распространены различные толкования. Некоторые считают, что Руставели для своего произведения воспользовался существующим персидским сюжетом, сказанием, понимая в буквальном смысле упоминание автора о нем, между тем, Руставели в вступлении к поэме ясно говорит, что он обрабатывает фольклорные мотивы, поднимая богатейший народный сказ до полно-

ценного художественного произведения.

Он пишет:

Соберемся в круг, оплатем злоключенья
Тариэля!
Кто, как он, пылал любовью, муку смертную
тая?
И, копьем пронзенный скорби, песнопевец
Руставели, —
Сказы, что о нем сложили, нанизал, как
жемчуг, я.
Грузии давно знакомый сказ далекого
Ирана —
Жемчуг юга, что светился на ладонях тысяч
рук,
Я собрал и долг исполнил, заключивши в
стих чеканный,
Чтоб царицы благосклонность мне смягчила
бремя мук.

Шота Руставели своим поэтическим чутьем понимал, какое богатство содержания и обилие поэтических красок таят в себе произведения народного творчества. Он черпал из этой сокровищницы свои поэтические обобщения, свои героические образы, свой пафос.

Горький на I Всесоюзном съезде писателей указывал, что «наиболее глубокие и яркие художественно-совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа». Он называл Геркулеса, Прометея, Микулу Селяниновича, Святогора. В статье «Разрушение личности», вступительная часть которой посвящена вопросам развития языка, коллективного творчества народа, возникновению эпоса, он пишет: «...Индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах».

Известно, что в Грузии издревле существует в различных вариантах народное героическое сказание «Тариэлиана», имеющее много близкого с фабулой поэмы Шота Руставели, воплощающее героические черты народа. Как предполагают, это повествование в своем первоначальном виде привлекло внимание поэта, который, положив его в основу, развил и обогатил современными идеями и настроениями, возвысил до уровня величайших достижений мирового литературного искусства. Внимательное изучение этих памятников народного эпо-

са, ясно говорит, что Руставели положил в основу своей поэмы сказы из сокровищницы народного творчества: и сказы о Тариэле, и поэма-роман Шота Руставели воспевают героическую борьбу грузинского народа против иноземных завоевателей, самоотверженность, доблесть, удачу, силу, любовь, великодушные и другие славные черты народа.

Отсюда и вывод, что Руставели в одном из процитированных нами стихов писал иносказательно об «иранском сказе». В действительности же сказание, популярное в широчайших массах, популярино грузинское. Следовательно, «Витязь в тигровой шкуре» — своеобразный синтез поэтического народного творчества и изумительного художественного письменного творчества Шота Руставели. Народный характер творчества Руставели, фольклорные истоки его произведения еще больше роднят великого поэта с широчайшими народными массами. Этим можно объяснить исключительную популярность «Витязя в тигровой шкуре».

Поэт являлся властителем дум грузинского народа. Имя Руставели стало бессмертно. О нем сложено множество народных песен. Вот одна из них:

Я, горец Илико,
Я, житель Душета,
Я песню слагаю
Про гений поэта.
Я славлю поэта,
Чей стих, как твердыня,
В поэме бессмертной
Живет и поныне.
Тебя вспоминают
Арагвы течение
И птиц на рассвете
Счастливого пенья.
Орел вспоминает
Твой образ героя,
Когда он высоко
Парит над землею.
Стоишь, неколеблем,
Творец «Ткаосани»¹
Стирая столетий
Суровые грани.
Отваги, героизма
И мощи эмблема —
Плеяда героев
Бессмертной поэмы.

¹ «Витязь в тигровой шкуре».

Я славлю поэта,
Чей стих, как твердыня,
В поэме бессмертной
Живет и поныне.

(Записано в Душетском районе.
Перевод с грузинского¹).

Отличительная особенность творчества великого грузинского поэта состоит в том, что оно освобождено от пут ограниченного средневекового мышления и схоластики. Поэт стоит выше обрядовой религиозности народных суеверий и предрассудков: он обходит полным молчанием основной догмат христианства того времени — троичность. Несомненно, что Руставели во многом иронически относится к догматам религии: в своих размышлениях он прибегал к выражениям явно кощунственным, с точки зрения господствующей религии. Так он говорит:

Мой супруг забыл про клятвы и Медины, и
кораны.
Сказано: «К чему вороне — роза, а рога —
ослу?»!

Описывая мусульманские страны, которые посетили герои произведения, Руставели и тут пускает непочтительные, тирады, имеющие глубокий смысл, ясно показывающие отношение автора к религии. Так, например, он пишет:

И муллы, и муталимы стали роєм у алькова,
Толковали суть корана, разбирали письмена,
Одержимым объявивши, бормотали
бестолково, —
Трое суток я метался и в бреду не ведал
сна.

Какую смелость нужно было иметь, чтобы в XII веке так выразиться о муллах, в таком неприглядном свете представить их. Вольнодумство Руставели в религиозных вопросах видно и из других частей поэмы. Он в уста багдадских купцов при упоминании ими о своем мусульманстве влагает такие иронические слова: «Мы торговцы из Багдада, чтим законы Магомета и не пробуем вина».

Грузинское духовенство в своей борьбе против Руставели старалось всячески затемнить, обесцветить истинную суть мировоззрений поэта, его свободомыслие; поэма «Витязь в тигровой шкуре»

¹ Стихотворение опубликовано в тбилисской газете «Заря Востока».

была объявлена еретическим произведением и как таковая в течение ряда веков подвергалась жестокому гонениям. Католикос Иоанн еще при жизни царицы Тамары преследовал и травил поэта. Другой представитель церкви, католикос патриарх Антоний I, предал публичному сожжению первые печатные издания поэмы «Витязь в тигровой шкуре», выпущенные в 1712 году. В своей ямбической эпиграмме он называет Руставели «мудрым философом, знатоком иранского языка, богословом, удивительным поэтом, но все и тщетно потрудившимся». Будучи не в силах уничтожить поэму Руставели, духовенство поставило перед собой задачу извратить поэму: для этого они в списках беззастенчиво искажали текст. Почти во всех старинных рукописях поэмы имеется следующая приписанная строфа:

На наречии персидском сложена та былъ
земная,
Что в «носящем шкуру тигра» обрела и дух,
и плоть!
Но, мирское восхваляя, троицу не помяная,
Ввергнет души в преисподню, как рассудит
нас господь.

Как видите, в своей интерпретации поэмы духовенство явно хочет исказить творение, подорвать народный авторитет Руставели. Здесь отчетливо сказано, что поэма Руставели — иранское, т.е. антихристианское, произведение, оно еретическое еще потому, что в нем не упоминается о «троичности бога». Не подчеркнуть этот основной догмат христианства считалось величайшей ересью, вероломством.

Гармоническое, жизнеутверждающее начало в творчестве Руставели сближает его с величайшими поэтами мира: Данте, Гете, Шекспиром. В отличие от западноевропейской рыцарской поэзии Шота Руставели выводит в стихах женские и мужские персонажи с истинно человеческими чувствами и переживаниями, персонажи, которые воплощают идеал полной жизнерадостной любви, верности, рыцарского мужества, побратимства и служения долгу. Шота Руставели, умевший глубоко проникать в человеческую душу, создал для своих героев

мудрый, нравственный кодекс, совершенно свободный от поповщины и мистики. Широта и смелость взглядов, свободомыслие, земное, реальное и оптимистическое мировоззрение, философский склад ума Руставели поднимают его высоко над средневековьем, ставят рядом с лучшими поэтами эпохи европейского Возрождения.

Женщины, изображенные Руставели, способны на героизм и борьбу, на любовь и страдание. Их любовь далека от современного поэту гаремного культа эротики мусульманского Востока. Это совершенно другие существа, воплощающие общечеловеческие чувства, носители высоких душевных качеств и возвышенной человеческой морали. Грузинский поэт опередил свой век в отношении к женщине: в своих образах и строфах он раскрыл дорогие и ценные идеи и чувства, близкие нам. Руставели выступил провозвестником и защитником равноправия женщин.

В грузинском народе живет его мудрое изречение: «Льву во всем подобен львенок, будь то самка или самец».

Мудрая Тинатин, к голосу которой внимательно прислушивался отец, могущественный Ростеван, становится царицей Аравии. Царедворцы, с которыми царь Ростеван советовался относительно передачи престола дочери его Тинатин, говорят ему: «Хотя она и женщина, государыней самим богом создана; не льстим, — умеет царствовать, приходилось говорить об этом и без тебя». Характерно, что Руставели личное счастье дает в сочетании с социальным, общественным и товарищеским долгом. Любовь у него не изолирована, не растворена в себе или в божественном космосе, а социально значима, жизнеутверждающая.

Никто выразительнее, правдивее и лучше не отобразил любви и дружбы, чем Шота Руставели. С изумительной силой он запечатлел в поэме-романе эти два глубочайших человеческих чувства. Руставели так мощно изображает любовь и дружбу, что трудно решить, какое из этих чувств легло в основу бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Сколько пламенной, преданной любви в образе Нестан-Дареджан! Двумя-тремя штрихами Руставели создает проникновенный образ сильной и свободолобивой женщины, который стоит перед нами, как живой. Находясь в плену в Каджетской крепости, будучи обречена на выдачу замуж за каджетского царя, Нестан-Дареджан пишет своему возлюбленному Тариэлю: «Видишь, дорогой, какова жизнь! Свет для меня тьма! Ох, как трудно мне жить без тебя! Видишь, как разлучила нас проклятая жизнь?! Не думала я, что ты жив». Рассказав о своей печальной жизни в плену у каджей, она пишет: «Ты, милый, не горюй, не изнывай в разлуке и не заботься о том, что я достанусь каджам, нет, скорее я сброшусь с башни на скалы или на клинок паду, чем отдамся кому-нибудь. Не плачь и не тужи! Поспеш в долину Инда, помоги моему отцу, стесненному врагами».

Сколько беззаветной любви и дружбы друг к другу между Тариэлем, Автандилом и Фридоном. Друг Тариэля Автандил рискует ради него своим личным счастьем, благополучием и даже жизнью: он самоотверженно ищет потерянную его другом невесту, ведет долгий бой с каджами, преодолевает много других препятствий. В борьбе между всепоглощающим чувством любви и суровым долгом перед родиной и побратимством витязи побеждают злые силы, разрушающие счастье. Возвышенность, одухотворенность чувства любви в поэме переплетаются с таким же чувством дружбы и товарищества. Своими красочными и живыми образами Руставели обессмертил любовь и дружбу. Герои его являются носителями лучших человеческих чувств и качеств, которые далеко выходят за границы их страны.

В любви у Руставели нет и тени мистической отрешенности, нет и эпикурейского культа наслаждений. Руставели выступает против неземной, мистической любви, растворяющей себя в божестве.

Полемизируя со своими современниками, певцами небесной любви, поэт в вступлении к поэме дает явную картину суфистической любви, противопоста-

вляя ей земные плотские чувства. Шота Руставели пишет: «Скажу я о любви: первый вид любви—небесного происхождения. Это—дело небесное, трудно выразимое языком, дающее направление в высь; кто стремится к ней, он должен обладать умением к перенесению многих огорчений. Эту любовь даже мудрецы не в силах высказать, выслушать и постичь. Я пою (не эту, а) земную любовь, имеющую отношение к плоти; причем одержимые этой любовью (земною) подражают той (суфистически-небесной), если они не предаются блуду и любовно томятся вдали» (имеет в виду своих героев)¹. Отвергая мистический суфизм, борясь против аскетизма, против низменных страстей и устремлений, Руставели дает для своего понятия любви земное, материальное, жизнерадостное содержание: он выступает певцом красивого тела и плоти, физической и нравственной красоты, певцом земли со всеми ее радостями и невзгодами.

Поэма Руставели—это не просто один из замечательных художественных сказов о любви и дружбе. Она—прежде всего гениальный идейно-философский роман: поэт дает четкое философское обоснование этих общечеловеческих чувств и переживаний, дает широкие философские мотивы страстей, напряженной борьбы и столкновений своих героев. Поэтическая фантазия Руставели окрылена не только сильным чувством, но и утонченной мыслью.

Мысль у Руставели—в основе творчества; она дает определение всем душевным ощущениям, всем видениям. Поэма богата гуманистическими идеями. Смело, убеждающе и остро ставит Руставели в своем произведении большие социальные и морально-философские вопросы. Именно теперь сбылись вещие слова поэта, сказавшего: «Мы просвещаемся для того, чтобы слиться с высшим гармоничным миром»².

В поэме заключена идея внутренней борьбы двух начал: бурного эмоцио-

нального порыва и рассудочности. Автандил—выразитель философских идей Руставели—по своему мировоззрению—рационалист: он верит в силу разума. Гуманистическая вера в победу человеческого разума пронизывает все его поведение, все его действия. Здра- вый образ мыслей Автандила, который везде сопутствует ему, оставляет исключительное впечатление.

Найдя в пустыне безумствующего от любви Тариэля, Автандил уговаривает его вернуться в свое обиталище: «Что же ты отдался сатане и добровольно убиваешь себя здесь, в пустыне, кто же не был влюбленным, что особенного случилось с тобою? Где у тебя рассудок, почему ты не хочешь следовать совету мудрецов? Вставай, идем домой!». На это Тариэль, выступающий носителем чувственного начала бытия, отвечает: «Братец! Что скажу тебе? Я не в состоянии даже повернуть язык, нет у меня сил выслушать тебя; я приближаюсь к смерти и об одном только молюсь, чтобы мы (он и Нестан-Дареджан), разлученные здесь, там соединились. Мудрец, кто мудрец, какой мудрец? Потерявший ум может ли выслушать разумного? Такой разговор был бы уместен, если бы у меня было сознание»¹.

Руставели отдает примат разуму. После беседы с Автандилом Тариэль возвращается обратно. Утверждением разумного и светлого начала проникнуто все творчество поэта. Автандил, например, пишет завещание царю Ростевану, полное жизненных блестящих мыслей, выраженных в назидательном тоне. Автандил учит престарелого царя быть спокойным, не печалиться его отъездом и не проливать слез; он говорит, что тот, кто храбр, непоколебимо честен, верен до конца своей жизни своему делу, своим идеалам, получает высшую награду—славу. Достичь такой славы—величайшее, святое благо в жизни. Руставели выступает против лжи, двоедушия, двурушничества, против алчности, скупости, насильничества. Автандил пишет Ростевану:

¹ Прозаический перевод К. Кекелидзе.

² Завещание Автандила царю Ростевану. 21-я песня.

¹ Прозаический перевод К. Кекелидзе.

«Ложь есть корень всего злого на свете. Ложь и измена две родные сестры. Итак, для чего же мне изменять другу? Такую ли я пользу извлеку из философии?.. Хотя мне больно, о, царь, что я тебя опечалил, но я не могу осквернить себя трусостью и обманом друга своего, Тариэля. Глаз я не посмел бы поднять к нему, когда мы встретимся лицом к лицу в вечности». «...Помощь, данная другу, никогда никому не обращалась во зло, а изменник рано или поздно подпадет всеобщему презрению, поэтому я не могу изменить доблестному царственному Тариэлю».

Далее следует знаменитый стих Руставели: «Славная смерть лучше позорной жизни». Вместе с тем Руставели высоко превозносит верность, прямодушие, правдивость, мудрость. Руставели верит в силу судьбы, но ему чужд пассивный фатализм, мертвый, безжизненный догматизм. Он признает смелым и достойным хвалы того, кто идет наперекор судьбе, кто ополчается против рока, противопоставляя ему разум и волю человека. В каждом герое поэмы ощущается огромный внутренний оптимизм, мужество и решительность в отстаивании своих прав, в противлении силам, мешающим им. Оптимистическое мироощущение, высокий гуманизм и философская насыщенность героев красной нитью проходят через все песни Руставели. Это обстоятельство является ключом к уразумению воспитательного значения поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Для более доходчивого и яркого выражения своих идей Руставели прибегает к поэтическим афоризмам. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» пестрит перлами народной мудрости, в которые вложен большой социальный смысл. Афоризмы Руставели вошли в общую сокровищницу грузинской народной словесности, и широкие массы трудящихся до сих пор цитируют лучшие изречения гениальной поэмы.

Шота Руставели каждое четверостишие замыкает дидактическим афоризмом, помещая его в конце строфы и заостряя вложенную в нее мысль. Иногда афоризм выдвинут как тезис в пер-

вой строке, а три остальные, связанные с ним общей идеей, его аргументируют. В нескольких случаях Руставели завершает поразительно сжатым и метким изречением целую главу, подытоживая проводимую в ней идею и делая конкретный социальный прогрессивный вывод. В афоризмах концентрируются глубокие, пронизательные мысли, высокие правила и наставления житейской мудрости, имеющие исключительное значение для воспитания гражданского коллектива. Руставели — большой моралист. В его сентенциях колоссальная интеллектуальная и эмоциональная сила, в коротких лаконичных фразах много живой, волнующей мысли.

Пленяет его мечта о будущем человечества. Далекое будущее протягивал он руки, рассуждая о свободе женщины, о дружбе народов. Сколько глубокого смысла в афоризмах: «И для каменного сердца есть алмазное копье», «Но дробит и камни молот, будь он даже из свинца», «У творящих суд правдивый даже посох расцветет», «Любящим не подобает тайну сердца открывать», «Но для злого — только радость в передаче злых вестей!», «Познаем друзей и близких в час, когда грозит беда», «Часто смертный безрассудством омрачает свой удел», «Из норы выводит змея сладкозвучная свирель!».

Мощный творческий гений создал стихи большого философского звучания. Все это доказывает, что Руставели был крупнейшим поэтом-мыслителем, колоссом ума и таланта.

Его, Шота Руставели, сочинение свидетельствует, что он был не только великим мастером художественного слова, но и крупнейшим просветителем народа, философом и ученым.

Прежде всего, поражает огромный географический диапазон знаний поэта. Весь тогдашний мир был хорошо известен ему. Редкие из древнеклассических произведений развертываются на такой огромной географической площади, как поэма «Витязь в тигровой шкуре».

Гомер в своей «Илиаде» и «Одиссее» замыкается в пределах Эллады, Фирдоуси в «Шах-Наме» не выходит из рамок Ирана и Турана. Шота Ру-

ставели разворачивает яркое полотно на огромной географической карте, охватывающей весь Европейско-Азиатский материк. Руставели дал произведение, невиданное как по своему географическому охвату, так и по национальному окружению. В его поэме упоминаются Аравия, Индия, Китай, Египет, Рим и др.; упоминаются почти все главнейшие народы той эпохи. Грузинский поэт широко и всеобъемлюще знал свет и разнообразные явления, факты и имена современной действительности. Живой интерес к различным народам, любовь и дружба между ними ярко выступают в поэме. Руставели была чужда замкнутая национальная ограниченность. Он знал и любил многие народы. Перед читателем проходит целая бесконечная вереница людей разных национальностей — арабы, иранцы, китайцы, индусы.

Некоторые исследователи отождествляли страны, упоминаемые поэтом, с разными частями Грузии. Но это отождествление лишено всякого основания. Достаточно лишь вспомнить о многочисленных долгих морских путешествиях, совершенных героями, чтобы убедиться в ошибочности этой концепции. Ведь Грузия не была сама по себе мореходной страной в подлинном смысле этого слова. Между тем, расставшись во второй раз с Тариэлем в пещере, Автандил «70 дней ехал по морскому берегу». Бесспорно, что за 70 дней, тем более на добром коне, Автандил смог бы несколько раз объехать все Кавказское побережье Черного моря в оба конца. Ясно, что речь идет о другом море и о совершенно других странах. То же можно подтвердить ссылкой на «трехмесячный путь Тариэля из Аравии в Индию». Такой дистанции не выкроить ни в Грузии, ни на всем Кавказе. Речь идет о подлинной Аравии и подлинной Индии. Это, в сущности, не нуждается в пространственных доказательствах. Сама поэма раскрывает в значительной мере обширный географический кругозор Руставели. Когда Тариэль отправился в Индию спасать свою страну от китайского нашествия, он должен был перейти «через горы и большой хребет». Яс-

но, что здесь речь идет о мощной горной цепи, известной под названием Солеймановых гор, которая отделяет долину Инда от Афганистана и Ирана и через которую шли большие караванные дороги, соединявшие Восток с Западом.

В названных Руставели «морских державах» — Гуланшаро и Мулгазанзар — есть кое-что, указывающее на тождество их с Венецией и Трапезундом. Об этом свидетельствуют исторические данные, сроки морских переходов героев, указанные в поэме, сходство материальной культуры и т. д. В произведении упоминаются названия Багдада, реки Евфрат, различные моря, под которыми нужно разуметь — Средиземное, Аравийское и Эгейское, и др. Ряд данных говорит о том, что Руставели в знании Востока опережает на целые столетия европейских географов.

Об исключительной эрудиции Руставели, его опромной культуре можно судить и по множеству иностранных названий, выражений и сложных научных и философских понятий, которые рассыпаны во всем тексте «Витязя в тигровой шкуре». Поэт обнаруживает отличное знакомство с культурой античного мира, с западной философией, с литературой Востока (иранской и арабской). Он — глубокий знаток высших достижений мировой литературы своего времени. Это видно из сопоставлений с цитатами из Фирдоуси, Низами и др. Об этом говорят стиль, фабула, композиция произведения. Поэма Руставели базируется на обширном философском фундаменте, впитавшем в себя лучшие идеи античной философии, лучшие традиции эллинской философии. В произведении «Витязь в тигровой шкуре» трудно открыть элементы и признаки непосредственного влияния философских учений Платона, Эмпедокла, Демокрита, Прокла, Немезия и др. Он цитирует древнейших греческих мыслителей и ученых. Так, например, Руставели пишет:

О, позволь тебе напомнить, изречение
Платона:
Вслед за телом губит душу, кто двуличен
или лжив.

Руставели шел к своему творчеству

через усвоение философии классической Греции, через эллинизм с его широким кругозором и многосторонностью. Близкое литературное общение с видными представителями греческой мысли в годы учебы в Афинах, где он прошел большую школу, сыграло видную роль в творческом сознании поэта.

В вступительных строфах к поэме Руставели подробно знакомит нас со своим строгим вкусом, со своими взглядами на поэтическое искусство:

«Поэзия прежде всего отрасль мудрости. Божественному ее содержанию должны внимать с благоговением; она весьма поучительна для слушающих. Кто подготовлен, тот в этой области получает удовлетворение. Обширную мысль можно заключить в краткую речь; вот почему поэзия прекрасна.

Подобно тому, как лучшим испытанием коня являются длинный путь и большие перегоны, как об игроке в мяч судят по ристалищу, по меткости удара и ловкости взмаха, так (пробным камнем) поэта служит умение слагать длинные песни и (искусно) осаживать (поэтического коня), если им исчерпан предмет беседы, да и рифма начинает иссякать.

Присмотритесь к поэту, к его песням тогда, когда ему нехватает языка и рифмы его начинают редеть! Не укоротит ли он своей речи? Не оскудеет ли его слово? Хватит ли у него геройской отваги ударить ловко (по мячу) чоганом?

Того, кто случайно скажет два слова в стихах, нельзя назвать поэтом; напрасно ставит он себя наравне со славными певцами. Иной сложит стих, другой; они ни на что не похожи, бессвязны. Но он, упрям, как мул, твердит: «Мой (стих) лучше!».

Другой (вид) — мелкие (и несовершенные) стихотворения; это — удел поэтов, бессильных отлить мысли, пронизывающие сердце, в завершенные формы. Я уподобляю такое стихотворение жалкому луку молодых охотников. Крупного зверя им не положить. Они могут бить лишь мелкую дичину.

Третий (вид) песен годен для пиров и увеселений, для ухаживания, для забавы и легкомысленных похождения с приятелями. И к этим песням мы обра-

щаемся охотно, если мысль выражена в них ясно. Но тот, кто не в силах создать чего-либо крупного, — не поэт».

Высоко ценя поэтическое дарование, литературные достоинства и свои обязанности поэта, Руставели очень скромно к себе, своему поэтическому дару. Он даже опасается, что ему нехватит силы и мощи поэтического слова для того, чтобы рассказать в песнях о своих трех героях поэмы. В вступительных строфах он говорит:

«Боюсь, не достанет мне стихов, предстоит воспеть три образа».

Шота Руставели излагает свои мысли в формах, созданных им же, не встречающихся до него в грузинской светской литературе. Руставели первый использовал народный грузинский размер (шестнадцатисложный стих) в литературе. Руставелевский стиль, известный под именем шаири (шестнадцатисложный стих), — это совершеннейшая стихотворная форма. Каждый стих состоит из 16 слогов, и все четыре стиха строфы имеют одинаковое богатое рифмовое окончание. В поэме рифмы трехсложные (большинство) и двухсложные. Шаири, созданное Руставели, — двух видов: высокий и низкий, что равноценно мажору и минору в музыке. Гармоническое сочетание их придает исключительную напевность стиху и создает впечатление подлинной поэтической симфонии. Шестнадцатисложный стих Руставели — это музыкальный и эпический размер. Руставелевское стихотворение основано на музыкальности: стихи певучи, и исполнялись они почти что вокально. Будучи виртуозом шаири, Руставели своим размером создал новую поэтику грузинских стихов, которую усвоили следующие поколения поэтов.

Замечательной стороной творчества Руставели является его величайшее мастерство в рифмовке; рифма для поэта — главный инструмент музыкальной выразительности. В этом отношении изобретательность Руставели не имеет границ. Узорная и вместе с тем предельно чеканная рифма заполняет всю строфу от начала до конца. С легкостью, непринужденностью и грациозностью, без задержек Руставели преодо-

леает самый трудный состав звучной рифмы, которая получает у него блестящее изложение во всем четверостишии. Рифмы Руставели — точно чудесная палитра; они разнообразны, красивы и музыкальны.

Виртуозно мастерство Руставели в оркестровке стиха — аллитерациях, ассонансах, неожиданных звучных сочетаниях и словообразованиях. Звуковой повтор в руставелевском стихе играет серьезнейшую ритмическую и смысловую роль: он усиливает музыкальность стиха, придает большую художественную определенность содержанию, подчеркивает лиризм и эмоциональность.

Вот, например, стих, где богатое сочетание аллитерации (х, с) и ассонансов (а).

«Нахэс да нахва моундат уцхоса санахависа», что означает в переводе: «Увидели и захотели смотреть на это редкое зрелище».

Или в другой стихотворной строке:

«Алмасиса хамс лахвари лахврад гулиса салиса». (Надобно алмазное копье, чтоб пронзить сердце, твердое, как скала).

Руставели — большой мастер метафоры. Поэма полна метафорами, острыми и образными эпитетами, символами, которые усиливают моральные и интеллектуальные качества героев и обнаруживают органическую связь поэта с народным поэтическим творчеством.

Красота стихотворной формы Руставели в каждой строфе перекликается с идейно-философским содержанием, с пафосом мысли, с высоким уровнем поэтического мировоззрения. Все эти качества придают «Витязю в тигровой шкуре» значение классического произведения мировой литературы, а автора делают одним из крупнейших писателей человеческой истории.

750 лет отделяют нас от дня рождения Шота Руставели, но никогда творение его не было так известно и любимо, никогда оно не жило такой полной и живой жизнью, как в нашу героическую Сталинскую эпоху. Имя грузинского поэта стало родным и близким для миллионов трудящихся нашей необъятной родины. Празднование 750-летней годов-

щины великого грузинского поэта выливается во всесоюзное торжество дружбы и братства народов страны Советов. Сделаны новые переводы бессмертной поэмы на русский язык. Поэма «Витязь в тигровой шкуре» впервые выходит в переводах на украинском, белорусском, тюркском, армянском, узбекском, абхазском языках. Одновременно поэма переведена на английский и французский языки. Шота Руставели, известный до революции только узкому кругу читателей, сейчас становится близким для миллионов трудящихся нашей страны. Весь советский народ деятельно готовится к первому юбилею певца грузинского народа. Подлинный Руставели во всей красоте и глубине своего искусства впервые восстановлен в Советской стране. Только сейчас высокое и блестящее творчество Руставели приобрело свое настоящее глубокое звучание.

Шота Руставели вошел в нашу Сталинскую эпоху, где расцвела подлинная человечность, где счастье и мужество человека стало законом жизни, как живой современник, как величайший гений, творчество которого стало золотым фондом социалистической культуры. Ибо бесспорно, что по своему исключительному художественному таланту великий грузинский певец принадлежит к немногочисленной плеяде таких гигантов мировой мысли, живой и неиссякаемый источник коих вечно духовно оплодотворяет человечество. Кому, как не нам, людям Сталинской эпохи, понять все значение великих гуманистических идеалов и идей Руставели, наших предков свое подлинное и реальное осуществление в нашей социалистической действительности, в нашем советском гуманизме. Руставели — поэт, утверждающий право человека на счастье и свободу, на любовь и творчество, утверждающий гармонические отношения в человеческом обществе, утверждающий торжество разумных сил, — находит горячий отклик в широких массах советского народа. Нас роднит с ним его радостный и светлый взгляд на жизнь, его любовь к человеку и глубокая вера в заложенные в нем прекрасные неисчерпаемые возможности.

НЕУДАЧНАЯ БИОГРАФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

(О книге Б. М. Эйхенбаума «М. Ю. Лермонтов»).

С. Лелин

Каждая новая биографическая работа о Лермонтове вызывает исключительный интерес у советского читателя. Это понятно. Ибо до сих пор у нас нет правдивой биографии великого русского поэта. Естественно и то внимание, с которым была встречена последняя книга Б. М. Эйхенбаума «М. Ю. Лермонтов» (Детгиздат, 1936 г. — вышла в свет в марте 1937 г.), предназначенная для детей школьного возраста.

Специальное назначение этой книги обязывало автора к особо серьезной, продуманной работе над темой. Не каждый школьник 10—12 лет от роду способен критически отнестись к прочитанному, чаще он воспринимает книгу со всеми недостатками, полагаясь на авторитет писателя. И в то же время читатель в таком возрасте воспринимает необычайно глубоко, запоминает на всю жизнь.

И еще одно обстоятельство должно быть учтено пишущими о Лермонтове. Всякая новая книга о поэте, написанная правдивым и живым, популярным языком, станет учебным пособием по русской литературе. Это обстоятельство делает работу биографа очень благодарной, ибо доводит ее до миллионов масс читателей. Это же обстоятельство в случае, если работа биографа неполноценна, может привести к тому, что миллионные массы получат неправильное, неверное изображение жизни поэта.

Тов. Эйхенбаум не учел этих важнейших обстоятельств и написал недоброкачественную книгу.

Если для биографии Пушкина имеется колоссальное количество материалов и в воспоминаниях современников, и в документах, и, в особенности, в большом эпистолярном наследстве, то в биографии Лермонтова остается целый ряд совершенно неосвещенных моментов. Мемуарные материалы, достаточно достоверные, не велики, писем поэта сохранилось всего четыре десятка, писем к поэту почти не осталось. Несомненно,

это в значительной степени осложняет работу биографа. Возникает опасность, что биограф, за отсутствием материалов, попытается своим «творчеством» восполнить недостающее. На такой путь иногда и становится Б. Эйхенбаум.

Все детство поэта дано автором в ярко субъективном освещении. Автору во что бы то ни стало хочется показать поэта чуть ли не с пеленок в некоем революционном окружении. Для этого он пьяницу-семинариста Орлова (средниковский период жизни поэта¹) наделяет чертами революционера, борца против деспотизма. Это противоречит истине, ибо имеющиеся материалы (материалы Висковатова, Тирана, Сперанского и проч.) рисуют Орлова в совершенно непривлекательном виде, и мы вправе спросить биографа, к чему, вообще, эти тщетные усилия? Ведь Лермонтов тем и велик, что, не будучи ни в детстве, ни в юности непосредственно связан с революционной средой, живя и вращаясь постоянно в так называемом высшем обществе, верном оплоте самодержавия, он сам очень скоро понял все позорное существование этой великосветской черни, увидел, что все смелое, справедливое, благородное и бесстрашное подавляется этим обществом, возненавидел его всеми силами души своей, и, возненавидев, бросил ему в лицо пламенные стихи свои. Ведь Лермонтов тем велик, что, будучи и по происхождению, и по окружению своему неотъемлемым членом аристократической верхушки, он определил свое мировоззрение, противопоставил себя ей и своим творчеством заклеил ее в стихах, каждая строка которых — гимн свободе, призыв к смелости, борьбе, революции.

В этом величии Лермонтова, таким он должен быть представлен советскому читателю, и незачем в прекрасную биографию поэта притягивать за уши «революционеров» Орловых.

¹ Средниково — имение Столыпиных, где Лермонтов провел лето 1830 г.

В жизни Лермонтова есть черта, без освещения которой нельзя дать правильной характеристики его творчества, черта, которую Эйхенбаум не заметил или не хотел заметить.

Детство поэта протекало в обстановке крепостничества. Перед глазами впечатлительного и наблюдательного ребенка проходили все ужасы крепостничества. Бабушку поэта — биографы рисуют доброй, обаятельной старушкой. Это верно лишь отчасти. Доброта бабушки распространялась на окружающих ее родственников, знакомых, близких и, в особенности, на внука. С крепостными она поступала жестоко. Щедрой рукой раздавала она полновесные пощечины. Сохранился рассказ о том, как наказала она крепостного Петра Алексеева за какую-то провинность. После наказания на конюшне розгами у Петра «на спине кожи не осталось». Крепостных девок замуж выдавала по своему усмотрению, не считаясь ни с чем, и выдача замуж за нелюбимого была в ее арсенале одним из видов наказаний, частенько применяемым.

Лермонтов видел расправы бабушки с крепостными. И пятнадцатилетний поэт находит мужественные слова о царской России Николая I:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется убоизна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... моя отчизна!

Эти антикрепостнические настроения, зародившиеся с детства, все углублялись и углублялись, и уже в юношеских драмах, в особенности в драме «Странный человек», сказались с полной силой. Пятая сцена «Странного человека» являет собой сильнейший антикрепостнический протест. Крепостные даны в драме совершенно реалистически, не обычными для того времени «пейзанами». Страшная правда действительности, выраженная в словах крепостного просителя, бьет по самым основным вехам крепостничества.

Неправильное освещение детства поэта не ограничивается у Эйхенбаума названными моментами. Весь образ Лермонтова, созданный автором, не отвечает

действительности. Это чревато серьезными последствиями. Биографу не следовало бы забывать о том, что дети любят подражать, в особенности великим людям. Имя Лермонтова стоит высоко в сознании наших детей. И совершенно естественно, что и Лермонтову наши дети захотят подражать, и в первую очередь — Лермонтову-ребенку. А, по Эйхенбауму, Лермонтов выглядит в детстве так: «А Мишель стоял перед ним, весь красный, с горящими от негодования глазами, с кнутом в руке, и кричал: «Ты не смеешь! Ты должен мне подчиняться!»».

Вот образ, которым Эйхенбаум наделяет Лермонтова-ребенка. Образ абсолютно неправильный, противоречащий образу Лермонтова, сохранившемуся в воспоминаниях современников.

А. П. Шан-Гирей, воспитывавшийся вместе с Лермонтовым у бабушки поэта Е. А. Арсеневой, в своих воспоминаниях¹ рисует Лермонтова совершенно другим: «В домашней жизни своей Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, занимался часто музыкой, а больше рисованием, преимущественно в батальном жанре, также играли мы часто в шахматы и в военную игру, для которой у меня всегда было в готовности несколько планов». М. А. Пожогин-Отрашкевич, в детстве также воспитывавшийся вместе с Лермонтовым, дает следующую характеристику: «В нем обнаруживался нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив»².

Откуда же почерпнул Эйхенбаум данные для представления Лермонтова нашему юному читателю в виде такого властолюбивого младенца?

Из мемуарной литературы о Лермонтове при желании можно всегда подобрать материал, дающий и такой образ поэта. Однако к такому выводу может прийти лишь «исследователь», который берет отдельные воспоминания, не анализирует их, не подходит к ним критически. Так поступил и Эйхенбаум.

¹ А. П. Шан-Гирей. «Русское обозрение». 1890. № 8.

² М. А. Пожогин-Отрашкевич в передаче А. Корсакова. «Русский архив», 1881. № 3.

Из многочисленных воспоминаний о Лермонтове он выхватил запись художника М. Меликова¹: «В личных воспоминаниях моих маленький Миша Лермонтов рисуется не иначе, как с нагайкой в руке, властным руководителем наших забав, болезненно-самолюбивым, экальтивированным ребенком». Эйхенбаум должен был бы понимать, что нельзя основываться на этом сомнительном и к тому же единичном показании.

Эйхенбаум может сказать, что сам Лермонтов в своих художественных произведениях приписывает Саше Арбенину аналогичные черты. Да, это так! Но можно ли брать поэтическое произведение, каким бы автобиографичным оно ни казалось, в качестве неоспоримого доказательства своей неверной мысли?

Одним из основных этапов в жизни поэта являются его ученические годы в Благородном пансионе и университете. И как это ни странно, в книжке, написанной для детей школьного возраста, Эйхенбаум лишь несколько страничек уделил этому периоду. А между тем именно в этот период начинает складываться мировоззрение поэта, именно к этим годам относится начало его поэтического творчества. И наконец, именно в Благородном пансионе было положено начало серьезной учебы юноши. Об этом говорят школьные отметки, свидетельство из Благородного пансиона: «Обучался с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами»²—и воспоминания воспитателя его: «Как теперь смотрю на милого моего питомца, отличившегося на пансионском акте, кажется, 1829 г.да. Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского «К морю» и заслужил громкие рукоплескания. Тут же Лермонтов удачно исполнил на скрипке пьесу и вообще на этом экзамене обратил на себя внимание, получив первый приз, в особенности за сочинение на русском языке»³.

Именно здесь серьезно увлекся Лермонтов русскими поэтами — Ломоносовым, Державиным, Дмитриевым, Озеровым, Батюшковым, Крыловым, Жуковским, Пушкиным, здесь были написаны его первые юношеские произведения, здесь была создана первая поэма — «Индианка». В Благородном пансионе впервые принял участие Лермонтов и в журнале, правда рукописном, — «Утренняя заря».

В университете сильнейшим образом повлияла на Лермонтова судьба студента Полежаева, в 1826 году сосланного царем в солдаты за написанное им вольнолюбивое стихотворение «Сашка». Трагическая судьба Полежаева, несомненно, оказала серьезное влияние на мировоззрение Лермонтова. Об этом свидетельствует его одноименная поэма «Сашка»:

... «Сашка» — странное название!
Но «Сашка» тот печати не видал
И нездоровый он угас в изгнание.

Ни связной картины об ученических годах поэта, ни характеристики влияния Полежаева Эйхенбаум не дал. Важный период жизни поэта выпал из работы Эйхенбаума. Это — вторая серьезная ошибка автора.

В период юнкерства Лермонтов написал всего лишь несколько эротических «гусарских» стихов. Не так думает Эйхенбаум. Оставляя почти без освещения ученические годы поэта, он уделяет значительное место анекдотам из юнкерской и офицерской жизни. И характерно: эта часть биографии написана наиболее ярко.

Поэтическая звезда Лермонтова вознеслась в годину величайшей скорби русского народа, скорби, вызванной убийством Пушкина. Эту скорбь, это горе и негодование воплотил Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта». В железных, чекангих стихах сконцентрировал он народную скорбь и бросил этот сгусток народного возмущения в лицо правящему классу:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,

¹ М. Меликов. «Русская старина», 1896, № 6.

² «Русская мысль», 1881, № 11.

³ Там же.

С свинцом в груди и жадной мести,
Поникнув гордой головой!

Через несколько дней, возмущенный отношением верхушки общества к гибели Пушкина, Лермонтов добавляет к «Смерти поэта» знаменитые 16 строф, бросающие обвинение в убийстве Пушкина правящему классу:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Лермонтов не боится угрожать:

И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Это был пламенный революционный призыв, брошенный с величавой художественной силой. И недаром это стихотворение было послано царю с заголовком «Воззвание к революции». Арест, сылка на Кавказ под пули горцев были началом травли Лермонтова, закончившейся его убийством.

Яркий период. Но у Б. Эйхенбаума не нашлось красок для достойного освещения этого периода, для живого изображения самого Лермонтова в момент написания этих стихов, для освещения мировоззрения поэта, для показа всей обстановки, в которой жил и творил поэт. А материала для этого достаточно. Мемуары современников, документы, наконец письма самого поэта дают достаточно полную картину.

Лермонтов высоко нес идеи реалистической поэзии Пушкина, он также черпал темы и образы, энергию и силу из сокровищницы народного творчества; его стих, особенно в последние годы, по-пушкински реалистичен.

Первые произведения Лермонтова относятся к 1828 году, к ученическим годам поэта. Лермонтов творил в годы жесточайшей реакции, последовавшей за подавлением движения декабристов, в годы, когда российская жизнь, по словам Герцена, была царством «мглы, произвола, молчаливого замирания, гибели без вести, мучений с платком во рту», когда «деятельность, скрытая снаружи, закипала, таясь внутри». Это «кипение» не удержалось, да и не могло

удержаться у Лермонтова «внутри». Он был бунтарем, стремился к вольности, свободе, смертельно ненавидел царское самовластье. И бунтарство свое, пламенный гнев свой он выражал в стихах, которые бросал в лицо своего класса, класса, из которого он сам вышел:

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!

Отщепенец своего класса, Лермонтов чувствовал глубокое одиночество. Бывали у него минуты отчаяния:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской...
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной!

Но это минутное отчаяние, это одиночество не смирили поэта, не заставили его согнуться под страшным гнетом «общества». Нет, до конца был он борцом, оружием которого был стих, мужественный и яркий.

Он приветствовал Французскую революцию 1830 года, на весь мир кричал, что «есть суд земной и для царей», со всей силой художественного воздействия обрушивался на современную ему молодежь, стоящую в стороне от битв («Дума»), мужественно приветствовал сосланных декабристов («Новгород»), во всей неприглядной наготе показывал аристократическую верхушку общества («Маскарад»), рисовал яркие образы борцов («Мцыри»). И разве не олицетворением его глубокого понимания величественной борьбы за свободу звучат слова матери трусу-сыну:

Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус —
И мне не сын!

Буржуазные литературоведы пытались приклеить Лермонтову ярлык религиозного поэта. Напрасные усилия! Лермонтов в своих стихах, в юношеской поэме «Испанцы» обличал лицемерие христианства, протестовал против религиозного гнета, в «Пире Асмодея» высмеивал веру в загробную жизнь.

Были попытки одеть Лермонтова в тогу байронизма. Но сам поэт говорил: «Нет, я не Байрон, я другой...». И никто лучше, чем Белинский, не определил

оригинальное, самостоятельное место Лермонтова среди мировых гигантов поэзии: «Мы не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гете или Пушкин, ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов».

Поняли и высоко оценили Лермонтова великие революционные демократы — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Герцен.

Белинский, посвятивший Лермонтову ряд чудесных критических статей (в которых он не стеснялся, однако, резко обрушиваться на отдельные произведения поэта), первым оценил громадное значение Лермонтова для русской литературы: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого!».

Быстрыми шагами приближался Лермонтов к подлинному реализму. «Родина», «Валерик», «Герой нашего времени» — его лучшие реалистические произведения. Какие перспективы открывались перед Лермонтовым, какие великие произведения мог бы дать русской литературе поэт, жизнь которого трагически прервалась в 27 лет!

Лермонтов погиб в расцвете творческих сил и славы. Так погиб Пушкин. Так гибли многие и многие таланты, неугодные правящему классу. Вспомним только: казнь Рылеева, солдатчина Полетаева, изгнание Герцена и Огарева, каторга Достоевского, ссылка Шевченко, объявление сумасшедшим Чаадаева, гибель сосланного на Кавказ Бестужева-Марлинского и проч., и проч.

Лермонтов был и остался величайшим поэтом, стоящим рядом с Пушкиным, подхватившим знамя, выпавшее из рук убитого поэта, и понесшим его вперед, дальше. И биография поэта, на какого бы читателя она ни была рассчитана, должна ярко и правдиво показать не только величие гениального русского поэта, но и его жизнь, насыщенную глубоким содержанием.

Этим требованиям книжка Эйхенбаума совершенно не удовлетворяет.

Взаимоотношения Лермонтова и царя, по Эйхенбауму, представляются совершенно мистическими. Лермонтов, по Эйхенбауму, трижды видит Николая I

(напомним Эйхенбауму, что Лермонтов видел царя и в четвертый раз — при производстве в офицеры). И вот как рисует биограф последнюю встречу: «Лермонтов опять увидел Николая и опять ужаснулся. Во время смотра Николай почему-то очень внимательно посмотрел ему прямо в глаза. Лермонтов вытянулся, как мог, но на лице Николая было выражение недовольства. Он как будто запоминал на всякий случай лицо этого гусара с такими необычными, не гусарскими, глазами. Николай прошел дальше, но казалось, что и спиной продолжает рассматривать Лермонтова».

Что это за абракадабра! При виде Николая Лермонтов каждый раз ужасается (это Лермонтов-то, который, по утверждениям большинства современников, был человеком необычайной храбрости и большой силы воли). Николай спиной рассматривает Лермонтова. Какая-то «Тысяча и одна ночь» подносится нашим детям. И одновременно ни слова о том, каковы в действительности были отношения поэта с царем, погубившим Пушкина, как росло в душе поэта отрицательное отношение к самодержавию. А ведь предпосылки для такого развернутого показа мировоззрения поэта имеются в самой книжке Эйхенбаума.

Даже только на основании писем самого поэта можно было дать развернутую картину его взаимоотношений с правящей верхушкой. Лермонтов приезжает в Петербург, поступает в школу гвардейских подпрапорщиков, впервые вступает в «свет». И вот его определение света: «Видел я образцы здешнего общества: дам очень любезных, молодых людей очень вежливых; все они вместе производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором в первый раз можно заблудиться, потому что ножницы хозяина уничтожили всякое различие между деревьями» (из письма к М. А. Лопухиной — 1832 г.).

В воспоминаниях современников находим мы и слова о подлинном отношении Николая I к поэту, отношении, которое выражалось не в том, что царь «рассматривал Лермонтова спиной», а

в действиях, закончившихся убийством поэта.

Об этом лучше всего свидетельствуют слова Николая I, сказанные им при получении сообщения об убийстве Лермонтова: «Собаке — собачья смерть», или «Туда ему и дорога». Этот факт в свое время усиленно старались затушевать буржуазные литературоведы. Но мы имеем ряд свидетельств современников, подтверждающих эту реплику, — П. П. Вяземского¹, А. И. Васильчикова², Н. И. Лорер³, М. В. Воронцовой⁴.

Не может не вызвать удивления тот факт, что Эйхенбаум совершенно не считает нужным говорить об этом.

Лермонтов задыхается в этом обществе, стремится выйти в отставку, но родственные тиски вначале и запрещение царя в дальнейшем не позволяют ему осуществить свое желание. Лермонтов рвется хотя бы в отпуск, но и это невозможно осуществить: «Просил отпуска на полгода — отказали, на 28 дней — отказали, на 14 дней — великий князь и тут отказал» (из письма к М. А. Лопухиной — 1838 г.). Лермонтов хотел целиком отдаться литературной работе, писать, издавать журнал.

В. Соллогуб и А. Краевский в своих воспоминаниях говорят, как жадно стремился Лермонтов основать свой журнал. Громадные перспективы рисовались поэту: «Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые: он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию — три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего того времени), имеющие между собою связь и некоторое единство...» (Белинский).

В день дуэли Лермонтов говорил своему секунданту: «Я выработал уже план двух романов: одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и раз-

вязкой в Вене, и другого — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране»¹.

Об этих творческих планах и перспективах нельзя не говорить в биографии поэта, ибо они, естественно, занимают в ней значительное место. Эйхенбаум об этом умолчал.

Эйхенбаум не считал нужным остановиться на другом важнейшем для биографии поэта моменте — отношении Лермонтова к войне с горцами и вообще к войне.

По Эйхенбауму, война с горцами в биографии Лермонтова характеризуется лишь личным участием поэта в экспедициях, стычках, его храбростью. Все это так, но все это внешнее. А где же внутреннее, где же отношение поэта к самой войне с горцами, к закабалению горцев Николаем? Как можно обойти в биографии поэта его любовь к свободным горцам, его протест против их закабаления? Как можно пропустить такие слова поэта:

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..

И наконец отношение поэта вообще к войне, как к таковой.

В «Валерике», этом чудесном военном стихотворении поэта, несколько строк говорят о многом:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Но ничего этого не захотел заметить наш почтенный биограф. Он писал биографию поэта помимо поэта и вопреки его творениям.

И если ко всему сказанному прибавим, что из работы Эйхенбаума выпал почти совершенно Белинский (ибо нельзя же ограничиться сообщением об одной встрече Белинского с Лермонто-

¹ «Русский архив», 1887, № 9, стр. 142.

² «Русский архив», 1872, стр. 205.

³ Н. И. Лорер. «Записки декабриста», М., 1931, стр. 264.

⁴ «Русский архив», 1911, № 9, стр. 160.

¹ Мартынов. «Дела и люди века», т. II, 1893, стр. 93—94.

вым), то выводы напрашиваются сами собой. Белинского Б. Эйхенбаум вообще игнорирует. А для освещения жизни и творчества Лермонтова просто пренебрежительно обходит высказывания Белинского, ибо он, и только он, дал такое определение поэта: «Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою и видит в нем не только поэта, но и человека, брата своего по человечеству. Признавая его существом несравненно высшим, всякий в то же время сознает свое родство с ним... По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества» (подчеркнуто Белинским).

Книга Эйхенбаума во всех основных своих частях дает неправильное освещение образа великого русского поэта. Но и менее важные детали освещены неверно.

Достаточно привести пример с предками поэта, с балладой Вальтер-Скотта о шотландском барде Томасе Лермонте, жившем в XIII веке. Эйхенбаум категорически утверждает связь этого сказочного Лермонты с реальным Лермонтовым: «Так заканчивается баллада... о Томасе Лермонте — шотландском предке русского поэта Лермонтова», и дальше, говоря уже о действительном, реальном предке поэта — Георге Лермонте (XVI век), Эйхенбаум опять-таки связывает его с мифическим Томасом: «Этот Георг, или Юрий, Лермонт, потомок поэта Томаса...».

Совершенно недопустимая вольность. Никаких доказательств связи русского Лермонтова с шотландским бардом, кроме сходства фамилий, не имеется. Все попытки русских биографов Лермонтова добыть подобные доказательства результатов не дали. В. В. Никольский в 70-х годах прошлого столетия обратился к представителю шот-

ландских Лермонтов, члену английского парламента А. Лермонту, и получил следующий ответ: «... Что моя фамилия происходит от Томаса, поэта... это совершенно справедливо. Но я никогда не слышал и не имею никаких письменных известий о том, чтобы какой-нибудь член нашей фамилии уехал в Россию в то время, о котором вы говорите...»¹.

Ссылка Эйхенбаума на строфы о Шотландии, имеющиеся в юношеских стихотворениях Лермонтова:

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля..

и:

Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей... —

отнюдь не может служить доказательством, не только потому, что художественное произведение, как бы автобиографично оно ни казалось, не может приниматься за непререкаемую истину, но и потому, что сам Лермонтов видел, вернее хотел видеть, предков своих не только в шотландских бардах, но и в испанских владетельных герцогах, и до нас дошел даже собственноручно написанный Лермонтовым портрет такого «предка» — испанского герцога Лермы.

Утверждение Эйхенбаума по меньшей мере наивно, а в биографии Лермонтова оно совершенно неуместно.

Что же сможет почерпнуть юный читатель из книги Эйхенбаума? В книге есть только одна положительная часть — правильное освещение влияния Чаадаева и кружка 16-ти. Все остальное отошло на задний план, утонуло в анекдотах, да и анекдотах-то, в ряде случаев освещенных неверно (заметим хотя бы, что Эйхенбаум к началу 1837 года относит разговор с бабушкой о том, чтобы поэт не ездил в Царское село по железной дороге, в то время как железная дорога открылась лишь в конце 1837 г.).

Такая биография не нужна советскому читателю, она не принесет пользы советским детям. А между тем потребность в яркой и правдивой биографии Лермонтова огромна.

¹ В. В. Никольский «Русская старина» 1873 г., т. VIII, стр. 811.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КАСАТКИН

(1859—1930)

В. В. и Е. А. Журавлевы

«Товарищ рабочий. Ты дал мне все; связав свой труд с твоим героическим трудом, я получил силу, которая принадлежит тебе, и все, что я получаю, есть твое». В этих словах, найденных в черновых записках Николая Алексеевича Касаткина, художником указан источник, питавший его творчество.

Полувековая художественная деятельность Касаткина была тесно связана с жизнью и ростом пролетариата, с революционным движением.

На дореволюционное русское искусство долгое время оказывало влияние народничество, упорно не желавшее видеть роста пролетариата в стране. Поэтому картин, изображающих жизнь рабочих, имеется очень мало: К. А. Савицкий — «Ремонтные работы на железной дороге», 1874 г., Н. А. Ярошенко — «Кочегар», 1878 г., А. Е. Архипов — «Поденщицы на литейном заводе» и др. Еще меньше оставила живопись дореволюционного времени произведений, отражающих революционное движение: наряду с картинами С. В. Иванова — «Забастовка», 1903 г., его же — «Расстрел демонстрации», 1905 г., можно назвать очень немного.

Касаткин вошел в историю русского искусства, как первый и единственный художник, посвятивший все свое творчество изображению рабочих, их героической жизни и борьбы.

Родился Н. А. Касаткин 13 декабря (по ст.ст.) 1859 г. Отец Н. А. Касаткина Алексей Александрович Ка-

Н. А. Касаткин и шахтер, позировавший ему.
Фотография. 90-е годы.

саткин, мещанин Сергиевского Посада, Московской губернии, был литографом по профессии и имел звание учителя рисования, выданное Академией художеств. Как гравер на камне А. А. Касаткин считался первым мастером в Москве. Исключительное зрение, прекрасное знание литографского искусства и умение рисовать ставили его вне конкурса среди других литографов. Работал он дома.

Н. А. Касаткин с малых лет с большим интересом наблюдал за всеми работами отца, которого привык видеть всегда склоненным над рабочим столом. Он запомнил на всю жизнь инструменты отца: его гравировальный алмаз, иглы, циркули, металлические линейки, угольники, сложную олеиновую лампу.

Когда Н. А. Касаткину исполнилось 5 лет, началось обучение грамоте. Первой его учительницей была жена знакомого художника. Она открыла букварь, показала картинку, где дитя лежит в гробике, а в головах стоит большой церковный подсвечник, и объяснила, что «мальчик не послушал маму, наелся зеленых яблок в саду и оттого умер». Прослушав объяснение, Коля возненавидел учительницу. После нескольких неудачных попыток обучение не возобновлялось в течение трех лет. Занятия по рисованию шли несравненно успешнее. Профессия отца и его увлечение живописью создали условия, благоприятствовавшие художественному развитию мальчика. Во всем остальном влияние семьи и окружающей обстановки могло сказаться на нем только с отрицательной стороны. Отец Касаткина страдал запоями, в пьяном виде сильно буйствовал.

Рисовать Н. А. Касаткин начал очень рано, «как себя помнит». Чаще всего он обучался рисованию одновременно с учениками отца. В его записках имеется такое описание одного из занятий: «Зимний вечер, я примостился к ученикам отца в кухне; на столе горит сальная свеча; так как я очень мал, а стол велик, под меня что-то подложено. Рисую с оригинала (гравюра на меди) — женская голова с волнистыми волосами. Отец обходит учеников и говорит одно-

му из них: «Что ты так плохо рисуешь? Посмотри, как Коля рисует...». Вот это его замечание навсегда запечатлелось в моей памяти».

В 1873 году, четырнадцати лет, Касаткин поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где получил специальное и общее образование.

Преподавателями училища в оригинальном классе были Сорокин П. С. и Саврасов А. К., в натурном — Перов В. Г. и Сорокин Е. С.; в головном — Десятков П. А., в фигурном — Сорокин П. С. и Прянишников И. М. Педагогический состав не был однороден: в нем сталкивались два течения — передвижническое и академическое. Наибольшим авторитетом пользовались: в группе передвижников — Перов, а из академистов — Сорокин Е. С.

Оба течения имели своих приверженцев среди учащихся. Касаткин был ярким сторонником Перова, считая его своим единственным учителем. Свои взгляды на преподавание Перов отразил в словах Мокрицкого в своем рассказе «Наши учителя»: «Чтобы быть художником, нужно быть творцом; надо изучать жизнь, воспитывать ум и сердце не изучением казенных натурщиков, а неуспынной наблюдательностью и упражнением в воспроизведении типов и им присущих наклонностей».

Наиболее близкими школьными товарищами Касаткина были В. Симов и И. Левитан. Левитан больше любил писать в одиночку, а Симов и Касаткин ходили всюду вместе, иногда даже писали с одной и той же натуры. Лето обычно проводили в Останкине, где у отца Касаткина была дача.

Учился Касаткин хорошо и неоднократно получал награды. В 1883 году за картину «Нищие на церковной паперти» получил большую серебряную медаль и звание классного художника.

В первый раз Касаткин выступает на Передвижной выставке в 1890 году с картиной «Перекупка», изображающей сцену на окраине города: мелкий барышник торгуется с крестьянкой, привезшей воз сена. На следующую вы-

ставку 1891 года Касаткин дает три картины: «За хворостом», «Шлагбаум» и «Соперницы».

В картине «Соперницы» свежие, звучные краски хорошо передают нежную прозрачность светлого морозного дня; обработка деталей тщательная и любовная. Это первый зрелый плод в творчестве Касаткина.

После выставки 1891 года общим собранием Товарищества передвижников Касаткин избирается в число его членов. «Это событие, — говорил Касаткин, — было для меня чрезвычайной важности в нравственном отношении: я не являлся одинокой былинкой и был принят в круг представителей цвета русского искусства, куда притекали тогда молодые силы со всех концов России. Картина моя «Соперницы» была куплена П. М. Третьяковым, с которым через год установились дружеские отношения, он сделался моим первым покупателем. Я получил веру, что мой труд найдет себе оценку и место».

Оставаясь на протяжении всего существования товарищества одним из его активнейших членов, Касаткин дает такую оценку передвижникам:

«Создавая своими работами целую эпоху золотого века русского искусства, передвижники создали и прекрасный агитационный аппарат для пропаганды художественных идей по всей России. Начиная с 1871 года непрерывно «передвигали» свою выставку, обслуживая целый ряд глухих провинциальных городов. Корифеи русской литературы Щедрин, Достоевский, Гаршин писали о «передвижной», ее ждали как общественного события. Связь между передвижниками и корифеями русской литературы была теснейшая, не только в идее, но и в личной дружбе. Как главный хребет все с большего расстояния выделяет главные горы, ослепительно сияя снеговыми вершинами, так будет с Товариществом Передвижных Выставок, его главные деятели будут все расти в глазах наших потомков».

Далее Касаткин отметил заслуги организаторов передвижничества и его великих мастеров, «которые будили народ к новой жизни».

Не пропуская ни одной выставки товарищества, Касаткин дает ряд картин: в 1892 г. — «Осиротели», «Семья» и «Шутка»; в 1893 году — «Тяжело», «Перед разлукой», «В своем уголке», «Подружки», «Последнее желание»; в 1894 году — «Неизбежный путь», «Клевета», «Трамвай пришел» и «Девушка у изгороди». Эти произведения, за исключением картин «Перед разлукой» и «Тяжело», по своей тематике не выделяются из большинства передвижнических картин. Все это маленькие картины незначительных бытовых сцен с двумя-тремя фигурами. По всей вероятности, они интересовали Касаткина, как упражнения в изображении натурщиков в условиях пленэра и были только пробой сил в творчестве молодого художника.

Наиболее значительная из этих картин и сложная по композиции — «Трамвай пришел». В картине изображена остановка паровичка на окраине Москвы в серый, дождливый день. На первом плане, в центре картины, помещены идущие на зрителя студент с ребенком на руках и его молодая жена. За ними виднеется массивная фигура попа, загруженного покупками, к которому протягивает руку за подаванием оборванный мальчик. На заднем плане — силуэты других фигур, тонущих в дождливой мгле. Картина правдива, проста и своим удачно подобранным типажем хорошо передает московскую окраину 90-х годов. Она вся написана в одном ритме, мелким мягким мазком, более резким на фигурах переднего плана и расплывчатым, еле уловимым в дальних фигурах. Картина «Трамвай пришел» вызвала резкое осуждение Л. Н. Толстого, который считал сюжет ее не заслуживающим изображения. 26 февраля 1894 года в письме к дочери Лев Николаевич писал: «Я, кажется, без тебя, Таня, обидел Касаткина, высказав ему очень откровенно неодобрение его картине «Паровая конка». Очень уж мне стало противно искусство для забавы».

Ко времени первых выступлений Касаткина искусство передвижников значительно изменилось. Оно утратило былую революционную активность и социаль-

ную заостренность. В 90-х годах прошлого столетия спрос на произведения искусства необычайно вырос. Наряду с такими меценатами, как Третьяков, Цветков, появилось много покупателей и заказчиков из мелкой и крупной буржуазии. Некоторые художники работали, главным образом, на богатых меценатов, часто по их прямому заказу, все более закрепляя свои связи с крупной буржуазией, сливаясь с ней идеологически. Но более значительная часть художников, не имея прочной материальной базы, зависела исключительно от рынка в лице мелкого покупателя. В 90-е годы идеологические противоречия в среде передвижников были особенно велики. Художник С. В. Иванов в письме к Е. Д. Поленовой, отмечая разброд и сумятицу, какие существовали в то время в творчестве современных ему художников, писал:

«Кого Вы возьмете теперь, кто бы работал с верой и увлечением, весь отдаваясь картине? Два, три, много пять человек, и то это какие-то просто уже сектанты, пишущие святых, медведей и тому подобное, большинство, масса пишет так, чтобы только участвовать на выставках».

Искусство передвижников вырождалось в безыдейный бытовой натурализм, в простое копирование действительности. Реализм под влиянием требований, предъявляемых к искусству буржуазией, клонился к упадку, и лишь незначительная часть передвижников держала крепко знамя реалистического, идейного искусства, продолжая работать над социально заостренными сюжетами и давая картины из быта трудовых слоев общества: И. П. Богданов — «За расчетом» (1890 г.), С. А. Коровин — «На миру» (1893 г.), К. В. Лебедев — «К сыну» (1894 г.), К. А. Савицкий — «Спор на меже» (1897 г.), В. Г. Маковский «Вечеринка» (1897 г.). Но появились и такие художники, которые, почуствовав в рабочем новую общественную силу, стали отражать в искусстве жизнь рабочих и их революционную борьбу. В это время с картинами, отобразившими революционное движение 90-х и 900-х годов, выступи

С. В. Иванов (1864—1910) и Н. А. Касаткин.

Заслуги Касаткина, как художника, приобретают особенную ценность вследствие того, что он в исключительно трудное для идейного реализма время, за 25 лет до Великой Октябрьской революции, оставаясь последовательным реалистом, посвятил почти все свое творчество отображению жизни рабочих.

В черновых заметках, написанных незадолго до смерти, Касаткин дает подробные пояснения, почему он посвятил свое творчество изображению рабочего класса. Касаткин говорит, что вскоре же после первого выступления на передвижных выставках он понял, что его картины, как и большинство картин других участников выставок, не имеют общественного значения. Понял он и неправильность начинавшего господствовать в то время буржуазного взгляда, что картина должна передавать только радость красок и отражать только приятные явления жизни.

Поставив перед собой задачу дать в картинах новое содержание, трактующее основные идеи эпохи, Касаткин пришел к выводу, что мировоззрение художника должно быть расширено наблюдениями над теми сторонами жизни, которые до того в искусстве сознательно игнорировались. Рабочий класс, проявивший себя в 90-е годы в ряде мощных экономических и политических стачек, привлек к себе внимание Касаткина, как новая крупная общественная сила.

Остановив свой выбор на изображении трудовой жизни, Касаткин дает ряд картин из быта рабочих: «Тяжело», «Перед разлукой» и другие.

Картина «Тяжело», изображающая рабочего, изувеченного на фабрике во время работы, по композиции, да отчасти и по тематике, напоминает картину «Забастовка» (1891 г.) художника Гурберта Геркомера, который впервые ввел в английское искусство образ рабочего.

Относительно картины «Перед разлукой» Касаткин дает такое пояснение: «Трудное было время для рабочих в 1893 году. Московские металлургиче-

ские заводы (Бромлея и другие) перевели рабочих с месячного жалования на сдельную оплату по низким расценкам. Еще хуже приходилось женщинам. Молодые люди сходились, рождались дети, но взять себе жену и воспитать ребенка рабочий не имел возможности, детей приходилось нести на «фабрику ангелов» — в воспитательный дом. Картина изображает момент прощания матери с ребенком. Отец в отчаянии, бабка уже одета, чтобы унести ребенка; она подает стакан водки сыну».

Намечая план дальнейшей своей работы, Касаткин приходит к мысли, что надо взять для изображения такую форму труда, где наиболее выражено угнетение трудящихся капиталом, где совершенно отсутствует всякая забота о рабочем. Он остановил свой выбор на изображении жизни шахтеров, экономическое положение которых в то время было особенно тяжелым. В этом выборе, по объяснению Касаткина, немалую роль сыграло и то обстоятельство, что эта тематика и в красочном оформлении картины давала возможность уклониться от общепринятых традиций, позволяла взять новые, необычные краски для изображения человека.

Первые поездки Касаткина в Донбасс совпадают с подавлением восстания в шахтах. По приезде в Грушевский район, 11 мая 1892 г., Касаткин был сразу поражен исключительной обстановкой, в которой протекала жизнь и труд горнорабочих. По его письмам можно судить, в каких трудных условиях ему приходилось работать:

«С трудом себя удерживаю, чтобы не уехать. Погода здесь, несмотря на юг, очень непостоянная, то дождь, то солнце, а ветер такой дует, что все трясет, как крепко ни устроишься. А люди, главное люди. Тут надо веревки, а не нервы, а у меня гнилые нитки. Через полторы недели должен насильно вести себя в шахту за натурой, которая и обманывает, и издевается. Этюд — скверный от той судорожной напряженности, с какой пишу с ошалевшего натурщика, залученного всеми неправдами. Жители грубы и дики, меня боятся и не идут на натуру даже за деньги. Теперь не-

много, хотя и с трудом, начинают привыкать. Материал есть, но все достается с трудом, а главное, времени много пропадает даром».

Испытывая только враждебное, унижительное отношение к себе других классов, шахтеры и в художнике видят человека, который тоже хочет посмеяться над их лохмотьями, над их черными лицами.

После трехгодичной работы, в 1895 году, Касаткин дал первую серию работ из жизни шахтеров. «Сбор угля бедными на выработанной шахте» — картина сильная в живописном отношении и хорошо передает унылый, мрачный вид старого Донбасса. Но в трактовке самой темы Касаткин еще не сумел отойти от обычного передвижнического подхода. «Бедные», собирающие уголь, поданы по-народнически, как объект жалости.

В другой картине, «Шахтерка», Касаткин подошел к трактовке темы по-иному. Шахтерка — типичная молодая работница; у нее задорная улыбка, смелый взгляд, непринужденная поза. Композиция картины проста и естественна. Голова шахтерки хорошо выделяется на темном фоне забора, расположенного фронтально у верхнего края картины, а фигура четко рисуется на ровном фоне земли. Манера письма смелая и уверенная, фактура лица и рук, написанных мягким сливающимся мазком, хорошо контрастирует с поверхностью кофты, вылепленной смелыми и местами резкими мазками.

В искусстве всех времен изображения работницы чрезвычайно редки, насчитываются единицами. В русском дореволюционном искусстве «Шахтерка» Касаткина — первое и единственное в своем роде изображение женщины-работницы.

Повторяя почти ежегодно поездки в Донбасс, Касаткин продолжал разрабатывать намеченные темы и вел дальнейшее изучение жизни донецких рабочих.

На полтора года растянулась работа над картиной «Смена», которая, бесспорно, принадлежит к самым значительным работам в творчестве Касаткина. Для «Смены» было сделано сорок четыре этюда. Картина была закончена в

1895 году. Касаткин дал такое описание сюжета «Смены»:

«Картина изображает надшахтное здание. Серое утро холодного дня. Из казарм расходятся по шахтам горняки, разминая ноющие кости от вчерашнего перепоя и недоедания. Угрюм и раздра-

вязывают на подошвы своей мягкой обуви, на поясе железная цепь, на которой они «тягают» (волочат) санки с грузом до двадцати пудов антрацита. Дверные мальчики, регулирующие приток воздуха, проявляют резвость, свойственную их возрасту; другие спят ша-

Сбор угля бедными на выработанной шахте. 1894 г.

жителен шахтер. Не тронь его. Шахтеры в очередь окружают устье шахты для спуска на ее дно. Немного специальностей в подземной работе шахт. С обушками стоят забойщики, в сумках у них лежат стальные зубки; лампочка, открытая для поправки (горит минеральное масло, дающее большое пламя), страшно коптит. Шахта — антрацитовая, уголь жесткий; в ней взрывов не бывает. Вот тягольщики (саночники) со своими железными подковами на поясах, которые при работе они под-

полу в куче, как изношенная обувь. В середине клетки стоит «штокарной», заведующий спуском и подъемом клетки. Со дна шахты выходят шахтеры, отработавшие 12-часовую смену. Впереди идет сильный работник с обушкой в одной руке и с горящей лампочкой — в другой. За ним идет больной с искаленной ногой. Они жадно вдыхают свежий воздух.

Картина говорит зрителям, с одной стороны, о чудовищно тяжелых условиях труда шахтеров и мрачной обста-

Шахтерка. 1894 г.

новке шахт, с другой — от нее веет растущей силой: Касаткин сумел вложить в изображение людей труда несокрушимую пролетарскую мощь.

Композиция картины монументальна и проста. Вся компактная масса шахтеров расположена сплошной широкой полосой, фронтально во всю длину полотна. Большинство фигур обращено лицом к центру, где помещается клеть, темная рама которой хорошо выделяет центральную часть картины. Фигуры выходящих из клетки шахтеров — главное пятно композиции. Темный силуэт сидящей фигуры на первом плане слева и лежащие на плитах пола дети вносят некоторое разнообразие в симметричное построение картины и дают глубину второму плану. Свет, проникающий в окна, пучками падает в толпу, освещая отдельные фигуры и части фигур. Головы шахтеров силуэтами выделяются на фоне замкнутого пространства стен и пролетов окон. Колорит картины очень темный, выдержан в монохромной синеватой серой гамме, хорошо передающей холодный мерцающий свет раннего утра. «Смена» появилась на 24-й передвижной выставке в 1896 году и была приобретена П. М. Третьяковым.

И. Е. Цветков, один из крупных коллекционеров, приехав в Касаткину, просил показать купленную Третьяковым картину: «Говорят, Третьяков у Вас каких-то трубочистов купил». Познакомившись с картиной, Цветков стал говорить о том, что художник должен давать радостные краски, писать солнце, а не черный уголь и чумазые лица.

«Шахтеры» многих приводили в смущение. Смущали они и устроителей выставки, — картины Касаткина вешали на самых неудобных для зрителей местах. «Петербургский листок» 17 февраля 1897 года писал: «Большая картина Касаткина — «Уклекопы» — и сама по себе черная, повешена в темном углу высокой залы. Чтобы оценить ее достаточно, надо рассматривать ее с факелом в руке». В прессе того времени появилось много отзывов о картине. Газета «Русские ведомости» дала подробное

описание картины, отмечая, что «в ней есть нечто толстовски простое и величественное; она остается в памяти и как бы идет дальше, вместе со зрителем. У Касаткина есть и настоящее, и будущее». В «Новостях» было указано, что Касаткин «первый из русских художников решился проникнуть кистью в царство вечной тьмы».

В 1897 году на 25-ю юбилейную передвижную выставку Касаткин дал другую значительную картину — «Шахтер тягольщик», или «90 сажень под землей». К ней следующее описание:

«Подземная шахта на большой глубине, тягольщик по штреку волочит с грузом антрацита санки, привязанные цепью к поясу; на подошвах блестят подковы с острыми шипами, чтобы не скользили ноги. Нелегко дышится глубоко под землей, угнетает, давит сознание той громадной тяжести, в которую упирается согнутая спина тягольщика, волочащего санки с антрацитом. Воздух насыщен пылью угля и копотью лампочек, свет часто меркнет от отсутствия кислорода. 12 долгих часов толкал саночник по узким ходам (печкам) тяжелые санки; вверх порожние, вниз — груженные углем, словно каторжник, прикованный к тачке».

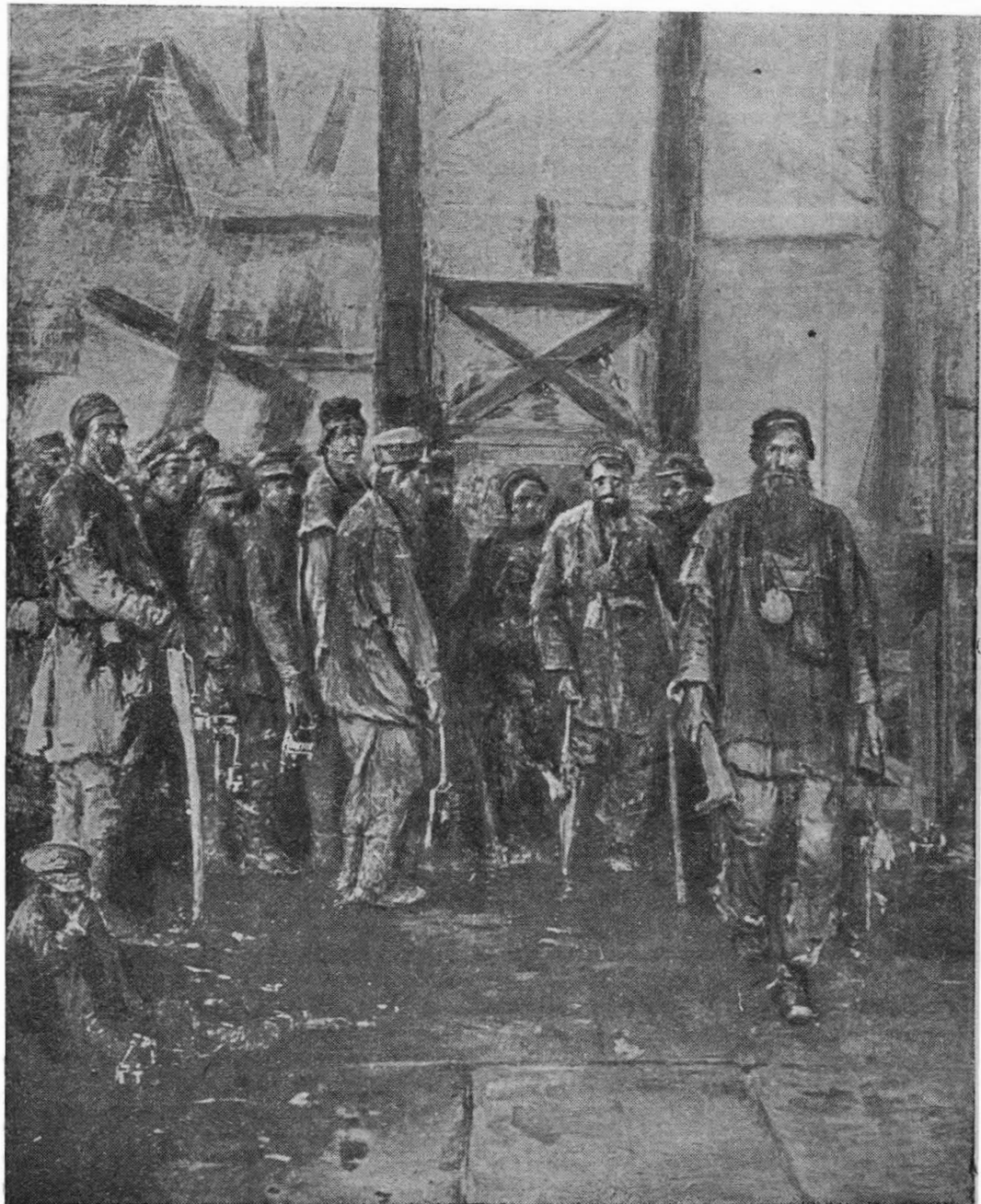
Касаткин сумел найти для картины нужную технику, хорошо передающую динамику движения саночника, а также фактуру рваных лохмотьев его костюма и каменистую поверхность подземного хода. Фигура освещена боковым, скользящим светом лампочки, отбрасывающим на стену глубокие темные тени, на фоне которых особенно хорошо выделяется рельефность фигуры. Картина написана в горячей, красновато-оранжевой гамме.

Кроме перечисленных картин, Касаткин написал целую серию портретов типичных шахтеров 90-х годов, оборванных, суровых, начиная с хромого Луки и заканчивая молодыми, одетыми уже не в лохмотья, а в шахтерскую одежду, стройными и боевыми представителями новых пролетарских кадров.

Поездка Касаткина в Донецкую область в апреле 1899 года оказалась последней.

Оставив ряд намеченных картин о быте шахтеров невыполненными, Касаткин в дальнейшей работе перешел к другой тематике и вернулся к изображению шахтеров только в послереволю-

ционный период. Но, отойдя от темы «шахтеры», он упорно держался прежнего направления, давая в своих произведениях изображение жизни и быта заводских рабочих.

Углекопы—смена. 1895 г. (деталь).

С заводами Касаткин начал знакомиться еще в период поездок в Донбасс. В письме из Юзовки в 1895 году он писал:

«Завод огромный, производит подавляющее впечатление. Условия, при которых приходится писать, таковы: стоишь на нагретых плитах, пол трясется, около бегают паровоз с раскаленными болванками; страшный лязг железа, свистки паровоза и рабочих, так что голоса человеческого не слышно. Из Юзовки уехал в нервном, удрученном состоянии: сил не стало, жара, копоть, пыль руды, угля, извести, угар от чугуна; страшный гром, рев машин, искры. Пробовал приглашать на натуру — не идут. Опять надо долго добиваться».

Ездил Касаткин в 1896 году и на Урал, был на заводе Мотовилихи в Перми и на Чусовском заводе. В июле 1901 года он едет на торфяные разработки, но вскоре, заболев лихорадкой, принужден был оставить работу на болоте.

В 1893 году появляется на выставке его картина «Милостыня», которая изображает пожилого фабричного рабочего, уделяющего часть своего скудного обеда нищей. В 1899 году Касаткин выставляет «Вагранщика» и «Забудыгу мастерового», а в 1901 году — «Жену заводского рабочего», сидящую с ребенком около завода в ожидании мужа. Далее, в 1903 году Касаткин выставил картину «Повенчались» (по улице фабричного города идут домой после венчания рабочий и его молодая жена) и «Первенец». В 1904 году были выставлены картины «Ткацкий зал» и «Пряха».

За тот же период, кроме перечисленных работ, Касаткин написал ряд картин из быта крестьян и ремесленников. Наиболее значительные из них: «В коридоре окружного суда», «Песня родины», «Кто?», «Заброшенный», «Девочка со шведскими спичками», «Без просвета», «Арестантки на свидании».

На картине «В коридоре окружного суда» (1897 г.) изображен момент прощания с женой осужденного царским правительством за уклонение от догма-

тов господствующей церкви. Картина необычайно проста по композиции и лаконична. Есть основание предполагать, что выбор сюжета этой картины произошел не без влияния Л. Н. Толстого. В период между 1889 и 1899 гг. Касаткин часто бывал в семье Толстого. Лев Николаевич неоднократно выражал свое недовольство теми сюжетами, какие брал Касаткин для своих первых картин. В письме к Л. Н. Толстому 18 февраля 1894 года Касаткин писал: «Я виноват, что картинками вынудил осуждение себе и тяжелое чувство доставил Вам, а желанием оправдаться его увеличил; меня простите, не от радости алкоголик пьет, так и я в живописи». В дневнике Л. Н. Толстого имеется ряд кратких записей, относящихся к Касаткину. 8 февраля 1889 года записано: «После обеда переводил... за исключением времени, проведенного с... и Касаткиным — милым чистым художником».

Запись, сделанная Толстым 7 марта 1889 года, особенно интересна: «Пришел Касаткин с книжкой «В чем моя вера», взволнованный, раздраженный, со слезами на глазах и, как я понял, с соболезнованием к себе и с раздражением ко мне за то, что нарушил его спокойствие, указав то, что должно делать и не могу делать. «Ты не делаешь, ты обманщик», так он и сказал мне: «это обман». Я не стану описывать, я понимаю это раздражение, оно благородно-эгоистическое, любующееся на себя».

Картина «В коридоре окружного суда» в 1900 году на Всемирной выставке в Париже была награждена серебряной медалью. Вторая картина, законченная в том же году, «Песня родины», была написана при следующих обстоятельствах. Касаткин жил в то время недалеко от деревни, где каждое лето ставили на постой драгун. Проходя однажды опушкой, он услышал хриплые звуки скрипки. Войдя в кусты, Касаткин обнаружил рядового драгуна, еврея, который уединился в лесу со своей жалкой скрипочкой. «Что вы играете?» — спросил художник. «Песню родины» — ответил драгун. Попросив драгуна не

прекращать игры, Касаткин написал с него этюд.

В следующем году Касаткин заканчивает картину «Кто?» и выставляет ее в 1898 году на передвижной выставке. Вот подробное содержание сюжета картины, изложенное самим Касаткиным:

человеком. Когда он вошел в избу и увидел жену с прижитым без него ребенком, вся звериная жестокость, воспитанная в нем царской казармой, безраздельно овладела им. «Кто?» — заревел он, стуча кулаком по столу и впиваясь в лицо жены налитыми кровью

«Кто?».

«После четырехлетней военной службы в конном строю взводный драгун возвратился в свою деревню. За несколько недель до призыва он женился, чтобы ввести в дом родителей работника вместо себя. Уходил он на службу добродушным парнем, возвращался со службы ожесточенным и озлобленным

глазами. Смертельный страх захватил сердце женщины. Ребенок робко прижался к матери».

Картина почти с репинской экспрессией передает трагизм момента и невольно заставляет представить следующий момент, еще более страшный, — дикую расправу солдата с беззащитной

женщиной. Картина войдет в историю как одно из ярких изображений ужасов семейной жизни и бесправного положения женщины в царское время.

На той же выставке были даны Касаткиным картины: «Заброшенный», «Девочка со шведскими спичками» и «Без просвета». «Заброшенный» изображает лежащего на полу в углу чулана беспризорного мальчика, прикрытого лохмотьями. Свет скудно проникает в чулан и падает только на фигуру мальчика, привлекая к нему все внимание зрителя.

Еще более сильное впечатление производит «Девочка со шведскими спичками». Согнутая по-старушечьи фигурка, бледное, худое детское личико, большие глаза с жуткой, недетской серьезностью глядят в упор на зрителя.

Появление на передвижной выставке картины «Арестант на свидании» относится к 1899 году. Она изображает свидание заключенных в царской тюрьме с их родными. Две проволочные сетки, натянутые на рамах, образуют коридор, по которому ходит тюремный надзиратель. За одной сеткой — заключенные, за другой — вольные, пришедшие на свидание. Все стараются перекричать друг друга, чтобы услышать хоть слово с противоположной стороны. Так продолжается до тех пор, пока надзиратель не завопит: «Кончай свидание!». Толпа женщин и детей, разнообразная по типу и позам, написана тщательно и производит сильное впечатление.

Поездки в шахты и на заводы Касаткин чередует с поездками за границу. Суровая обстановка работы переплетается с изучением музеев и картинных галлерей Западной Европы. В 1893 году он едет в Париж, оттуда, вместе с художником Коровиным С. А., едет в Берлин и Дрезден. В последующих заграничных поездках Касаткин посещает все наиболее крупные города Западной Европы. Сохранившиеся письма Касаткина из-за границы дают ясное представление, где он был, что видел, чем интересовался, чем был занят и что его волновало сильнее всего. В Риме его больше всего поразил портрет папы

Иннокентия X — Веласкеза. В письме к художнику И. С. Остроухову 9 января 1908 года он пишет об этом портрете:

«Ни репродукции, ни даже эрмитажные этюды не дают того, что дает эта вещь. Она дает все: непривычно, страшно, что там, в комнате Дорин, засажен за стекло на холсте живой человек... и не в смысле рельефа только, и вообще художественности, а как жизнь живая, характер, думаю, что если б я увидел его живого, то получил бы меньше».

В другом письме он пишет: «Знаете, я так люблю искусство, и чем больше живу, тем больше люблю. Вероятно, оттого, что больше его узнаю. В Неаполе я больной, в холодном музее с ледяным полом, по четыре часа, не сходя с места, работал акварелью с раскопанной добычи помпейской, — совершенно бескорыстно, только затем, чтобы быть к этому ближе... Страстно хотелось писать головы с этих дивных мраморов. Работал немного с мрамора и потолка Сикстинской капеллы Микель Анджело».

В 1898 году Касаткин получил звание академика живописи. В 1903 году был избран действительным членом Академии художеств.

В 90-е годы в среде крупных промышленников появились новые меценаты-коллекционеры, которые не задавались целью создавать галлеи национального искусства, а смотрели на свои коллекции как на развлечение и способ показать свое богатство. Идейный реализм передвижников не отвечал вкусам крупной буржуазии, и целая плеяда художников, в противовес искусству передвижников, считая себя жрецами «чистого искусства», работала над «проблемами», родившимися в связи с требованиями нового потребителя — крупной буржуазии. Новое течение в русском искусстве, названное модернизмом (а также декадентством), было отражением того направления в живописи и в литературе, которое на рубеже XIX—XX столетий стало широко распространять

по всей Европе мистицизм, эстетизм и крайний индивидуализм.

Выставки произведений художников нового направления носили название «Мира искусства». Замазывая классовые противоречия, идеологи «Мира искусства» звали к «примирению» под знаком «красоты» и старались внушить, что искусство—свободная, внеклассовая, бескорыстная деятельность, в которой «земные заботы и волнения» не должны иметь ни малейшего места. Реакционность «Мира искусства» открыто проявилась в лютой ненависти к искусству передвижников с его демократическими тенденциями. Считая разгром искусства передвижников своей основной задачей, критики из «Мира искусства» набросились на Товарищество передвижников с жестокими нападками. В рецензиях, посвященных выставкам передвижников, они особенно часто нападали на Касаткина, видя в нем представителя самой вредной, с их точки зрения, разновидности передвижников — художника, изображающего рабочих. А. Бенуа в книге «Русская живопись» пытался доказать, что «проповедническое» искусство передвижников «ужасно», а «свободное искусство» декадентов — «драгоценно». О современных ему передвижниках Бенуа писал, что они представляют собой «слабенький и уже пришибленный арьергард, который робко плетется за шестидесятилетним войском», и что «эпигоны этого направления — Касаткин, Творожников, Орлов, Богданов, Богданов-Бельский и многие другие — продолжают из года в год ныть и плакать над всевозможными грустными обстоятельствами русской жизни совершенно по рецепту, доставшемуся от отцов и старших братьев». Бенуа в своем враждебном ослеплении не заметил или не хотел заметить, что в картинах Касаткина нет ни нытья, ни народнической скорби.

Открытие первой выставки «Мира искусства», организованной Дягилевым, произошло в год смерти Третьякова — в 1898 г. Смерть Третьякова как бы ставила крест на передвижниках, а выставки Дягилева открывали дорогу художникам-модернистам.

Касаткин говорит, что смерть Третьякова «перервала дорогу» его (Касаткина) произведениям в галерею.

С появлением выставок «Мира искусства» и «Союза русских художников» от передвижников откололась значительная группа художников, близких модернистам. Передвижники все более теряли свое значение, их материальная база слабела и, хотя они продолжали существовать как организация, объединяющая значительную группу художников, но в центре общественного внимания и потребительского спроса были «Мир искусства» и родственный ему «Союз русских художников».

Наступил 1905 г. Бурные революционные события увлекли в своем вихре многих художников, не только из числа сочувствующих революции, но и других, до этого совершенно чуждых ей.

Касаткин посвятил событиям 1905 года целую серию своих картин, этюдов и рисунков: «9 января», «Тревожное», «Утро похорон Баумана», «Жертва революции», «Рабочий боевик», «После обыска», «Последний путь шпиона», «Атака завода работницами» и некоторые другие, оставшиеся незаконченными, в эскизах и набросках.

На картине «9-е января» мы видим молодую женщину, напряженно смотрящую в окно в ожидании мужа, который ушел в этот день вместе с другими рабочими подать царю петицию. При всей своей эскизности картина, однако, хорошо передает настроение женщины, встревоженной долгим отсутствием мужа.

Картина «Жертва революции» изображает лежащую на снегу около деревянного забора девушку, повидимому курсистку, убитую во время погрома черносотенной бандой или при подавлении Декабрьского восстания. На картине «Рабочий боевик» Касаткин дал типичного дружинника-рабочего, каких можно было видеть в дни восстания на Пресне в дружинах Шмидтовской и Прохоровской фабрик. На картине «После обыска» изображен разгром учреждения, обратившего на себя внимание царской охранки. Все перерыто, все перевернуто вверх дном. Одна за-

бытая на столе свеча освещает унылым светом картину разгрома. За окном брезжит синеватый предутренний рассвет. Картина «Последний путь шпиона» изображает эпизод московского Декабрьского восстания. Три дружинника — один впереди и два по бокам — ведут для расстрела пойманного полицейского шпиона. На заднем плане виднеется баррикада с фигурами дружинников на фоне здания, ярко освещенного светом пожара. Художнику хорошо удалось передать в картине тревожное, напряженное настроение. После шумного дня с треском винтовочных выстрелов, с буханьем орудий ночное затишье казалось особенно жутким, зловещим.

Картина «Атака завода работницами» относится к периоду реакции, наступившей вслед за подавлением революции 1905 года. Женщины-работницы в окрестностях Петербурга, доведенные до отчаяния ухудшенными условиями труда, атаковали фабрику, пытаясь силой добиться осуществления своих требований. Как волны морские о скалы во время шторма, бьется огромная толпа работниц-женщин и детей у высокого забора, за которым высятся фабричные стены. Валяются телеграфные столбы, летят камни в окна фабрики, в сплошную массу сплелись тела женщин, штурмующих закрытые ворота.

После поражения революции 1905 года расцветают различные виды идеалистической философии. В русской живописи появились модные западноевропейские течения: кубизм, футуризм и др. «измы», объявившие войну сначала содержанию, а потом и смыслу. Например, в программе футуристической выставки в Петрограде в 1915 году были выдвинуты следующие принципы: «Свобода предмета от смысла, уничтожение утилитарности»; «Картина есть новая концепция абстрагированных реальных элементов, лишенная смысла». Все эти упадочные художественные течения, проникнутые крайним субъективизмом и индивидуализмом, особенно широкое рас-

пространение получили в годы империалистической войны.

В годы реакции Касаткин или вовсе не появляется на выставках, или дает итальянские, турецкие, финские и другие этюды из своих зарубежных поездок. В 1910 году он выставляет странную для художника-реалиста вещь — «Спор», — изображающую рабочего и преследующую его смерть. Дореволюционный период завершается картиной «Крепостная артистка в опале» (1914 год).

С 1914 по 1922 гг. Касаткин на выставках не участвовал, только в 1916 году повторно выставляет «Крепостную артистку в опале». Он переключается на педагогическую деятельность и мотивирует свои последние зарубежные поездки желанием повысить педагогическую квалификацию. Педагогическому делу Касаткин отдал много сил и труда: в 1882 году организовал школу литографов для детей рабочих при издательской фирме народных книг и картин, в которой работал в течение 35 лет. В период с 1894 по 1916 гг. был вначале преподавателем, а потом профессором Московского училища живописи. Не навязывая готовых правил и канонов, Касаткин старался развить в учениках творческую самостоятельность и самоопределение, поддерживал все здоровое и жизненное. Касаткин следующим образом формулировал требования к ученикам, занимающимся в его мастерской:

Надо знать законы перспективы, пропорции человеческого тела, законы дополнительных цветов. Общая задача служить искусству должна объединять учеников. Каждый должен вырабатывать в себе стойкость в достижении задачи, намеченной в искусстве. Чтобы отыскать «материал по себе» и способ, наиболее для себя подходящий, надо испробовать все виды живописи: рисовать углем, карандашами, сангиной, работать акварелью, темперой, пастелью, масляной краской и т. д. Всемерно расширять знания изучением музеев, выставок, просмотром художественных изданий, образцов, всего того, что способствует выработке самостоятельного

взгляда на искусство. Основные задачи — постоянное наблюдение окружающей жизни и общение с природой.

Октябрьская революция застала искусство в состоянии глубокого распада. В первые годы после Октября, пользуясь тем, что партия была занята боевой работой на фронте и борьбой с разрухой, в органы управления делами искусства проникли люди формалистического направления: футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии, которые под видом «пролетарской культуры» старались привить рабочим в области искусств свои нелепые, извращенные вкусы.

Касаткин резко осуждал период засилья формалистов, проявивших крайнюю нетерпимость к художникам реалистам как в области педагогики, так и в живописи. Он пишет: «В течение пяти лет народное искусство находилось в плену футуристов, выделявавших на плечах рабочих свои фигуры».

В конце 1920 г. опубликовывается резолюция ЦК партии, резко изменившая положение на изо-фронте.

В 1922 году открываются первые выставки реалистов. Вначале открылась 47-я выставка Товарищества передвижников, на которую Касаткин дал больше тридцати картин: «Завоевание свободы», «Герои труда», «Донбасс» и другие. В конце того же года открылась выставка «Жизнь и быт рабочих», организованная новым обществом художников-реалистов — АХРР. Касаткин дал на выставку целую серию своих работ. С выставки АХРР ВЦСПС закупил лучшие произведения и в том числе все произведения Касаткина. После многолетнего перерыва в творчестве Касаткина наступил новый расцвет.

В январе 1923 года Президиум ВЦИК присудил Касаткину почетное звание Народного художника за выдающуюся деятельность перед рабочим классом. Выступая в день празднования этого события, Касаткин говорит: «Я испытываю чувство человека, с которого

сдвинули могильную плиту, и он поднялся на свет живым».

В 1924 году Касаткин получает командировку в Лондон для изучения труда и быта английских горнорабочих. Результат этой поездки — картины: «Выход из шахты горняков», «Развинченные рельсы ночью», ряд этюдов, портретов и незаконченных картин.

Глубоким стариком Касаткин переходит на новую тематику. Его внимание привлекают новые люди, рожденные революцией. Он пишет картины: «Вожакий пионер», «Вузовка», «С наганом», «Пионерка», «Селькор», «Комсомолка» и другие. Он задается целью дать произведения яркие, бодрящие, и ему это в значительной степени удается. В отзыве о названной серии картин рабочий фрезеровщик писал: «Так весело, что молодой художник понял нас, молодых». И действительно, по этим картинам трудно представить, что автор — семидесятилетний старик.

В письмах Касаткин все чаще и чаще жалуется на старость и трудность работы. «Сейчас работаю, — пишет он, — свою любимую «Составление в школе стенной газеты», посвященную первой годовщине смерти В. И. Ленина. Картина передает общее увлечение детей работой. И вот уже прошло три года, а еще ни с места: открываются все новые и новые трудности. Новизна или оригинальность... не знаю, лишен способности «видеть» свои вещи. Эта картина небольшая, а курс на ней я прошел большой. Жаль, что стар. Хотелось бы перейти на большой размер и задачу».

Весной 1929 года Касаткин организует свою 50-летнюю юбилейную выставку «Искусство трудящимся». «Устройство персональной выставки, случай единственный в моей жизни, — пишет он. — Беру за исходную точку: меня как будто нет. Выставка — не парад художника, а просто его вытряхивают с потрохами. Одно слово — погребальная. Художники, — иронизировал он, — предоставляющие делать посмертные выставки другим, поступают неправильно: лишаются возможности суммировать свое творчество».

Последняя вещь, над которой работал Касаткин, — «Карийская трагедия». В этой картине он пытался передать общее впечатление сибирского глухого края и мрачность тюремной обстановки. 7 декабря 1930 года, давая пояснения относительно этой картины перед художественной комиссией Музея Революции СССР, членом которой он состоял, Касаткин внезапно почувствовал себя дурно и через несколько минут умер от паралича сердца.

Смерть помешала Касаткину выполнить многие замыслы. Так, о своей неоконченной картине «Убийство селькора» он пишет: «Буду работать над картиной «Классовый враг». Если разрывать пути обязательного реализма, то искусство становится более интересным и может быть выразительным». Последняя фраза особенно интересна: Касаткин понял, что для отображения советской действительности недостаточно обычного, оформившегося в дореволюционное время реализма, нужна какая-то другая, новая форма реализма, более совершенная, богатая изобразительными средствами и насыщенная социалистическим содержанием.

Касаткина как художника борьбы и труда по его значению в русском искусстве можно поставить наряду с крупнейшими западно-европейскими художниками: Менье, Стейнленом и Кете Колльвиц. Из русских художников дореволюционного периода по своей тематике ближе всего подходит к Касаткину С. В. Иванов.

Среди того идейного и формального хаоса, какой был в искусстве предреволюционного периода, особенно удивляет сюжетная устойчивость Касаткина, монолитная цельность его творчества. В картинах тяжелого кошмарного труда и его исключительно мрачной обстановки Касаткин с мастерством подлинного реалиста сумел передать пролетарскую несокрушимую веру в грядущие победы над классовым врагом. Рабочие в картинах Касаткина поданы с определенной, социально-пролетарской точки зрения: в них чувствуется мощная сила

класса, с его волевым стремлением к борьбе. Эти картины Касаткина в мрачные годы реакции сыграли большую агитационную роль. Классовая заостренность произведений Касаткина, социальная окраска его тематики делают его особенно близким нашей эпохе. Касаткин близок нашей современности также самым методом работы, своим пониманием задачи художника и всего творческого процесса. По методу работы Касаткина следует признать одним из первых зачинателей социалистического реализма. При жизни Касаткина еще не были найдены принципы советского искусства, так просто и гениально определенные товарищем Сталиным как искусство социалистического реализма. Касаткин первый из художников сумел найти творческий метод, который в настоящее время можно считать отправным для метода социалистического реализма. В статье «Художественный труд» Касаткин пишет: «Художнику пролетариата нужны не только реализм форм и цвета, но и пролетарская реальность наблюдения».

Касаткин проявил себя как сознательный сторонник глубоко правдивого реализма, каким должен быть социалистический реализм. Произведения его понятны и близки рабочему классу и широким слоям трудящихся. И недаром по окончании гражданской войны, когда пролетарское государство могло заняться вплотную делами искусства, Касаткин был награжден почетным званием Народного художника. Во время чествования А. В. Луначарский приветствовал его как первого народного художника «у которого надо учиться героическому суровому реализму».

Высоко ценил Касаткина и величайший русский реалист И. Е. Репин. Так в письме к нему он пишет:

«...сколько бы ни жило человечество, чего бы ни пережило оно в будущем, Ваши вклады в сокровищницу времени вечно будут расти в своей ценности, и интерес к ним никогда не зарастет плеведами, народ тяжелыми ступнями пробьет к ним столбовую дорогу».

Библиография

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★ К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция в Испании. Статьи, корреспонденции 1854—1873. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. Стр. 206. Цена 3 руб.

Летом 1854 года в испанской армии вспыхнуло восстание. Восстание это вскоре превратилось в революцию, охватившую всю страну. Маркс и Энгельс с напряженным вниманием следили за развитием испанской революции. Настоящая книга открывается серией статей К. Маркса, опубликованных в сентябре — декабре 1854 года в газете «Нью-Йоркская трибуна». Статьи озаглавлены «Революционная Испания» и содержат анализ испанской истории XVI—XIX вв.

Ряд заметок и статей Маркса написан по горячим следам революционных событий 1854 года. Они вскрывают особенности испанской революции 50-х годов и коренные причины ее поражения. Статья Ф. Энгельса освещает военную историю Испании. Три корреспонденции Энгельса посвящены войне в Испанском Марокко. В заключение дана работа Энгельса — «Бакуисты за работой». Анализируя причины поражения восстания в Испании в 1873 году, автор вскрывает гибельность анархистской тактики, особенно в период революционных боев.

★ Н. Щедрин. Полное собрание сочинений. Том XVI. Вступительная статья Н. Мещерякова. Гослитиздат. Москва, 1937 г. Стр. 789. Цена 6 р. 50 к.

Очередной выпущенный в свет том произведения великого сатирика включает сказки и два цикла очерков Щедрина — «Пестрые письма» и «Мелочи жизни». В цикле «Мелочи жизни» — очерки: «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений», «В сфере влияния», «Портной Гришка», «Имя рек» и др. В одном из писем (цикл «Пестрые письма») в образе Передрягина Щедрин изображает «деятельность» русских чиновников и генералов, сочинявших конституцию для Болгарии, беспощадно высмеивает русское самодержавие в роли творца болгарской конституции.

★ Ф. Панферов. Бруски, книга IV — Творчество. Гослитиздат. «Роман-газета»; №№ 6 и 7. Москва, 1937 г. Стр. 174. Цена двух номеров — 1 р.

Роман «Творчество» является последней частью четырехтомного произведения Панферова «Бруски». Основная идея романа та, что труд в нашей стране — творческий труд, что все труженики социалистического общества являются настоящими творцами. Автор показывает в этом романе рост нового человека, завоевание женщиной равных прав с мужчиной. Последние главы романа подводят читателя к событиям настоящего года.

★ Генрих Манн. Голова. Роман. Перевод с немецкого. Н. Касаткиной. Гослитиздат. Москва. 1937 г. Стр. 562. Цена — 9 р. 25 к.

Этот большой социальный роман, над которым автор работал в течение 7 лет, является заключительной частью трилогии. (Две первые части — «Верноподданный» и «Бедняки» выпущены ранее) В книге изображена в сатирической форме вильгельмовская Германия в период, предшествовавший империалистической войне. Автор рисует фигуры заправил довоенной Германии — кайзера и его рейхсканцлеров, главнейшей военной промышленности, депутатов рейхстага и др., обнажая политику истинных поджигателей войны, определившую пути «Третьей империи».

★ Эпто и Синклер. No rasagan. Гослитиздат. Москва, 1937. Стр. 158. Цена 1 р.

Книга Синклера посвящена процессу формирования антифашистского фронта в защиту Испанской республики и борьбе Интернациональной бригады в Испании против фашизма. Синклер показывает превращение политически неуклюжего человека, выходящего из буржуазной среды, в активного антифашистского борца, обнажает подлинное содержание деятельности американских групп немецкого фашизма, сводящейся к насилию и провокации.

★ Лионель де-ля Лоранси. Французская комическая опера XVIII в. Перевод с французского, вступительная статья и комментарии Н. Вольтер. Музгиз. Москва, 1937. Стр. 155. Цена 3 р. 50 к.

Эта выдающаяся работа по истории музыки принадлежит перу известного французского музыковеда (умер в 1934 г.). Автор описывает историю возникновения и развития жанра французской комической оперы XVIII века, рожденного на ярмарках Парижа и бурно поддержанного широкими массами. Книга содержит большой фактический материал.

★ Архив в полковника Хауза. Подготовил к печати проф. Чарлз Сеймур. 2 тома. Союзгиз. Москва. 1937 г. Цена двух томов 12 р.

Книга содержит архив (мемуары, переписка) полковника Хауза, одного из виднейших политических деятелей Соединенных Штатов Америки во время президентства Вильсона. Не занимая никакого официального поста, полковник Хауз являлся закулисным руководителем политики Вильсона и участником важнейших мероприятий в области внутренней и внешней политики.

В первом томе собрана переписка с президентом Вильсоном и политическими деятелями западно-европейских стран накануне и в начале империалистической войны. Письма освещают

закулисные переговоры Хауза с рядом политических деятелей Англии и Германии о возможности мирного разрешения военного конфликта.

Второй том охватывает период империалистической войны. Здесь приводятся письма и высказывания по поводу провала предложений о мире, сделанных Хаузом при посещении Европы в 1916 году.

★ «Наша страна». №№ 1, 2, 3, 4. Ежемесячный журнал. Изд-во «Жургазоб'единение». Цена одного номера 3 р.

Новый журнал «Наша страна» посвящен изучению СССР. Журнал ставит перед собой задачу показать грандиозный размах творческих сил страны — в ее хозяйстве, культуре и быте.

В выпущенных номерах читатель находит довольно разнообразный материал. Здесь очерки о вулканах Камчатки, об озерах Казахстана, о

горах наших союзных республик, о богатствах Урала, о красоте горных ущелий Ховсугетии, привлекающих туриста. Очерки о мастерах Хохломы, о творцах художественных изделий из уральских самоцветов. Статьи ученых, информирующие о важнейших событиях в области науки. Наряду со статьями и очерками в журнале отведено место образцам фольклора: «Сказки и песни Урала», сказка «Про Северный полюс», «Песни и сказки народов Севера». Художественное творчество народов СССР представлено также в ряде рисунков, демонстрирующих расцвет национального искусства.

В разделе «Страны мира» — исторические очерки, о зарубежных странах: Испании, Китае, Японии.

Журнал иллюстрирован рисунками и фотоснимками, снабжен многоцветными географическими картами. Печатается на хорошей бумаге.

Редколлегия

А. И. Безыменский.
Ф. В. Гладков.
Л. М. Леонов
А. Г. Мальшкин.
В. П. Ставский.

Издатель: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

